1658

1904

БИБЛІОТЕКА
КОЛОМЕНСКАГО
КОММЕРЧЕСКАГО СОБРАНІЯ

Записки Василія Антоновича Инсарскаго.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ [1]).

I.

Мое возвращеніе въ Тифлисъ.—Поиски финансоваго человѣка.—Интриги противу меня.—Борьба князя съ дурными народными обычаями.—Безпрерывныя заботы его о всевозможныхъ улучшеніяхъ, разбиваемыя фразою: „несогласно съ законами".—Стремленіе князя замѣнить при тостахъ шампанское кахетинскимъ.—„Милые опекуны" князя.—Личность К—на въ дѣловомъ отношеніи.—Робость его предъ княземъ.

Пріѣздъ нашъ въ Тифлисъ совершился благополучно. Слѣдя за впечатлѣніями, какія новый край производилъ на мою жену, я не могъ не замѣтить, что они не благопріятны; она смотрѣла на все равнодушно, или даже непріязненно. Я утѣшалъ себя надеждою, что время, этотъ могущественный цѣлитель всевозможныхъ ранъ, перемѣнитъ это душевное настроеніе: печаль ослабится, а выгоды новаго значительнаго и вліятельнаго моего положенія пріобрѣтутъ должную оцѣнку. Надежда эта, однако же, какъ послѣдствія покажутъ, не оправдалась. Ясно было, что за эти выгоды этого новаго положенія я долженъ былъ поплатиться ущербомъ въ стройности моего семейнаго быта. Когда жена моя увидала старшаго нашего сына Анатолія, котораго я прежде увезъ съ

[1]) Первыя три части интересныхъ записокъ Инсарскаго были помѣщены «Русской Старинѣ» въ 1897—1898 годахъ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

собою и помѣстилъ въ пансіонъ Гаке, считавшійся лучшимъ въ Тифлисѣ, она пришла въ ужасъ: до такой степени онъ преобразился изъ приличнаго петербургскаго мальчика въ туземнаго «бичо». Сосредоточивая въ себѣ татаръ, грузинъ, армянъ, пансіонъ этотъ, дѣйствительно, не могъ не имѣть сильнѣйшаго вліянія на нашего сына: видомъ, манерами, рѣчью онъ въ самомъ дѣлѣ сталъ походить на сына какого-нибудь мѣстнаго татарскаго бека или грузинскаго князя. Немедленно было рѣшено отправить его, такъ или иначе, опять въ Петербургъ, чтобы спасти отъ окончательнаго и пагубнаго превращенія, къ чему я и сталъ принимать соотвѣтственныя мѣры, въ ряду которыхъ зачисленіе его въ воспитанники Императорскаго училища правовѣдѣнія было первымъ моимъ дѣломъ.

Придерживаясь, однако, того убѣжденія, что семейныя мои обстоятельства должны входить въ мои разсказы только въ тѣхъ случаяхъ, когда они или сами по себѣ представляютъ какой-либо интересъ, или имѣютъ соотношеніе съ моимъ, такъ сказать, политическимъ положеніемъ, я спѣшу обратиться къ дѣловому міру, который, въ этотъ періодъ, кипѣлъ различными новыми идеями подъ вліяніемъ сильнаго воображенія, какъ говорили другіе, или несомнѣннаго творчества князя [1]), какъ я всегда думалъ и утверждалъ.

По возвращеніи моемъ въ Тифлисъ, я тотчасъ занялся обработкою мысли князя о ревизіи или «составленіи картины» края, о которой я выше говорилъ.

При исполненіи этого труда, я проводилъ, между прочимъ, ту мысль, что ревизія, направленная собственно на присутственныя мѣста, не можетъ принести большихъ плодовъ; что надо взглянуть глубже на тѣ предметы, на которые доселѣ мало или вовсе не смотрѣли: нравственное состояніе народа, естественныя богатства края, состояніе торговли и промышленности, однимъ словомъ, на все то, что можетъ вести правителя къ общему поднятію края, а не къ замѣнѣ однихъ плохихъ чиновниковъ другими, столь же плохими.

И, дѣйствительно, я былъ глубоко убѣжденъ, и весьма часто высказывалъ князю это убѣжденіе, что для него всего нужнѣе одинъ изъ тѣхъ талантливыхъ финансовыхъ людей, которые какъ-то умѣютъ чутьемъ угадывать, гдѣ кроется нетронутая сила народнаго богатства, и своими мѣрами поднимать благосостояніе цѣлой страны. Между тѣмъ кругомъ князя были многіе, безспорно умные люди, но нисколько не подходившіе къ тому финансовому идеалу, о которомъ я мечталъ. Но если цѣлая Россія ищетъ и не находитъ министра финансовъ и по необходимости ставитъ на это мѣсто самыхъ ординарныхъ чиновниковъ, то

[1]) Барятинскаго.

понятно, что для князя еще труднѣе было найти своего министра финансовъ.

До пріѣзда нашего на Кавказъ финансовою репутаціею тамъ пользовался тотъ же пресловутый Д—си, такъ что во всѣхъ денежныхъ дѣлахъ, вносимыхъ въ Совѣтъ, его слово имѣло, какъ говорили, огромный вѣсъ, какъ неопреодолимаго спеціалиста. Репутація эта вѣроятно имѣла то происхожденіе, что Д—си завѣдывалъ таможенными сборами. Но я говорилъ уже, что при малѣйшемъ прикосновеніи къ этому господину новыхъ идей князя оказалось, что, несмотря на свое французское прозвище, онъ былъ только закоренѣлый рутинеръ и никакихъ финансовыхъ талантовъ рѣшительно не имѣлъ. Затѣмъ князь, совершенно раздѣляя мои убѣжденія о необходимости найдти во что бы то ни стало финансоваго человѣка, присматривался, не кроется-ли этотъ финансовый человѣкъ въ лицѣ барона То—ау, такъ смѣло и торжественно взявшагося за огромное коммерческое предпріятіе; но быстрое паденіе этого предпріятія скоро разрѣшило вопросъ.

Пословица говоритъ: «на безрыбье и ракъ рыба». Сама необходимость заставила взять Х—ва, но скоро въ немъ и разочароваться.

Еще въ Каджарахъ, когда, бывало, стоишь въ кабинетѣ князя и докладываютъ о Х—вѣ, князь дѣлалъ уже гримасы и нетерпѣливо говорилъ: «какой скучный человѣкъ!», хотя дружбѣ ихъ прошло только нѣсколько мѣсяцевъ. И, дѣйствительно, многословный до безконечности Х—въ утомлялъ князя длиннѣйшими объясненіями о какомъ-нибудь вздорѣ. Съ другой стороны въ немъ не было ни привычки, ни таланта къ быстрому пониманію идей князя, и отъ этого происходило то, что какая-нибудь серьезная бумага передѣлывалась нѣсколько разъ, а въ заключеніе все-таки переходила въ другія руки. Потомъ, съ приближеніемъ преобразованія всего главнаго управленія, князь положительно уже и не одинъ разъ говорилъ мнѣ: «я ошибся; онъ не способенъ къ этому мѣсту».

Ясно было, что Х—ву готовится другое положеніе. Какое же? Прежняя практика его въ должности предсѣдателя казенной палаты значительно объясняла и разрѣшала этотъ вопросъ. По Тифлису заранѣе, шутливымъ образомъ, стали называть его министромъ финансовъ, и замѣчательно, что Х—въ гордился потомъ этимъ наименованіемъ.

И, дѣйствительно, когда преобразованіе состоялось, Х—ву порученъ былъ финансовый департаментъ; но увы! это былъ такой же министръ на Кавказѣ, какъ какой-нибудь Р. или Б. въ Россіи, ни чуть не лучше и не хуже.

Впрочемъ, я забѣжалъ впередъ, по своей привычкѣ; группируя эти обстоятельства, я хочу показать только соотношеніе ихъ съ дѣломъ ревизіи или обозрѣнія края. Въ моихъ соображеніяхъ по этому вопросу я

именно хотѣлъ освѣтить тѣ точки, на которыхъ отыскиваемый нами финансовый человѣкъ могъ развернуть свою благодатную распорядительность. Къ сожалѣнію, ни та, ни другая цѣль не достигнуты: лѣнивый К—бу отступилъ отъ этихъ соображеній и остался въ предѣлахъ канцелярскаго міра; а финансовый человѣкъ не отыскивался, и когда заходила объ этомъ рѣчь съ княземъ, онъ говорилъ: «что прикажете дѣлать? гдѣ его взять? надо только наблюдать, чтобы важные финансовые вопросы они разсматривали втроемъ (т. е. Х—въ, Д—си и баронъ Т.), все-таки лучше!» Но и это никогда не исполнялось уже потому собственно, что Х—въ, управлявшій финансовымъ департаментомъ, считалъ себя, какъ всегда и во всемъ, геніемъ, не имѣющимъ надобности ни въ какихъ совѣтахъ и способнымъ, напротивъ того, освѣщать своею мудростью дѣятельность другихъ, къ какому бы роду она ни относилась; въ то же время въ отношеніяхъ его къ Д—си существовали шпильки на томъ основаніи, что завистливый Д—си не могъ равнодушно видѣть, что въ новомъ устройствѣ главнаго управленія онъ не имѣлъ уже почти никакого значенія и что финансовою репутаціею, на которой онъ такъ долго покоился, силится завладѣть тотъ же Х—въ.

Мнѣ трудно было бы исчислить всѣ разнородныя порученія, которыми князь болѣе и болѣе меня надѣлялъ и потому, мимо ихъ, я прямо перехожу къ наиболѣе важному, особенно въ то время, положенію, къ которому я былъ призванъ довольно неожиданно. Дѣло въ томъ, что въ концѣ того же 1857 года, директоръ канцеляріи выпросилъ продолжительный отпускъ на родину, и я долженъ былъ заступить его мѣсто. Я говорилъ уже о томъ значеніи, какое имѣла канцелярія намѣстника въ то время. Всѣ безъ исключенія гражданскія части сосредоточивались въ ней, начиная отъ какой-нибудь медицинской и кончая судебной. Директоръ канцеляріи былъ страшный, по силѣ и могуществу, человѣкъ. К—нъ не былъ впрочемъ страшенъ, потому что въ душѣ былъ добрякъ высочайшей степени и, какъ говорится, мухи не былъ въ состояніи обидѣть; таковъ же, по разсказамъ, былъ и Щербининъ, его предмѣстникъ, потомъ сенаторъ, а затѣмъ начальникъ цензурнаго управленія. Но о какомъ-нибудь Сафоновѣ, предмѣстникѣ Щербинина, разсказывали просто чудеса: до такой степени онъ заставилъ трепетать весь чиновничій міръ отъ губернатора до смиреннаго канцелярскаго чиновника. Однимъ словомъ, канцелярія была то, что впослѣдствіи было главное управленіе намѣстника, а директоръ то, что начальникъ главнаго управленія, если не больше и сильнѣе.

Понятно, что здѣсь личность начальника канцеляріи, главнаго и единственнаго докладчика намѣстнику, составляла для всего гражданскаго міра самый животрепещущій вопросъ. Какая личность была прежній

начальникъ, всѣ знали; какою личностью былъ я—почти никто не зналъ. Между тѣмъ царствующія на Кавказѣ интриги успѣли значительно уже задѣть и меня. Всему человѣчеству какъ-то свойственно подкидывать камни подъ ноги тому, кто опе режаетъ другихъ и за фалды осаживаетъ его назадъ; этотъ принципъ, столь свойственный святой заповѣди Христа: «люби ближняго какъ самого себя», царствуетъ повсюду; но нигдѣ онъ не имѣетъ такого обширнаго практическаго приложенія, какъ на Кавказѣ. Стоитъ кому-нибудь выдвинуться впередъ, чтобы все остальное накинулось на него.

Такъ было и со мной. Не говоря о томъ: расположенъ-ли я былъ по природѣ своей дѣлать зло своимъ ближнимъ, я не могъ еще имѣть физической возможности, только-что пріѣхавъ на Кавказъ и не имѣя еще никакой самостоятельности, сдѣлать какое-либо зло какому-нибудь изъ моихъ туземныхъ ближнихъ. Кромѣ того, если бы я былъ прирожденный подлецъ и интриганъ, то и въ такомъ случаѣ, по разсчетамъ разума, въ которомъ я никогда не ощущалъ недостатка, я припряталъ бы эти милыя свойства до времени и на первыхъ порахъ прикинулся бы кроткимъ и незлобивымъ агнцемъ. Никакихъ положительно причинъ и побужденій интриговать противу меня не существовало; а между тѣмъ интриги уже дѣйствовали, невѣдомо для меня самого. Свое вступленіе въ управленіе канцеляріею я считалъ дѣломъ совершенно простымъ, естественнымъ и рѣшительно никого не затрогивающимъ. На дѣлѣ было совершенно не такъ. Интрига высунула свою отвратительную физіономію при обстоятельствѣ, совершенно ничтожномъ и тамъ, гдѣ менѣе всего можно было ее ожидать.

При отъѣздѣ К—на возникло предположеніе задать ему прощальный праздникъ, безъ котораго, какъ я уже говорилъ, никто не уѣзжаетъ съ Кавказа. Ужъ не помню почему, явилось, однако же, какое-то колебаніе въ осуществленіи этого предположенія. Я явился самымъ жаркимъ и усерднымъ защитникомъ его и въ своихъ доказательствахъ приводилъ, между прочимъ, тѣ общія мѣста, которыя такъ употребительны во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, какъ напр.: «Всѣ мы подъ Богомъ» или «Богъ знаетъ, увидимся-ли?» и т. п. Этого было достаточно, чтобы дать пищу интригѣ. Слова эти разнеслись по Тифлису и приняли такое значеніе, что я будто заявляю ими, что К—нъ уже не возвратится, и я окончательно занимаю его мѣсто. Такое милое толкованіе дошло до меня на другой день праздника, гдѣ я говорилъ одну изъ рѣчей, гдѣ, при общихъ громкихъ рукоплесканіяхъ, проводилъ ту мысль, что если въ этотъ моментъ кавказскій гражданскій міръ сливается въ одномъ единодушномъ желаніи, такъ это именно въ желаніи, чтобы К—нъ скорѣе возвратился и что я, лично, прошу только Бога дать мнѣ силы, умѣнье, возможность поддержать на

этотъ краткій періодъ тѣ гуманныя начала, которыя пріобрѣли ему такую горячую любовь и преданность во всѣхъ классахъ и сословіяхъ.

Когда мнѣ передали злохитростное толкованіе моихъ искреннихъ словъ, чуждыхъ всякой затаенной мысли, я смекнулъ, что, при безграничной мнительности и подозрительности князя, оно произведетъ и на него не совсѣмъ хорошее впечатлѣніе. Нѣтъ сомнѣнія, что князь отвергнетъ справедливость этого толкованія; но можетъ замѣтить съ перваго же разу, что я не имѣю довольно такту, сдержанности, осторожности, чтобы выгодно держаться на томъ высокомъ положеніи, которое принадлежало въ краѣ директору канцеляріи намѣстника. Подъ вліяніемъ этого соображенія, я рѣшился разсказать князю, какъ было дѣло и какая сочинена сплетня. Князь, я живо помню, внимательно и какъ-то задумчиво меня выслушалъ:

— Да, я уже слышалъ объ этомъ,—сказалъ онъ,—это дѣйствительно неосторожно; будьте осторожнѣе; на васъ всѣ пристально смотрятъ! Ну, а какое вино вы пили при тостахъ?

Чтобы понять этотъ, повидимому, странный вопросъ, я долженъ сдѣлать значительное отступленіе. Многіе, претендуя на близкое знаніе натуры князя, говорили: «это человѣкъ съ большимъ воображеніемъ». Мнѣ, который имѣлъ возможность изучить князя болѣе, чѣмъ кто-либо, такое опредѣленіе кажется далеко не точнымъ и, главное, недостаточнымъ, хотя оно несравненно снисходительнѣе того нелѣпаго опредѣленія, созданнаго его врагами, которое отказывало ему рѣшительно во всемъ и низводило его на степень даже совершенно бездарнаго человѣка. Что такое воображеніе въ государственномъ человѣкѣ? Можетъ-ли оно, одно, само по себѣ, служить вѣрною основою государственной дѣятельности! Напротивъ, не увлечетъ-ли оно, это сильное воображеніе, не подкрѣпляемое ничѣмъ другимъ, къ ряду разнородныхъ административныхъ глупостей? Я всегда признавалъ князя, и теперь признаю, человѣкомъ положительно одареннымъ громадною силою творчества. Если онъ не былъ способенъ къ упорному, бумажному труду, на которомъ съ такою славою выѣзжаютъ другіе наши государственные люди, то съ другой стороны онъ самъ не имѣлъ силы на минуту остановить процессъ своего мышленія, своей изобрѣтательности, своего творчества. «Кухня» его, которою онъ называлъ свою прекрасную голову, ни на минуту не переставала работать; въ ней ежеминутно, безпрерывно что-нибудь изготовлялось. Прогулки пѣшкомъ или верхомъ, которыя вообще считаются и принимаются за отдыхъ отъ умственныхъ занятій государственнаго человѣка, были для князя минутами самыхъ сильныхъ умственныхъ занятій. Онъ без-

прерывно возбуждалъ новые вопросы: можно-ли это сдѣлать? нельзя-ли такъ устроить?

Къ сожалѣнію, окружающіе его, ближайшіе его помощники, съ одной стороны далеко не подходящіе по плечу князю, по самой природѣ своей, а съ другой, какъ люди дѣловые, страшно зараженные рутиной, были очень не подъемисты сравнительно съ милыми, свѣтлыми и разнообразными идеями, которыми осыпалъ ихъ князь. Подобныя атаки они встрѣчали большею частію упорствомъ, скрѣпленнымъ казеннымъ, такъ сказать, цементомъ. «Не согласно съ законами», отвѣчали они на проекты князя. Князь, плохой законникъ, смиренно отступалъ и весьма часто жаловался мнѣ на законы. «Боже мой,—говорилъ онъ нерѣдко,—что это за законы наши? Что ни придумаешь, что ни предложишь, все говорятъ «несогласно съ законами!» Но тамъ, гдѣ не ставили ему этой преграды, онъ былъ неудержимъ.

Одаренный сильнымъ умомъ и величайшею наблюдательностью, князь постоянно имѣлъ запасъ своихъ творческихъ идей, которыя касались не только сферы государственной дѣятельности, но проникали, такъ сказать, въ самую глубь частныхъ и общественныхъ отношеній народа. Онъ находилъ, что одни обычаи и порядки надо всевозможно поддерживать, другіе разрушать всѣми средствами. Къ крайнему огорченію его ничтожныхъ завистниковъ, я долженъ засвидѣтельствовать, что нравственное состояніе народа, его благоденствіе—было главнѣйшею задачею его правленія, его жизни. Еще въ молодыхъ лѣтахъ, блестящимъ юнымъ ротмистромъ, онъ уже смотрѣлъ серьезно на этотъ предметъ и, какъ я выше говорилъ, порядкомъ мучилъ меня различными сочиненіями, сюда относящимися. Понятно, что, ставъ могущественнымъ правителемъ страны, онъ съ любовію старался приложить къ дѣлу свои завѣтныя мысли. Нѣтъ сомнѣнія, что многія изъ этихъ идей дѣйствительно были неприложимы; другія могли бы быть съ пользою приложимы, если бы не разбивались объ упорство помощниковъ его и неодолимый для него отзывъ: «несогласно съ законами»; третьи, наконецъ, могли бы оставить блестящіе слѣды его мудрой, благодатной дѣятельности, если бы первое время его управленія Кавказомъ не было поглощено исключительно военными дѣлами, которыя онъ привелъ къ такому окончанію, которое, если не оцѣнено теперь, какъ должно, неблагодарными современниками, то будетъ непремѣнно оцѣнено справедливымъ потомствомъ, а потомъ болѣзни, постоянно осаждавшія его, вынудили его покинуть Кавказъ съ страшнымъ ущербомъ для его славы.

Разстаюсь съ этимъ не въ мѣру многорѣчивымъ отступленіемъ и возвращаюсь къ вопросу князя: какимъ виномъ были питы тосты на проводахъ К—на? Дѣло въ томъ, что князь Александръ Ивано-

вичъ считалъ многіе обычаи, укоренившіеся въ нашемъ обществѣ, въ нашемъ народѣ, глупыми или вредными. Но ни одинъ изъ этихъ обычаевъ не возбуждалъ въ немъ такого сильнаго протеста, какъ обычай провозглашать тосты непремѣнно съ шампанскимъ въ рукахъ. Глупымъ онъ находилъ его потому, что пить чье-нибудь здоровье можно всякимъ виномъ, потому, что собственно вино не имѣетъ здѣсь никакого отдѣльнаго значенія и не увеличиваетъ, ни уменьшаетъ цѣны тоста. Вреднымъ этотъ обычай онъ признавалъ уже потому, что онъ разорителенъ для многихъ.

— Каждый бѣдный чиновникъ,—говорилъ князь,—даже писарь какой-нибудь, унтеръ-офицеръ, празднуя свои именины, напр., непремѣнно изъ кожи лѣзетъ, чтобы купить шампанскаго, и убиваетъ на это послѣднія свои деньги.

Потомъ князь развивалъ ту мысль, что въ краѣ есть прекрасное и дешевое кахетинское вино, которое точно такъ же можетъ служить для тостовъ, какъ и шампанское, не разоряя никого.

— Я нисколько не противъ того,—продолжалъ князь,—чтобы любители шампанскаго пили его, сколько имъ угодно, но пили, какъ всякое другое вино, въ продолженіе стола или послѣ него; но хочу, чтобы оно потеряло свою нелѣпую связь съ тостами, связь, ради которой убыточатся многіе недостаточные люди.

Тема эта служила основаніемъ для разнообразныхъ соображеній и разсказовъ князя. Всѣ слушали его, разумѣется, поддакивали, хотя про себя таили сомнѣніе, чтобы стремленія князя въ этомъ отношеніи могли успѣшно осуществиться на дѣлѣ. И, дѣйствительно, когда онъ пошелъ войною противъ этого обычая, оказалось, что побѣдить и уничтожить его было труднѣе, чѣмъ побѣдить и уничтожить самого Шамиля. Шамиль низверженъ, а шампанское во всей силѣ своей игривой прелести и своего могущества существуетъ. Князь началъ съ того, что на своихъ обѣдахъ и балахъ сталъ провозглашать тосты кахетинскимъ, разрѣшая, впрочемъ, посѣтителямъ, которые не равнодушны къ шампанскому, требовать его и пить сколько угодно, но только какъ обыкновенное вино, прежде или послѣ тостовъ, и никакъ при тостахъ. Могущество намѣстника на Кавказѣ таково, что если бы ему вздумалось предложить пить при тостахъ, вмѣсто шампанскаго, не только кахетинское, но простую воду, то и тогда всѣ, особенно въ его присутствіи, стали бы пить и находить, что это и умно, и здорово, и экономически, однимъ словомъ, въ тысячу разъ лучше, чѣмъ пить шампанское. Поэтому, наиболѣе видныя персоны распространяли свое благоговѣніе къ нововведенію князя до того, что и въ своихъ домахъ слѣдовали ему; несмотря на такое подобострастіе, замѣтно было, что существовалъ какой-то глухой протестъ

противу стремленій князя; молодежь, для которой питейная часть составляла главную задачу тифлисской жизни, въ дружескихъ кружкахъ явно бунтовалась; однимъ словомъ, чѣмъ болѣе шампанское было подавляемо въ домѣ самого князя и въ домахъ знатныхъ особъ, тѣмъ болѣе оно пользовалось сочувствіемъ и поддержкою тамъ, куда, по соображеніямъ, не могли достигнуть глазъ и ухо повелителя страны.

Такъ было и на проводахъ К—на. Шампанское, можно сказать, лилось рѣкой. Рѣчей было множество, и каждая была заливаема обильными струями сего веселаго, великолѣпнаго вина. Проповѣди князя, въ которыхъ онъ взывалъ о пользѣ и необходимости замѣнить въ подобныхъ случаяхъ дорогое шампанское скромнымъ и дешевымъ кахетинскимъ, рѣшительно были забыты въ эту минуту. Поэтому ясно, что когда внезапно, на другой день, князь атаковалъ меня вопросомъ: какое вино пили при тостахъ?—я почувствовалъ нѣчто въ родѣ того, что̀ испытываетъ пойманный въ какомъ-нибудь проступкѣ школьникъ. Углубленный весь въ исторію о сплетнѣ, которая меня занимала, я менѣе всего думалъ о винѣ, которое мы пили наканунѣ, и только въ минуту сдѣланнаго мнѣ княземъ, совершенно не ожиданно, вопроса, увидѣлъ, что эта статья займетъ князя гораздо сильнѣе, чѣмъ хитросплетенныя нападки на мое служебное положеніе. Послѣ минутнаго колебанія, я какъ-то трусливо, сквозь зубы, сказалъ: — шампанскимъ.

— Очень жаль, — какъ-то печально замѣтилъ князь. — Вы знаете мое мнѣніе на этотъ счетъ.

Я не зналъ, что отвѣчать, хотя сознавалъ, что не отъ меня зависѣло заставить все огромное и подгулявшее общество пить тосты кахетинскимъ, а не шампанскимъ. Я зналъ, что если бы я сдѣлалъ подобное приглашеніе, меня бы осмѣяли, а можетъ быть втихомолку назвали бы подлецомъ, даже въ минуты разгула думающимъ, какъ бы угодить князю, хотя бы для этого нужно было стѣснить всю достопочтенную компанію пріятелей и сослуживцевъ. Наконецъ, тутъ были многія значительныя лица, на которыхъ лежалъ болѣе обязательный, чѣмъ на мнѣ, долгъ сдѣлать поддержку этому нововведенію. Все это мигомъ мелькнуло въ моей головѣ, и, подъ вліяніемъ этихъ мыслей, я сказалъ нерѣшительно князю:

— Ваше сіятельство, тамъ было такъ много...

— Вотъ тутъ-то и слѣдовало меня поддержать, — живо возразилъ князь, — именно потому, что было большое общество. Именно среди большихъ собраній и должно проводить мою идею, потому что она выставляется рельефнѣе и разомъ дѣлается извѣстною мно-

гимъ. Если вы будете поддерживать ее въ маленькихъ дружескихъ вашихъ кружкахъ, она тамъ и останется, а мнѣ вовсе не это нужно. Вѣдь вы не разоритесь на шампанское... Мнѣ нужно, чтобы она перешла въ массы, а для этого именно нужно, чтобы вы и другія ближайшія ко мнѣ лица заявляли ее и отстаивали среди большихъ собраній. Объ этомъ я прошу васъ убѣдительно. Согласитесь, что если я не буду находить поддержки въ моихъ приближенныхъ, ничего и не выйдетъ. Будемъ дѣйствовать дружно и общими силами.

Получивъ такое опредѣленное приказаніе, я долженъ уже былъ исполнять его такъ же ревностно и усердно, какъ исполнялъ и всѣ другія порученія князя. Я говорилъ уже, что въ Тифлисѣ безпрерывно совершаются какіе-нибудь праздники, то по поводу пріѣзда кого-нибудь, то по случаю отъѣзда, то по случаю полученія кѣмъ-нибудь новаго мѣста и т. п. Директоръ канцеляріи, по самому положенію своему, неизбѣжная жертва этихъ праздниковъ. Его всюду и всегда таскаютъ. То же было и со мной. Пріѣзжая на какой-нибудь обѣдъ я, прежде всего, обращался къ распорядителямъ съ вопросомъ: какое вино будутъ пить при тостахъ, прибавляя, что если будутъ пить шампанское, а не кахетинское, то я не могу остаться на праздникѣ. Такое заявленіе было такъ многозначительно, что всегда имѣло полнѣйшую силу. Всѣ знали хорошо, что если тутъ и есть нѣкоторый деспотизмъ, то онъ принадлежитъ не мнѣ и что я лично не любилъ никакого другаго вина, кромѣ шампанскаго. Повторяю, однако, что, несмотря на обоюдную энергію нашу въ борьбѣ съ шампанскимъ, какъ виномъ заздравнымъ, успѣхъ нашъ былъ сомнителенъ: видно было, что какъ только уничтожится наше тяготѣніе, это блестящее вино возстановитъ всѣ свои права и свое милое господство на всѣхъ веселыхъ пирахъ... Несмотря, однако же, на неудачу этой оригинальной мѣры, я полагаю, что она составляетъ значительную черту въ общей характеристикѣ князя, свидѣтельствуя, во всякомъ случаѣ, что онъ умѣлъ заглядывать въ самую жизнь народа.

Вступивъ въ управленіе канцеляріею намѣстника, я простодушно вѣрилъ, что интрига, пустивъ сплетню, о которой я выше говорилъ, тѣмъ только и ограничилась. На дѣлѣ было не такъ. Когда, при первыхъ шагахъ моихъ въ новой должности, сталъ раздаваться одобрительный и замѣтный для меня самого гулъ о моихъ способностяхъ, о моей опытности въ дѣлахъ, о моемъ обращеніи съ чиновниками, князь сказалъ мнѣ однажды: «Ну, слава Богу!—мои милые опекуны начинаютъ успокаиваться и сознавать, что я умѣю таки распознавать и выбирать людей!»—я съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на князя. Надо замѣтить, если я не замѣчалъ уже прежде, что «милыми опеку-

нами» онъ называлъ лицъ Д—си, барона Н. и нѣкоторыхъ другихъ, которые знали его молодымъ офицеромъ и никакъ не довѣряли его опытности и умѣнью въ дѣлѣ управленія страною. Нигдѣ, кажется, не выражалось такъ плѣнительно искусство князя разсказывать, какъ именно въ разсказахъ о томъ, какъ эти господа смотрѣли на него и какъ находили необходимымъ непремѣнно сдѣлаться его «милыми опекунами». Все это, само собою разумѣется, создалось въ его воображеніи, которое съ этой стороны дѣйствительно можно назвать блестящимъ въ высшей степени.

— Ну, что жъ?—думали они, по словамъ князя—«Намѣстникъ молодой человѣкъ, хорошій офицеръ. Само собою разумѣется, что совершенно не опытенъ въ дѣлахъ; но порядочныхъ правилъ и съ добрымъ направленіемъ. Нашъ долгъ его поддержать, мы его и поддержимъ!»

Такъ или почти такъ князь передавалъ мнѣ, угадывая своимъ умомъ тѣ отношенія, въ которыя эти господа предполагали поставить себя. До какой степени они вѣрно поняли возможность этихъ отношеній, можно уже заключить изъ того, что онъ окрестилъ ихъ комическимъ именемъ: «милыхъ опекуновъ».

Кто хорошо зналъ, какъ я, характеръ и убѣжденія князя, для того понятно было, что этимъ милымъ опекунамъ не устоять на ногахъ уже потому собственно, что онъ предполагалъ въ нихъ, вѣрно или нѣтъ, «милыхъ опекуновъ». Князь, по натурѣ своей, не могъ сносить никакого опекунства. Тотъ, кто имѣлъ малѣйшую претензію вліять на него, непремѣнно долженъ былъ повалиться. Такъ именно и повалились Д—си, баронъ Н. и др. Сильные, вліятельные дотолѣ, они потеряли у князя всякое значеніе и, можно сказать, отъ стыда разбѣжались съ Кавказа, гдѣ они думали руководить молодымъ намѣстникомъ.....

Когда князь замѣтилъ на моемъ лицѣ недоумѣніе, произведенное его непонятными для меня словами, онъ продолжалъ:

— Вы, конечно, не знаете, какъ они сильно перетревожились по случаю вашего назначенія?

— Чѣмъ же оно могло ихъ встревожить?—живо замѣтилъ я,—это назначеніе, какъ мнѣ кажется, весьма естественное и во всякомъ случаѣ до нихъ совершенно не касается.

— Совершенно справедливо,—отвѣчалъ князь,—да они-то не такъ думаютъ и страшно переполошились. И письменно, и изустно они убѣждали меня въ совершенной невозможности поручить вамъ канцелярію, какъ человѣку новому, совершенно незнакомому съ краемъ и всѣми мѣстными обстоятельствами. Я отвѣчалъ имъ: «спите спокойно!»

Надо замѣтить, что совершенно неспособный, по самой природѣ

своей, ни интриговать, ни даже противуборствовать интригамъ другихъ, я совершенно равнодушно относился къ подобнымъ кознямъ моихъ благопріятелей и если заботился о чемъ-нибудь преимущественно въ моемъ служебномъ положеніи, такъ это единственно о томъ, чтобы поддержать хорошее мнѣніе обо мнѣ самого князя и вовсе не для того, чтобы личнымъ его расположеніемъ ворочать, какъ могущественнымъ рычагомъ, дѣлами и людьми Кавказа, а въ силу того, можно сказать, полудѣтскаго стремленія, по которому хорошій и восхваляемый воспитанникъ какого-нибудь заведенія старается удержать за собою занятое уже мѣсто въ ряду другихъ воспитанниковъ. Я страшно боялся, что князь, постоянно и въ теченіе многихъ лѣтъ довольный мною, перестанетъ когда-нибудь благоволить и найдетъ, что есть много и другихъ такихъ же, да еще получше.

Что касается до мнѣнія самого князя о моей казенной, такъ сказать, дѣятельности, то мнѣ не трудно было поднять это мнѣніе уже потому собственно, что я наслѣдовалъ человѣку милому, доброму, благородному, истинному «джентльмену», но въ то же время человѣку, мало дѣловому и значительно лѣнивому. К—нъ не только не тщеславился своимъ высокимъ и вліятельнымъ положеніемъ, но даже значительно тяготился имъ. Онъ утверждалъ, въ чемъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ вовсе не искалъ мѣста директора канцеляріи и что оно навязано ему, какъ я выше разсказывалъ, единственно совокупнымъ желаніемъ князя Барятинскаго и Буткова поскорѣе свалить падавшаго уже Муравьева. Съ благородною искренностью истинно порядочнаго человѣка онъ мнѣ лично говорилъ не одинъ разъ: «какой же я дѣловой человѣкъ?» Не подлежитъ также никакому сомнѣнію, что К—нъ постоянно стремился уйти съ этого мѣста, и только самыя настоятельныя убѣжденія князя заставили его остаться на немъ нѣкоторое время, пока князь осмотрится и устроитъ главное управленіе соотвѣтственно своимъ идеямъ.

И, дѣйствительно, К—нъ былъ истиннымъ мученикомъ на этой должности: съ одной стороны, онъ долженъ былъ читать, докладывать, подписывать массу дѣлъ, полагаясь почти исключительно на своихъ подчиненныхъ, а съ другой—добрый, онъ былъ жертвою безчисленныхъ просьбъ и ходатайствъ, въ которыхъ значительная доля была неосновательныхъ, просто нахальныхъ, съ которыми, однако же, онъ, по добротѣ своей, никакъ не могъ и не умѣлъ бороться. Въ заключеніе, онъ хотя и считался другомъ князя, однако же сильно его боялся, какъ боялись князя и всѣ другіе, считавшіеся друзьями его. Князь имѣлъ въ своей личности, въ высшей степени деликатной и благовоспитанной, что-то сильно подавляющее личности другихъ. Поэтому, слабая натура К—на не могла находить особеннаго наслажденія въ

столкновеніяхъ съ сильною, подавляющей и значительно избалованной и капризной натурой князя; князь въ особенности не прощалъ ему забывчивости, которою страшно страдалъ милый К—нъ. При какомъ-нибудь докладѣ, напр., князь надаетъ ему разныхъ порученій; К—нъ непремѣнно половину перезабудетъ. При слѣдующемъ докладѣ, разумѣется, это обнаружится, и князь начинаетъ капризничать. Въ отвращеніе такихъ послѣдствій, К—нъ придумалъ записывать приказанія князя въ то самое время, какъ ихъ получаетъ. Нетерпѣливый и вѣчно говорящій князь, продолжая говорить и въ то же время замѣчая, что К—нъ, углубленный въ свои замѣтки, не внимательно его слушаетъ, начинаетъ опять капризничать, восклицая: «да что вы тамъ пишете? Господи! какое съ нимъ мученье! Выслушайте, что я говорю, послѣ успѣете записать!» К—нъ начинаетъ слушать и потомъ опять забывать. Эти столкновенія съ комической точки зрѣнія разсказывалъ мнѣ много разъ самъ князь, который несомнѣнно любилъ К—на за его истинную порядочность и быть-можетъ именно за слабость его натуры, надъ которою князь могъ неограниченно господствовать. Доказательства же, что К—нъ значительно трусилъ князя, я видѣлъ самъ, и не одинъ разъ, своими глазами. По какому-то вопросу князь, высказавъ свое мнѣніе, которое и я находилъ совершенно удобоисполнимымъ, поручилъ мнѣ переговорить съ К—мъ. Тотъ сдѣлалъ какія-то замѣтки о неудобствахъ предстоящей мѣры, которыя и надобно было принять въ соображеніе. Между тѣмъ какъ-то случайно, въ бытность насъ обоихъ въ кабинетѣ князя, князь, обратившись ко мнѣ, неожиданно спросилъ: «а что то дѣло?» я тотчасъ отвѣчалъ: «Алексѣй Ѳедоровичъ находитъ не совсѣмъ удобнымъ». Надобно было видѣть смущеніе К—на. Сильно и вдругъ покраснѣвъ, какъ-будто уличенный въ чемъ-нибудь незаконномъ, онъ началъ сбивчиво говорить: «нѣтъ, я ничего; я совершенно согласенъ...» и т. п. Я тотчасъ увидѣлъ, что поступилъ опрометчиво и что въ отношеніяхъ милаго К—на съ княземъ никакой самостоятельности не оказывается.

Однимъ словомъ, К—нъ считалъ и чувствовалъ свое положеніе отяготительнымъ и постоянно мечталъ о томъ, когда онъ будетъ совершенно свободенъ. Въ ожиданіи этого блаженства, онъ взялъ продолжительный отпускъ, во время котораго князь сыгралъ съ нимъ такую штуку, которая, удививъ самого К—на, изумила, вмѣстѣ съ тѣмъ, и весь Кавказскій міръ.....

ГЛАВА II.

Вступленіе мое въ управленіе канцеляріею намѣстника.—Сложность и обширность обязанностей директора канцеляріи.—Стремленіе князя наполнить меня его государственными идеями и соображеніями.—Порядокъ докладовъ князю.—Его неограниченное довѣріе къ сотрудникамъ.—Одинъ изъ деликатныхъ пріемовъ князя, котораго всѣ боялись.—Давленіе идей намѣстника на общественное мнѣніе.—Знаменитая фраза генерала Иваницкаго: „надо примолчать“. Критика князя бумажной дѣятельности нашихъ министровъ.—Быстрота и сила соображеній князя.—Педантизмъ князя въ отдѣлкѣ нѣкоторыхъ бумагъ.—Дѣло объ избраніи новаго армянскаго католикоса.—Знаменитый Нерсесъ, прежній католикосъ, и Матеосъ, выбранный на его мѣсто.—Айвазовскій, братъ художника, какъ претендентъ на это мѣсто.—Встрѣча Матеоса въ Тифлисѣ.—Неудачныя послѣдствія этого выбора.—Учрежденіе генералъ-губернаторствъ въ Тифлисѣ и Кутаисѣ.

Обращаюсь къ обязанностямъ, которыя предстали мнѣ по должности директора канцеляріи. Обязанности эти были такъ сложны и разнообразны, что несомнѣнно превышали средства и способности самаго даровитаго директора, не говоря уже о насъ съ Кр—омъ. Справляться съ ними отчетливымъ образомъ не было матеріальной возможности: входящія и исходящія бумаги неотступно являлись предъ нимъ горами. Не говоря уже о массахъ входящихъ бумагъ, поступающихъ изъ всѣхъ мѣстъ цѣлаго края, которыя, какъ принято во всѣхъ другихъ высшихъ учрежденіяхъ, не требовали внимательнаго чтенія, а, говоря слогомъ чиновниковъ, «пробѣгались», директоръ канцеляріи буквально не могъ прочитать всей массы однѣхъ исходящихъ бумагъ, вырабатываемыхъ и заготовляемыхъ громаднѣйшею канцеляріею.

Увидѣвъ предъ собою такую страшную работу, я на первыхъ же порахъ просилъ у князя вице-директора и даже назвалъ человѣка, которому я полагалъ поручить эту должность. Къ удивленію, князь не согласился, и я очутился въ страшно отяготительномъ положеніи, которое заставляло меня работать день и ночь. Когда, утомленный, просидѣвъ въ канцеляріи отъ 8-ми до 4-хъ или 5-ти часовъ, я возвращался домой, за мною слѣдовали многіе картоны, наполненные дѣлами и бумагами.

Впрочемъ собственно канцелярскій трудъ, какъ онъ ни обширенъ, не одолѣлъ бы меня; но дѣло въ томъ, что онъ составлялъ, можно сказать, послѣднее дѣло для директора канцеляріи. Время его употреблялось большею частію на пріемы значительныхъ лицъ и безконечныхъ просителей; на доклады намѣстнику, на участіе въ пріемныхъ дняхъ намѣстника, которые отличались особенною торжественностью. Но, болѣе всего этого, занятія директора прерывались и нарушались безпрерывными требованіями князя: едва-ли проходилъ одинъ день,

въ теченіе котораго князь не потребовалъ бы къ себѣ нѣсколько разъ директора, не зная или считая для себя вовсе необязательнымъ знать, что его письменный столъ заваленъ грудою дѣлъ, а въ кабинетѣ его вѣчно толкаются различные чиновники съ своими докладами и различными вопросами.

Я говорилъ уже, что князь не былъ вовсе способенъ къ усидчивому труду: онъ не могъ углубиться въ какое-нибудь чтеніе; писать же для него было просто невыносимою скукою. Главнымъ его занятіемъ было думать и говорить. Говорилъ онъ безконечно. Отъ этого происходило, что, потребовавъ меня къ себѣ, по поводу какой-нибудь просьбы или идеи, внезапно явившейся въ его соображеніяхъ, онъ не ограничивался простымъ приказаніемъ, сюда относящимся, но или по поводу собственнаго того вопроса, по которому меня потребовалъ, или по поводу какой-нибудь другой, совершенно посторонней идеи, пускался говорить, расхаживая по своему длинному и прекрасно устроенному имъ самимъ кабинету. Казалось—онъ желалъ и считалъ необходимымъ перелить въ мою голову все то, что было въ его головѣ.

Природа не надѣлила меня никакою геніальностью; но по части здраваго смысла отпустила мнѣ значительный запасъ, который время и обстоятельства дополнили удовлетворительнымъ количествомъ опытности и въ жизни и въ дѣлахъ; ко всему этому присоединялось искреннее благоговѣніе предъ блестящимъ умомъ князя и свѣтлыми его идеями. Прозорливый князь все это видѣлъ и, безъ сомнѣнія, признавалъ, что я наиболѣе достоинъ къ воспринятію его воззрѣній. Все, что онъ говорилъ, всегда исполнено было величайшей мудрости, и я истинно сожалѣю, что чувствую себя не въ силахъ совокупить и представить здѣсь въ сжатомъ очеркѣ сводъ его мнѣній по всѣмъ отраслямъ государственной дѣятельности и по всѣмъ вопросамъ народной жизни.

Но по моему заботливому характеру, слушая князя, я постоянно думалъ о томъ, какая масса работы меня ожидаетъ въ канцеляріи, соображалъ мысленно, когда я успѣю сдѣлать то, написать другое, и съ этими раздвоенными мыслями часто нетерпѣливо ожидалъ—совѣстно признаться—окончанія бесѣды. Надо замѣтить, что потому-ли, что князь былъ очень большой баринъ, или потому, что на служебномъ своемъ поприщѣ онъ не попадалъ въ такое положеніе, гдѣ нужно было нести черновую, такъ сказать, работу, то-есть читать и писать кучу разнородныхъ бумагъ, онъ относился къ этой работѣ довольно жестокосердымъ образомъ. Онъ, конечно, могъ понимать, идетъ-ли работа быстро или медленно, хорошо или дурно; но только въ общемъ, такъ сказать, видѣ, опредѣлить, въ какое время та или другая работа можетъ быть сдѣлана, онъ былъ не въ состояніи. Отъ этого происходило,

что, задавая какую-нибудь работу, онъ назначалъ невозможные по краткости сроки. Справедливость требуетъ сказать, что въ этомъ отношеніи я самъ былъ значительно виноватъ, пріучивъ князя къ этой краткости сроковъ, своею быстротою въ работахъ, которую еще старикъ Кожуховъ ставилъ мнѣ нѣкогда въ большой недостатокъ, именно потому, что она балуетъ моихъ начальниковъ. Отъ этого же происходило и то, что, продержавъ меня все утро и пригласивъ меня сдѣлать то и другое, князь, на другое утро, вновь требовалъ меня, спрашивалъ: сдѣлано-ли то, о чемъ вчера говорили, а потомъ опять удерживалъ меня и снова начиналъ говорить. Бесѣды эти прерывались большею частію или докладомъ дежурнаго адъютанта—что такой-то проситъ дозволенія явиться, или наступленіемъ времени для обычной прогулки верхомъ.

Если бы я предпринялъ исчислять всѣ дѣла, которыя совершены въ гражданскомъ мірѣ Кавказа, въ періодѣ князя Барятинскаго, то, конечно, не было бы и конца. Да такое перечисленіе, какъ мнѣ кажется, было бы не нужно и во всякомъ случаѣ чрезвычайно скучно. Я вовсе не имѣю намѣренія писать исторію гражданскаго преуспѣянія на Кавказѣ за время князя Барятинскаго; это сдѣлано мною въ оффиціальномъ отчетѣ князя, представленномъ государю и разосланномъ всѣмъ знатнымъ лицамъ государства; здѣсь я предположилъ разсказать только про свое житье-бытье на бѣломъ свѣтѣ и при этомъ, въ силу самой необходимости, указать на дѣла и лица, которыхъ я касался или которыя меня касались. Нѣтъ сомнѣнія, что личность князя Барятинскаго въ моей судьбѣ занимаетъ первое мѣсто, и потому я долженъ стараться, если сумѣю, выставить преимущественно тѣ черты, которыя съ наибольшею вѣрностью, съ наибольшею истиною, могутъ изобразить эту высокую и замѣчательнѣйшую личность.

Въ этомъ отношеніи я считаю нужнымъ разсказать порядокъ докладовъ князю разныхъ подвѣдомственныхъ ему лицъ, впереди которыхъ стоялъ безспорно директоръ канцеляріи, какъ первый его сотрудникъ и проводникъ его идей и видовъ. При этихъ докладахъ князь вполнѣ и самымъ широкимъ образомъ прилагалъ тотъ принципъ, который онъ давно и много разъ высказывалъ уже мнѣ, когда онъ самъ былъ далекъ отъ положенія намѣстника и когда я зналъ только одно, что есть страна, называемая Кавказомъ, и больше ничего, ни о ея устройствѣ, ни о ея администраціи. Принципъ, усвоенный княземъ самымъ глубокимъ образомъ, состоялъ въ томъ, что главная и существенная задача начальника—выбрать надежныхъ сотрудниковъ. Если задача эта успѣшно исполнена—то эти сотрудники должны пользоваться неограниченнымъ его довѣріемъ. Князь, ставъ начальникомъ, облекалъ своихъ докладчиковъ дѣйствительно самымъ неограниченнымъ

довѣріемъ и отъ того самый порядокъ докладовъ у него мало или вовсе не походилъ на тотъ порядокъ, котораго держатся наши бумажные министры и съ которымъ я болѣе или менѣе былъ уже знакомъ по прежней петербургской своей дѣятельности.

Бумажнаго характера въ докладахъ князю, несмотря на то, что тутъ подписывались груды бумагъ, вовсе не существовало. Когда я, бывало, являлся въ назначенный день и урочный часъ съ своимъ докладомъ къ князю, онъ большею частію говорилъ: «ну, положите ихъ, поговоримъ!». Затѣмъ начиналъ ходить по кабинету и говорить, а я обращался въ почтительнаго слушателя, изрѣдка только дѣлая какое-нибудь замѣчаніе. Сколько князь любилъ говорить, столько же не любилъ, когда другіе говорили, а онъ долженъ былъ слушать, за исключеніемъ развѣ какихъ-нибудь особенныхъ случаевъ, гдѣ самъ князь приказывалъ разсказать какое-нибудь обстоятельство или изложить существо какого-нибудь дѣла. Я зналъ это хорошо, хотя пріобрѣтеніе этого знанія обошлось не дешево для личнаго моего самолюбія. Когда, бывало, я не имѣлъ этого знанія и, пустившись въ изложеніе собственныхъ взглядовъ, самъ любовался своимъ краснорѣчіемъ, князь вдругъ, среди волнъ этого краснорѣчія, говорилъ: «однако извините! мнѣ надо ѣхать» или «потрудитесь позвать того-то»». Трудно было не покраснѣть при такомъ неожиданномъ заявленіи, разомъ уничтожавшемъ потоки краснорѣчія и значительно задѣвавшемъ чувство личнаго достоинства.

Чрезвычайно деликатный и благовоспитанный князь любилъ, какъ онъ выражался, «вгонять въ краску»; «какъ вгонишь разъ, два въ краску»,—нерѣдко говорилъ онъ,—«онъ и пойметъ, въ чемъ дѣло». Такъ точно дѣлалъ онъ и со всѣми, кто думалъ плѣнять его силою ума и богатствомъ идей, т. е. среди потока словъ, которыми выражались эти идеи, круто повертывалъ свое вниманіе въ другую сторону и оставлялъ разговорившагося господина съ растерянными мыслями и «краскою на лицѣ». Само собою разумѣется, что съ теченіемъ времени колючій этотъ пріемъ со стороны князя сдѣлался болѣе или менѣе общеизвѣстнымъ, и охотниковъ натыкаться на эту рогатину было мало. Отъ этого происходило, что всѣ обращались въ слушателей, а ораторомъ оставался одинъ князь; если же кто и рѣшался ввернуть свое слово, то дѣлалъ это съ такою осторожностью, съ какою переходятъ неизвѣстную рѣку въ бродъ. Здѣсь кстати можно повторить приведенную уже выше, столь же остроумную, сколько и вѣрную замѣтку князя Георгія Мухранскаго, что при разговорѣ съ княземъ на каждое слово надо надѣвать нѣсколько пальто.

Самыми смѣлыми въ объясненіяхъ съ княземъ являлись люди, такъ сказать, втораго порядка, не бывшіе съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ и потому не знавшіе близко ни его характера, ни его пріемовъ.

Какой-нибудь, напр., предсѣдатель приказа, изъ хохловъ, призванный въ кабинетъ князя для спеціальнаго вопроса, знать не хотѣлъ никакихъ придворныхъ тонкостей и громкимъ голосомъ, малороссійскимъ складомъ, каталъ, что зналъ, а иногда на какое-нибудь замѣчаніе князя возражалъ съ такой рѣзкой наивностью, что присутствующіе значительно переглядывались. Въ подобныхъ случаяхъ князь держался другой, противоположной манеры. Въ продолженіе громкаго и безцеремоннаго объясненія подобнаго господина онъ снисходительно улыбался, а иногда переглядывался только съ своими приближенными, какъ бы говоря: «вотъ забавный оригиналъ!». Потомъ, за обѣдомъ или на вечерѣ, разсказывалъ, какъ ему понравился этотъ господинъ. «Такой простой и добрый!» прибавлялъ князь. Но эти частныя исключенія изъ общаго правила, дѣлаемыя для лицъ, только изрѣдка или единожды допускаемыхъ къ князю, не представляли никакого облегченія для лицъ, постоянно и ежедневно его окружающихъ. Они должны были слушать князя, сдерживая проявленія собственнаго мышленія.

Здѣсь кстати, я полагаю, припомнить знаменитое изреченіе знаменитѣйшаго изъ тифлисскихъ говоруновъ съ нигилистическимъ оттѣнкомъ Иваницкаго, который, при всей своей смѣлости, прославившей его, особенно при князѣ Воронцовѣ, объявилъ въ значительномъ обществѣ, собравшемся у меня, что каждый долженъ всѣми мѣрами защищать собственныя убѣжденія; но что если эти убѣжденія не сходятся съ убѣжденіями начальства, т. е. князя, то «надо примолчать!». Это знаменитое «примолчать» сдѣлалось потомъ, какъ я говорилъ уже, мученіемъ Иваницкаго, который этимъ словомъ нанесъ сильный ударъ своей репутаціи, какъ либерала и стойкаго человѣка. Но если онъ сдѣлалъ ошибку въ отношеніи къ собственной своей репутаціи, то тутъ не было ни малѣйшей ошибки въ отношеніи къ существу дѣла. Въ дѣйствительности всѣ «прималчивали». Приведу еще одно изреченіе, сюда относящееся и также служащее къ уясненію вопроса, надъ которымъ я засѣлъ въ сію минуту. Б., человѣкъ злой, ненадежный, но безспорно ученый, когда однажды шла также рѣчь о давленіи князя на его окружающихъ, сказалъ: «да, князь отличный человѣкъ; но у него есть тотъ недостатокъ, что онъ любитъ господствовать въ кругу своихъ п р і я т е л е й». Одномъ словомъ, повторяю, что князь любилъ говорить и любилъ, чтобы его почтительно слушали. Такъ точно и я болѣе, чѣмъ кто-либо, долженъ былъ слушать его почтительно. Но я не былъ бы вѣренъ истинѣ, еслибы сказалъ, что я никогда не выходилъ изъ роли почтительнаго слушателя.

Но это были, конечно, отдѣльные, частные случаи, составлявшіе отступленіе отъ общаго порядка. Общій же порядокъ былъ тотъ, что при моихъ докладахъ князю груда бумагъ, мною принесенныхъ, ле-

жала въ сторонѣ; князь говорилъ, а я слушалъ. Къ этой грудѣ бумагъ князь относился такимъ образомъ, что какъ будто сознавалъ и вполнѣ вѣрилъ, что тамъ все сдѣлано и написано вполнѣ согласно его видамъ и цѣлямъ; что все важное и замѣчательное рѣшается его разговорами со мной и что кучи текущихъ бумагъ, которыя онъ подписываетъ, не достойны вниманія намѣстника. Взглядъ этотъ подробно развивался въ пространныхъ объясненіяхъ, къ которымъ онъ любилъ часто обращаться. Онъ критиковалъ дѣятельность нашихъ министровъ, посвященную преимущественно бумагамъ, и утверждалъ, что, независимо отъ даровитости или бездарности ихъ, они не могутъ придумать ничего порядочнаго именно потому, что вѣчно завалены бумагами, поглощающими всѣ умственныя силы ихъ. Онъ приводилъ въ примѣръ англійскихъ министровъ, которые разъѣзжаютъ верхомъ, живутъ въ своихъ замкахъ, занимаются охотою и въ то же время отлично управляютъ своими министерствами. Онъ утверждалъ, что эти прогулки верхомъ, эти охоты даютъ государственному человѣку болѣе свободы и возможности обдумывать важнѣйшія дѣла, дѣйствительно достойныя ихъ вниманія, чѣмъ вѣчная кабинетная возня съ бумагами, составляющими большею частію одно обычное текущее дѣлопроизводство. На этомъ основаніи князь просто негодовалъ, что по существующимъ законамъ къ подписи его представлялось множество бумагъ незначительныхъ, и требовалъ или расширить права директора такимъ образомъ, чтобы онъ могъ подписывать всѣ эти бумаги за своею отвѣтственностью, а если этого нельзя, то преобразовать главное управленіе такъ, чтобы все текущее и обыкновенное дѣлалось его помощниками и сотрудниками, а ему, намѣстнику, представлялось только то, что важно, замѣчательно и достойно его вниманія.

Понятно, что при такихъ взлядахъ, особенно если присоединить къ нимъ убѣжденія князя, что выбранные имъ сотрудники должны пользоваться неограниченнымъ его довѣріемъ, мои груды бумагъ не имѣли въ глазахъ его большаго значенія. Проговоривъ бо́льшую часть утра, князь круто обращался къ этимъ грудамъ и какъ-то не совсѣмъ пріязненно спрашивалъ: «ну что у васъ тамъ? Есть что-нибудь особенное?». Отъ директора канцеляріи зависѣло сказать: «ничего нѣтъ!». Но въ громадной массѣ дѣлъ, движущихся чрезъ канцелярію, всегда было что-нибудь особенное и замѣчательное. Поэтому К—нъ и я слѣдовали такому порядку, что всѣ доклады предварительно раздѣляли на двѣ части; въ одну, бо́льшую, отдѣляли всѣ дѣла и бумаги, не стоящія по нашимъ соображеніямъ того, чтобы говорить о нихъ князю, а во вторую, значительно меньшую, все то, что, по мнѣнію нашему, было достойно вниманія князя или что мы считали рискованнымъ принять на свою отвѣтственность. Когда князь переходилъ къ обычному своему во-

*

просу: «что у васъ тамъ?»,—я старался наибыстрѣйшимъ образомъ разсказать важнѣйшую часть доклада и при этомъ постоянно находился подъ вліяніемъ понукающаго выраженія глазъ князя. По окончаніи этого разсказа князь тотчасъ садился подписывать бумаги, или, что́ дѣлалось большею частію, оставлялъ ихъ у себя и подписывалъ потомъ. Быстрота его пониманія была изумительна въ той же степени, какъ и сила его соображеній. Кажется, въ предъидущихъ чертахъ я уже уподобилъ князя, сравнительно съ нами, его сотрудниками, кровному рысаку въ отношеніи простыхъ рабочихъ клячъ. Какъ ни тривіально это сравненіе—оно въ сущности вѣрно. И, дѣйствительно, случалось нерѣдко, занимаясь обработкою какого-нибудь серьезнаго дѣла, вмѣстѣ съ своими сотрудниками, приводишь его, кажется, къ самому разумному разрѣшенію. При докладѣ князю это разумное разрѣшеніе не рѣдко опрокидывалось вверхъ дномъ. Надобно только, чтобы князь выслушалъ и понялъ, въ чемъ заключается сущность дѣла, иногда весьма сложнаго. «Это не такъ, Василій Антоновичъ!»—говорилъ въ подобныхъ случаяхъ князь и вслѣдъ затѣмъ озарялъ дѣло такими свѣтлыми соображеніями, что только стоишь, разиня ротъ, восхищаясь княземъ и недоумѣвая, какимъ это образомъ эти, поразительные по простотѣ и истинѣ, доводы не пришли въ голову ни мнѣ, ни моимъ помощникамъ.

Если князя мало занимали дѣла, такъ сказать, восходящія къ нему, то трудно представить, какъ сильно занимали его нѣкоторыя дѣла и вопросы, исходящіе отъ него. Тутъ надобно было вооружаться нескончаемымъ терпѣніемъ. Поручаетъ онъ, напримѣръ, изложить мысли его по какому-нибудь вопросу; работа сдѣлана и представлена ему. Князь восхищенъ и благодаритъ. Кажется, дѣлу конецъ. Нисколько. Только начало. Князь начинаетъ углубляться въ вопросъ и перерабатывать его «въ своей кухнѣ». Постоянно думая и передумывая, онъ начинаетъ безпрерывно требовать васъ и совѣщаться: не лучше-ли такъ, не рельефнѣе-ли эдакъ? И эта щепетильность, эта скучная привязчивость простирается не только на сущность дѣла, но на самый слогъ, на запятыя даже. Сегодня одинъ періодъ переносится выше, другой ниже, завтра тотъ, который былъ вознесенъ, спускается опять внизъ, а тотъ, который былъ спущенъ, превозносится; на третій день опять все разставляется въ прежнемъ порядкѣ, который уже забытъ и принимается за новый.

Этого мало. Самыя слова переставляются. Если, напримѣръ, сказано: «человѣкъ отличный», князь переставляетъ: «отличный человѣкъ», потомъ опять: «человѣкъ отличный» и такъ далѣе, безконечно. Удивительное дѣло! Человѣкъ не письменный и, какъ я выше говорилъ, ненавидѣвшій бумажныя дѣла, являлся здѣсь величайшимъ, безпримѣрнымъ, педантомъ этого бумажнаго дѣла, этой письменности.

Но главная бѣда какъ для него самого, такъ и особенно для его сотрудника, заключалась въ томъ, что, не будучи самъ въ состояніи зачеркнуть то, что ему не нравится, и написать, вмѣсто того, какъ ему нравится, онъ выражалъ свои мнѣнія и желанія какими-то іероглифическими знаками, которые не только затрудняли его сотрудника, но потомъ дѣлались непонятными для самого князя. Такимъ образомъ онъ одновременно мучилъ и себя самого, и своего сотрудника, каковымъ большею частью имѣлъ честь состоять я. Случалось и такъ, что, указавъ лично тѣ измѣненія, какія онъ желаетъ сдѣлать, онъ, вслѣдъ затѣмъ, начиналъ высылать съ казаками коротенькія записочки: «не лучше-ли сказать тамъ-то такъ-то» или: «мнѣ кажется, вмѣсто того-то лучше поставить то-то». Въ подобныхъ случаяхъ скука и нѣкоторая досада моей нетерпѣливой натуры, противу моей воли, выступала на лицо, такъ что князь не могъ не читать на немъ этихъ ощущеній. Замѣчая ихъ, онъ говорилъ: «со мной тяжело работать? не правда-ли?» «Это, ваше сіятельство, не важный вопросъ»,—уклончиво отвѣчалъ я; «но удивительно видѣть, какъ много ваше сіятельство обременяете себя подробностями, которыя кажутся мнѣ неимѣющими большаго значенія. Я осмѣливаюсь выразить глубокое убѣжденіе, что результаты труда вашего сіятельства не могутъ соотвѣтствовать размѣру его. Для того, кто будетъ читать эту бумагу, нужно, чтобы она ясно и складно была написана; никому въ голову не придетъ, чтобы вы сами посвятили на отдѣлку малѣйшихъ подробностей столько личной заботливости». «Ну, ужъ что дѣлать, любезнѣйшій, если у меня натура такая. Пожалуйста, не сердитесь на меня. Я самъ знаю, что я безпокойный. Я не могу успокоиться до тѣхъ поръ, пока все не будетъ сдѣлано по моему вкусу».

Если съ одной стороны въ массѣ дѣлъ и бумагъ, представляемыхъ мною князю, дѣйствительно значительная часть относилась къ вопросамъ, такъ сказать, обыденнымъ, то съ другой нерѣдко встрѣчались въ ней дѣла величайшей важности. Таково, напримѣръ, было дѣло объ избраніи новаго армянскаго католикоса. До моего пріѣзда на Кавказъ, только-что умеръ прежній католикосъ Нерсесъ, именемъ котораго, можно сказать, была полна страна, какъ человѣка, въ высшей степени замѣчательнаго по обширному уму и величайшей самостоятельности.

Я говорилъ уже выше, что когда я отправлялся изъ С.-Петербурга въ Москву на коронацію, почти весь путь я проговорилъ съ моимъ старинным пріятелемъ Хрущовымъ, который въ то время былъ директоромъ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій и, какъ я замѣтилъ уже, обрисовывая эту замѣчательную личность, отличался также величайшею самостоятельностью. Большая часть нашей бесѣды посвящена была именно борьбѣ Нерсеса съ министерствомъ

внутреннихъ дѣлъ и разсказамъ о разныхъ продѣлкахъ этого господина превосходящихъ всякое вѣроятіе. Дѣло въ томъ, что армянскій католикосъ, наравнѣ съ представителями всѣхъ другихъ исповѣданій, по существовавшимъ законамъ, былъ въ зависимости отъ министерства внутреннихъ дѣлъ; на самомъ же дѣлѣ онъ не хотѣлъ знать ни этихъ узаконеній, ни этого министерства. До поступленія Хрущова въ управленіе департаментомъ иностранныхъ исповѣданій на самовольство Нерсеса смотрѣли, такъ сказать, спустя рукава. Съ назначеніемъ же Хрущова директоромъ этого департамента, онъ составилъ, какъ самъ разсказывалъ мнѣ на желѣзной дорогѣ, подробное историческое обозрѣніе всѣхъ отступленій Нерсеса отъ закона и повелъ на него сильнѣйшую атаку. Война загорѣлась страшная. Нерсесъ не только не отступилъ и не смирился; напротивъ, съ неслыханною рѣзкостью и презрѣніемъ сталъ относиться къ министерству; самого министра онъ сталъ осыпать положительно бранью, признавая въ немъ только чиновника, а себя выставляя служителемъ или посланниковъ Бога и наставникомъ многочисленнаго народа, разсѣяннаго по всей вселенной.

Для меня тогда совершенно чужды были интересы этого дѣла; но Хрущовъ любилъ разсказывать свои дѣловые подвиги, а въ настоящемъ случаѣ, быть можетъ, разсчитывалъ, что я при случаѣ передамъ князю непохвальное поведеніе Нерсеса и тѣмъ самымъ привлеку сочувствіе его на сторону министерства. Но скоро обнаружилось, что князь, забирая въ свое исключительное и непосредственное вѣдѣніе всѣ административныя отрасли въ Кавказскомъ краѣ, предпринялъ подчинить тому же принципу и духовныя дѣла. Ланской, безъ сомнѣнія, по настояніямъ упорнаго Хрущова, вздумалъ было заявить что-то въ родѣ протеста; вопросъ этотъ былъ переданъ на разсмотрѣніе Кавказскаго комитета или Комитета министровъ, гдѣ, при содѣйствіи ловкаго и преданнаго въ то время князю Буткова, побѣда осталась на сторонѣ князя. Такимъ образомъ Хрущову, въ лицѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, пришлось прекратить съ Нерсесомъ всякую дальнѣйшую борьбу, тѣмъ болѣе, что самъ Хрущовъ вслѣдъ затѣмъ получилъ новое назначеніе товарища министра государственныхъ имуществъ; послѣдовавшая же скоро послѣ того кончина Нерсеса не только избавила князя отъ всякихъ отношеній къ этому строптивому человѣку, но даже лишила его возможности передать ему Андреевскую ленту, которую князь привезъ для него, вѣроятно, разсчитывая этимъ способомъ вѣрнѣе подѣйствовать на усмиреніе его и на возбужденіе сочувствія его новому періоду русскаго управленія на Кавказѣ.

Съ кончиною Нерсеса предстояло избрать новаго католикоса тѣмъ порядкомъ, который установленъ законами и который, повидимому, предоставлялъ этотъ вопросъ всецѣло и независимо самому армянскому народу. На совершеніе этого избранія полагался годъ. Не только для

мудраго князя, но и для каждаго смертнаго ясно было, какую необъятную важность представляло для русскаго управленія избраніе въ это высокое положеніе той или другой личности. Вліяніе и могущество католикоса не ограничивается собственно предѣлами Закавказскаго края и даже предѣлами Русской имперіи; но распространяется, дѣйствительно, на всю вселенную, ибо трудно сказать, гдѣ нѣтъ промышленныхъ армянъ. Всѣ армяне, въ какой бы отдаленной части свѣта они ни находились, смотрятъ на Эчміадзинъ съ такимъ же благоговѣніемъ, съ какимъ другіе христіане смотрятъ на Іерусалимъ. Понятно, какъ это духовное вліяніе католикоса важно и для политическаго нашего вліянія на Востокѣ. Понятно, что если католикосъ будетъ послушенъ нашимъ видамъ, наше правительство пріобрѣтаетъ въ немъ сильное орудіе этого политическаго вліянія. Поэтому нашей администраціи предстояло употребить всѣ мѣры, чтобы направить это избраніе на такую личность, которая соотвѣтствовала бы нашимъ видамъ.

Изъ лицъ, извѣстныхъ управленію намѣстника, явились два кандидата: тифлисскій епископъ Саркисъ и архимандритъ Айвазовскій, родной братъ извѣстнаго художника. Саркисъ признавался всѣми умнѣйшимъ человѣкомъ, но страшнымъ интриганомъ, находившимся въ постоянной борьбѣ съ покойнымъ Нерсесомъ, и вообще мало любимымъ и уважаемымъ народомъ. Архимандритъ Айвазовскій славился глубокимъ образованіемъ; воспитанный въ Парижѣ, онъ первоначально тамъ основалъ какое-то армянское училище, а потомъ, когда переселился въ Россію, то здѣсь тоже учредилъ школу или училище. Этотъ господинъ сильно заподозрѣвался въ наклонности и даже служеніи, посредствомъ своихъ школъ, католицизму и также вѣчно находился въ распрѣ съ Эчміадзинскимъ синодомъ. Я помню, что во время управленія моего вновь созданнымъ потомъ, въ составѣ главнаго управленія намѣстника, департаментомъ общихъ дѣлъ, къ завѣдыванію котораго относились, между прочимъ, и духовныя дѣла, Эчміадзинскій синодъ, злобствовавшій на Айвазовскаго, представилъ однажды, для уличенія его, какой-то Катихизисъ, составленный имъ для его училища. Въ этомъ Катихизисѣ дѣйствительно папѣ отведено первое мѣсто въ областяхъ духовнаго міра. Такого подозрѣнія слишкомъ было достаточно, чтобы кандидатство Айвазовскаго было лишено надежды на успѣхъ. Впрочемъ, лично самъ онъ не выступалъ на арену; за него дѣйствовалъ самымъ усерднымъ образомъ братъ его, живописецъ Айвазовскій, и осыпалъ постоянно князя такими великолѣпными письмами, что не трудно было догадаться, что они писаны не художникомъ, но столь же талантливымъ, какъ и знаменитая кисть его, перомъ его ученаго брата. Вѣрность этой догадки положительно подтверждалась исполненными ума и учености соображеніями о томъ, какъ легко возвести архимандрита въ католикосы, въ то время, когда существуютъ въ

армянскомъ духовенствѣ маститые епископы и архіепископы, и множествомъ историческихъ указаній, взятыхъ изъ католическаго міра, о томъ, какъ молодые и невысокаго чина люди, но добродѣтельные, благочестивые, просвѣщенные, шагали прямо къ папы, мимо толпы различныхъ и знатныхъ стариковъ. Все это ученое краснорѣчіе не повело, однако же, ни къ чему. Надобно было искать католикоса за границей.

Для этой цѣли и отправленъ былъ какой-то особенно тонкій армянинъ, когда-то и чѣмъ-то служившій, но въ это время бывшій уже частнымъ человѣкомъ. Фамилію его я уже забылъ; но знаю, что, пользуясь особеннымъ покровительствомъ К—на, онъ не рѣдко употреблялся, какъ человѣкъ искусный, во многихъ административныхъ дѣлахъ, требовавшихъ тайны. Такъ точно и въ настоящемъ случаѣ онъ былъ отправленъ за границу еще К—мъ, до моего вступленія въ управленіе канцеляріею. Конецъ всѣхъ этихъ административныхъ тонкостей былъ тотъ, что вниманіе остановилось на константинопольскомъ, если не ошибаюсь, патріархѣ или епископѣ Матеосѣ, какъ человѣкѣ, способномъ быть отличнымъ католикосомъ во всѣхъ отношеніяхъ. Оставалось направить самые выборы въ его пользу. Выборы должны были производиться въ самомъ Эчміадзинѣ членами синода и особыми депутатами, избранными изъ народа различныхъ епархій. Члены синода и депутаты епархій края были въ рукахъ управленія, и этого было достаточно, чтобы оно могло господствовать надъ выборами. Матеосъ выбранъ. Изъ Петербурга прислали обычные грамоту, рескриптъ, кажется, ленту какую-то и со всѣмъ этимъ отправили къ Матеосу, въ Константинополь, молодаго и тоже искуснаго генерала изъ армянъ Михаила Лорисъ-Меликова, занимавшаго потомъ должность командующаго войсками Терской области, который и привезъ его, новаго католикосса, въ Тифлисъ.

Это, кажется, было лѣтомъ 1859 г. предъ знаменитымъ походомъ, въ отсутствіе князя, который уѣхалъ въ Петербургъ для личныхъ объясненій съ государемъ по вопросамъ, къ этому достославному походу относящимся. Я живо помню страшно жаркій день. Палящее солнце сильно и безпрепятственно обдавало своими жгучими лучами собравшіяся на площади для встрѣчи Матеоса толпы народа, все армянское духовенство и значительную, отдѣльно стоявшую, группу знатныхъ тифлисскихъ особъ. Ничѣмъ рѣшительно не защищаемыя, всѣ эти толпы и группы должны были ожидать католикоса лишнихъ часа два вслѣдствіе какого-то замедленія, всегда являющагося въ подобныхъ случаяхъ. Наконецъ, показались экипажи, заключавшіе католикоса и всю его свиту. Раздался колокольный звонъ во всѣхъ армянскихъ церквахъ. Многочисленное армянское духовенство, его ожидавшее, вытянулось для торжественнаго шествія въ армянскій

соборъ или монастырь, расположенный на Курѣ, названіе котораго я уже не помню. Католикосъ вышелъ изъ экипажа и, встрѣченный знатнѣйшими лицами, присоединился къ процессіи, которая тотчасъ и двинулась. Впереди шла толпа мальчишекъ, нѣчто въ родѣ нашихъ пѣвчихъ, и завывала на армянскій гнусливый манеръ самымъ отвратительнымъ для благоустроеннаго уха образомъ. Во время этого шествія мы пристально разсматривали наружность этого новаго католикоса. Это былъ небольшаго роста, довольно тучный человѣкъ, съ огромнымъ носомъ, большими оловянными и какъ-то выдавшимися впередъ глазами и вообще съ сильнымъ оттѣнкомъ во всей его личности именно какой-то туретчины. Въ свитѣ его наибольшее вниманіе обращалъ на себя маленькій, худенькій, съ очками на носу, человѣкъ, съ пріемами, если можно такъ сказать, католическими: умъ, ложное смиреніе и хитрость проявлялись во всѣхъ движеніяхъ этой маленькой фигуры, покрытой, по обычаю, армянскимъ капюшономъ, изъ-подъ котораго онъ бросалъ на все окружающее свои умные и любопытные взгляды. Это и былъ тотъ самый архимандритъ Айвазовскій, о которомъ я выше говорилъ. Видя, что дѣло проиграно, онъ какъ-то ухитрился прилѣпиться къ свитѣ новаго католикоса, хотя въ душѣ конечно желалъ, чтобы онъ провалился сквозь землю.

Когда процессія пришла въ церковь, началось длиннѣйшее богослуженіе, и другой не удавшійся кандидатъ, тифлисскій епископъ Саркисъ, говорилъ пространную рѣчь, разумѣется, на армянскомъ языкѣ, которую всѣ знакомые мнѣ армяне чрезвычайно хвалили. Въ этой рѣчи, по отзывамъ ихъ, Саркисъ благодарилъ Небо за счастіе, посланное армянскому народу въ лицѣ новаго католикоса, хотя внутреннія его ощущенія, безъ сомнѣнія, были сходны съ ощущеніями Айвазовскаго. Потомъ началъ говорить самъ католикосъ чрезвычайно много и, по отзыву тѣхъ же армянъ, такъ же хорошо. Не понимая армянскаго языка, и потому ни содержанія, ни достоинства самаго «слова», я слѣдилъ только за жестами и выраженіемъ лица проповѣдника, въ которыхъ, на непривычный глазъ, было много страннаго и оригинальнаго. По окончаніи богослуженія, католикосъ перешелъ въ приготовленныя для него комнаты, гдѣ и началось представленіе ему знатныхъ военныхъ и гражданскихъ лицъ. Изъ этого представленія нельзя было сдѣлать никакихъ выводовъ потому, что разговоры шли, за немногими исключеніями, чрезъ переводчиковъ, которые въ томъ краѣ особенно славились способностью перевирать все... Ясно было одно, что католикосъ старался быть привѣтливымъ, усаживалъ насъ и угощалъ чаемъ.

На другой день, во дворцѣ намѣстника, происходило торжественное врученіе ему высочайшихъ бумагъ, обыкновенно утверждающихъ избраніе каждаго новаго католикоса. Бумаги эти, прежде вручения,

должны были быть прочитаны, и, по общему настоянію, чтеніе это было исполнено моимъ звучнымъ баритономъ. Католикосъ опять сказалъ какую-то рѣчь, а затѣмъ скоро и уѣхалъ въ свой Эчміадзинъ. Такимъ образомъ князь, находившійся въ это время въ Петербургѣ, и не видалъ новаго католикоса. Затѣмъ оставалось ожидать: въ какомъ видѣ проявится личность его въ самыхъ дѣлахъ?

Увы! она скоро и рельефно проявилась, но совсѣмъ не въ нашу сторону. Независимость, къ которой этотъ турокъ сталъ выказывать не церемонное стремленіе, доходила до самовольства. Онъ сталъ назначать и переводить съ мѣста на мѣсто архіереевъ собственною властью, тогда какъ на это требовалось высочайшее утвержденіе. Протесты и замѣчанія нашего прокурора, состоящаго при Эчміадзинскомъ синодѣ, онъ просто сталъ презирать. Загорѣлась страшная бумажная война, которая принимала болѣе и болѣе широкіе размѣры. Съ цѣлію прекратить такое ненормальное положеніе дѣлъ, князь, по настоянію нашему съ К—мъ, сталъ требовать его въ Тифлисъ, для личныхъ объясненій. Католикосъ отвѣчалъ, что у него лихорадка и что онъ пріятнымъ долгомъ поставитъ пріѣхать въ Тифлисъ, какъ только поправится, однако же не пріѣзжалъ. Князь повторялъ свои приглашенія. Католикосъ повторялъ свои отвѣты, и такимъ образомъ дѣло тянулось до того времени, когда князь, а вмѣстѣ съ нимъ и я, оставили поле кавказскихъ дѣлъ.

Надобно, впрочемъ, замѣтить, что какъ избраніе католикоса, такъ и послѣдующая строптивость его мало занимали князя. Если я привелъ здѣсь это дѣло, то единственно для того, чтобы показать, что въ огромной массѣ такъ называемыхъ текущихъ дѣлъ, съ которыми я долженъ былъ бороться, во время управленія моего канцеляріею, являлись дѣла, которыя, по справедливости, можно назвать капитальными. Сюда можно отнести также образованіе кутаисскаго генералъ-губернаторства, учрежденіе генералъ-губернаторства въ Тифлисѣ, изготовленіе различныхъ проектовъ по многимъ частямъ и т. п., но повторяю, что подобное изложеніе каждаго замѣчательнаго дѣла никогда не привело бы меня къ окончанію моихъ записокъ и самыя записки приняли бы видъ дѣловаго доклада. Поэтому я прямо перехожу къ дѣлу, которое лично и сильнѣйшимъ образомъ занимало князя, которое онъ считалъ, по собственному его выраженію, «лучшимъ памятникомъ своей кавказской дѣятельности», которое, однако же, несмотря на всѣ его самыя энергическія усилія, онъ все-таки не успѣлъ поставить на прочномъ основаніи, отчего оно, тотчасъ по его удаленіи, почти совсѣмъ развалилось, а именно къ дѣлу «о возстановленіи христіанства на Кавказѣ».

(Продолженіе слѣдуетъ).

Записки Михаила Чайковскаго.

LXXIX [1]).

Новыя интриги противъ меня.—Лизикевичъ, Коваленко и Хлѣбовскій.—Назначеніе къ намъ Фарнезе. — Фарнезе нарушаетъ данное слово. — Происки сестры Изабеллы Домбровской.—Всѣ мои старанія помѣшать назначенію Фарнезе оказываются безуспѣшны.—Торжественная встрѣча Фарнезе.—Я рѣшаю выйти въ отставку. — Маіоръ Али-эфенди. — Приказъ о передвиженіи въ Шумлу.—Отношеніе къ намъ болгарскаго населенія.—Кіатубъ-оглу.—Подъемъ духа, вызванный среди болгаръ фирманомъ объ отдѣленіи церкви.—Приказъ Абдулъ-Керима.—Болѣзнь Фарнезе.—Побѣгъ Петровича.—Драгуны выступаютъ на Ливанъ.—Участіе моего сына въ интригахъ противъ нашей организаціи.

Справедливо говорятъ, что легче разрушать и истреблять, нежели созидать и сохранять что-либо, и что разрушители всегда изобрѣтательнѣе на зло, нежели прочіе люди на добро; также точно можно сказать, что легче интриговать, нежели разрушать интриги. Люди, относившіеся ко мнѣ недоброжелательно и не одобрявшіе польскаго характера, приданнаго мною нашему казацкому войску, видя, что всѣ ихъ происки не вели ни къ чему и что слава нашихъ казаковъ и драгунъ росла все болѣе и болѣе въ военныхъ кругахъ, и что я стоялъ непоколебимо во главѣ ихъ, рѣшили дѣйствовать инымъ путемъ. Было бы неумѣстно описывать здѣсь подробно всѣ ихъ козни, но все-таки любопытно разсказать о нихъ хотя въ общихъ чертахъ.

---

[1]) См. «Русскую Старину», іюнь 1904 г.

Одинъ изъ адъютантовъ султана, полковникъ Мехмедъ-бей, пользовался особымъ его расположеніемъ и считался его любимцемъ. Онъ не былъ тонкій политикъ, но стремился пріобрѣсти какъ можно болѣе знаній, былъ самолюбивъ и не прочь играть извѣстную роль; быть можетъ, онъ искренно желалъ принести посильную пользу государству и султану, но онъ сдѣлался игрушкою въ рукахъ поляковъ, которые употребляли всѣ усилія къ тому, чтобы взять его въ руки. Всѣмъ было извѣстно благоволеніе султана къ казацкой организаціи, доходившее до того, что всѣ остальные военные намъ завидовали, такъ какъ при султанѣ всегда были чауши изъ казаковъ и адъютантъ-казакъ; мой младшій сынъ также пользовался особой милостью султана, употреблялся имъ для словесныхъ сношеній съ иностранными послами и назначался состоять при иностранныхъ монархахъ, пріѣзжавшихъ въ Константинополь; неудивительно поэтому, что поляки въ глазахъ Мехмедъ-бея пріобрѣли особое значеніе.

Мой младшій сынъ былъ какъ нельзя болѣе пригоденъ къ тому роду службы, которую онъ несъ: хорошо воспитанный, онъ умѣлъ держать себя въ обществѣ, былъ образованъ, отлично зналъ военное дѣло и выдѣлялся среди другихъ лицъ свиты султана своей наружностью, манерами и исполнительностью, что̀ возбуждало къ нему всеобщую зависть. Его начальство, Джемиль-паша и впослѣдствіи Реуфъ-паша, нуждались въ немъ, поэтому были съ нимъ ласковы и предупредительны, но я сомнѣваюсь, чтобы кто-либо изъ нихъ сталъ заботиться о его дальнѣйшемъ повышеніи; это совершенно не въ характерѣ турокъ, къ тому же многихъ и въ особенности Мехмедъ-бея должно было возмущать то обстоятельство, что христіанинъ и иноземецъ пользовался бо̀льшимъ значеніемъ, нежели они, турки, потомки завоевателей, съ дѣтства привыкшіе считать себя выше райи. Весьма возможно, что и мой сынъ, опьяненный благоволеніемъ султана и своими успѣхами, держалъ себя нѣсколько высокомѣрно и возстановилъ этимъ кое-кого противъ себя.

Поляки, находившіеся въ Турціи въ столь исключительномъ, ненормальномъ положеніи, которое способствовало развитію въ нихъ многихъ несимпатичныхъ чертъ характера, были самыми ярыми, заклятыми врагами не только моими, но и моего сына, несмотря на то, что они были намъ обязаны своимъ положеніемъ. Конечно, я отчасти самъ былъ виноватъ въ томъ, что подавалъ руку помощи каждому поляку, не обращая вниманія на его нравственныя качества, лишь бы онъ былъ полякъ. Сколько разъ я страдалъ изъ-за этого и все-таки не могъ поступать иначе. Невольно вспоминается мнѣ по этому поводу исторія съ Лизикевичемъ, который получилъ, по протекціи моего сына,

мѣсто при дворѣ. Симпатія моего сына къ этому господину была для меня совершенно необъяснима.

Бруно Лизикевичъ, военный агентъ барона Окши, о которомъ я упоминалъ выше, былъ величайшая посредственность, въ полномъ смыслѣ этого слова; при томъ человѣкъ очень злостный, вѣчно интриговавшій противъ начальства, всегда готовый подставить ножку товарищу, который чѣмъ-либо выдѣлялся. Онъ зарекомендовалъ себя съ этой стороны еще въ полку, все это было какъ нельзя лучше извѣстно моему сыну, и тѣмъ не менѣе онъ рекомендовалъ Лизикевича сераскиру, сказавъ, что султану хотѣлось имѣть адъютанта въ очкахъ, а Лизикевичъ носилъ очки. Выборъ оказался злополучнымъ для моего сына и для всей нашей организаціи.

Но сыну показалось мало одного Лизикевича; онъ рекомендовалъ ему въ помощники Коваленко, или Ковалевскаго, имѣвшаго свидѣтельство объ окончаніи Петербургскаго университета; и несмотря на это, онъ былъ большимъ невѣждою и не владѣлъ даже французскимъ языкомъ. Человѣкъ легкомысленный и опрометчивый болѣе, чѣмъ злой, онъ занимался только своей физіономіей и своими нарядами; по легкомыслію, онъ сдѣлался въ 1863 г. дезертиромъ, просрочивъ отпускъ, и подпалъ затѣмъ подъ вліяніе барона Окши, который употреблялъ его для своихъ происковъ. Сочувствуя ему, какъ поляку, носившему при томъ казацкій мундиръ, я помогъ ему выбраться изъ этой трясины и причислилъ его къ нашему полку, сынъ же мой, которому онъ постоянно льстилъ, вывелъ его въ адъютанты.

Но Богъ любитъ троицу—и у насъ оказался третій полякъ, Станиславъ Хлѣбовскій, котораго Фуадъ-паша, по моей просьбѣ, также устроилъ при дворѣ. Его участіе въ поддѣлкѣ Окшею кредитныхъ бумажекъ и непріятное выраженіе его лица не располагали въ его пользу, но покойная жена моя, которой я не могъ ни въ чемъ отказать, просила меня позаботиться о немъ, и я дѣйствительно пекся о немъ, какъ о своемъ родномъ сынѣ и о казачьемъ войскѣ.

Въ благодарность за это, Хлѣбовскій вездѣ высмѣивалъ мою бѣдную жену, смѣялся надъ ея увлеченіемъ политикой, передразнивалъ ея жесты, паясничалъ. Все это было извѣстно моему младшему сыну, тѣмъ не менѣе онъ относился къ Хлѣбовскому вполнѣ дружественно, былъ съ нимъ откровененъ, принималъ его совѣты, а когда Хлѣбовскій очутился въ немилости у султана и былъ удаленъ отъ двора, то мой сынъ сдѣлалъ все возможное, чтобы его взяли обратно, и добился этого. Когда же сынъ въ свою очередь лишился благоволенія султана, то Хлѣбовскій ничѣмъ не помогъ ему и даже въ концѣ концовъ совершенно отдалился отъ него, говоря, что онъ самъ виноватъ во всемъ.

Осмѣивая мою политическую дѣятельность, Хлѣбовскій подорвалъ въ

моемъ младшемъ сынѣ довѣріе къ ней, увѣрялъ его, что она скорѣ повредитъ ему, нежели принесетъ пользу, что онъ самъ можетъ достигнуть гораздо бо̀льшаго безъ моей помощи, и возбудилъ въ немъ своими рѣчами такую самоувѣренность, что онъ потерялъ всякую вѣру въ мою политическую дѣятельность, сталъ критиковать всѣ мои дѣйствія и сталъ дѣйствовать наперекоръ мнѣ, полагая, что это будетъ ему выгодно.

Въ то же время Фарнезе, позабывъ о данномъ мнѣ честномъ словѣ, что онъ не будетъ хлопотать о зачисленіи его вновь въ казацкій или драгунскій полки, вздумалъ добиваться мѣста скончавшагося подполковника Хаджи-Юзуфъ-бея, былъ представленъ Мехмедъ бею Ковалевскимъ и Лизикевичемъ, какъ наилучшій офицеръ польской кавалеріи, прекрасно знающій свое дѣло, и бывшій жертвою моего самовластія и зависти. Онъ явился къ Мехмедъ-бею съ телеграммою Залѣсскаго и пьянаго Ласковскаго въ рукахъ, коей они извѣщали его о томъ, что общество офицеровъ желаетъ состоять подъ его командою и проситъ его похлопотать объ этомъ. Давъ обѣщаніе, что онъ введетъ въ полкъ турецкій языкъ и искоренитъ въ немъ польскій и славянскій духъ, Фарнезе заручился покровительствомъ Мехмедъ-бея.

Ковалевскій увѣрилъ Мехмедъ-бея, что я дѣйствую самовольно и что я обращаюсь съ офицерами какъ съ моими рабами, увольняю ихъ изъ полка за малѣйшую вину десятками, чуть не сотнями. Говоря это, Ковалевскій расчувствовался до слезъ, перечислилъ всѣ качества и достоинства Фарнезе и его супруги, говорилъ, что если онъ не будетъ назначенъ на мѣсто Хаджи-Юзуфъ-бея, то всѣ поляки подадутъ въ отставку, что онъ уполномоченъ ими заявить объ этомъ и что назначеніе Фарнезе будетъ принято поляками, какъ особая милость и т. п.

То же самое говорили Мехмедъ-бею прочіе знакомые его поляки, такъ что онъ взялся хлопотать за Фарнезе, просилъ за него командовавшаго гвардіей Эссадъ-пашу и сераскира Авни-пашу; участіе, принятое имъ въ этомъ дѣлѣ, дало имъ поводъ думать, что это дѣлалось по желанію султана. Впрочемъ, у Мехмедъ-бея былъ очень сильный аргументъ въ пользу Фарнезе.

Полякъ принималъ на себя обязательство искоренить польскій духъ изъ польско-славянской организаціи и отуречить ее. Это былъ для поляковъ человѣкъ давно жданный и желанный.

Фарнезе получилъ просимое имъ мѣсто, мой сынъ объ этомъ не зналъ или не хотѣлъ знать; онъ притворился глухимъ и слѣпымъ, и въ концѣ концовъ даже не донесъ мнѣ о томъ: я узналъ всю эту исторію отъ Горенштейна со всѣми подробностями и тотчасъ написалъ моему сыну и самому Фарнезе, напомнивъ ему данное мнѣ честное слово.

Появился приказъ о назначеніи Фарнезе (Арифа-бея) подполков-

никомъ драгунскаго полка, на мѣсто Гаджи-Юзуфъ-бея и о принятіи въ казацкій полкъ маіоромъ Али-эфенди, смотрителя конюшенъ войсковой школы въ Стамбулѣ, а также о присылкѣ учителей для введенія въ полкъ команды на турецкомъ языкѣ. Все это было дѣломъ барона Окши, и надобно отдать ему справедливость, онъ дѣйствовалъ очень ловко и умно, обѣщавъ офицерамъ ввести, съ помощью Фарнезе и Мустафы-паши (Боржецкаго), новыя правила, благодаря которымъ, всѣ быстро получатъ повышеніе.

Въ числѣ прочихъ выдумокъ, Фарнезе пришла въ голову мысль, что онъ принадлежитъ къ извѣстному италіанскому роду Фарнезе, и онъ немедленно написалъ папѣ письмо, съ просьбою признать его въ награду за его преданность католицизму потомкомъ знаменитыхъ Фарнезе. Папа велѣлъ отвѣтить ему, что родъ Фарнезе угасъ уже болѣе ста лѣтъ тому назадъ, но такъ какъ онъ заявляетъ о себѣ, какъ о ревностномъ католикѣ, то св. отецъ будетъ молиться за него и посылаетъ ему свое благословеніе.

Много времени спустя, когда я уже разстался съ полкомъ, во время распрей, возникшихъ между сестрами милосердія Изабеллой Домбровской и Теофилой Сущинской, вслѣдствіе которыхъ послѣдняя даже вышла изъ ордена, Сущинская упрекала сестру Изабеллу за ея вмѣшательство въ политику, за ея интриги съ барономъ Окшею противъ меня и ссылалась въ доказательство на ея переписку съ поляками, проживавшими въ Парижѣ и въ другихъ городахъ, и въ особенности съ генераломъ Быстроновскимъ. Сущинская, съ которой сестра Изабелла была вполнѣ откровенна, выдала всѣ ея тайны. Узнавъ всѣ подробности этого дѣла отъ одного изъ моихъ пріятелей, мнѣ не хотѣлось касаться этихъ грязныхъ и въ высшей степени непріятныхъ для меня интригъ польской католической партіи, но я все-таки написалъ генералу Быстроновскому, что мнѣ все извѣстно и что я очень сожалѣю о томъ, что вмѣшательство конгрегаціи въ наше польское дѣло причинило ему немало вреда; высказавъ это, я прекратилъ съ нимъ не только переписку, но и всякія сношенія.

Возвращаясь къ Фарнезе, скажу откровенно, что всѣ предыдущія его интриги и вся его неспособность и бездарность, какъ кавалерійскаго офицера, и вообще какъ военнаго какого бы то ни было рода оружія, не могли окончательно возстановить меня противъ него; за послѣднія семнадцать лѣтъ мои подчиненные научили меня мириться со всѣмъ, но въ лицѣ Фарнезе я видѣлъ гибель организаціи, видѣлъ человѣка, нарушившаго данное имъ честное слово, и который для того только, чтобы вернуться въ полкъ, обѣщалъ уничтожить въ немъ польскій языкъ и польское знамя, которые составляли историческое наслѣдіе бывшаго войска Рѣчи Посполитой. Я содрогался при одной мысли, что полякъ

будетъ способствовать искорененію польскаго духа изъ нашей организаціи. Этого я не могъ ему простить. Я высказалъ это гг. офицерамъ лично и чрезъ нашихъ общихъ съ ними знакомыхъ, и они поняли, что я не имѣлъ ничего противъ Фарнезе, но возставалъ противъ взятой имъ на себя миссіи.

Написавъ Фарнезе, я послалъ одновременно письмо командующему войсками гвардіи, въ которомъ описалъ прошлое Фарнезе и его полную неспособность къ кавалерійской службѣ и просилъ оставить его при вещевыхъ складахъ, гдѣ онъ могъ принести болѣе пользы, нежели въ полку; я послалъ это письмо моему младшему сыну, поручивъ ему не отдавать его, если Фарнезе выразитъ желаніе сдержать свое слово, и даже похлопотать отъ моего имени, чтобы ему дали мѣсто при складѣ. Въ противномъ случаѣ я просилъ сына вручить письмо командующему гвардіей.

Фарнезе сказалъ моему сыну, что онъ не возьметъ своего слова назадъ, такъ какъ это его личное дѣло, и тутъ замѣшанъ вопросъ о средствахъ нужныхъ ему на содержаніе семьи, что онъ офицеръ турецкой службы и долженъ исполнять приказаніе сераскиріата. Оставшись въ Стамбулѣ для окончанія кое-какихъ формальностей, касавшихся его новаго назначенія, онъ поручилъ Залѣсскому отправиться впередъ и устроить ему въ полку торжественную встрѣчу.

Командующій войсками гвардіи отвѣтилъ на мое письмо слѣдующее:

«Все, что вы пишете объ Арифъ-бей (Фарнезе)—сущая правда, но вы сами спасли его отъ наказанія, и теперь вамъ придется терпѣть его. Что касается его неспособности, то объ этомъ мнѣ ничего не извѣстно, но онъ обязался ввести въ войско турецкій языкъ; это вполнѣ согласуется съ желаніемъ правительства, поэтому онъ и назначенъ. А въ виду того, что онъ можетъ оказаться неспособнымъ къ командованію, вмѣстѣ съ нимъ будетъ посланъ маіоръ Али-эфенди, знатокъ строевой службы; такимъ образомъ, имѣя подъ своимъ начальствомъ этихъ двухъ офицеровъ, вы не будете имѣть основанія говорить, что у васъ нѣтъ возможности ввести въ полкъ турецкій языкъ.

Я сообщилъ это письмо маршала Изетъ-паши въ копіи и переводѣ на польскій языкъ всѣмъ офицерамъ, дабы они твердо знали, что въ данномъ случаѣ былъ поставленъ на карту вопросъ о польскомъ характерѣ нашей организаціи. Кромѣ того я составилъ обстоятельную записку, въ которой доказывалъ, что лишеніе нашего войска его славянскаго характера не только не принесетъ пользы турецкому правительству, но, напротивъ, повредитъ ему, такъ какъ оно возстановитъ этимъ противъ себя славянъ, которые выказали во время войны такую вѣрность и преданность правительству; искоренивъ изъ нашего войска славянскій духъ, Турція будетъ имѣть, правда, два лишнихъ полка кавалеріи, но у нея

не будетъ болѣе кадровъ христіанско-славянскаго войска, которое могло бы принести, въ будущемъ, большую пользу государству съ точки зрѣнія политики. Въ заключеніе я указывалъ на преданную и вѣрную службу поляковъ, въ награду за которую имъ слѣдовало оставить ихъ народное знамя, которое они храбро отстаивали на полѣ битвы, присовокупивъ, что, служа подъ этимъ знаменемъ Оттоманской имперіи, я непрестанно думалъ о томъ, что служу вмѣстѣ съ тѣмъ польскому дѣлу; и что только эта мысль поддерживала и воодушевляла меня; иначе совѣсть не позволила бы мнѣ продолжать службу, и я бы обманулъ довѣріе правительства, которымъ я такъ былъ облагодѣтельствованъ.

Я далъ прочитать эту записку г.г. офицерамъ, а затѣмъ послалъ одинъ экземпляръ великому визирю, а другой сераскиру. Все это дѣлось мною съ вѣдома общества офицеровъ; такъ какъ тутъ шло дѣло о чести польскаго имени, слѣдовательно, поляки должны были знать обо всемъ.

Въ то время какъ это происходило въ Адріанополѣ, Фарнезе отправился въ полкъ; но онъ не счелъ нужнымъ, какъ того требовали первыя правила приличія, увѣдомить меня объ этомъ ни изъ Стамбула, ни съ дороги; я узналъ это частнымъ образомъ отъ Горенштейна, который уже не служилъ въ то время болѣе въ полку; онъ сообщилъ мнѣ, что Фарнезе готовится торжественная встрѣча, которая будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ демонстраціей противъ меня, что за это агитируетъ Залѣсскій, а въ тайнѣ всѣмъ руководитъ высшее начальство. Грустно и тяжело было слышать, что поляки собирались привѣтствовать того, кто ѣхалъ къ нимъ съ цѣлью искоренить въ ихъ войскѣ польскій духъ, и намѣревались сдѣлать враждебную манифестацію противъ меня, въ теченіе семнадцати лѣтъ со славою и честью поддерживавшаго въ Турціи польское имя. Подобная манифестація была съ ихъ стороны болѣе чѣмъ отсутствіемъ всякаго политическаго такта. Возможно-ли было долѣе служить польскому дѣлу при такихъ обстоятельствахъ? Я твердо рѣшилъ разстаться съ этими людьми и только выжидалъ дальнѣйшихъ фактовъ, которые оправдали бы мое рѣшеніе.

Дѣйствительно, Фарнезе, не доѣзжая Адріанополя, былъ встрѣченъ полковыми дамами, которыя ожидали его на одной изъ станцій со всевозможными закусками и яствами. Отдохнувъ и подкрѣпивъ свои силы, онъ совершилъ торжественный въѣздъ въ Адріанополь, нарочно проѣхавъ мимо моихъ оконъ; по обѣ стороны улицы ѣхали шпалерами офицеры въ полной парадной формѣ. Самъ Фарнезе ѣхалъ верхомъ, насмѣшливо поглядывая на мои окна, съ видомъ побѣдителя.

Я смотрѣлъ изъ окна на эту манифестацію, которая имѣла значеніе постолько, посколько она свидѣтельствовала, какъ мало поляки дорожили своей національностью.

Какъ только это тріумфальное шествіе скрылось изъ моихъ глазъ, я тотчасъ написалъ просьбу объ увольненіи меня въ отставку и послалъ ее сераскиру-пашѣ.

Но такъ какъ я долженъ былъ до конца исполнить свои обязанности, то я приказалъ посадить подъ арестъ на 24 часа всѣхъ офицеровъ, которые позволили себѣ, безъ вѣдома высшаго начальства, участвовать въ этой торжественной встрѣчѣ; Фарнезе явился ко мнѣ въ конакъ со своимъ фирманомъ, только на другой день безъ всякаго письма отъ сераскира-паши; такъ какъ въ фирманѣ было сказано, что онъ назначается эскадроннымъ командиромъ драгунскаго полка, то я приказалъ дать ему эскадронъ.

Фарнезе обратился къ офицерамъ своего эскадрона съ напыщенной рѣчью, въ которой онъ заявилъ имъ, что его эскадроны составятъ первый кавалерійскій полкъ въ мірѣ. Это было очень не любезно и даже оскорбительно по отношенію ко мнѣ, но дѣло не въ томъ! Я не знаю, удалось-ли ему это, сдержалъ-ли онъ хоть этотъ разъ свое слово, это меня не касалось и не касается, такъ какъ вскорѣ послѣ этой манифестаціи я оставилъ командованіе казацкимъ и драгунскимъ войскомъ.

Однако я не получилъ отвѣта на поданное мною прошеніе объ отставкѣ, а вмѣсто этого получилъ прелюбезное письмо отъ сераскира паши съ увѣдомленіемъ, что онъ посылаетъ мнѣ двѣсти лошадей для ремонта и причисляетъ къ моему отряду четвертый полкъ конной гвардіи, съ которымъ я долженъ буду отправиться въ Шумлу, гдѣ будетъ большой лагерный сборъ; при этомъ онъ присовокуплялъ, что этотъ корпусъ предназначается для военной демонстраціи, и намекалъ на то, что есть основаніе ожидать войны, что мое присутствіе въ корпусѣ необходимо и что правительство султана возлагаетъ большія надежды на мою храбрость и опытность, доказанныя моей многолѣтней службой.

Это было какъ бы косвеннымъ отвѣтомъ на мое прошеніе объ отставкѣ. Одновременно съ этимъ письмомъ былъ полученъ мною приказъ отъ командующаго гвардіей, чтобы по полученіи и распредѣленіи лошадей и выступленіи моихъ войскъ изъ Адріанополя я пріѣхалъ на нѣсколько дней въ Стамбулъ, а затѣмъ отправился уже въ Шумлу, гдѣ меня будетъ ожидать войско.

Было очевидно, что военное министерство, или, лучше сказать, сераскиръ, уступивъ просьбамъ Мехмедъ-бея, который дѣйствовалъ въ угоду полякамъ, хотѣлъ показать, что, назначая ко мнѣ Фарнезе, онъ подчинился приказанію, полученному изъ дворца, но находилъ нужнымъ переговорить со мною лично. Это было вполнѣ возможно, но манифестація, произведенная офицерами, отбила у меня всякую охоту отъ

дальнѣйшей службы съ этими господами. Если бы я вздумалъ удалить ихъ изъ полка, чтобы очистить его отъ плевелъ, которыя въ немъ завелись, то пришлось бы оставить въ немъ всего нѣсколько человѣкъ. Мнѣ не хотѣлось прибѣгать къ подобному средству; я готовъ былъ скорѣе отказаться отъ командованія войскомъ.

Поблагодаривъ сераскира за разрѣшеніе пріѣхать въ Стамбулъ, я написалъ, что не могу имъ воспользоваться, такъ какъ я долженъ до конца честно исполнять свое дѣло, а у меня нѣтъ надежныхъ штабъ-офицеровъ, коимъ я могъ бы поручить войско.

У меня была и другая, чисто личная причина не ѣхать въ Стамбулъ. Какъ разъ въ это время должна была состояться свадьба моего младшаго сына съ дѣвицей Кириковой; мнѣ не хотѣлось присутствовать на этой свадьбѣ потому, что мой сынъ, стремясь къ достиженію своихъ цѣлей, позабылъ свой долгъ по отношенію ко мнѣ и способствовалъ гибели дѣла, которое составляло мою гордость и на которое я, какъ полякъ, возлагалъ всѣ свои надежды.

Въ описываемое мною время между Наполеономъ III и королемъ прусскимъ существовали уже тѣ натянутыя отношенія, которыя грозили нарушить спокойствіе Европы и привели дѣйствительно вскорѣ къ франко-прусской войнѣ. Я отлично видѣлъ, что этотъ разъ Турція не приметъ участія въ войнѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ вполнѣ увѣренъ, что, при полномъ отсутствіи въ польскихъ офицерахъ патріотизма, не удастся сохранить польскаго характера нашей организаціи, хотя бы на то и было согласіе правительства. Подвергать же себя новымъ непріятностямъ и хлопотамъ для того только, чтобы удержать организацію въ предсмертныхъ судорогахъ—не стоило. Гораздо лучше и честнѣе было отказаться отъ командованія войскомъ, возлагая надежду на то, что тѣ люди, кои вынудили меня къ этому шагу, сдѣлаютъ, быть можетъ, лучше меня. Послѣ вышеописанной манифестаціи между нами уже не могло существовать дружескихъ отношеній, поэтому слѣдовало устраниться, чтобы не нарушать по крайней мѣрѣ согласія, существовавшаго между остальными.

Маіоръ Али-эфенди, посланный къ намъ съ лошадьми, прибылъ въ полкъ; такимъ образомъ компанія, подобранная для искорененія изъ нашей организаціи польскаго духа, была въ полномъ сборѣ; г.г. офицеры могли быть довольны.

Маіоръ Али-эфенди, какъ офицеръ и какъ человѣкъ, оказался полной посредственностью; получивъ образованіе въ школѣ подъ руководствомъ европейскихъ наставниковъ, онъ усвоилъ европейскія манеры и нѣкоторый внѣшній лоскъ, но въ общемъ производилъ впечатлѣніе выдрессированной собачки; здороваясь, напр., онъ подавалъ по-европейски руку, но дѣлалъ это такъ неуклюже, какъ собачка, которая

подаетъ лапку. Онъ дѣлалъ все машинально, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что онъ дѣлаетъ, но внѣшніе пріемы вѣжливости выполнялъ артистически. Онъ ѣздилъ верхомъ не важно, но имѣлъ прекрасный зычный голосъ, велъ себя безукоризненно, былъ недурнымъ службистомъ; дѣлалъ видъ, что занимается науками, но засыпалъ надъ книжкою. Какъ турку, я не могъ поставить ему въ укоръ его преданности всему турецкому, напротивъ, это было въ моихъ глазахъ его заслугою. Вначалѣ между нами установились вполнѣ пріязненныя отношенія, и я до конца не дѣлалъ ему никакихъ непріятностей; напротивъ, я старался облегчить ему сношенія съ офицерами, и если мое отношеніе къ нему впослѣдствіи измѣнилось, то виною этого были интриги Фарнезе и прочихъ офицеровъ.

По всему пути въ Шумлу болгары встрѣчали насъ такъ сердечно, какъ своихъ единоплеменниковъ. Въ городахъ и селахъ насъ встрѣчали старшины, цехи, хоры дѣтей; пока мы размѣщались по квартирамъ, насъ провожали съ пѣснями и музыкой; и если въ то время въ какой-нибудь школѣ происходилъ экзаменъ, насъ тотчасъ просили присутствовать на немъ, ибо въ Болгаріи придаютъ школѣ огромное значеніе; всѣ болгары грамотны, умѣютъ пѣть, читаютъ газеты. Ученье для болгарина то же, что театръ и балъ для француза, верховая ѣзда и охота для англичанина, и если англичанинъ заслуживаетъ по преимуществу названія спортсмена, то современныхъ болгаръ можно назвать, по справедливости, людьми науки; они любятъ книги такъ же, какъ нѣмецъ любитъ пиво и сигару. По окончаніи экзамена болгары бесѣдуютъ, пьютъ вино и угощаютъ присутствующихъ «чѣмъ Богъ послалъ».

Я перешелъ, быть можетъ послѣдній разъ въ жизни, съ войскомъ Балканы, съ которыми для меня всегда будутъ связаны самыя дорогія воспоминанія, такъ какъ я могу сказать по совѣсти, что мнѣ удалось, съ помощью Божіей, сдѣлать много для турецкаго правительства и для мѣстнаго населенія; и мнѣ всегда пріятно будетъ вспомнить благодарность, которую высказывалъ мнѣ за это болгарскій народъ. Куда бы я ни пріѣхалъ, меня встрѣчали всегда привѣтливо и благословляли. Во время послѣднихъ волненій, бывшихъ въ странѣ, я спасъ болгаръ отъ многихъ бѣдъ и убѣдилъ правительство въ ихъ вѣрности и преданности. Поэтому, начиная отъ Сливенъ, я чувствовалъ себя какъ въ родномъ городѣ; мѣстные жители: старцы, взрослые, дѣти, мужчины и женщины сбѣгались ко мнѣ какъ къ родному отцу, какъ къ опекуну и благодѣтелю.

Когда мы прибыли въ Сливны, я получилъ приглашеніе отъ владѣльца одного фольварка отъужинать у него и засталъ у него въ числѣ другихъ беевъ, пріѣхавшихъ привѣтствовать меня, Кіатуба-оглу, древ-

няго старца, на видъ еще довольно бодраго, который прославился въ войну 1855 г., командуя башибузуками, съ коими онъ чинилъ всевозможныя звѣрства, грабя мѣстное населеніе; христіанскихъ дѣвушекъ и женщинъ онъ приказывалъ башибузукамъ безчестить до смерти, а самъ смотрѣлъ на нихъ, покуривая трубку и попивая кофе; если которая-нибудь изъ этихъ несчастныхъ жертвъ оставалась жива, то онъ приказывалъ вырѣзать ей груди и бросить ихъ на съѣденіе голоднымъ псамъ; женщинъ подвѣшивали по его приказанію за ноги и, разложивъ листья и вѣтки, поджигали ихъ, чтобы несчастныя мучились въ дыму какъ можно сильнѣе и дольше; мужчинъ садили по его приказанію на колъ, или привязывали за ноги къ дикой лошади и пускали ее вскачь; онъ грабилъ и жегъ дома, а награбленное имущество и скотъ отсылалъ въ свой фольварокъ. По удаленіи Мустафы-паши изъ Добруджи Кіатубъ-оглу былъ арестованъ въ Шумлѣ, отданъ подъ судъ и приговоренъ, вмѣстѣ съ многими другими товарищами по разбою, къ наказанію 600 ударами палкою по плечамъ и животу. Всѣ остальные испустили духъ подъ палкою, одинъ только Кіатубъ-оглу выдержалъ наказаніе. Когда его отнесли въ госпиталь, то первою его мыслію было спросить, дошли-ли отправленныя имъ вещи въ его имѣніе Кизилъ-Ахагу, такъ какъ онъ надѣялся вскорѣ выздоровѣть и воспользоваться своей добычей.

Кіатубъ-оглу поправился. Награбленное имъ имущество не было конфисковано, и онъ продолжалъ свои разбойничьи подвиги по большимъ дорогамъ. Но этотъ разбойникъ былъ гостепріименъ, у него бывали беи и иностранные консулы, и никто не ставилъ ему въ вину прошлаго, всѣ оказывали ему уваженіе, какъ какому-нибудь сановнику, удалившемуся отъ дѣлъ.

Я долженъ сказать откровенно, что этотъ человѣкъ, котораго описывали мнѣ какъ нѣчто любопытное и особенное, изъ ряда выходящее, возбуждалъ во мнѣ не жалость или состраданіе, а отвращеніе; это былъ завзятый разбойникъ, котораго терпѣли потому, что онъ былъ богатъ; я изобразилъ его въ моей повѣсти «Болгарія», написанной мною уже въ отставкѣ. Ничего нѣтъ удивительнаго, что въ Турціи совершаются постоянные разбои, коль скоро въ ней возможны типы, подобные Кіатубъ-оглу.

Когда мы проходили чрезъ Сливны, мѣстное населеніе было радостно настроено по случаю полученія фирмана объ отдѣленіи болгарской церкви отъ Константинопольской патріархіи. Обнародованіе этого фирмана совершилось самымъ страннымъ образомъ, который свидѣтельствуетъ какъ нельзя болѣе о нерѣшительности и трусости Али-паши. Фирманъ былъ подписанъ и переданъ уполномоченнымъ Филиппопольскаго комитета, которые разослали его въ копіи по всей

Болгаріи, отдавъ приказаніе прочитать его въ церквахъ. Вали и мутезарифы, получивъ копіи съ фирмана, не получили одновременно приказанія обнародовать его и не знали, какъ поступить. Когда адріанопольскіе болгары пришли ко мнѣ за совѣтомъ, что имъ дѣлать, такъ какъ вали-паша не хотѣлъ оглашать фирмана оффиціально, а сказалъ имъ: «дѣлайте какъ знаете», то я отправился къ вали-пашѣ и старался доказать ему, что подобное отношеніе къ дѣлу со стороны высшихъ властей и отказъ обнародовать фирманъ, данный султаномъ, предоставляя это самимъ болгарамъ, равносильны признанію за ними какихъ-то политическихъ правъ, что̀ можетъ произвести совершенно нежелательное впечатлѣніе на прочихъ подданныхъ турецкаго правительства; я совѣтовалъ телеграфировать великому визирю и спросить его, какъ поступить въ данномъ случаѣ. Вали-паша еще колебался, когда къ нему пришелъ англійскій консулъ и посовѣтовалъ не мѣшаться въ это дѣло, касающееся исключительно религіи, и предоставить болгарамъ самимъ объявить народу содержаніе фирмана, присовокупивъ, что таково мнѣніе и англійскаго посланника. Такъ и было поступлено.

Англійскій консулъ присутствовалъ при провозглашеніи независимости болгарской церкви отъ Константинопольской патріархіи; но прочіе консулы не были на церемоніи. Изъ мѣстныхъ властей также никого не было, даже заптіямъ было запрещено являться на чтеніе фирмана.

Я послалъ въ церковь всѣхъ унтеръ-офицеровъ и солдатъ-болгаръ и музыку, но самъ не былъ на церемоніи по просьбѣ вали, который могъ бы, впрочемъ, приказать мнѣ это.

Въ другихъ городахъ церемонія происходила торжественнѣе. Въ Сливнахъ мутезарифъ Джаудъ-паша, человѣкъ смѣлый и тонкій политикъ, приказалъ прочитать фирманъ въ конакѣ съ церемоніаломъ, какимъ сопровождается обыкновенно чтеніе фирмановъ, а затѣмъ присутствовалъ при чтеніи его въ церкви, куда собрались всѣ должностныя лица, беи и жандармерія; этимъ онъ исправилъ ошибку, сдѣланную его начальникомъ.

Такъ же торжественно былъ прочитанъ фирманъ и во многихъ другихъ городахъ; мало кто поступилъ такъ трусливо, какъ адріанопольскій вали.

Этотъ фирманъ, можно сказать, совершенно преобразилъ болгарскій народъ. Какое-то чувство свободы, какое-то неудержимое стремленіе къ наукѣ и къ знанію, проявившееся среди населенія, было наилучшимъ доказательствомъ того, что автономія, данная церкви, была предвѣстницей политической автономіи болгарскаго народа. Но этотъ фирманъ, такъ же точно, какъ и всѣ правительственныя мѣры Али-паши, не

былъ рѣшеніемъ спора болгаръ съ греческимъ патріархомъ, напротивъ, оно было отложено на неопредѣленное время.

Коммиссія за коммиссіей подавали проектъ за проектомъ, которые ни къ чему не привели до тѣхъ поръ, пока русское посольство не взяло этого дѣла подъ свое покровительство. Тогда только былъ избранъ экзархъ, и провозглашена, несмотря на протестъ греческаго патріарха, полная независимость болгарской національной церкви. Такимъ образомъ болгары обязаны Россіи окончаніемъ этого важнаго вопроса ихъ народной жизни, хотя русская дипломатія, свято соблюдая постановленія Парижскаго трактата 1856 г., долго не вмѣшивалась, по крайней мѣрѣ оффиціально, въ этотъ нескончаемый споръ.

Я слышалъ впослѣдствіи въ Стамбулѣ отъ одного извѣстнаго русскаго дипломата, что Россія не хотѣла вмѣшиваться въ вопросъ о болгарской церкви до тѣхъ поръ, пока я буду стоять во главѣ турецкаго болгарскаго войска.

И, дѣйствительно, русскій посланникъ завелъ рѣчь о дѣлахъ церкви съ болгарскимъ епископомъ и съ уполномоченными Филиппопольскаго комитета, впервые въ тотъ день, когда я, уже въ статскомъ платьѣ, посѣтилъ въ русскомъ посольствѣ моего пріятеля, генерала Богуславскаго, уѣзжавшаго въ Петербургъ.

Какъ много потеряло турецкое правительство вслѣдствіе робости Али-паши и вслѣдствіе того, что оно прислушивалось къ интригамъ барона Окши и подобныхъ ему лицъ!

Въ Казанѣ [1]), гдѣ мы остановились по пути въ Сливны, мѣстное общество многимъ отличалось отъ прочаго населенія Болгаріи. Здѣсь всѣ говорили по-французски, по-русски, по-нѣмецки, у всѣхъ были газеты, книги, и при томъ очень хорошія. Болгарки были одѣты въ платья европейскаго покроя, сшитыя въ Бухарестѣ и Яссахъ, играли на фортепіано, щебетали по-французски, на столахъ у нихъ лежали романы Жоржъ-Занда, Дюма, стихотворенія Виктора Гюго, Мюссе, модные и иллюстрированные журналы; однимъ словомъ, все было точно такъ, какъ въ Яссахъ или въ Бухарестѣ. Большая часть молодежи получила образованіе въ этихъ двухъ румынскихъ столицахъ; изъ мужчинъ многіе окончили курсъ въ Вѣнѣ, Прагѣ, Парижѣ; это уже не были дѣятели послѣдняго, плохо организованнаго возстанія, но люди, сознательно шедшіе къ намѣченной ими цѣли. Все говорило о пробужденіи въ Болгаріи національнаго самосознанія.

По прибытіи съ казацкими эскадронами въ Шумлу, я увидѣлъ, что маршалъ Абдулъ-Керимъ-Надиръ-паша, о которомъ мнѣ уже приходилось говорить, относился ко мнѣ и къ моему войску въ высшей сте-

[1]) Казанъ или Кошель—городокъ въ Балканахъ.

пени сочувственно. Онъ понималъ лучше всѣхъ остальныхъ военныхъ властей Турціи, какое значеніе имѣли для Порты славяне и какъ было важно для нихъ, чтобы наша организація сохранила свой польскій характеръ. Онъ видѣлъ ее на дѣлѣ и, получивъ образованіе въ военномъ училищѣ въ Вѣнѣ, былъ самъ вполнѣ европеецъ; поэтому не мудрено, что онъ умѣлъ оцѣнить значеніе польско-славянской конницы съ точки зрѣнія военной и политической, гораздо вѣрнѣе, нежели другіе. Я разсказалъ ему вполнѣ откровенно, до мельчайшихъ подробностей, обо всѣхъ распоряженіяхъ Гуссейнъ-Авни-паши и командующаго гвардіей Иззета-паши, а также всю исторію мою съ Фарнезе, и даже о манифестаціи поляковъ противъ меня въ Адріанополѣ и о поданномъ мною прошеніи объ отставкѣ.

Интриги поляковъ и манифестація, произведенная ими, не удивили его, ибо, командуя довольно долго третьимъ корпусомъ, къ которому принадлежали казаки и драгуны, онъ имѣлъ случай хорошо узнать ихъ. Но онъ не хотѣлъ вѣрить приказу сераскира, который такъ плохо согласовался съ интересами государства, и допускалъ, что онъ былъ жертвою польской интриги, которую поддерживалъ великій визирь Али-паша, въ надеждѣ сдѣлать угодное русскому и австрійскому посольствамъ, безо всякой о томъ, съ ихъ стороны, просьбы. По его мнѣнію, главною пружиною въ этомъ дѣлѣ были поляки, для которыхъ происки и интриги стали второю натурою; онъ не могъ повѣрить, чтобы турокъ сознательно отдалъ подобный приказъ; поэтому, онъ приказалъ съ своей стороны, чтобы въ нашихъ эскадронахъ команда произносилась попрежнему по польски, чтобы польскій языкъ считался оффиціальнымъ языкомъ для всѣхъ сношеній офицеровъ между собою по дѣламъ организаціи и чтобы одни только офицеры учились командовать на турецкомъ языкѣ для того, чтобы они могли понимать отдаваемыя имъ приказанія, въ случаѣ совмѣстныхъ дѣйствій съ турецкими войсками.

Приказъ этотъ былъ прочитанъ передъ фронтомъ, и служба пошла своимъ чередомъ; маіору Али-эфенди было приказано обучать офицеровъ командѣ на турецкомъ языкѣ, къ чему тотчасъ и было приступлено. Я присутствовалъ при этихъ урокахъ и замѣтилъ, что тѣ самые господа, кои хлопотали болѣе всего о введеніи въ наше войско турецкаго языка для того, чтобы искоренить изъ него польскій духъ, либо не являлись вовсе на занятія подъ предлогомъ болѣзни, либо, посѣщая ихъ, относились къ дѣлу въ высшей степени небрежно. Какъ я узналъ впослѣдствіи, это дѣлалось съ умысломъ, чтобы не снискать своимъ рвеніемъ и прилежаніемъ одобренія правительства, которое въ награду за это могло отмѣнить свое распоряженіе и оставить польско-славянскую организацію на прежнихъ началахъ. Это была, какъ оказалось, тонко разсчитанная хитрость. Примѣръ къ тому былъ поданъ старшими

офицерами, руководившими интригою, которая велась противъ меня и противъ польскаго характера нашей организаціи.

Вышеупомянутый приказъ Абдулъ-Керима произвелъ большое впечатлѣніе на болгаръ, такъ, что болѣе двадцати молодыхъ людей, принадлежавшихъ къ самымъ богатымъ и знатнымъ фамиліямъ Шумлы и ея окрестностей, записались въ казаки и драгуны.

Корпусный командиръ, воспользовавшись готовностью болгаръ поступить на турецкую службу, написалъ пространный рапортъ сераскиру, въ которомъ защищалъ славянское знамя, перечислялъ всѣ выгоды нашей организаціи и, опираясь на факты, доказывалъ неопровержимо, что горсточка славянской кавалеріи привлечетъ славянъ къ султану и къ Турціи, и что поэтому необходимо сохранить ее въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала до тѣхъ поръ. Поступленіе въ нашъ полкъ болгарской молодежи было, по его словамъ, доказательствомъ справедливости его словъ. Онъ прочелъ мнѣ этотъ рапортъ, написанный очень обстоятельно и толково, и послалъ его сераскиру въ Стамбулъ.

Какъ я уже говорилъ, мои отношенія къ маіору Али-эфенди были самыя пріязненныя во все время нашего перехода отъ Адріанополя до Шумлы. Видя, что болгары относились сочувственно ко мнѣ и къ нашему войску, онъ постарался сойтись съ офицерами и солдатами и неоднократно высказывалъ мнѣ, что, по его мнѣнію, необходимо сохранить польско-славянскій характеръ нашего войска и что это можетъ принести большую пользу государству. Когда я разсказалъ ему о томъ, что мною подано прошеніе объ отставкѣ, такъ какъ это не было уже ни для кого тайною, то маіоръ Али-эфенди нѣсколько разъ повторялъ, что, разговаривая въ Стамбулѣ съ офицерами и даже съ моимъ младшимъ сыномъ о томъ, что съ назначеніемъ меня членомъ военнаго суда или какой-нибудь военной коммиссіи, въ которой я могъ бы спокойно дослуживать свой вѣкъ, онъ былъ всегда того мнѣнія, что любой офицеръ могъ занять мое мѣсто, но что теперь, ознакомившись лучше съ организаціей нашего войска, онъ убѣдился, что съ моимъ уходомъ оно утратитъ все свое значеніе съ точки зрѣнія военной и политической, и что заявленіе Фарнезе о томъ, что подъ его командою казаки станутъ первымъ полкомъ въ мірѣ, онъ считаетъ пустымъ хвастовствомъ и не можетъ даже себѣ представить, чтобы человѣкъ, столь ограниченный, могъ командовать такой кавалеріей. Онъ порицалъ моего младшаго сына за то, что тотъ, по какимъ-то непонятнымъ для него побужденіямъ, увѣрялъ высшее начальство, что мнѣ нуженъ отдыхъ и что наше войско будетъ такъ же точно процвѣтать подъ командою другаго лица. Али-эфенди говорилъ, что подобныя разсужденія со стороны моего сына свидѣтельствовали о не-

знаніи дѣла и могли принести вредъ организаціи. Таковъ былъ взглядъ этого офицера, присланнаго Фарнезе въ помощники для отуреченія славянской кавалеріи.

Въ то время, когда полковыхъ лошадей, по существовавшему издавна въ турецкой кавалеріи обычаю, выгоняли на пастбище, лошадь драгунскаго поручика Егора Костова понесла и ударила въ грудь подполковника Фарнезе, который, какъ плохой ѣздокъ, не успѣлъ отстраниться. Ушибъ былъ сильный, но не опасный, тѣмъ не менѣе Фарнезе, сдѣлавъ видъ, что ему очень худо, просидѣлъ довольно долго дома, не являлся на ученье, къ которому онъ не чувствовалъ ни малѣйшаго влеченія, и занялся интригами. Его домъ сдѣлался сборищемъ «недовольныхъ»; по желанію его жены, на собранія, происходившія у него въ домѣ, приглашались Али-эфенди и вновь назначенный полковой писарь. Правду говоритъ пословица, что гдѣ чортъ не сможетъ, туда бабу пошлетъ.

Очаровательная г-жа Фарнезе совсѣмъ сбила съ толку маіора Али-эфенди, онъ сдѣлался слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ ея мужа для того, чтобы понравиться женѣ.

Маіоръ Али-эфенди давно уже былъ недоволенъ тѣмъ, что мой старшій сынъ, хотя моложе его по службѣ, командовалъ уже полкомъ и что маршалъ относился къ нему, Али-эфенди, менѣе предупредительно, нежели къ моему сыну; эти мелкія причины неудовольствія въ соединеніи съ наущеніями очаровательной г-жи Фарнезе довели Али-эфенди до того, что онъ рѣшилъ подать прошеніе о переводѣ его изъ казацкаго полка подъ предлогомъ, что корпусный командиръ приказываетъ ему дѣйствовать совершенно несогласно съ приказаніемъ, полученнымъ отъ сераскира. Прошеніе это было подано черезъ меня, и я препроводилъ его сераскиру. Въ то же время Фарнезе со своей стороны сдѣлалъ запросъ командующему гвардіей, какъ ему поступить въ виду того, что приказъ, полученный имъ отъ корпуснаго командира, не даетъ ему возможности исполнить принятое на себя обязательство искоренить изъ войска польско-славянскій духъ.

Нѣсколько дней спустя послѣ того, какъ мы пришли въ Шумлу, изъ Стамбула былъ присланъ къ намъ молодой черногорецъ, по имени Петровичъ, считавшій себя родственникомъ Нѣгошей, какъ онъ говорилъ внукомъ послѣдняго владыки.

Этотъ молодой человѣкъ, мечтавшій о черногорскомъ престолѣ, странствовалъ по бѣлу свѣту; былъ въ Италіи, сражался подъ начальствомъ Гарибальди; воевалъ подъ чужимъ именемъ въ Черногоріи противъ Омера-паши, позднѣе участвовалъ въ польскомъ возстаніи, наконецъ сражался на островѣ Критѣ противъ турокъ и въ концѣ концовъ сдался на волю турецкаго правительства и просилъ позволенія

вступить въ славянское войско султана, въ надеждѣ при помощи и покровительствѣ Высокой Порты вернуть свой наслѣдственный престолъ.

Сераскиръ-паша приказалъ мнѣ принять его въ полкъ и зорко слѣдить за нимъ, что̀ можно было понять такъ: держать его подъ присмотромъ въ лагерѣ. Я помѣстилъ его вмѣстѣ съ маіоромъ Котурчу, очень гостепріимнымъ, привѣтливымъ старичкомъ, и просилъ его не выходить въ городъ иначе какъ въ сопровожденіи офицера или приставленнаго къ нему унтеръ-офицера; но, вообще, я относился къ нему съ уваженіемъ, какъ къ славянину и будущему казацкому офицеру.

Петровичъ былъ человѣкъ довольно образованный, говорилъ на нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ и получилъ тщательное воспитаніе. Все шло своимъ порядкомъ; молодой черногорецъ занимался своимъ дѣломъ ретиво и видимо былъ признателенъ за хорошее обращеніе съ нимъ.

Донося о его поведеніи маршалу, корпусному командиру и командующему гвардіей, я высказалъ, что его слѣдуетъ принять въ полкъ не иначе, какъ въ офицерскомъ чинѣ, чтобы привязать его этимъ къ правительству и къ войску, ибо иначе онъ могъ потерять всякую охоту къ службѣ. Одновременно я просилъ о производствѣ въ офицеры Путкамера, племянника Бисмарка (сына его сестры), бывшаго прусскаго гусара, который, влюбившись въ польку, участвовалъ въ возстаніи 1863 г.; пробывъ по окончаніи его нѣсколько лѣтъ въ заточеніи и разсердившись на дядю, который не принялъ въ немъ участія, онъ уѣхалъ въ Турцію и записался въ казаки; это былъ очень приличный молодой человѣкъ и обѣщалъ быть со временемъ прекраснымъ офицеромъ.

Однажды вечеромъ пришелъ ко мнѣ въ палатку дивизіонный генералъ, Арифъ-паша, и засталъ у меня нѣсколько офицеровъ, въ томъ числѣ Петровича; онъ тотчасъ узналъ его и припомнилъ, что Петровичъ сдался со своимъ отрядомъ, сложивъ оружіе. Петровичъ не отрицалъ этого факта, а даже сообщилъ нѣкоторыя подробности, которыя были подтверждены пашою; послѣдній хвалилъ храбрость и стойкость Петровича, называя его однимъ изъ самыхъ дѣльныхъ предводителей повстанцевъ. Однимъ словомъ, послѣ этой встрѣчи, Петровичъ сдѣлался въ глазахъ офицеровъ героемъ.

Нѣсколько дней спустя жандармскій унтеръ-офицеръ, Боснякъ, донесъ мнѣ, что нѣсколько офицеровъ изъ друзей Фарнезе начали стращать Петровича, будто я подалъ рапортъ о ссылкѣ его въ отдаленную азіатскую провинцію, и что ему не безопасно оставаться въ Румыніи; поэтому они совѣтовали ему бѣжать. Унтеръ-офицеръ говорилъ, что онъ самъ слышалъ это, и счелъ долгомъ донести мнѣ.

Я пригласилъ къ себѣ маіора Котовича и, разсказавъ ему все, не называя впрочемъ унтеръ-офицера, далъ ему черновикъ своего рапорта, прося сообщить его черногорцу и посовѣтовать ему не слушать розсказней офицеровъ.

Я не велѣлъ усилить надзора за Петровичемъ, будучи увѣренъ, что маіоръ Котовичъ исполнитъ данное ему порученіе. На другой день тотъ же унтеръ-офицеръ явился ко мнѣ съ рапортомъ, что Петровичъ вышелъ изъ лагеря съ штабсъ-капитаномъ Залевскимъ, другомъ и пріятелемъ Фарнезе, самымъ отчаяннымъ изо всей этой клики интригановъ, что они вошли вмѣстѣ съ нимъ въ харчевню, гдѣ застали поджидавшихъ ихъ Канели и Яблоновскаго. Жандармы вошли вслѣдъ за ними, но офицеры тотчасъ приказали имъ выйти изъ харчевни.

На другой день маіоръ Котовичъ донесъ мнѣ, что Петровичъ исчезъ изъ лагеря и при этомъ признался, что онъ ничего не говорилъ съ нимъ и не показывалъ ему моего рапорта, такъ какъ прочіе офицеры совѣтовали не дѣлать этого. Напуганный мною маіоръ хотѣлъ, чтобы я посадилъ всѣхъ офицеровъ подъ арестъ, и высказалъ опасеніе, какъ бы черногорцы въ ту же ночь не напали на нашъ лагерь и не перерѣзали всѣхъ насъ. Я едва успокоилъ его, посадивъ его однако подъ арестъ за неисполненіе даннаго мною приказанія. Петровича я не велѣлъ разыскивать, но донесъ о его побѣгѣ корпусному командиру. Мнѣ было извѣстно, что въ тотъ же вечеръ у г-жи Фарнезе собрались полковыя дамы, маіоръ Али-эфенди, писарь Гамди-бей и многіе другіе офицеры и что они радовались по поводу непріятности, которую причинитъ мнѣ этотъ побѣгъ.

Все это я разсказываю для того, чтобы показать, могъ-ли я оставаться долѣе съ такими людьми и не лучше-ли было для меня и для нихъ самихъ, чтобы они остались съ Фарнезе, который могъ сдѣлать изъ нихъ первый полкъ въ мірѣ!

Маіоръ Монастырскій, одинъ изъ лучшихъ и способнѣйшихъ нашихъ офицеровъ, давно уже задумалъ, пользуясь своимъ вліяніемъ на губернаторовъ Ливана—Даудъ-пашу и Франко-пашу, добиться перевода на Ливанъ двухъ драгунскихъ эскадроновъ, оставшихся при казацкомъ полку. Я былъ противъ этого и доказывалъ начальству, что если понадобится, то я пошлю туда два эскадрона казаковъ, а драгунъ оставлю при себѣ, чтобы имѣть возможность принимать охотниковъ, которые изъявятъ желаніе поступить въ тотъ или другой полкъ, и чтобы поддержать въ нихъ воинскій духъ, ибо мнѣ было извѣстно, что на Ливанѣ строевая служба, за недостаткомъ инструкторовъ, была въ большомъ упадкѣ и что драгуны, неся въ этой провинціи жандармскую службу, не имѣли времени заниматься серьезно полковымъ ученіемъ. Мнѣ удалось такимъ образомъ, несмотря на требованія губернаторовъ,

отстоять цѣльность нашей организаціи, какъ въ отношеніи военномъ, такъ и политическомъ.

Какъ вдругъ мой младшій сынъ извѣстилъ меня о возобновленіи этого ходатайства и спрашивалъ, что дѣлать? Я отвѣчалъ: «не препятствуй, пусть дѣлаютъ какъ хотятъ, такъ какъ я выхожу въ отставку. Быть можетъ, Монастырскій при его способности и добромъ желаніи спасетъ драгунъ, и они сослужатъ службу въ то время, когда поляки опомнятся и лучше сознаютъ свои интересы, ибо я увѣренъ, что Фарнезе въ конецъ испортитъ казаковъ».

Вскорѣ на имя корпуснаго командира былъ полученъ приказъ о томъ, чтобы драгуны сдали своихъ лошадей первому кавалерійскому полку, а сами отправились по желѣзной дорогѣ и пароходомъ въ Стамбулъ, откуда они пойдутъ на Ливанъ. Сообщая мнѣ этотъ приказъ, маршалъ присовокупилъ, чтобы я перечислилъ изъ казаковъ въ драгуны всѣхъ тѣхъ офицеровъ, отъ коихъ мнѣ хотѣлось бы избавиться, и письменно приказалъ мнѣ отправить съ ними Фарнезе, какъ подполковника драгунскаго полка. Я же написалъ сераскиру, прося его оставить казаковъ въ томъ видѣ, какъ они были, а въ случаѣ какихъ-либо перемѣнъ прислать полковника Туфанъ-бея (Госциминскаго), которому я и передамъ командованіе.

— Избавившись отъ Фарнезе, вамъ, быть можетъ, удастся спасти казаковъ,—говорилъ мнѣ маршалъ,—такъ какъ едва-ли найдется еще полякъ, который взялся бы отуречить это войско.

Быть можетъ, онъ былъ правъ, но, рѣшивъ сложить съ себя командованіе и любя казаковъ и драгунъ, какъ своихъ дѣтей, какъ надежду поляковъ, я хотѣлъ сдѣлать все возможное, чтобы спасти ихъ отъ гибели, и поэтому прикомандировалъ къ эскадрону драгунъ штабсъ-капитана Залѣсскаго и поручика Христофоровича, который долженъ былъ слѣдить за всякимъ шагомъ Фарнезе.

Вскорѣ явился ко мнѣ Фарнезе съ вопросомъ, желаю-ли я, чтобы онъ отправился съ драгунами на Ливанъ, или чтобы онъ вернулся въ Шумлу. Я отвѣчалъ, что, лично, я ничего не желаю; такъ какъ я не сегодня завтра оставляю полкъ, то для меня безразлично, гдѣ онъ будетъ, но я хотѣлъ бы для пользы дѣла, чтобы онъ ѣхалъ на Ливанъ и не возвращался къ казакамъ и что этимъ онъ вполнѣ докажетъ мнѣ свою признательность за все сдѣланное для него, и я буду въ состояніи подать ему, какъ поляку, руку за то, что онъ не погубилъ войска, нужнаго для польскаго дѣла.

Я надѣялся въ то время, что мнѣ удастся выхлопотать, чтобы командиромъ казацкаго полка былъ назначенъ мой сынъ или, въ крайнемъ случаѣ, Туфанъ-бей (Госциминскій), и такимъ образомъ дѣло было бы спасено.

Не знаю, что думалъ Фарнезе послѣ моего разговора съ нимъ, но я слышалъ впослѣдствіи, что онъ совѣтовался со своими друзьями армянами и поляками о томъ, что ему дѣлать; когда же ему сказали, что онъ будетъ произведенъ въ полковники лишь въ томъ случаѣ, если онъ выполнитъ данное имъ обѣщаніе отуречить наше войско, то онъ рѣшилъ возвратиться въ Шумлу.

Докторъ Козловскій передавалъ мнѣ впослѣдствіи, что Фарнезе говорилъ въ Стамбулѣ ему и своимъ друзьямъ, что ему рѣшительно все равно, командовать турками или поляками, лишь бы заслужить золотые галуны.

Въ турецкомъ войскѣ подполковникъ имѣетъ на рукавѣ два золотыхъ и два серебряныхъ галуна, а у полковника всѣ галуны золотые. Такимъ образомъ цѣною золотыхъ галуновъ Фарнезе былъ готовъ погубить польское дѣло. Правда, что каждый золотой галунъ приноситъ ежемѣсячно слишкомъ пятьсотъ піастровъ. Товарищи Фарнезе одобряли его за это. И это были поляки!

Посланный мною въ Стамбулъ адъютантъ Казиміръ Буржинскій писалъ мнѣ оттуда, что не слѣдуетъ убаюкивать себя несбыточными мечтами, и что вопросъ объ отуреченіи нашего войска рѣшенъ окончательно; Фарнезе, желая получить обѣщанную награду, подтвердилъ данное имъ слово и возвращается въ Шумлу.

Меня огорчало болѣе всего то обстоятельство, что въ этомъ дѣлѣ принималъ близкое участіе мой младшій сынъ Музафферъ-бей (Владиславъ Чайковскій), поддавшійся совѣтамъ неблагомѣренныхъ людей, и что онъ покровительствовалъ такимъ лицамъ, какъ маіоръ Али-эфенди и Фарнезе. Баронъ Окша и его друзья, видя заблужденіе моего сына, поощряли его на этомъ пути. Болѣе всего воспользовался этимъ Фарнезе.

Всѣ рапорты и представленія, которые я посылалъ въ Стамбулъ, прятались подъ сукно и не представлялись ни сераскиру, ни великому визирю. Въ то время какъ мои противники дѣйствовали втайнѣ противъ меня, мой младшій сынъ молчалъ, и въ высшихъ сферахъ полагали, что все это дѣлается съ моего вѣдома и согласія. Интрига была ведена искусно.

Турокъ, принимавшихъ въ ней участіе, винить въ этомъ случаѣ нельзя, такъ какъ это было всецѣло дѣломъ самихъ поляковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія педагога.

Полковая служба [1]).

Въ іюлѣ 1857 года я прибылъ въ л.-гв. Волынскій полкъ, который въ это время стоялъ лагеремъ подъ Краснымъ Селомъ, и явился полковому командиру—ген.-маіору Дарагану.

Тяжелое чувство тоски и одиночества, которое я испыталъ когда-то въ дѣтствѣ, при поступленіи въ Александровскій корпусъ, теперь снова овладѣло мною; въ полку я не встрѣтилъ ни одного офицера, вышедшаго изъ 1-го корпуса, все чужіе люди и совершенно новые, незнакомые мнѣ порядки. Чтобы какъ-нибудь облегчить свое положеніе, я въ тотъ же день обошелъ всѣ офицерскія палатки и сдѣлалъ визиты. Положеніе мое этимъ хотя и улучшилось, такъ какъ я уже не былъ въ совершенно незнакомомъ мнѣ обществѣ, но одно обстоятельство съ перваго же дня произвело на меня такое тяжелое впечатлѣніе, что я тогда же рѣшилъ во что бы то ни стало какъ можно скорѣе оставить строевую службу. Вечеромъ перваго же дня моего прибытія, я получаю приказъ на слѣдующій день, въ 5-ть часовъ утра, собраться всему полку за лагеремъ и построиться покоемъ. Когда всѣ собрались въ назначенномъ мѣстѣ, является полковой командиръ генералъ Дараганъ, за нимъ подъ конвоемъ ведутъ солдата. Дараганъ говоритъ передъ полкомъ: «вчера вечеромъ я иду мимо рядоваго, стоявшаго на часахъ, и вижу его сидящимъ на дерновой тумбѣ, я велѣлъ его тотчасъ смѣнить, и теперь онъ будетъ наказанъ передъ полкомъ за нарушеніе обязанностей часоваго». Затѣмъ онъ обращается къ часовому:—«Какъ ты смѣлъ сидѣть?»

— Ваше превосходительство,—отвѣчаетъ тотъ,—у меня закружилась голова, и я чуть не упалъ, такъ что долженъ былъ сѣсть.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ іюль 1904 г.

— Это не отговорка, ты и долженъ былъ упасть, а не садиться. Возьмите его.

Началась экзекуція. Несчастнаго солдата сѣкли до того, что онъ уже пересталъ кричать. Экзекуцію пріостановили, полковой врачъ—Олешкевичъ, пощупавъ пульсъ, нашелъ, что можно продолжать. Дали еще ударовъ 50, послѣ чего Олешкевичъ, пощупавъ снова пульсъ, нашелъ, что надо прекратить сѣченіе. Солдата сняли и подъ руки увели прочь. Мы все время стояли въ строю и любовались этой раздирающей душу сценой. Придя домой, я взялся за книги, рѣшившись въ слѣдующемъ году держать экзаменъ въ старшій курсъ Артиллерійской академіи и затѣмъ болѣе не служить въ строю.

Дальнѣйшее мое пребываніе въ полку и бо́льшее ознакомленіе со строевой службой не только не ослабило моего рѣшенія, но еще болѣе укрѣпило его. Ротные командиры (между которыми были очень умные и хорошіе люди) всѣ безъ исключенія во время ученій и на маневрахъ ругали солдатъ самыми послѣдними (непечатными) словами; на маневрахъ, бывало, со всѣхъ сторонъ раздается русская брань, которая просто стояла въ воздухѣ, такъ что некуда было отъ нея спрятаться. Когда я вступилъ по этому поводу въ разговоръ съ однимъ изъ офицеровъ, уже нѣсколько послуживши, то онъ мнѣ отвѣтилъ: «послужите—привыкнете, а безъ этого нельзя, вѣдь это русскому солдату какъ соль ко щамъ, какъ масло къ кашѣ». Надо было бѣжать.

Не знаю какъ теперь, но въ то время ротный командиръ являлся особымъ типомъ, который вѣроятно вырабатывался продолжительнымъ пребываніемъ въ казармахъ. Новому человѣку невольно бросалась въ глаза рѣзкая черта, раздѣлявшая старыхъ служакъ: капитановъ, штабсъ-капитановъ и болѣе старыхъ поручиковъ отъ подпоручиковъ и прапорщиковъ. Въ то время какъ офицеры двухъ послѣднихъ чиновъ были обыкновенными молодыми людьми, три старшіе чина были отчаянные служаки, грубаго солдатскаго склада. Разговоръ ихъ обыкновенно былъ разговоръ о строѣ, о шагѣ, о ружейныхъ пріемахъ и объ уставѣ; ихъ желанія заключались въ томъ, чтобы получить полкъ или еще лучше батальонъ внутренней стражи; они имѣли своеобразную выправку и походку. Впрочемъ, я близко узналъ офицеровъ лишь въ лагерное время и на маневрахъ, когда почти постоянно бываешь на службѣ; можетъ быть въ другое время и въ частныхъ домахъ они показались бы мнѣ другими людьми, но въ гостиныхъ я ихъ никогда не видалъ и въ короткое время моего пребыванія въ полку ни съ кѣмъ не успѣлъ познакомиться въ ихъ частной жизни, и потому я могъ составить себѣ объ обществѣ офицеровъ односторонній взглядъ.

Въ умственномъ отношеніи офицеровъ полковыхъ можно было раздѣлить на двѣ группы: офицеры, вышедшіе въ гвардію изъ кадет-

скихъ корпусовъ, были по большей части люди образованные и умные; офицеры же, переведенные изъ арміи (такихъ въ мое время въ Волынскомъ полку было не менѣе половины), были люди умственно ограниченные, щеголявшіе въ разговорахъ плоскими остротами. Они, правда, относились строго къ своимъ служебнымъ занятіямъ (фронтовымъ), но за то ничего не признавали дальше фронта: науку и академіи они презирали, относясь къ нимъ съ насмѣшкой и даже выдумали особое слово, выражавшее полное ихъ пренебреженіе къ наукѣ, но которое они признавали верхомъ остроумія. Къ чему, говорили они, идутъ въ разныя академіи изучать «іеромалафію» (т. е. науку), намъ нуженъ строй и преданность службѣ и престолу, а для этого никакой іеромалафіи не нужно; пусть бы надѣвали фракъ, и тогда бы шли въ академіи. Къ сожалѣнію, къ этимъ господамъ примыкали также нѣкоторые офицеры, вышедшіе изъ корпуса, правда, болѣе ограниченные но все-таки болѣе ихъ образованные, которые вѣроятно раньше разсуждали иначе.

Несмотря на то, что вся энергія высшихъ чиновъ полка была почти исключительно направлена на службу, и что къ службѣ люди эти относились съ самой строгой серьезностью и при томъ считали своей обязанностью пріучать къ ней молодыхъ офицеровъ, что они и старались дѣлать при всякомъ удобномъ случаѣ, они однако сами не понимали, въ чемъ состоитъ сущность службы, придавая исключительное значеніе мелочамъ и формальностямъ, и потому изъ ихъ уроковъ молодые офицеры не выносили ничего путнаго. Такъ, напр., въ назначенный день полкъ собирается для занятія петербургскихъ карауловъ на площади, передъ соборомъ Св. Троицы (л.-гв. Волынскій полкъ помѣщался въ казармахъ л.-гв. Измайловскаго полка). Является дежурный по карауламъ полковникъ и пользуется случаемъ поучить молодыхъ офицеровъ. Онъ приказываетъ офицеру, стоящему на правомъ флангѣ и командующему первымъ карауломъ, вести свой караулъ. Офицеръ командуетъ: «на плечо», дежурный по карауламъ кричитъ: «отставить» и дѣлаетъ замѣчаніе: «прапорщикъ Н., вы командуете тихо, командуйте еще разъ!» Снова крикъ: «отставить!— вы не раздѣляете команду, еще разъ!»—и т. д., заставляя иногда командовать разъ по пятнадцати, пока наконецъ караулъ пойдетъ. Затѣмъ то же начинается со вторымъ карауломъ и т. д. Намучившись самъ и помучивши людей, полковникъ съ самодовольнымъ видомъ говоритъ:—«ну, немного подучилъ молодыхъ офицеровъ». А между тѣмъ разсчетъ карауловъ сдѣлали унтеръ-офицеры, а офицеръ приходитъ, становится, гдѣ ему покажутъ, и ведетъ свой караулъ на мѣсто, совершенно не зная, сколько у него рядовъ, сколько постовъ, какіе посты, что долженъ имѣть при себѣ солдатъ, отправляясь въ караулъ,

и имѣетъ-ли все должное. И въ цѣлую зиму моего пребыванія въ полку положительно ни одного раза ни полковой командиръ, ни дежурный по карауламъ никогда никого изъ молодыхъ офицеровъ не спросилъ: знаетъ-ли онъ, сколько человѣкъ ведетъ въ караулъ? и никто изъ офицеровъ не считалъ даже своимъ долгомъ справиться объ этомъ.

Полковой командиръ являлся ежедневно въ роты на одиночное ученье (которое начиналось въ 7 ч. утра даже зимою) и записывалъ всѣхъ отсутствовавшихъ офицеровъ, чтобы нарядить ихъ на лишнее дежурство, хотя учили солдатъ унтеръ-офицеры, а офицеры приходили только для того, чтобы ходить по казармѣ и разговаривать между собою, и даже ротные командиры не позволяли субалтернъ-офицерамъ учить свое отдѣленіе. Полковой командиръ нерѣдко собиралъ всѣхъ офицеровъ, распекалъ ихъ за то, что они не исправно ходятъ на ученье, указывалъ, какъ надо служить, при чемъ всегда довольствовался формальной стороной дѣла, но ни однажды не обратился къ молодымъ прапорщикамъ съ такими, напр., вопросами: какъ поступитъ онъ въ случаѣ пожара караульнаго дома, который занимаетъ его караулъ; какъ поступитъ онъ въ случаѣ бѣгства арестанта изъ подъ его караула и т. п. тысячами вопросовъ, надъ которыми никто изъ молодыхъ офицеровъ никогда не думалъ, да и не нашелся бы въ случаѣ надобности. Между тѣмъ, идя въ караулъ въ первый разъ, никто изъ офицеровъ не получалъ никакой инструкціи ни устной, ни письменной. Такимъ же образомъ мы вступали на дежурство и считали своей обязанностью лишь сидѣть цѣлый день безотлучно въ дежурной комнатѣ, вступали на дежурство по различнымъ петербургскимъ военнымъ госпиталямъ, и никто изъ насъ не зналъ, что мы должны были тамъ дѣлать, и потому опять только отсиживали цѣлыя сутки въ дежурной комнатѣ. Исправно являвшійся ежедневно въ роту на ученье на тѣ два часа, когда оно происходило, для разговоровъ съ товарищами, исправно являвшійся на всѣ дежурства, для того, чтобы дежурная комната не оставалась свободной, исправно являвшійся для отведенія своего караула на указанную гауптвахту, гдѣ исправно отсиживалъ сутки въ офицерской комнатѣ, такой офицеръ считался полковымъ командиромъ образцовымъ офицеромъ и ставился имъ въ примѣръ остальнымъ. Такого офицера батальонный и ротный командиры съ особымъ рвеніемъ поучали произносить громко и отчетливо командныя слова, и успѣвшему въ этомъ предстояла впереди карьера, которую теряли лица, не имѣвшія зычнаго голоса. Все сказанное мною относится къ тому времени, когда еще не поняли, что только-что совершившійся Севастопольскій погромъ былъ результатомъ такого лишь формальнаго отношенія къ дѣлу всѣхъ высшихъ и низшихъ военныхъ

чиновъ, когда блестящая внѣшность и наружное благополучіе принимались за несомнѣнные признаки глубокаго знанія начальниками военнаго дѣла. Я убѣжденъ въ томъ, что въ настоящее время въ полкахъ совершенно другіе порядки, и говорю только о томъ, что было въ мое время.

Полковая служба отличалась тогда замѣчательной пустотой. Я указалъ уже на то, что тогда значило исправно служить; если прибавить къ этому строевыя занятія при приготовленіи полка къ смотрамъ, парадамъ и разводамъ съ церемоніею, когда за двѣ или за три недѣли приходилось ежедневно ходить куда-нибудь въ отдаленный манежъ или на плацъ съ ранняго утра и возвращаться въ четыре часа, такъ что цѣлый день былъ убитъ, а дѣло заключалось лишь въ утаптываніи мостовой, то дѣлается понятнымъ то чувство отвращенія, какое приходилось испытывать при этой безполезной для всѣхъ службѣ, при которой самъ чувствуешь, какъ начинаешь тупѣть и мельчать. Спросятъ, какъ же другіе служили, и служили всю свою жизнь, и не тяготились пустотой своей жизни? На это я отвѣчу, что у всякаго свой взглядъ на вещи; вѣроятно, находились люди, которые иначе смотрѣли на дѣло; но кому не извѣстна безшабашная, полная кутежей жизнь прежнихъ офицеровъ? не топилась-ли въ винѣ, попойкахъ и въ кутежахъ та тоска, которая должна была закрасться въ душу каждаго изъ нихъ, когда онъ оставался лишь съ самимъ собою? Поневолѣ искали развлеченій, которыя, конечно, не измѣняли пустоту жизни, но по крайней мѣрѣ давали возможность забываться и жить весельемъ сегодняшняго дня. Одному молодому офицеру, съ которымъ мнѣ пришлось на маневрахъ помѣщаться въ одной палаткѣ, я самъ сдѣлалъ такой вопросъ, и получилъ въ отвѣтъ, что объ этомъ онъ старается не думать и не заглядывать впередъ, а живетъ онъ лишь сегодняшнимъ днемъ. Впослѣдствіи оказалось, что офицеръ этотъ имѣлъ деньги только въ день полученія жалованья (и то только части, такъ какъ часть жалованья вычиталась кредиторами), въ этотъ день онъ являлся въ одинъ извѣстный въ Петербургѣ ресторанъ и выплачивалъ полученное жалованье въ счетъ своего долга, остальные дни онъ ходилъ въ тотъ же ресторанъ, обѣдалъ, игралъ на бильярдѣ и потомъ расписывался въ книгѣ подъ счетомъ; ему отпускали въ долгъ въ счетъ будущихъ благъ, которыя должны были явиться къ нему съ полученіемъ доходной должности. Такъ жили многіе. Извѣстно, что въ 1849 г., когда гвардія выступила въ походъ въ Венгрію (до которой однако не дошла), то петербургскіе портные явились къ военному министру съ огромными счетами на гвардейскихъ офицеровъ; и Николай Павловичъ велѣлъ имъ заплатить изъ суммъ государственнаго

*

казначейства. Большая часть гвардейскихъ офицеровъ того времени жила въ долгъ, что̀ нисколько не считалось предосудительнымъ.

Я уже говорилъ, что старые ротные командиры Волынскаго полка, будучи грубоватыми въ манерахъ, въ то же время отличались преданностью къ службѣ. Это качество въ прежнихъ офицерахъ Волынскаго полка умѣлъ развить бывшій полковой командиръ, генералъ Овандеръ, который потомъ былъ начальникомъ 3-й гвардейской дивизіи, въ составъ которой входитъ Волынскій полкъ. Я хотя не засталъ Овандера даже и начальникомъ дивизіи, но въ полку еще много осталось о немъ воспоминаній. Большую часть времени своего Овандеръ проводилъ въ полку и потому отлично зналъ своихъ офицеровъ, чему также много способствовала постоянная стоянка полка въ маленькомъ городишкѣ—Ораніенбаумѣ, состоявшемъ въ то время всего изъ одной улицы и нѣсколькихъ коротенькихъ переулковъ. Зимой офицеры не имѣли никакихъ развлеченій кромѣ прогулки по единственной улицѣ, и Овандеръ пользовался этимъ обстоятельствомъ, занимая солдатъ и офицеровъ ученьями, разводами, такъ что большую часть празднаго своего времени офицеры, не чувствуя особой тягости, наполняли исполненіемъ различныхъ служебныхъ обязанностей. Надо замѣтить, что сообщенія съ Петербургомъ въ то время не было, ѣздить можно было только на почтовыхъ и не иначе, какъ по разрѣшенному отпуску, уѣзжать же безъ отпуска, въ виду постояннаго строгаго надзора полковаго командира въ Ораніенбаумѣ и великаго князя Михаила Павловича въ Петербургѣ,—было опасно. Одинъ офицеръ, воспользовавшись нѣсколькими праздничными днями, уѣхалъ безъ разрѣшенія въ Петербургъ, гдѣ былъ встрѣченъ Михаиломъ Павловичемъ, который и потребовалъ у него отпускной билетъ. За самовольную отлучку офицеръ этотъ былъ простымъ приказомъ великаго князя переведенъ тѣмъ же чиномъ изъ гвардіи—въ армію. Послѣ такого примѣра охотниковъ самовольныхъ поѣздокъ въ Петербургъ не было.

Проведя бо̀льшую часть дня на службѣ, офицеры втягивались въ эту службу, сживались съ нею и даже потомъ тяготились своимъ свободнымъ временемъ. Многолѣтнее пребываніе полка въ скучномъ Ораніенбаумѣ, гдѣ единственнымъ развлеченіемъ офицеровъ была служба, сдѣлало то, что въ Волынскомъ полку сформировался особый духъ—любовь ученій, парадовъ и карауловъ, и этимъ духомъ вскорѣ заражались молодые офицеры. Съ 1853 года полкъ былъ переведенъ въ Остзейскій край на время войны и съ тѣхъ поръ уже болѣе не возвращался въ Ораніенбаумъ, передъ тѣмъ и Овандеръ былъ замѣненъ ген. Довбышевымъ, а потомъ—Корфомъ. Во время похода духъ полка сталъ измѣняться. Этимъ, вѣроятно, и можно объяснить такую

рѣзкую разницу, какая бросалась съ перваго же взгляда каждому новому человѣку, между старыми и молодыми офицерами въ мое время.

Овандеръ былъ страшный формалистъ. Всякій гвоздикъ въ казармѣ долженъ былъ находиться на своемъ мѣстѣ и сидѣть въ стѣнѣ ровно съ другими. У него все было расписано по днямъ и по часамъ. Офицеры разсказывали, что даже въ домашней своей жизни у него было составлено росписаніе, въ которомъ часу его будить, въ которомъ часу подавать обѣдъ, самоваръ и пр. На случай пожара въ домѣ, Овандеръ указалъ каждому изъ вѣстовыхъ, прислуги и другимъ, жившимъ въ его домѣ, кому что брать изъ вещей, куда выносить, что брать при вторичномъ возвращеніи и т. д. Чтобы всѣхъ пріучить къ указанному порядку, Овандеръ днемъ, а иногда и ночью, дѣлалъ тревогу, звоня въ особый колоколъ; по этому звону всѣ сбѣгались и выносили изъ квартиры вещи. Послѣ нѣсколько разъ повторенной тревоги, Овандеръ имѣлъ удовольствіе видѣть, что, безъ особой суеты, изъ квартиры выносилось все его добро въ нѣсколько минутъ. Послѣ этого онъ могъ спать спокойно, зная, что въ случаѣ пожара (котораго онъ особенно боялся) имущество его будетъ въ короткое время вынесено и затѣмъ оберегаться служителями, которые также должны были находиться около него въ указанныхъ мѣстахъ. Наконецъ, случился и самый пожаръ, но... отчаянный звонъ Овандера не помогъ. Бо́льшая часть прислуги не явилась вовсе, кто явился, забылъ, что ему надо брать, и тащитъ что попало и не въ указанное мѣсто; при этой толкотнѣ и суматохѣ было вынесено очень не многое, а остальное и при томъ болѣе цѣнное—сгорѣло.

Формализмъ Овандера иногда отзывался на солдатахъ слишкомъ тяжело. Однажды полку пришлось переходить изъ Ораніенбаума въ Красное Село на лагерную стоянку. Передъ этимъ только-что начали чинить шоссе, засыпали его щебнемъ, который не успѣли утрамбовать. Идти по свѣженасыпанному щебню невозможно, не поранивъ себѣ ноги, и потому солдаты, избѣгая средней части полотна шоссе, гдѣ былъ щебень, шли по бокамъ его. Овандеръ, увидѣвъ это, остановилъ полкъ, раскричался на батальонныхъ и ротныхъ командировъ и заставилъ идти полкъ въ ногу по самому щебняку. Офицеры разсказывали, что они, идя сбоку, значительно избѣгали щебень и все-таки пришли въ лагерь въ совершенно разорванныхъ сапогахъ. Можно себѣ представить, что вынесли при этомъ солдатскія ноги!

Во время моего служенія въ полку, общество офицеровъ, вообще говоря, жило между собою въ добромъ согласіи; обыкновенно выдѣлялся изъ этого общества почти одинъ полковой адъютантъ, который почему-то считалъ своей обязанностью играть роль шпіона, донося

полковому командиру о всѣхъ неисправностяхъ офицеровъ. Въ бытность мою въ полку были послѣдовательно два полковыхъ адъютанта: капитанъ Эйхенъ (который потомъ былъ сдѣланъ дивизіоннымъ адъютантомъ) и ш.-к. Журавлевъ; оба они считали своимъ долгомъ на всѣхъ разводахъ и выходахъ во дворцѣ приносить съ собою списки всѣхъ офицеровъ и тихонько отмѣчать въ нихъ отсутствующихъ, представляя затѣмъ эти списки полковому командиру, который сажалъ за это неисправныхъ на гауптвахту, или наряжалъ на лишнее дежурство.

Полковаго командира,— генерала Дарагана,— офицеры за что-то очень не любили. Пробывши въ полку безъ малаго годъ, я, несмотря на разспросы, такъ и не могъ съ точностью узнать, за что онъ пользуется общимъ нерасположеніемъ. Говорили о его крайней заносчивости, о его грубомъ и даже дерзкомъ отношеніи къ офицерамъ, но все это говорилось лишь въ общихъ словахъ, я же ничего подобнаго не успѣлъ замѣтить.

Въ сентябрѣ 1857 года полкъ перешелъ въ Петербургъ и занялъ часть казармъ Измайловскаго полка, около Троицкаго собора, а полковому командиру была отведена казенная квартира въ домѣ Гарновскаго. Устроившись на новой квартирѣ, Дараганъ, желая сблизиться съ обществомъ офицеровъ, сталъ приглашать къ себѣ на обѣдъ дежурныхъ. Въ это время полкъ изъ трехбатальоннаго состава былъ переформированъ въ двухбатальонный составъ, и потому дежурили два молодыхъ офицера по батальонамъ и одинъ ротный командиръ по полку. Когда я былъ въ первый разъ назначенъ дежурнымъ по батальону, ко мнѣ явился вѣстовой отъ полковаго командира и говоритъ: «генералъ проситъ васъ къ себѣ на обѣдъ». Въ назначенный часъ я пришелъ на обѣдъ и, сидя за столомъ, сталъ раздумывать, почему изъ трехъ дежурныхъ приглашенъ только одинъ я. По возвращеніи въ дежурную комнату, я спросилъ объ этомъ другихъ дежурныхъ и получилъ отвѣтъ, что Дараганъ приглашалъ и ихъ, но только они отказались отъ этой чести.

— Почему же?—спросилъ я.—Потому,—отвѣтилъ мнѣ дежурный по полку,—что онъ скотина, къ которой мы не желаемъ ходить въ домъ. Пришлось и мнѣ подумать о томъ, чтобы въ слѣдующій разъ отказаться отъ приглашенія; но къ тому времени и самъ Дараганъ уже пересталъ приглашать къ обѣду.

Сколько я успѣлъ замѣтить, Дараганъ былъ въ сущности добрый человѣкъ и могъ бы согласно жить съ офицерами, но онъ былъ до крайности самолюбивъ, и его страшно оскорблялъ отказъ офицеровъ ходить къ нему на обѣдъ и вообще удаленіе ихъ отъ его дома. Полковые адъютанты вмѣсто того, чтобы служить сближающимъ звеномъ

общества офицеровъ съ полковымъ командиромъ, своимъ шпіонствомъ раздражали полковаго командира противъ офицеровъ, которые съ своей стороны точно также раздражались противъ полковаго командира. Взаимное раздраженіе росло изо-дня въ день и кончилось тѣмъ, что въ слѣдующемъ году (когда я уже выбылъ изъ полка) одинъ изъ офицеровъ (ротный командиръ ш.-к. Окуловъ) нанесъ Дарагану личное оскорбленіе, и послѣдній даже ни въ комъ изъ сослуживцевъ не нашелъ сочувствія. Вообще вся эта печальная исторія была результатомъ огромнаго недоразумѣнія, въ ней болѣе всего пострадалъ ген. Дараганъ (Окулова перевели въ армію тѣмъ же чиномъ), котораго можно было только пожалѣть, винить же надо было полковыхъ адъютантовъ и тотъ странный взглядъ, который установился (не знаю, во всѣхъ-ли это было полкахъ) на обязанности полковаго адъютанта.

Хотя служба моя въ полку продолжалась меньше года, но, будучи въ чинѣ прапорщика, я успѣлъ вынести множество самыхъ разнообразныхъ нарядовъ, такъ какъ именно въ этомъ чинѣ въ то время запрягали офицера почти постоянно на службу. Сегодня въ караулъ, завтра возвращаешься изъ караула въ 3-мъ часу, иногда и позже, слѣдующій день дежуришь по какому-нибудь изъ многочисленныхъ петербургскихъ военныхъ госпиталей, потомъ назначаешься съ рабочей командой въ новый арсеналъ на Выборгскую сторону или въ крѣпость (этотъ день почему-то считается свободнымъ отъ служебныхъ обязанностей), на слѣдующій день—дежуришь по батальону, тамъ опять какое-нибудь дежурство. Въ двѣ недѣли одинъ день выпадалъ свободный, да и то если это былъ будень, то утромъ ученье, въ 10 часовъ стрѣльба въ цѣль на Семеновскомъ плацу, а вечеромъ въ караулъ въ Большой театръ, или долженъ сидѣть дома, чтобы идти съ карауломъ на пожаръ, если онъ случится, а если праздникъ, то утромъ съ ротой идешь къ обѣднѣ, послѣ которой долженъ поспѣть въ Михайловскій манежъ для присутствія на разводѣ съ церемоніей. Впрочемъ, лично меня эти постоянные караулы и дежурства не особенно тяготили, потому что, забравшись въ дежурную комнату какого-нибудь госпиталя или караула, я имѣлъ цѣлый день для занятій по приготовленію къ Артиллерійской академіи, куда я рѣшился снова поступить, но уже прямо въ старшій курсъ, и поэтому долженъ былъ сдавать два экзамена: вступительный и переходный. Но другіе офицеры очень тяготились такой службой, и въ мое время очень многіе приходили на дежурство только для того, чтобы смѣнить и отпустить стараго дежурнаго, а затѣмъ уходили домой и больше не показывались. Бывали даже такіе случаи, хотя болѣе рѣдкіе, что офицеръ уходилъ изъ караула и приходилъ туда только къ ночи. Вообще это время было временемъ значительной служебной распущенности молодыхъ офицеровъ.

12-го декабря полкъ празднуетъ свой полковой праздникъ, и государь пригласилъ всѣхъ офицеровъ Волынскаго и Финляндскаго полковъ (который также празднуетъ тотъ же день) къ столу въ Зимній дворецъ. Здѣсь произошло ничтожное само по себѣ обстоятельство, которое однако показываетъ, до какой щепетильности доходили полковые офицеры въ своихъ понятіяхъ о такъ называемой мундирной чести. Въ числѣ приглашенныхъ были также всѣ офицеры этихъ двухъ полковъ, состоявшіе при академіяхъ; между послѣдними явился прапорщикъ Крыловъ, который сразу обратилъ на себя вниманіе всѣхъ необыкновенной блѣдностью лица. Очевидно, что онъ пришелъ больной, не желая пропустить случая, который могъ никогда въ жизни его болѣе не повториться, присутствовать при высочайшемъ столѣ. Во время обѣда однако болѣзнь его усилилась, и онъ, почувствовавъ тошноту, долженъ былъ выйти отъ стола. Это пустое обстоятельство надѣлало между офицерами большаго шума. На другой день всѣ полковые офицеры собрались въ дежурной комнатѣ полка и, не разбирая причинъ, стали говорить, что Крыловъ безчеститъ мундиръ полка неприличнымъ поведеніемъ своимъ и т. п. Было рѣшено не принимать его въ полкъ, если онъ вздумаетъ вернуться изъ академіи. Узнавъ объ этомъ, Крыловъ самъ куда-то перешелъ изъ Волынскаго полка.

Служба въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ.

Осенью 1859 года я поступилъ репетиторомъ въ 1-й кадетскій корпусъ. Перейти на учебную службу заставили меня, во 1-хъ, любовь къ предмету физики, которымъ я особенно занимался еще въ корпусѣ затѣмъ въ академіи, гдѣ окончательно рѣшился избрать себѣ его для своихъ спеціальныхъ занятій; во 2-хъ, я любилъ 1-й корпусъ, гдѣ я воспитывался въ теченіе 10-ти лѣтъ, и всегда мечталъ служить именно въ этомъ заведеніи и непремѣнно преподавателемъ.

Въ первый же день моего вступленія въ заведеніе, я былъ совершенно неожиданно пораженъ словами бывшихъ моихъ учителей. Они высказывали мнѣ столько жалобъ на свое положеніе, столько сожалѣнія, что избрали себѣ учительское поприще, что мнѣ стало жутко, тѣмъ болѣе, что все это были старики, увѣнчанные сѣдовласою опытностью; на меня они смотрѣли съ сожалѣніемъ, зачѣмъ я промѣнялъ строевую карьеру на скромную учительскую должность. Странно, что эти жалобы я слышалъ только отъ гражданскихъ преподавателей и никогда ни одной жалобы отъ военныхъ учителей, хотя между послѣдними были

люди, прослужившіе учителями болѣе тридцати лѣтъ; изъ гражданскихъ преподавателей только молодые не жаловались на свою судьбу. Желаніе служить именно по учебной части у меня было такъ сильно, что, несмотря на такія предостереженія старыхъ учителей, я нисколько не поколебался въ выборѣ дѣятельности и, поступивъ временно репетиторомъ, тотчасъ же принялся за спеціальныя занятія физикою и черезъ годъ читалъ при штабѣ военно-учебныхъ заведеній пробныя лекціи, получивъ затѣмъ и уроки физики въ 1-мъ корпусѣ.

По должности репетитора у меня было очень мало дѣла. Я былъ обязанъ бывать ежедневно въ будни на вечернихъ занятіяхъ кадетъ старшей роты (т. е. отъ 6 до 8½ час. вечера) и помогать въ занятіяхъ математикою и друг. предметами тѣмъ воспитанникамъ, которые обращались ко мнѣ. Жалованье я получалъ всего 26 р. въ мѣсяцъ по своему чину прапорщика гвардіи.

Всего три года я служилъ внѣ корпуса и какую рѣзкую перемѣну за это время нашелъ я въ немъ: дисциплина была расшатана, даже наружное уваженіе кадетъ къ начальству замѣтно упало, порядки заведенія исполнялись плохо, религіозная сторона кадетъ стала неузнаваема; только къ класснымъ занятіямъ кадеты относились еще довольно усердно, но и здѣсь замѣтно было охлажденіе, видно было, что учились болѣе изъ-за баловъ. Сравнительно съ другими корпусами 1-й корпусъ еще кое-какъ держался; въ другихъ корпусахъ уже происходили безобразія; съ ужасной деморализаціей кадетъ другихъ корпусовъ мы познакомились вполнѣ въ 1863 году, когда къ намъ въ 1-й корпусъ перевели кадетъ изъ 2-го и Павловскаго корпусовъ, о чемъ скажу ниже.

Какая однако была причина такого упадка корпусовъ? Во 1-хъ, послѣ Крымской кампаніи, какъ извѣстно, общество наше стало относиться съ пренебреженіемъ и даже нѣсколько враждебно къ военному званію, что̀ стало извѣстно и самимъ кадетамъ, изъ разговоровъ при нихъ во время ихъ нахожденія въ отпуску; это имѣло деморализующее вліяніе на воспитанниковъ, которые и сами стали смотрѣть на себя и на свое будущее званіе не съ гордостью, какъ было въ наше время, а съ нѣкоторой приниженностью, а на своихъ дежурныхъ офицеровъ даже съ ироніей. Во 2-хъ, поднятые въ это время въ обществѣ педагогическіе вопросы указали на несостоятельность тѣхъ мѣръ, которыя до того считались единственными въ воспитаніи, каковы тѣлесное и всякое другое наказаніе и всякія награды; стали говорить о необходимости чисто воспитательныхъ началъ, о которыхъ корпусные офицеры почти не имѣли понятія; такимъ образомъ тѣлесныя и другія наказанія были ослаблены, а замѣнить ихъ не нашли чѣмъ, и строгіе корпусные порядки, державшіеся лишь изъ страха строгаго наказанія,

стали разрушаться. На сколько растерялись тогдашніе воспитанники, при новомъ вѣяніи, я укажу въ немногихъ примѣрахъ въ послѣдующихъ запискахъ, когда буду говорить о военныхъ гимназіяхъ. Въ 3-хъ, самое общество наше, такъ долго сдерживаемое при Николаѣ Павловичѣ, уже при началѣ царствованія Александра Николаевича стало обнаруживать нѣкоторую распущенность; учителя на урокахъ стали позволять себѣ относиться критически къ корпусному начальству и къ корпуснымъ порядкамъ; говорятъ (хотя лично мнѣ не извѣстны эти примѣры), что были учителя, которые высказывали либеральные взгляды на различныя правительственныя учрежденія, и вообще говорили съ воспитанниками много лишняго, что, разумѣется, имѣло самое пагубное вліяніе на кадетъ. Само начальство, сбитое съ толку новымъ вѣяніемъ, обнаруживало нерѣшительность въ своихъ дѣйствіяхъ, и даже черствый директоръ корпуса—Лихонинъ сталъ обнаруживать слабость. Когда кадеты одной роты выражали неудовольствіе своему ротному командиру, не отвѣтивъ на его привѣтствіе, то Лихонинъ не наказалъ кадетъ, какъ бы сдѣлалъ это прежде, а призвалъ къ себѣ старшихъ кадетъ этой роты и сталъ разспрашивать ихъ, чѣмъ они недовольны, и никакого взысканія не наложилъ.

Между кадетами взаимныя отношенія также измѣнились. Въ наше время кадеты младшихъ классовъ всегда съ уваженіемъ относились къ кадетамъ старшихъ классовъ; но теперь появилось общее равенство: младшіе перестали слушать старшихъ, и даже унтеръ-офицеры потеряли прежнее вліяніе на воспитанниковъ. Какимъ образомъ въ такое короткое время кадеты успѣли уничтожить вѣковую традицію заведенія,—мнѣ неизвѣстно; но только сами кадеты хвастались, что они уничтожили, какъ они выражались,—«классничество», т. е. уваженіе и повиновеніе младшихъ воспитанниковъ—старшимъ.

Черезъ четыре мѣсяца послѣ поступленія моего въ военно-учебныя заведенія, въ февралѣ 1860 года, скончался начальникъ штаба военно-учебныхъ заведеній Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ, который послѣдніе два года, состоя предсѣдателемъ коммиссіи для освобожденія крестьянъ, не могъ заниматься кадетскими корпусами, и потому въ помощь ему была придумана новая должность: помощникъ начальника штаба, которую и занялъ бывшій директоръ 2-го кадетскаго корпуса генералъ Путята. Не знаю, съ вѣдома-ли Ростовцева или нѣтъ, но въ это время учебная часть военно-учебныхъ заведеній начала падать: вмѣсто двухъ новыхъ языковъ (французскаго и нѣмецкаго), оставили только одинъ, статистика (оба курса) была выкинута изъ обоихъ спеціальныхъ классовъ, естественная исторія была сдѣлана сперва необязательнымъ предметомъ преподаванія, а потомъ и вовсе уничтожена, и такимъ об-

разомъ реальный курсъ военно-учебныхъ заведеній потерялъ одинъ изъ главныхъ предметовъ реальнаго образованія.

Со смертью Ростовцева въ 1860 году, начальникомъ штаба военно-учебныхъ заведеній назначенъ былъ ген. Путята, при этомъ государь императоръ снялъ съ себя званіе главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній и передалъ его вел. князю Михаилу Николаевичу. Въ это время деморализація корпусовъ дошла до того, что между кадетами и приказанія государя считалось возможнымъ не всегда исполнять. Во время лагеря 1860 года государь, посѣтивъ кадетъ наканунѣ смотра вмѣстѣ съ кѣмъ-то изъ великихъ князей, сказалъ: «люблю смотрѣть, какъ это поросята купаются въ лужѣ». Когда на другой день, на смотру государь приказалъ бить атаку, то кадеты 1-го корпуса, дойдя до небольшой рѣчки, протекающей на лѣвомъ флангѣ лагеря, замялись на берегу. На повторенный бой къ атакѣ кадеты все-таки не пошли въ воду. Государь прогналъ кадетъ со смотра и приказалъ ихъ вывести послѣ обѣда на ученье и учить ходить въ водѣ. Начальникъ отряда ген. Степановъ водилъ ихъ взадъ и впередъ въ этой рѣчкѣ почти часъ.

Какъ я сказалъ выше, само начальство въ это время потеряло голову и не знало, какъ относиться къ младшимъ. Молодежь стала дерзка, а старшіе не знали, что дѣлать: проявлять прежнія строгости никто не рѣшался и хотя и морщились, но молчали, чѣмъ окончательно расшатывали дисциплину.

Вотъ нѣсколько примѣровъ. Во время студенческихъ безпорядковъ въ 1861 году, на уличныхъ сходкахъ было взято нѣсколько молодыхъ артиллерійскихъ офицеровъ. Плацъ-маіоръ и плацъ-адъютантъ пригласили ихъ немедленно во дворецъ къ вел. князю Михаилу Николаевичу. Въ числѣ взятыхъ былъ служившій при Петербургскомъ арсеналѣ прапорщикъ гвардейской артиллеріи Семевскій (родной братъ Михаила Ивановича). Онъ явился къ великому князю въ старомъ неряшливомъ сюртукѣ и безъ шапки. Неформенная одежда прошла ему даромъ, а за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ онъ, вмѣстѣ съ другими, былъ переведенъ изъ Петербурга на ту же должность въ Кіевскій арсеналъ.

Начальникъ штаба военно-учебныхъ заведеній ген. Путята (которому тогда были подчинены артиллерійское училище и академія) получилъ приказаніе отъ вел. кн. Михаила Николаевича сдѣлать внушеніе полковнику П. Л. Лаврову за сочувствіе студентскимъ безпорядкамъ. Путята призвалъ къ себѣ Лаврова и сталъ было дѣлать ему замѣчаніе; но Лавровъ перебилъ его и сталъ самъ выговаривать ему за его неправильный взглядъ на дѣло, и Путята замолчалъ.

Тотъ же Путята пріѣхалъ однажды въ Новгородскій Аракчеевскій

кадетскій корпусъ; день былъ воскресный, и Путята, осматривая корпусъ, зашелъ въ столовую, гдѣ, какъ ему сказали, въ это время нѣкоторые служащіе занимались съ дѣтьми мѣстныхъ крестьянъ, которые приходили въ корпусъ на воскресные классы. На одномъ столѣ занимался преподаватель заведенія прапорщикъ Лачиновъ; онъ совершенно лежалъ на столѣ и, несмотря на то, что къ нему подошелъ генералъ-адъютантъ, его начальникъ, онъ не только не поклонился ему, но даже не перемѣнилъ позу. И Путята промолчалъ, боясь показаться не современнымъ человѣкомъ.

Я могъ бы привести очень много подобныхъ примѣровъ, но думаю, что и эти уже достаточно показываютъ, на какой ложной дорогѣ стояли въ то время высшія власти, послѣдствіемъ чего и были неурядицы конца шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ.

Въ 1862 году директоръ 1-го корпуса О. С. Лихонинъ вышелъ въ отставку. Что было причиной его выхода, осталось намъ неизвѣстнымъ, но тогда говорили, что ему было приказано подать въ отставку отъ великаго князя. Назначенъ былъ новый директоръ, бывшій полковой командиръ какого-то армейскаго полка, полковникъ Николай Павловичъ Гартонгъ, человѣкъ въ высшей степени слабый, который не могъ поднять въ заведеніи дисциплину. Правда, воспитанники полюбили этого добраго человѣка, представлявшаго контрастъ черствому Лихонину; но Гартонгъ былъ не только добръ, но и слабъ, а въ то время нуженъ былъ человѣкъ съ характеромъ. Одинъ годъ заведеніе кое-какъ прожило съ нимъ, да и тутъ была исторія, окончившаяся исключеніемъ изъ заведенія двоихъ кадетъ.

Воспитанники, недовольные батальоннымъ командиромъ, полковникомъ Совримовичемъ (поступившимъ въ корпусъ вслѣдъ за Гартонгомъ) что-то крикнули ему, когда онъ проходилъ по корридору мимо спальни; Совримовичъ, человѣкъ энергическій, тотчасъ вошелъ въ комнату и переписалъ бывшихъ тамъ кадетъ; при разборѣ этого дѣла, двоихъ исключили. Когда Гартонгъ доложилъ вел. князю о происшедшемъ въ корпусѣ безпорядкѣ, послѣдній разсмѣялся и, обращаясь къ бывшему при этомъ ген. Корсакову, сказалъ: «смотри, какъ онъ испугался».

Въ принципѣ уже было рѣшено, что корпуса никуда негодны и требуютъ преобразованія; всякій фактъ распущенности, кажется, только радовалъ высшее начальство, доставляя ему новыя данныя для доказательства передъ государемъ необходимости преобразованія кадетскихъ корпусовъ. Александръ Николаевичъ, выслушивая постоянные доклады о неудовлетворительномъ состояніи корпусовъ, сказалъ: «не знаю, почему теперь корпуса стали такъ дурны, при мнѣ они были въ отличномъ состояніи; если преобразованіе такъ необходимо,—дѣлайте это, хотя я этому не сочувствую».

Въ 1862 году мнѣ была предложена въ 1-мъ корпусѣ должность библіотекаря, и я получилъ въ зданіи казенную квартиру. Въ это же время начальникъ штаба военно-учебныхъ заведеній ген. Путята былъ замѣненъ генераломъ Никитой Васильевичемъ Корсаковымъ. Какъ тогда говорили, причина послѣдней перемѣны состояла въ томъ, что ген. Путята, получивъ какую-то бумагу, приготовился написать на ней резолюцію, но докладчикъ указалъ ему, что резолюція уже написана вел. кн. Михаиломъ Николаевичемъ. Путята прочелъ эту резолюцію и сказалъ: «вел. кн. слишкомъ молодъ». Что произошло дальше, не знаю, но вслѣдъ затѣмъ Путята былъ смѣненъ и остался не у дѣлъ на все остальное время своей жизни. Впрочемъ, и генералъ Корсаковъ не долго занималъ постъ начальника штаба военно-учебныхъ заведеній. Въ началѣ 1863 года вел. князь Михаилъ Николаевичъ былъ назначенъ намѣстникомъ на Кавказъ, военно-учебныя заведенія были переданы въ военное министерство, и главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній былъ назначенъ генералъ-маіоръ Н. В. Исаковъ, а ген. Корсаковъ сдѣлался его помощникомъ. Коммиссія, назначенная еще при Михаилѣ Николаевичѣ для составленія проекта преобразованія кадетскихъ корпусовъ, стала собираться подъ предсѣдательствомъ военнаго министра Д. А. Милютина, и въ томъ же 1863 г. окончила свой трудъ. Самыя преобразованія начались съ августа 1863 года, о чемъ будетъ сказано подробно въ слѣдующей главѣ.

Лѣтомъ 1862 г. я получилъ приказаніе отъ штаба военно-учебныхъ заведеній повѣрить съемочныя работы кадетъ 2-го корпуса. Вмѣстѣ со мною поѣхалъ въ поле и инспекторъ классовъ 2-го корпуса Г. Г. Даниловичъ. Съемка вообще оказалась неудовлетворительной, но Даниловичъ старался отводить мнѣ глаза при всякомъ дурномъ отвѣтѣ воспитанника, тотчасъ объясняя мнѣ, что воспитанникъ этотъ заикается, а потому не можетъ отвѣтить, или былъ боленъ и оттого не вполнѣ усвоилъ себѣ. Когда мы поѣхали съ нимъ вмѣстѣ домой, онъ всю дорогу говорилъ мнѣ, какъ усердно занимались воспитанники съемкой и какъ они конфузятся новаго человѣка; все это говорилось сладкимъ, вкрадчивымъ голосомъ. Замѣчательно, что отчеты о съемочныхъ работахъ, представляемые повѣрявшими, всегда печатались, а за 1862 г. отчеты эти остались подъ сукномъ въ главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній.

Лѣтомъ 1863 г., когда Г. Г. Даниловичъ былъ назначенъ директоромъ 2-го корпуса съ приказаніемъ преобразовать корпусъ въ военную гимназію, онъ вспомнилъ обо мнѣ и предложилъ мнѣ въ своемъ заведеніи должность воспитателя. Въ это время я былъ въ 1-мъ корпусѣ представленъ на должность помощника инспектора классовъ; дорожа

именно 1-мъ корпусомъ и при томъ не симпатизируя характеру Григорія Григорьевича, я отказался отъ его предложенія, и вотъ онъ началъ своимъ сладкимъ голосомъ уговаривать меня не отказываться отъ предлагаемаго мнѣ мѣста, потому что это первое заведеніе съ новымъ характеромъ, оно обратитъ на себя взоры всѣхъ, всѣ воспитатели будутъ на виду, и первыя назначенія на высшія должности получатъ именно эти первые воспитатели, о чемъ онъ и самъ позаботится. Хотя я рѣшительно отказался, но Даниловичъ сказалъ мнѣ, что онъ будетъ считать должность за мной цѣлый мѣсяцъ, послѣ котораго только замѣститъ мою вакансію.

Вслѣдъ за этимъ вышло распоряженіе отъ главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній передать зданіе перваго кадетскаго корпуса Павловскому корпусу, а 1-му корпусу принять зданіе Павловскаго корпуса на Петербургской сторонѣ. Тогда приглашаетъ меня къ себѣ директоръ Павловскаго корпуса П. С. Ванновскій и предлагаетъ мнѣ мѣсто библіотекаря и преподавателя физики въ будущемъ Павловскомъ военномъ училищѣ. На мой отказъ Ванновскій отвѣтилъ:— Напрасно, у меня вы только выиграли бы.

Генералъ Гартонгъ, узнавъ объ этихъ приглашеніяхъ, очень напугался и просилъ меня не оставлять его въ столь трудныхъ обстоятельствахъ. Дѣйствительно, заведеніе въ это время переселялось въ другое зданіе, лучшихъ воспитанниковъ изъ корпуса отбирали и вмѣсто нихъ назначали изъ другихъ корпусовъ самыхъ дурныхъ; въ это же время инспекторъ классовъ генералъ Линденъ уѣхалъ директоромъ въ Омскій кадетскій корпусъ, помощникъ инспектора классовъ капитанъ Неовіусъ былъ назначенъ инспекторомъ въ Орелъ, я, исправлявшій должность помощника инспектора, въ то же время не успѣлъ еще сдать должность библіотекаря и исправлялъ также должность инспектора классовъ и оставался такимъ образомъ по учебной части однимъ лицомъ, которое должно было не только приготовить все къ новому курсу, но и все сдать въ старомъ зданіи и все принять въ новомъ. Понятно, что Гартонгъ опасался, чтобы я его не оставилъ: онъ меня обѣщалъ наградить за всѣ мои труды, которые я несъ не только въ началѣ учебнаго года, но и весь годъ, такъ какъ назначенный въ сентябрѣ инспекторомъ классовъ Н. П. Воронцовъ-Вельяминовъ пробылъ всего двѣ недѣли въ этой должности, а затѣмъ опять все перешло въ мои руки. И я дѣйствительно получилъ въ тотъ годъ награду: орденъ Станислава 3-й степени.

Какъ я сказалъ уже, въ началѣ іюля мѣсяца пришло къ намъ совершенно неожиданно приказаніе ген. Исакова передать зданіе 1-го корпуса Павловскому кадетскому корпусу, а 1-му корпусу перейти въ зданіе Павловскаго корпуса. Лично для меня это было соединено съ

огромной работой: я долженъ былъ передавать Павловскому корпусу библіотеку, кабинеты: фортификаціонный, артиллерійскій, химическую лабораторію, физическій кабинетъ, всѣ учебники по военнымъ наукамъ, затѣмъ принять отъ Павловскаго корпуса кабинеты физическій, естественно-историческій, всѣ учебники по обще-образовательнымъ предметамъ и въ то же время перевезти на Петербургскую сторону нашъ зоологическій кабинетъ и всѣ учебники и пособія по общимъ предметамъ; мнѣ же надо было позаботиться объ устройствѣ классовъ. Въ первомъ помѣщеніи все оказалось въ безпорядкѣ: классная мебель плохая, въ классахъ даже не оказалось стульевъ для учителей, кабинеты перенесены изъ прежнихъ помѣщеній въ другія, и всѣ предметы сложены какъ-нибудь, большею частью поломаны и побиты. Наслѣдство отъ Павловскаго корпуса мы получили плохое и въ полномъ неустройствѣ. Къ счастію моему уже успѣли назначить новаго библіотекаря поручика Загорскаго, а то бы мнѣ пришлось еще принимать и библіотеку, которая оказалась также въ полномъ безпорядкѣ. По порученію Ванновскаго до пяти тысячъ книгъ были вынуты изъ шкафовъ какъ негодныя и свалены въ библіотекѣ въ уголъ, а описи имъ не успѣли составить, почему онѣ не были сданы въ аукціонную камеру, какъ предполагалось. Я совѣтовалъ Загорскому не принимать библіотеку въ этомъ видѣ, а принять только тогда, когда книги будутъ разставлены на свои мѣста [1]). Однако старый библіотекарь полковникъ Руктешель разжалобилъ его своими слезами, и библіотека была принята, но зато и Загорскій черезъ годъ, когда ему пришлось снова сдавать библіотеку, наплакался съ ней. Дѣло въ томъ, что въ теченіе года Загорскій не успѣлъ, по безпечности своей, составить опись этимъ книгамъ и исключить ихъ, а когда корпусъ, при преобразованіи его, при-

[1]) Надо замѣтить, что ген. Ванновскій, имѣя въ виду недостатокъ мѣста въ библіотекѣ, составилъ коммиссію для удаленія изъ библіотеки негодныхъ книгъ и продажи ихъ съ аукціоннаго торга; какъ видно, назначенные въ коммиссію члены не были достаточно знакомы съ достоинствомъ книгъ и, судя по каталогу, выкинули хотя и очень старыя, но весьма рѣдкія книги, таковы, напр., первое сочиненіе Хладки о звуковыхъ фигурахъ, знаменитый энциклопедич. словарь Даламбера, Дидеро (правда, ихъ было въ библ. два экз. и выкинутъ былъ одинъ изъ нихъ, какъ дубликатъ, но и это было не простительно, можно было бы передать его въ другія военно-учебныя заведенія), многія старыя цѣнныя математическія книги и, наконецъ, около 3.000 старыхъ книгъ на латинскомъ и польскомъ языкахъ, доставшихся Павловскому корпусу отъ бывшаго Калишскаго корпуса, закрытаго послѣ польскаго возстанія. Имѣя въ виду драгоцѣнное качество многихъ изъ этихъ книгъ и кромѣ того незаконный пріемъ ихъ въ видѣ кучи, гдѣ могло лежать не то, что указано въ каталогѣ, я и совѣтовалъ библіотекарю не принимать ихъ, пока ихъ не поставили на свои мѣста.

нялъ генералъ Баумгартенъ, то онъ не пожелалъ ихъ исключить и приказалъ ему разобрать ихъ по мѣстамъ. Дѣло тянулось четыре мѣсяца, и Загорскому пришлось бы сильно поплатиться, такъ какъ вѣроятно процентовъ 20 книгъ не было на-лицо, но на его счастіе, онъ встрѣтилъ на улицѣ одного солдата изъ служителей съ книгами, которыя оказались изъ библіотечной кучи.

Солдатъ былъ отправленъ имъ къ полицеймейстеру корпуса (который въ это время переименованъ былъ смотрителемъ дома), полицеймейстеръ (полковникъ Н. С. Гераковъ) не обратилъ на это должнаго вниманія и черезъ два дня уволилъ этого солдата въ безсрочный отпускъ, а Баумгартенъ подписалъ видъ, данный ему за безпорочную службу. Этимъ и воспользовался Загорскій, подалъ рапортъ о воровствѣ въ библіотекѣ, въ которомъ заявилъ, что такъ какъ воръ отпущенъ въ безсрочный отпускъ за безпорочную службу, то онъ не можетъ отвѣчать за цѣлость библіотечнаго склада. Бумгартенъ, который задерживалъ Загорскаго только изъ мести за какое-то съ нимъ столкновеніе, вышелъ изъ себя. Геракову была похлобучка, но, для скрытія этого дѣла, онъ приказалъ сдать всю кучу книгъ въ аукціонную камеру, гдѣ ихъ и продали вѣсомъ на пуды.

Возвращаюсь къ 1-му корпусу. Лучшихъ нашихъ воспитанниковъ выбрали и перевели во 2-й корпусъ, худшихъ изъ 2-го корпуса, а также изъ бывшаго Павловскаго корпуса перевели къ намъ (подробности объ этомъ изложу въ слѣдующей главѣ). Однако, мы кое-какъ устроились на Петербургской сторонѣ и начали классы. Дней черезъ десять является къ директору полковникъ Н. П. Воронцовъ-Вельяминовъ съ запиской отъ Исакова, въ которой приказывалось директору дать Воронцову квартиру и выдавать инспекторское жалованье, такъ какъ онъ вскорѣ будетъ назначенъ на эту должность. Но государь не утвердилъ Воронцова, о чемъ будетъ подробно изложено также въ слѣдующей главѣ, и черезъ двѣ недѣли послѣ начала своей службы Воронцовъ пересталъ ходить въ классы. Я опять остался одинъ. Что дѣлалось въ этотъ годъ въ 1-мъ корпусѣ, составленномъ большею частью изъ отбросовъ другихъ корпусовъ, будетъ отчасти сказано въ слѣд. главѣ; скажу о себѣ, что годъ этотъ былъ самымъ тяжелымъ годомъ во всей моей какъ предыдущей, такъ и послѣдующей службѣ; исправляя должность инспектора классовъ цѣлый учебный годъ въ заведеніи съ шестисотеннымъ интернатомъ плохаго состава и не имѣя помощника, я могъ вынести этотъ годъ только благодаря своей молодости, полной энергіи. Къ тѣмъ обязанностямъ, которыя лежали на мнѣ въ это время, присоединились еще и постороннія занятія, отнявшія у меня рѣшительно всякую свободную минуту даже и во время каникулъ.

Въ 1863 г. былъ упраздненъ Александровскій Брестскій кадетскій

корпусъ; всѣ кабинеты его: артиллерійскій, физическій, минералогическій и химическая лабораторія, были кое-какъ уложены въ ящики и, по приказанію главнаго начальника, присланы въ зданіе 1-го корпуса. Я получилъ приказаніе разобрать всѣ эти кабинеты, составить опись вещамъ, починить испорченные приборы и отдѣлить для физическаго кабинета Финляндскаго корпуса тѣ приборы, которыхъ у нихъ не значится по ихъ описи, а артиллерійскій и минералогическій кабинеты цѣликомъ отправить въ этотъ корпусъ. Все это потребовало отъ меня занятій болѣе полугода. Потомъ мнѣ приказано было все это упаковать въ ящики и отправить въ Финляндскій корпусъ, а остальные приборы дополнить покупкой новыхъ и отправить въ Тульскій корпусъ

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина.

XV [1]).

Пріисканіе преемника М. Н. Муравьеву.—Назначеніе К. П. фонъ Кауфмана.—Радость поляковъ.—Характеристика К. П. Кауфмана, сдѣланная М. Н. Муравьевымъ.—Отъѣздъ Кауфмана въ Вильну.—Прощальный обѣдъ, данный ему М. Н. Муравьевымъ.—Стихи Никотина.—Разговоръ его съ М. Н. Муравьевымъ о разныхъ государственныхъ вопросахъ.

На 24-е марта 1865 года назначенъ былъ М. Н. Муравьеву всеподданнѣйшій докладъ во дворцѣ. Возвратясь оттуда, онъ объявилъ въ тѣсномъ кругу своихъ домашнихъ лицъ, что въ Вильну не возвратится, просилъ государя объ увольненіи и получилъ на это его согласіе, подъ условіемъ повременить до пріисканія ему преемника. Вѣсть эта поразила меня какъ громомъ. Странное существо человѣкъ! Пока у него остается хотя малѣйшая надежда на осуществленіе его ожиданій, онъ не теряетъ бодрости, несмотря на видимую безвыходность его положенія; но вотъ суровая дѣйствительность отнимаетъ у него эту отраду, и картина мгновенно измѣняется: настоящее, которое еще такъ недавно радовало его, представляется ему, при потерѣ послѣдней надежды, въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Еще утромъ этого дня, когда М. Н. Муравьевъ собирался уже ѣхать съ докладомъ во дворецъ, мнѣ все еще не вѣрилось, что онъ рѣшился привести въ исполненіе свое намѣреніе—отказаться отъ управленія только-что умиротвореннымъ имъ краемъ; дума-

[1]) См. „Русскую Старину“, февраль 1904 г.

лось мнѣ, что онъ снова поѣдетъ въ Вильну, дабы окончательно утвердить тамъ наше святое русское дѣло, такъ блистательно имъ поставленное... И вотъ дорогія мечты мои разлетѣлись въ прахъ, а если бы кто-нибудь полюбопытствовалъ спросить меня, на чемъ онѣ у меня основаны, то я не могъ бы ничего ему отвѣтить, такъ какъ уже въ Вильнѣ можно было догадаться объ окончательномъ намѣреніи Михаила Николаевича оставить этотъ несчастный край. Сборы его въ Петербургъ совершенно не походили на прошлогодніе, и онъ постоянно твердилъ одно и то же, что силы его окончательно ослабли—пора подумать и объ отдыхѣ... Кто будетъ назначенъ въ Вильну, какъ поведетъ онъ тамъ русское дѣло, что будетъ съ краемъ? Вотъ вопросы, надъ рѣшеніемъ которыхъ, я думаю, ломали свои головы всѣ окружающіе этого незамѣнимаго начальника. Нѣсколько дней спустя прошли слухи, что со стороны М. Н. Муравьева выставлены два кандидата—генералъ-лейтенантъ Хрущовъ и генералъ-адъютантъ Кауфманъ. Перваго я зналъ по Вильнѣ, фамилію втораго я услыхалъ тогда въ первый разъ; онъ занималъ должность директора канцеляріи военнаго министерства. Министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ указывалъ съ своей стороны на генерала Потапова и сочинилъ, по словамъ Михаила Николаевича, какой-то дуализмъ управленія: генералъ Хрущовъ, съ назначеніемъ генералъ-губернаторомъ, долженъ былъ управлять военною частію, а Потаповъ, въ званіи его помощника,—гражданскою частію. Назначеніе послѣдняго казалось невѣроятнымъ, такъ какъ М. Н. Муравьевъ недолюбливалъ его за постоянныя заигрыванія съ поляками, въ которыхъ онъ дѣйствительно сильно вѣровалъ, и заявилъ о немъ государю, что, кромѣ вреда краю, онъ тамъ ничего болѣе сдѣлать не можетъ. Дня черезъ три, наконецъ, случилось мнѣ увидѣть и К. П. Кауфмана, который пріѣхалъ къ М. Н. Муравьеву. Генералъ просидѣлъ у него въ кабинетѣ болѣе часа. О чемъ велась тамъ бесѣда, осталось неизвѣстнымъ, только будущій генералъ-губернаторъ произвелъ на бывшаго пріятное впечатлѣніе.

Какимъ старикомъ показался мнѣ тогда К. П. Кауфманъ. Сѣдой, плѣшивый,—но пріятная его улыбка придавала добродушное выраженіе его оживленной физіономіи. Послѣ перваго своего пріѣзда онъ сталъ бывать у М. Н. Муравьева ежедневно, а 31-го марта, по высочайшему повелѣнію, поѣхалъ въ Вильну для собранія нужныхъ свѣдѣній по предмету назначенія туда преемника удаляющемуся главному начальнику края. 4-го апрѣля К. П. Кауфманъ возвратился изъ Вильны и, посѣтивъ М. Н. Муравьева, заявилъ ему, что генералъ-лейтенантъ Хрущовъ не понимаетъ раздѣленія власти между имъ и Потаповымъ и ни подъ какимъ видомъ не согласенъ принять генералъ-губернаторство на подобныхъ условіяхъ. На слѣдующій день М. Н. Муравьевъ

*

повезъ къ государю записку и системѣ его управленія Сѣверо-Западнымъ краемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ взялъ съ собою представленія къ наградамъ. Въ 7 часовъ вечера этого дня, когда я пріѣхалъ къ нему съ обычнымъ докладомъ, онъ встрѣтилъ меня словами:

— Ну, любезный Иванъ Акимовичъ, хотѣлъ было я поздравить васъ вашимъ превосходительствомъ, но государю не благоугодно было утвердить мое представленіе о награжденіи васъ чиномъ. Министръ успѣлъ, видно, доложить, что и безъ того вы получили много наградъ...

— Совершенная правда, ваше высокопревосходительство, благодаря вашему благосклонному вниманію ко мнѣ и по милости государя, я получилъ при васъ болѣе наградъ, чѣмъ за 12 лѣтъ прежняго моего служенія въ здѣшнемъ краѣ.

— А что вы получили при мнѣ?

— По представленію В. И. Назимова я награжденъ орденомъ св. Анны 2-ой степени безъ короны, къ которой былъ представленъ и получилъ чинъ статскаго совѣтника за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ 11 мѣсяцевъ и 12 дней.

— Какая же это награда? Цѣлый годъ вы ждали то, что давнымъ-давно выслужили; очень жаль, что я не зналъ этого прежде; непремѣнно доложилъ бы государю. Ну, а при мнѣ-то что вы получили?

— 1-го января 1864 года 2.500 руб. изъ 10 % сбора и 30-го августа—орденъ св. Владиміра 3-й степени.

— Все-таки мнѣ очень прискорбно, что передъ разставаніемъ съ вами мнѣ не удалось вознаградить васъ за ваши добросовѣстные труды.

— Я уже вознагражденъ вполнѣ тѣмъ, ваше высокопревосходительство, что вы признали во мнѣ способность къ серьезному труду и отличили меня вашимъ дорогимъ довѣріемъ. Вѣдь до васъ на меня смотрѣли, какъ на человѣка, который только все попусту спѣшитъ да торопится.

— Ну, такъ могли толковать про васъ люди, сами ничего не дѣлавшіе и ничего не смыслившіе въ дѣлахъ. Сегодня вы свободны, я хочу отдохнуть, такъ какъ чувствую себя крайне утомленнымъ; веселитесь и до свиданія на завтра.

Освободившись такъ неожиданно отъ вечерняго доклада, я тотчасъ же поѣхалъ въ гостиницу, чтобы надѣть сюртукъ и отправиться провести вечеръ въ семьѣ А. Р. Дрентельна, жившаго на Вознесенскомъ проспектѣ, противъ самой церкви; но едва я успѣлъ войти къ себѣ въ номеръ, какъ вошедшій вслѣдъ за мною лейбъ-казакъ передалъ мнѣ приказаніе моего начальника поскорѣе пріѣхать къ нему.

— Не случилось-ли чего-нибудь?

— Не могу знать; приказано только доложить вамъ, что нужно экстренно васъ видѣть.

— Ѣдемъ поскорѣе,—отвѣтилъ я посланному, и вмѣстѣ съ нимъ вышли на улицу. Извозчикъ, на которомъ пріѣхалъ я съ Сергіевской, стоялъ невдалекѣ и повезъ меня туда же обратно.

Что такое тамъ случилось?—думалось мнѣ невольно цѣлую дорогу. Минутъ черезъ двадцать я входилъ уже въ кабинетъ къ М. Н. Муравьеву, пившему чай въ углу за столомъ.

— Честь имѣю поздравить васъ, ваше превосходительство, съ монаршею милостію,—проговорилъ онъ мнѣ съ улыбкою, подавая руку и, вмѣстѣ съ тѣмъ, взявши со стола какую-то бумагу, передалъ ее мнѣ. Оказалось, что это было конфиденціальное письмо министра внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуева, въ которомъ онъ, увѣдомляя его о моемъ производствѣ, заявляетъ, что объ этой наградѣ будетъ отдано въ высочайшемъ приказѣ. На мою благодарность за столь неожиданную монаршую милость Михаилъ Николаевичъ разсказалъ слѣдующее:

— Я вамъ давеча не разсказалъ мой разговоръ съ государемъ, по случаю представленія васъ къ наградѣ; выслушайте же теперь, чтобы понять безграничную доброту его. Государь видимо сожалѣлъ, что огорчилъ меня своимъ отказомъ и, пройдясь по комнатѣ, сказалъ мнѣ: «оставьте ваше представленіе о награжденіи Никотина, я поручу разсмотрѣть». Не желая получить оффиціальный отказъ, черезъ министра, на мое ходатайство, я отвѣтилъ его величеству: простите меня великодушно, государь, что осмѣлился утруждать васъ просьбою наградить человѣка, который, выбиваясь изъ силъ, трудился безупречно при мнѣ во все время управленія моего краемъ, и забудьте о моей просьбѣ..

— Этакій упрямецъ,—отвѣтилъ мнѣ государь, подходя ко мнѣ Взявши затѣмъ изъ моихъ рукъ портфель, онъ хотѣлъ вынуть оттуда мое представленіе о васъ, но такъ какъ замокъ довольно туго отворяется, онъ, торопясь, немного надорвалъ шагрень около замка. Я тотчасъ же помогъ государю отпереть пружину и, передавая ему бумагу, снова извинился передъ нимъ за причиненное безпокойство. Вѣроятно, по моемъ уходѣ его величество и утвердилъ ваше производство.

Дорогой для меня портфель, до котораго прикасалась рука незабвеннаго государя, подаренъ былъ мнѣ, послѣ смерти М. Н. Муравьева, зятемъ его С. С. Шереметевымъ и хранится у меня, какъ святыня. На другой день послѣдовалъ и высочайшій приказъ о моемъ производствѣ. По этому поводу произошелъ въ Вильнѣ курьезъ, показавшій затаенное нерасположеніе ко мнѣ правителя генералъ-губернаторской канцеляріи Туманова, которое вскорѣ за перемѣною начальства и обнаружилось. Въ этотъ же самый день отправленъ былъ въ Вильну списокъ лицъ, которымъ М. Н. Муравьевъ, передъ своимъ оставленіемъ края, назначилъ изъ штрафныхъ суммъ, по своему усмотрѣнію, денеж-

ную награду; въ числѣ прочихъ назначено было и мнѣ пятьсотъ рублей, какъ бы на экипировку по новому чину. А такъ какъ въ наградномъ спискѣ, заготовленномъ еще до моего производства, я значился статскимъ совѣтникомъ, то, чтобы не задерживать перепискою доклада, я поручилъ писарю Тихановскому исправить мой чинъ. Вмѣстѣ съ постъ-пакетомъ отправлено было мною въ Вильну и письмо къ женѣ, въ которомъ я сообщилъ ей пріятное извѣстіе о полученной мной двойной наградѣ. Та, недолго думая, отправилась къ правителю канцеляріи за свидѣтельствомъ на проѣздъ въ Петербургъ. Тотъ выдалъ ей просимое, какъ женѣ статскаго совѣтника и, на заявленіе ея о моемъ производствѣ, отвѣтилъ, что это подлежитъ еще сомнѣнію, такъ какъ въ наградномъ спискѣ мой чинъ подскобленъ, а оффиціальнаго свѣдѣнія по этому случаю не получено. Вотъ какъ люди мѣняются, подумалось мнѣ невольно, при одной вѣсти о перемѣнѣ начальника, передъ которымъ онъ трепеталъ.

17-го апрѣля состоялось назначеніе генералъ-адъютанта К. П. Кауфмана главнымъ начальникомъ Сѣверо-Западнаго края. Нужно было видѣть тотъ неописуемый восторгъ, которымъ были воодушевлены поляки при вѣсти объ оставленіи М. Н. Муравьевымъ Вильны. Уже и прежде они распускали про него подъ рукою разные пасквили; когда же состоялось оффиціальное назначеніе на его мѣсто К. П. Кауфмана, по этому случаю происходило у нихъ полнѣйшее бѣснованіе. Мнѣ случалось по воскреснымъ вечерамъ бывать въ гостяхъ у моего давнишняго пріятеля Е. П. К—ча, женатаго на полькѣ, или правильнѣе на литвинкѣ, у котораго постоянно собирались знакомые ему поляки. Когда я пришелъ къ нему, то засталъ тамъ въ числѣ гостей и нѣсколькихъ ихъ мосьцей изъ Вильны; одинъ изъ нихъ, сынъ аптекаря, былъ также мнѣ извѣстенъ. Бесѣда шла по случаю назначенія новаго начальника края, котораго бывшіе тамъ поляки единогласно называли милымъ, дорогимъ и близкимъ для нихъ человѣкомъ, такъ какъ у него было много родныхъ между ними. Признаюсь откровенно подобная аттестація меня сильно озадачила. Не будетъ толку отъ подобнаго выбора, подумалось мнѣ невольно, когда наши заклятые враги не находятъ словъ для его восхваленія.

Чего, чего не пришлось мнѣ понаслушаться въ этотъ вечеръ про М. Н. Муравьева; безпощадная ложь про него переходила изъ устъ въ уста и завершилась, наконецъ, секретнымъ сообщеніемъ изъ самаго достовѣрнаго источника, что государь рѣшился отдать М. Николаевича Муравьева подъ военный судъ за расхищеніе нѣсколькихъ милліоновъ рублей изъ процентныхъ сборовъ, въ которыхъ онъ не могъ дать отчета, и что приведеніе этого въ исполненіе отложено до возвращенія государя изъ-за границы. Тяжело мнѣ было слушать подобные гнусные разговоры про

того, который не воспользовался ни единой копѣйкою и, не жалѣя ни силъ, ни здоровья, не зналъ въ теченіе двухъ лѣтъ покоя, заставилъ крамолу смириться и, умиротворивъ залитый мятежемъ край, укрѣпилъ его навсегда за Россіею. Пытался было я возражать на это безпощадное вранье, но мой правдивый голосъ оставался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ; мнѣ оставалось только незамѣтно уйти домой до ужина, что я и сдѣлалъ. Тяжело и обидно было слушать нечестивыя разглагольствованія поляковъ о дорогомъ моемъ начальникѣ, а неизвѣстность его положенія, такъ какъ онъ не былъ ничѣмъ награжденъ за оказанныя услуги Россіи, усиливала еще болѣе тяжелую мою думу.

Но вотъ насталъ и конецъ томительной неизвѣстности. 18-го апрѣля М. Н. Муравьевъ возведенъ былъ въ графское достоинство; высочайшій рескриптъ, по этому случаю, блестящимъ образомъ высказалъ всѣ его труды и заслуги престолу и отечеству. Это радостное для всѣхъ честныхъ русскихъ событіе было тотчасъ же опубликовано въ «Русскомъ Инвалидѣ». Номеръ этой газеты, присланный графу М. Н. Муравьеву военнымъ министромъ, я получилъ изъ собственныхъ его рукъ въ восемь часовъ вечера, а въ 9 часовъ входилъ въ столовую комнату Е. П. К—ча, гдѣ на столѣ привѣтливо кипѣлъ самоваръ, и шла оживленная бесѣда на прежнюю тему. Поляковъ на этотъ разъ собралось еще болѣе, чѣмъ въ предыдущій вечеръ. Польская фантазія бываетъ вообще неисчерпаема, когда она развиваетъ гнусную ложь про честнаго русскаго дѣятеля,—и тутъ она показала себя во всей своей мощи. Несмотря на то, что бывшій грозный для однихъ только мятежниковъ и негодяевъ главный начальникъ края сошелъ со сцены, они глумились надъ нимъ и ругали его на всѣ лады, вѣдь это у насъ, у русскихъ только, лежачаго не бьютъ; у поляковъ—наоборотъ, бей москаля, когда онъ безсиленъ или у него связаны руки, и падай до ногъ, если онъ въ силѣ. Желая подтрунить въ этотъ вечеръ надъ ихъ мосьцями, я перемѣнилъ свою тактику и началъ, какъ говорится, подливать масло на огонь, чтобы въ удобную минуту сообщить имъ вѣсть о новопожалованномъ русскомъ графѣ. Случай къ тому мнѣ скоро представился. Одинъ изъ собесѣдниковъ, въ заключеніе своего вранья, пожелалъ, чтобы за назначеніемъ новаго генералъ губернатора надъ прежнимъ людоѣдомъ поскорѣе совершили судъ и правду!..

— Ваше желаніе уже исполнилось,—отвѣтилъ я ему: у меня въ карманѣ «Русскій Инвалидъ», гдѣ помѣщенъ высочайшій рескриптъ о Муравьевѣ.

— Покажите, прочтите!—послышались ко мнѣ просьбы со всѣхъ сторонъ.

— Прошу слушать со вниманіемъ, господа,—отвѣтилъ я имъ, вы-

нимая газету изъ кармана;—новость эта должна вполнѣ удовлетворить обиженное польское самолюбіе.

Если бы молнія съ страшнымъ громомъ разразилась бы тогда въ столовой, то конечно она произвела бы меньше переполоху, чѣмъ начавшееся чтеніе рескрипта государя о графскомъ достоинствѣ нашего великаго государственнаго дѣятеля. Съ каждою прочитанною мною строкою, сидѣвшіе въ столовой поляки поникали головами и въ концѣ совершенно растерялись. Тутъ они только поняли, что я глумился надъ ихъ выходками; возмездіе было полное, блестящее...

Не даромъ выстрадалъ я предыдущій вечеръ, выслушивая нечестивую ихъ брань. Да, подобныя минуты въ жизни не позабываются. Въ этотъ вечеръ многіе изъ польскихъ гостей, не дождавшись обычнаго ужина, убрались по домамъ; видно, сообщенная имъ мною новость окончательно разстроила ихъ аппетитъ.

Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ, несмотря на нѣмецкую свою фамилію, былъ православный и вполнѣ русскій человѣкъ. Однажды въ разговорѣ съ нимъ, я спросилъ у него: зачѣмъ онъ подписывается фонъ?

— Я самъ сознаю, что это не хорошо,—отвѣтилъ онъ мнѣ:—порывался было въ дѣтствѣ откинуть эту нѣмецкую частицу, да отецъ мой больно высѣкъ меня за это, строго внушивъ, что не слѣдуетъ пренебрегать родовой фамиліей, дѣло вѣдь не въ названіи, а въ духѣ человѣка.

Въ военномъ министерствѣ Константинъ Петровичъ оставилъ по себѣ самыя лучшія воспоминанія; даже швейцаръ и тотъ объявилъ мнѣ при отъѣздѣ его въ Вильну: «какого ангела вы отъ насъ увозите... Такого добраго и общительнаго генерала у насъ еще и не было». Вмѣсто того, чтобы порадоваться такому выраженію чувствъ простаго служиваго, не знаю почему мнѣ пришло въ голову, что доброта бываетъ иногда вредна, особенно если она примѣняется одинаково и къ порядочнымъ людямъ, и къ негодяямъ; подобный примѣръ я видѣлъ недавно въ моей служебной практикѣ. Что будетъ изъ новаго назначенія,—покажетъ будущее. Утѣшительно было только то, что графъ М. Н. Муравьевъ считалъ К. П. Кауфмана прямо русскимъ человѣкомъ, хотя и сильно увлекающимся въ разныхъ своихъ предположеніяхъ насчетъ будущихъ своихъ дѣйствій въ краѣ. 24-го апрѣля состоялось высочайшее повелѣніе объ откомандированіи меня въ распоряженіе графа Муравьева для составленія отчета и записокъ по управленію имъ Сѣверо-Западнымъ краемъ, и такимъ образомъ мнѣ пришлось по 5-е іюня работать при немъ и управлять походною канцеляріею при вновь назначенномъ генералъ-губернаторѣ. Трудовъ я не боялся, а добавочное содержаніе по триста рублей въ мѣсяцъ пришлось мнѣ очень кстати. Занятія мои распредѣлены были такъ: утромъ часовъ до 3-хъ или 4-хъ я занимался

у М. Н. Муравьева, а вечеромъ съ 9 часовъ въ кабинетѣ у К. П Кауфмана, который жилъ тогда въ военномъ министерствѣ близъ Исаакіевскаго собора.

Въ день представленія своего государю, по возвращеніи его изъ Ниццы, К. П. Кауфманъ, тотчасъ же послѣ пріема, пріѣхалъ въ полной парадной формѣ къ графу М. Н. Муравьеву и просидѣлъ съ нимъ въ кабинетѣ часа два. Дежурилъ въ тотъ день штабъ-ротмистръ В. Ѳ. Самаринъ, а я занимался тогда въ угловой комнатѣ, первой изъ передней налѣво. Когда хозяинъ со своимъ гостемъ вышли, наконецъ, изъ кабинета, то мы оба сидѣли и разговаривали въ угловой комнатѣ. Услыхавши ихъ выходъ, мы встали и подошли къ дверямъ гостиной, чрезъ которую они проходили. Подойдя къ намъ и обращаясь къ К. П. Кауфману, графъ М. Н. Муравьевъ, указавъ ему на Самарина, сказалъ:

— Рекомендую вамъ, Константинъ Петровичъ, моего бывшаго адъютанта Самарина. Очень способный, трудолюбивый и отличный во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ. Вы имъ останетесь довольны.

Въ отвѣтъ на эту похвалу, Константинъ Петровичъ пожалъ руку Самарину.

Затѣмъ графъ, положивъ обѣ руки мнѣ на плечи, продолжалъ:

— Управляющій особенною канцеляріею дѣйствительный статскій совѣтникъ Никотинъ, о которомъ я вамъ уже говорилъ. Это мое сокровище, моя правая рука. Прошу васъ поберечь его—онъ у васъ поработаетъ за многихъ.

На мой молчаливый поклонъ Константинъ Петровичъ, привѣтливо поклонившись мнѣ, крѣпко, крѣпко пожалъ мнѣ руку. Сознаюсь чистосердечно, что, при мелькнувшей въ головѣ моей мысли о предстоявшемъ разставаніи съ графомъ М. Н. Муравьевымъ, у меня захватило въ груди дыханіе, и слезы невольно покатились по моимъ щекамъ. Замѣтивъ мое сильное смущеніе, графъ обратился ко мнѣ съ ободряющими словами и затѣмъ, когда уѣхалъ Константинъ Петровичъ, взявши меня подъ руку, повелъ въ кабинетъ на бесѣду по отчету, которую и заключилъ слѣдующимъ:

— Помните, что вамъ готово мѣсто директора департамента; не безпокойтесь поэтому о себѣ. А. А. Зеленый мнѣ обѣщалъ. Константину Петровичу я васъ тоже отрекомендовалъ, и онъ обѣщалъ мнѣ отличить васъ особеннымъ своимъ вниманіемъ. Человѣкъ онъ вполнѣ русскій, но, изъ сегодняшняго разговора съ нимъ, еще болѣе убѣдился, что онъ сильно увлекается, а потому ваша бытность при немъ въ Вильнѣ необходима, удерживайте его... Вамъ знакомы дѣла, край и люди, а вѣдь онъ будетъ тамъ человѣкъ совершенно новый, я боюсь за него, у него появилось здѣсь много враговъ, а теперь не время увлекаться, нужно работать хладнокровно и осмотрительно. Буду его здѣсь

поддерживать всѣми силами. Теперь время суровыхъ каръ миновало, но труда тамъ предстоитъ много. Константинъ Петровичъ пробудетъ здѣсь съ мѣсяцъ; утромъ вы будете заниматься со мною, а съ послѣ обѣда принадлежите ему; считаться вы будете по-прежнему въ моемъ распоряженіи. Съѣздите къ Константину Петровичу сегодня же и представьтесь ему, какъ своему начальнику, а теперь до свиданія.

Возвратившись домой отъ графа, я тотчасъ же поѣхалъ къ К. П. Кауфману, который принялъ меня очень любезно и произвелъ на меня отрадное впечатлѣніе. Открытая и привѣтливая его физіономія невольно внушала къ нему довѣріе; но говорилъ онъ, говорилъ—безъ конца; заниматься съ нимъ, какъ оказалось, было труднѣе, чѣмъ при графѣ М. Н. Муравьевѣ, по случаю вводимыхъ имъ толковъ о совершенно постороннихъ обстоятельствахъ, да и пріемы-то въ работѣ были совершенно другіе. Выслушавши прочитанную ему бумагу, онъ, какъ бы недовѣряя или не зная, что дѣлать, перечитывалъ ее снова самъ, затѣмъ начиналъ пересматривать бывшую переписку и терялъ по-пустому дорогое время, а ты сиди и ожидай. Нужно сознаться, что подобные пріемы сильно замедляли доклады и дѣйствовали на меня крайне утомительно, а я былъ въ этомъ отношеніи очень выносливъ. Не разъ пришлось мнѣ вспоминать графа Михаила Николаевича, съ которымъ работалось по нѣсколько часовъ сряду такъ легко и пріятно. Но прошедшее не вернуть, думалось мнѣ невольно, и нужно привыкать тянуть служебную лямку по указанію новаго начальника, тогда честно выполнить возложенное на меня моимъ бывшимъ благодѣтелемъ трудное и щекотливое порученіе. Результатъ моихъ занятій при графѣ выразился во всеподданнѣйшей запискѣ, въ томъ видѣ, какъ она диктовалась мнѣ имъ, была свѣрена и исправлена мною. Послѣ моего отъѣзда въ Вильну эта записка выдержала его окончательную редакцію. Сколько разъ приходилось мнѣ выслушать при этой работѣ скорбь наболѣвшей души замѣчательнаго государственнаго дѣятеля, постоянно возмущавшагося тѣмъ, что, несмотря на всю ясность и правоту нашего русскаго дѣла въ Сѣверо-Западномъ краѣ, въ Петербургѣ постоянно находились такія высокопоставленныя лица, которыя не хотѣли понять истины и какъ бы умышленно вредили его успѣху, играя въ руку нашихъ заклятыхъ враговъ. Скажу нѣсколько словъ о послѣднихъ дняхъ пребыванія моего при графѣ. Въ это время мнѣ приходилось почти, что ежедневно у него обѣдать; за столомъ онъ сажалъ меня на углу по правую руку, между собою и графинею Пелагеею Васильевной, которая занимала обычное мѣсто хозяйки. Въ жизни моей я не рѣшался никогда ѣсть устрицъ, а тутъ, на мою бѣду, подавали ихъ, какъ нарочно, чуть не каждый день такъ какъ Михаилъ Николаевичъ былъ большой до нихъ охотникъ; мнѣ приходилось по этому случаю выслушивать его шутки на мой счетъ по

этой части. Подаетъ, бывало, блюдо человѣкъ съ этимъ лакомствомъ отъ графини мнѣ, и вотъ хозяинъ командуетъ ему:

— Мимо! Иванъ Акимовичъ все умѣетъ дѣлать, а вотъ ѣсть устрицъ еще не научился и даже не рѣшается испытать всю прелесть этого блюда; дѣлать нечего—подавай мнѣ; самъ виноватъ, что будетъ сидѣть ложа руки да глотать слюнки.

На всѣ его совѣты попробовать хоть одну только устрицу я постоянно отвѣчалъ отказомъ, чувствуя, что отъ одного прикосновенія къ ней мнѣ непремѣнно сдѣлается дурно. И вотъ какъ-то мнѣ однажды пришло въ голову пересилить себя въ этомъ чувствѣ; дай, думаю, попробую, что за вкусъ; вѣдь ѣдятъ же люди устрицъ десятками и находятъ ихъ очень вкусными, а доктора признаютъ устрицъ здоровою пищею. Но, въ одиночку, продѣлать эту пробу я не рѣшился и пригласилъ помочь мнѣ П. А. Черевина. Съ этою цѣлію отправились мы съ нимъ въ Милютины лавки къ Одинцову. Войдя къ нему въ лавку, мой гость спросилъ у приказчика про одного изъ своихъ кавалергардскихъ товарищей.

— Каждый день посѣщаютъ насъ исправно и пополняютъ-съ бухгалтерію,—отвѣтилъ приказчикъ.

— Что это значитъ, Петръ Александровичъ,—спросилъ я его, входя за нимъ въ слѣдующую небольшую комнату, куда велѣли подать устрицъ съ надлежащею къ нимъ обстановкою.

— Очень просто—беретъ въ долгъ и ничего не платитъ.

Когда усѣлись мы тамъ за столъ и я взялъ уже въ руки одну устрицу, то почувствовалъ вдругъ къ ней такое отвращеніе, что и описать трудно; челюсти у меня судорожно сжались, и невольная дрожь пробѣжала по всему тѣлу. Видя мое отвращеніе, Петръ Александровичъ предложилъ мнѣ свои услуги.

— Дайте-ка, я пересмотрю предварительно ваши устрицы, свѣжія-ли онѣ? а то попадись между ними мертвое тѣло, такъ вы навѣрное навсегда отъ нихъ откажетесь...

Устрицы оказались превосходными. Дѣлать было нечего; нужно побороть отвращеніе и рѣшиться на пробу. И вотъ съ замираніемъ сердца взялъ я въ руки одну изъ нихъ, подрѣзалъ, выдавилъ на нее лимоннаго соку, положилъ въ ротъ кусочекъ швейцарскаго сыру и вслѣдъ за нимъ сунулъ устрицу. Къ моему величайшему удивленію, никакихъ дурныхъ послѣдствій со мною не было, отвращенія къ устрицамъ простылъ и слѣдъ. На первый разъ я ихъ съѣлъ только нѣсколько штукъ; хотѣлъ приберечь аппетитъ къ обѣду, да и пора настала поспѣшить на обычныя занятія къ графу, куда мы вмѣстѣ съ Петромъ Александровичемъ и отправились. Судьба готовила мнѣ сюрпризъ. Нужно же было такъ случиться, что въ этотъ день къ обѣду поданы

были Фленсбургскія устрицы, очень большія и въ большомъ количествѣ. Когда мы всѣ усѣлись за столъ и началось подаваніе устрицъ, человѣкъ, по обыкновенію, хотѣлъ обнести меня; остановивъ его, я положилъ себѣ на тарелку нѣсколько штукъ устрицъ. Графъ, посмотрѣвъ на меня съ удивленіемъ, спросилъ:

— Что съ вами сдѣлалось, неужели будете ихъ кушать?

— Сегодня подано у васъ такое множество этого лакомства, что я рѣшился съѣсть ихъ нѣсколько штукъ.

— Смотрите, смотрите, пожалуйста, вѣдь кушаетъ, да скрягами еще насъ высмѣялъ, Пелагея Васильевна,—сказалъ онъ женѣ,—ну, теперь я вижу, что для васъ ничего нѣтъ невозможнаго.

Обѣдъ прошелъ очень оживленно, смѣялись много надъ моимъ разсказомъ объ утреннемъ моемъ похожденіи съ устрицами.

Съ этого дня онѣ сдѣлались для меня настоящимъ лакомствомъ; каждый разъ, когда мнѣ случалось ѣсть ихъ, мнѣ становилось смѣшно при воспоминаніи о прежнемъ моемъ къ нимъ отвращеніи. Не даромъ только первый шагъ бываетъ въ жизни нашей труденъ.

За три дня до отъѣзда К. П. Кауфмана въ Вильну графъ М. Н. Муравьевъ далъ ему прощальный обѣдъ, на который были приглашены только прибывшія съ нимъ въ Петербургъ оттуда лица, такъ что обѣдъ этотъ носилъ чисто семейный характеръ. Во время стола разговоръ вертѣлся на тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ краѣ. Когда подали шампанское, радушный хозяинъ предложилъ тостъ за отъѣзжающаго гостя и пожелалъ ему въ самыхъ задушевныхъ словахъ полнѣйшаго успѣха на предстоявшемъ ему трудномъ поприщѣ служенія государю и Россіи. Отвѣтъ Константина Петровича звучалъ тою же задушевностію, при чемъ онъ обѣщалъ Михаилу Николаевичу неуклонно идти по намѣченному имъ пути. Передъ самымъ концомъ обѣда А. Д. Левшинъ, завѣдывавшій крестьянскимъ дѣломъ, обратился, было, къ Михаилу Николаевичу съ рѣчью, но послѣ нѣсколькихъ словъ окончательно сконфузился, ввернувъ фразу: «что скажетъ Европа».

— А пускай она болтаетъ, что хочетъ,—отвѣтилъ Михаилъ Николаевичъ,—намъ, русскимъ, больше чести, когда Европа насъ ругаетъ, это вѣрный признакъ, что мы идемъ къ цѣли вѣрнымъ историческимъ путемъ. Вотъ отъ европейскихъ похвалъ намъ навѣрное не поздоровится.

Послѣ этого всѣ встали и вышли въ гостиную, гдѣ я обратился къ графу Михаилу Николаевичу съ слѣдующимъ экспромптомъ:

Пускай клеймятъ тебя позоромъ—
Презрѣнный Западъ и враги,
Ты мощенъ Руси приговоромъ,
Царя ты славу береги.
Мятежъ прошелъ, крамола ляжетъ...

Въ литовской Руси миръ взойдетъ,
Тогда и самый врагъ твой скажетъ:
Великъ твой подвигъ! и вздохнетъ
О томъ, что, ставши сумасбродомъ,
Забывъ присягу, свой позоръ,
Затѣялъ съ доблестнымъ народомъ
Поднять давно рѣшенный споръ...
Нѣтъ! не помогутъ тамъ уголья
Подземныхъ ихъ крамольныхъ силъ...
Зри—надъ тобой, простерши крылья,
Паритъ Архангелъ Михаилъ!.. [1])

Образъ Архангела Михаила висѣлъ въ углу столовой и виденъ былъ изъ гостиной. Похваливъ стихи и поцѣловавъ меня, графъ пожелалъ имѣть ихъ отъ меня на память. Отправившись съ С. С. Шереметевымъ въ угловую комнату, я написалъ стихи на почтовомъ листѣ и передалъ Михаилу Николаевичу. Послѣ обѣда, во время кофе, около часу времени продолжалась оживленная бесѣда. Внучата брали приступомъ поцѣлуи отъ дѣдушки, сидѣвшаго съ трубкою въ креслахъ, и взбирались на него одинъ за другимъ. Затѣмъ всѣ разъѣхались по домамъ, и уставшій хозяинъ отправился въ этотъ день на обычный послѣобѣденный отдыхъ нѣсколько позже обыкновеннаго.

Наступило, наконецъ, время моего разставанія съ дорогимъ, незабвеннымъ моимъ начальникомъ; 5-го іюля назначенъ былъ отъѣздъ К. П. Кауфмана въ Вильну. Вечеръ, проведенный у графа наканунѣ отъѣзда, останется навсегда въ моей памяти. Сидѣли мы съ нимъ вдвоемъ въ кабинетѣ за угловымъ столомъ и пили чай. Послѣ разныхъ толковъ о томъ, на что слѣдуетъ обратить вниманіе новому генералъ-губернатору, я высказалъ ему сожалѣніе всѣхъ честныхъ русскихъ людей о томъ, что онъ поторопился оставить Вильну и не пробылъ еще хоть годъ въ краѣ для пользы русскаго дѣла.

— Если бы я былъ увѣренъ, что, оставаясь въ Вильнѣ, принесъ бы пользу этому святому дѣлу, то, несмотря на мое нездоровье, не колеблясь ни минуты, поѣхалъ бы туда обратно, чтобы послужить Россіи, но, къ сожалѣнію, обстоятельства сложились неблагопріятно для моего тамъ пребыванія. Государь слишкомъ добръ и началъ колебаться...

---

[1]) Къ крайнему моему удивленію прочелъ я въ „Новомъ Времени“, что этотъ экспромптъ, слитый воедино съ сказаннымъ два года передъ тѣмъ въ Вильнѣ за обѣдомъ повѣрочныхъ коммиссій, приписывается поэту Некрасову, котораго даже заподозрили въ ложности чувствъ. Смѣю увѣрить неизвѣстнаго мнѣ автора, одобрившаго стихи, что русскій нашъ поэтъ былъ тутъ ни при чемъ; за достоинство моихъ стиховъ я не стою, но за искренность высказанныхъ въ нихъ чувствъ—смѣю ручаться. Грустно, что такъ пишутся у насъ правдивыя повѣствованія о нашихъ замѣчательныхъ русскихъ дѣятеляхъ.

Мнѣ необходимо поддерживать здѣсь Константина Петровича, такъ какъ противъ него сплотилась сильная лига, которая дѣйствовала и противъ меня. Я буду полезнѣе для дѣла въ Петербургѣ, чѣмъ въ Вильнѣ, тамъ оно твердо поставлено, нужно только неукоснительно продолжать его.

— Вы постоянно, ваше сіятельство, выходили побѣдителемъ, проводя энергически вашъ взглядъ по благоустроенію умиротвореннаго вами края, навѣрное и теперь результатъ былъ бы тотъ же, тѣмъ болѣе государю было благоугодно, чтобы вы оставались въ Вильнѣ.

— Въ жизни государственнаго человѣка, какъ и въ жизни частнаго лица, разумѣется, благоразумнаго, дорожащаго своимъ достоинствомъ,—есть моментъ, въ который голосъ разсудка заставляетъ его остановиться и сообразить свои силы. Молодость быстро взбирается на горы, перепрыгиваетъ черезъ пропасти, становится безъ колебанія на краю стремнины и, чувствуя подъ своими ногами почву, рвется неудержимо впередъ и легко преодолѣваетъ встрѣчаемыя по пути къ намѣченной цѣли препятствія. Но вотъ приходитъ, наконецъ, время, когда при восхожденіи на гору начинаетъ захватывать духъ, кружится голова при взглядѣ на зіяющую подъ ногами бездну, закрадывается въ душу сомнѣніе, удастся-ли сдѣлать безопасно предстоящій трудный шагъ; тутъ благоразумный человѣкъ долженъ остановиться и не рисковать, чтобъ не сломать себѣ по пути шею на посмѣшище людямъ. Можетъ быть, на этотъ разъ и удалось бы усумнившемуся въ собственныхъ силахъ лицу преодолѣть встрѣченное препятствіе, но, повторяю, разъ закрадется въ душу сомнѣніе насчетъ своихъ силъ, благоразумный человѣкъ обязанъ непремѣнно остановиться и примириться съ непреоборимыми законами природы... Такъ точно долженъ поступать и государственный человѣкъ, у котораго запало въ душу сомнѣніе насчетъ своихъ силъ, насчетъ того, сможетъ-ли онъ продолжать нести тяготу исполненія государственнаго долга—честнаго служенія государю и Россіи. Можетъ быть, дѣйствительно, мнѣ бы и удалось съ успѣхомъ поработать еще годъ въ краѣ, ну, а какъ всесильная петербургская интрига съумѣетъ сломить мнѣ шею безъ всякой пользы для дорогаго русскаго дѣла и съ однимъ только безславнымъ паденіемъ для меня? Могъ-ли я, при такъ грустно сложившихся обстоятельствахъ, рисковать всею прошлою моею службою на посмѣхъ врагамъ. Одинъ въ полѣ—не воинъ, говоритъ пословица. Доводя до свѣдѣнія государя святую правду и ратуя здѣсь за родное наше дѣло, я смогу гораздо болѣе принести ему пользы; вѣдь не Варшава, не Вильна страшны намъ; тамъ, при малѣйшемъ надзорѣ, все будетъ тихо и спокойно; наша грозная бѣда—это Петербургъ, гдѣ польская крамола свила себѣ теплое гнѣздо

и подъ разными личинами разсѣваетъ ненависть противъ священныхъ основъ русской исторической жизни; разселили чуть не по цѣлой Россіи мятежниковъ и полагаютъ, что они не занесутъ съ собой разной заразы. Этого никакъ не хотятъ понять наши гуманныя европейскія обезьяны. Они не понимаютъ или, хуже еще того, если умышленно не хотятъ понять, куда могутъ довести насъ эти псевдо-либеральничества и эти замашки пошло-злопамятной ихъ гуманности... Правительству силой власти нужно зорко смотрѣть впередъ и дѣйствовать, пока есть еще время, а то нагрянетъ бѣда пострашнѣе открытаго польскаго мятежа. Польская подпольная интрига не дремлетъ, она только сосредоточилась, перемѣнила тактику. Денежныхъ средствъ Константину Петровичу на управленіе краемъ хватитъ; я ему приберегъ довольно; пусть только не увлекается и дѣйствуетъ осмотрительно. О себѣ не безпокойтесь. Повторяю — я васъ не забуду; при малѣйшей невзгодѣ пишите прямо ко мнѣ и будете удовлетворены.

Поблагодаривши графа за его любезное ко мнѣ вниманіе и воспользовавшись его молчаніемъ, я обратился къ нему съ вопросомъ:

— Простите мой нескромный вопросъ, ваше сіятельство. Имѣя въ виду отказаться отъ Вильны, зачѣмъ вы устраняли себя отъ министерства финансовъ, которое, какъ носились слухи, было вамъ предложено государемъ. Народный голосъ звучалъ увѣренностію, что вы съумѣли бы повысить высоко нашъ рубль...

— Спасибо русскимъ людямъ за ихъ вниманіе ко мнѣ и довѣріе. Я имъ обязанъ всѣмъ моимъ успѣхомъ въ дѣлѣ умиротворенія края, они поддержали меня... Вотъ, чтобы не лишиться дорогаго ихъ довѣрія я и не взялся за такое дѣло, которое мнѣ мало извѣстно.

— При вашемъ вѣрномъ практическомъ взглядѣ и настойчивости въ трудѣ, ваше сіятельство, безъ всякаго сомнѣнія, съумѣли бы обезпечить успѣхъ и этого труднаго дѣла.

— Не говорите, только знаніе и опытность обусловливаютъ успѣхъ въ дѣлѣ. Государь не предлагалъ мнѣ, а только спросилъ меня, принялъ-ли бы я на себя исправленіе нашихъ финансовъ. Я попросилъ сроку два мѣсяца на отвѣтъ; занялся чтеніемъ французскихъ и нѣмецкихъ сочиненій по этой части и убѣдился, что далеко не знакомъ съ этимъ важнымъ государственнымъ вопросомъ, а потому, не ожидая истеченія даннаго мнѣ срока, доложилъ всю правду государю.

Въ эту минуту дверь въ кабинетъ отворилась, и вошелъ министръ государственныхъ имуществъ Александръ Алексѣевичъ Зеленый, появленіе котораго прекратило нашу интересную бесѣду. Когда я сталъ откланиваться графу Михаилу Николаевичу, онъ, поцѣловавши меня,

обратился къ министру и поручилъ меня благосклонному вниманію этого вполнѣ русскаго человѣка, который и оказалъ мнѣ впослѣдствіи большую поддержку. На другой день, 5-го іюля, К. П. Кауфманъ отправился въ Вильну и забралъ насъ, виленцевъ, съ собою.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НѢКОТОРЫЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ЖИЗНИ
Владиміра Ивановича Даля.

(По поводу статьи: „В. И. Даль“ (по воспоминаніямъ его дочери).—„Русскій Вѣстникъ“ 1879 года, іюль).

Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1879 годъ, въ іюльской книжкѣ, напечатана статья: «В. И. Даль» (по воспоминаніямъ его дочери) Е. В. Даль. Статья эта не заслуживала бы не только разбора, но даже и упоминовенія о ней въ печати, если бы г-жа Даль не вздумала свои смутныя воспоминанія и даже свои собственныя измышленія прикрывать уважаемыми именемъ и авторитетомъ своего отца, навязывая ему сообщеніе такихъ ложныхъ фактовъ, какихъ онъ никогда не могъ сдѣлать, и такое невѣжество, какого онъ никогда не могъ обнаружить, даже при ослабленіи памяти (вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія въ послѣднее время), относительно иныхъ вещей и событій.

Мои отношенія къ покойному В. И. Далю слишкомъ извѣстны: они засвидѣтельствованы въ томъ же «Русскомъ Вѣстникѣ» П. И. Мельниковымъ, въ его статьѣ о В. И. Далѣ. Меня соединяла съ В. И. Далемъ слишкомъ 50-ти-лѣтняя дружба, не измѣнившаяся ни отъ времени, ни отъ превратностей жизни и устоявшая до самой его кончины; на это существуютъ доказательства и въ собственноручныхъ запискахъ, въ которыхъ онъ постоянно называлъ меня товарищемъ и другомъ, и въ дѣйствіяхъ его передъ смертью, когда онъ непремѣнно требовалъ отъ меня, чтобы я былъ въ числѣ свидѣтелей его завѣщанія; наконецъ, моей же памяти передалъ онъ на сохраненіе, до времени возможности ихъ обнародованія, самые важные факты изъ записокъ его, сожженныхъ имъ по совѣту В. А. Перовскаго.

Чтобъ показать сразу, что̀ взваливаетъ г-жа Даль на своего отца, и каковы ея познанія, приводимъ нѣкоторыя мѣста изъ ея статьи. Познанія г-жи Даль по русской географіи таковы, что городъ Бѣлевъ приходится у ней въ Тверской губерніи, и пусть не подумаютъ, что это опечатка, потому что вслѣдъ за тѣмъ говорится и о бѣлевскихъ купцахъ. Вотъ ея слова о дѣдѣ, по матери, служившемъ, какъ и мнѣ извѣстно, въ одномъ уланскомъ полку, стоявшемъ въ Тверской губерніи: «Левъ Васильевичъ выздоровѣлъ и вернулся въ полкъ, стоявшій въ Тверской губерніи, въ Бѣлевскомъ уѣздѣ... Бѣлевскіе купцы постоянно избирали его третейскимъ судьей». «Русск. Вѣстн.» 1879 г., іюль, стр. 73)...

А вотъ образецъ познаній г-жи Даль по русской исторіи, которыя она отваживается приписывать своему отцу: «Онъ (отецъ) былъ свидѣтелемъ, какъ брали приступомъ Шумлу». (Тогда какъ главнымъ дѣйствіемъ Дибича именно то и считалось, что онъ перешелъ Балканы, обойдя Шумлу) (тамъ же, стр. 104)...

У ней Дибичъ беретъ и Варшаву: «между тѣмъ наши войска все плотнѣе и плотнѣе облагаютъ Варшаву. Она почти уже взята, и жители отстрѣливаются по одиночкѣ въ каждомъ окнѣ. Дядя Левъ поскакалъ въ городъ и былъ убитъ изъ какого-то окна на повалъ (стр. 109)..

У ней «курьеръ (въ 1812-мъ году) кричалъ на всемъ скаку содержаніе привезенныхъ имъ депешъ» (стр. 82), тогда какъ всякій, кто помнитъ еще 1812 годъ, знаетъ, что было совершенно противное, какъ это и изображено вѣрно въ извѣстной статьѣ: «1812-ый годъ въ провинціи». Ни курьеръ, ни почтальонъ, ни даже частный пріѣзжій, до сообщенія начальству, не смѣлъ разсказывать и самымъ близкимъ людямъ даже того, что и самъ видѣлъ. Всякое сообщеніе народу дѣлалось главнымъ начальникомъ во всякомъ мѣстѣ. Хороши депеши, содержаніе которыхъ знали бы курьеры! И всю эту выдумку г-жа Даль выдаетъ за яко-бы слышанную отъ своего отца!

Даже относительно самыхъ близкихъ своихъ родныхъ она все перепутываетъ, увѣряя, напр., что братъ Владиміра Ивановича, Карлъ, былъ въ походѣ гардемаринъ въ Швецію и Данію (стр. 86 и 87); а ей бы стоило только заглянуть въ собственноручный, писанный во время самаго похода, Дневникъ Владиміра Ивановича, чтобъ узнать, что Карлъ Даль вовсе не былъ въ этомъ походѣ, и, слѣдовательно, она и не могла слышать отъ отца, что будто бы его братъ былъ въ походѣ съ нами...

Еще непростительнѣе съ ея стороны путаница, когда она увѣряетъ, что Карлъ Даль выпущенъ вмѣстѣ съ Влм. Ив-мъ изъ корпуса, и что они вмѣстѣ поѣхали въ Черноморскій флотъ (стр. 89), тогда какъ Карлъ выпущенъ годомъ позже, и именно въ 1820 году, какъ

показано въ спискахъ, приложенныхъ къ «Исторіи Морскаго корпуса», изданной г. Веселаго въ 1852 году, къ столѣтнему юбилею корпуса.

Смѣшонъ разсказъ г-жи Даль, что будто бы ея отецъ «былъ убѣжденъ, что начальникъ Роченсальмскаго порта прислалъ князю Ширинскому свѣжихъ огурцовъ, опять таки съ цѣлью почтить въ его лицѣ кадетовъ» (!). Но начальнику Роченсальмскаго порта, Ѳедору Васьевичу Веселаго, не было нужно никакихъ косвенныхъ изворотовъ, ни предлоговъ, чтобы выразить свое расположеніе къ гардемаринамъ. Если бы г-жа Даль читала со вниманіемъ Дневникъ своего отца, то помнила бы, что тамъ прямо было сказано, что г. Веселаго выпросилъ, чтобъ меня отпустили къ нему на все время пребыванія нашего въ Роченсальмѣ, а другихъ гардемариновъ отпускали бы къ нему по очереди. Причины его расположенія къ гардемаринамъ были такъ просты и естественны, что ему незачѣмъ было прибѣгать къ косвеннымъ средствамъ для выраженія его; дѣти его находились также въ Морскомъ корпусѣ и были нашими товарищами, а относительно собственно меня было сверхъ того еще и то обстоятельство, что Ѳ. В. Веселаго благоговѣлъ, можно сказать, къ моему отцу, у котораго служилъ подъ командою, въ качествѣ начальника эскадры, въ Каспійской экспедиціи въ 1806 и 1807 годовъ, въ которой отецъ мой былъ главнымъ начальникомъ сухопутныхъ и морскихъ силъ, и, разбивъ персіанъ при Перибазарѣ и овладѣвъ Энзелійскимъ портомъ, произвелъ, угрожая Тегерану, какъ сказано въ его формулярѣ, диверсіи въ пользу князя Циціанова, заставя Аббасъ-Мирзу поспѣшно отступить для прикрытія столицы.

Далѣе г-жа Даль разсказываетъ, что послѣ поѣздки въ Швецію и Данію Владиміръ Ивановичъ «получилъ, такъ сказать, право гражданства въ корпусѣ, да и онъ былъ вѣдь послѣдній годъ въ немъ, стало быть, кадетомъ на выпускѣ» (стр. 98). Тутъ нѣтъ ни одного слова правды. Если подъ правомъ гражданства г-жа Даль разумѣла нѣкоторыя льготы и большее огражденіе, которыми въ сравненіи съ кадетами пользовались гардемарины, то это право имѣли всѣ гардемарины, какъ состоявшіе уже какъ бы въ офицерскомъ чинѣ (гардемарины поступали тогда въ армію прапорщиками; гардемаринскіе классы соотвѣтствовали тогда офицерскимъ классамъ въ другихъ заведеніяхъ), и мы пользовались этимъ правомъ еще съ начала 1816 года, когда вмѣстѣ съ Владиміромъ Ивановичемъ были произведены въ гардемарины; если же рѣчь идетъ о тѣхъ правахъ, которыя давались старшему выпуску, изъ котораго гардемарины назначались на всѣ начальственныя должности (старшихъ, т. е. въ родѣ фельдфебелей, въ ротахъ и въ частяхъ дежурныхъ по всему корпусу, по ротамъ и по лазарету), то этихъ правъ мы

не могли получать еще и по возвращеніи изъ похода въ Швецію и Данію; потому что въ 1818-мъ году не принадлежали еще къ старшему выпуску, которымъ былъ тогда тотъ, который былъ выпущенъ въ 1818 году; и были мы поэтому въ корпусѣ не послѣдній годъ, а должны были сдѣлать и послѣ похода въ Швецію и Данію въ 1817-мъ году еще одну кампанію въ 1818-мъ году, и произведены были въ мичманы и выпущены изъ корпуса только въ мартѣ 1818 года, слѣдовательно, и сдѣлаться старшимъ выпускомъ и проводить въ корпусѣ послѣдній годъ мы могли только послѣ выпуска въ 1818 году старшихъ насъ годомъ гардемаринъ.

Еще говоря о томъ же походѣ въ Швецію и Данію, г-жа Даль разсказываетъ, что будто-бы насъ на бригѣ «Феникъ» считали «гостями». Это также неправда, потому что мы отправляли всѣ должности, какія исправляютъ гардемарины на военныхъ судахъ. Что же касается до хорошаго стола въ сравненіи съ корпуснымъ, то и тутъ не было ничего особеннаго; мы получали офицерскія порціонныя деньги по заграничному положенію и обѣдали за однимъ столомъ съ офицерами, какъ это было и съ другими гардемаринами, одновременно съ нами бывшими въ походѣ на флотѣ, ходившемъ во Францію, для перевоза оттуда находившихся тамъ нашихъ войскъ корпуса графа Воронцова...

Наконецъ, г-жа Даль увѣряетъ, что «будучи казеннымъ воспитанникомъ, онъ (отецъ ея) былъ обязанъ отслужить семь лѣтъ (стр. 89 и 95). Какой вздоръ! Въ Морскомъ корпусѣ въ то время, кромѣ казенныхъ воспитанниковъ, другихъ и не было; и самые знатные, и самые богатые, всѣ воспитывались на казенный счетъ; и никакого обязательства отслужить не только семь лѣтъ, но и одинъ годъ не было; доказательствомъ служитъ переходъ еще изъ званія гардемарина въ гражданскую службу, по болѣзни, а тѣмъ болѣе изъ мичманскаго или лейтенантскаго чина, что̀ случалось обыкновенно вскорѣ послѣ производства въ эти чины, такъ какъ только въ этихъ случаяхъ переходъ былъ особенно выгоденъ.

Теперь посмотримъ, въ похвалу или въ порицаніе отцу ея обращается то, что она разсказываетъ о пребываніи его въ Дерптскомъ университетѣ.

Она говоритъ, что онъ (отецъ ея), будто бы, гордился вообще тѣмъ духомъ рыцарской чести, какимъ былъ проникнутъ Дерптскій университетъ (стр. 97). Но какъ согласить не только съ рыцарскою честію, но и съ простымъ понятіемъ о честности, тотъ поступокъ, что студенты, чтобы доставлять удобство «своему профессору», вмѣсто того чтобы сдѣлать между собою складчину для устройства вещи, которую считаютъ для него необходимою, обращаются, чтобы достать, что̀ нужно, къ воровству, да еще къ какому! Они отдираютъ

ночью у чужаго дома лучшее крыльцо въ городѣ и прилаживаютъ его къ дому профессора, и когда профессору не понравился такой преступный и безчестный видъ ихъ усердія, то они относятъ крыльцо назадъ и идутъ на другой день къ начальству, не повиниться въ безчестномъ поступкѣ и предложить по крайней мѣрѣ вознагражденіе тому домохозяину, чей домъ обворовали со взломомъ; нѣтъ! а—разсказать исторію (какая, подумаешь, невинность! и какая увѣренность въ потворствѣ начальства и безнаказанности!) и просить починить крыльцо у профессора! (стр. 96 и 97)... Хороша рыцарская честь у студентовъ! хорошо и начальство! Никто не подумалъ только о томъ, что должны были чувствовать при этой исторіи дерптскіе обыватели! Не спросили только того, какъ смотрѣлъ на подобное дѣйствіе хозяинъ того дома, у котораго отломали крыльцо; какъ на проявленіе-ли рыцарской чести студентовъ, оказывающихъ услуги на чужой счетъ воровствомъ, или прямо какъ на воровство, сопряженное притомъ съ отягчающими обстоятельствами, какъ на произведенное ночью, со взломомъ, да еще цѣлою шайкою? И не въ правѣли былъ хозяинъ дома обвинить въ потворствѣ такимъ безчестнымъ дѣламъ начальство, не предавшее виновныхъ заслуженному наказанію, такъ какъ изъ разсказа г-жи Даль не видно, чтобы они были наказаны.

Говоря о Морскомъ корпусѣ, г-жа Даль приводитъ отзывъ о немъ, будто бы ея отца, что въ корпусѣ въ свободное отъ занятій время кадеты только повѣсничали. Но я зналъ Морской корпусъ въ теченіе десяти лѣтъ, и какъ воспитанникъ, и какъ кадетскій офицеръ и преподаватель высшихъ наукъ, но никогда не слыхалъ, чтобы кадеты сдѣлали что-нибудь подобное описанному поступку дерптскихъ студентовъ, даже и въ несравненно болѣе извинительной формѣ; а конечно, если бы г-жа Даль придумывала бы самое мягкое выраженіе для названій дѣлу студентовъ, то она не нашла бы сказать ничего другаго, что въ этомъ случаѣ и они только «повѣсничали», но для извиненія, даже если бы дѣло было одинаково и у кадетъ и у студентовъ, все-таки была бы огромная разница; неразумные-ли это, несовершеннолѣтніе кадеты, или студенты, между которыми многимъ было далеко за 20 лѣтъ; самъ Владиміръ Ивановичъ поступилъ въ Дерптскій университетъ изъ лейтенантовъ флота; слѣдовательно, имѣлъ около 25 лѣтъ.

Теперь относительно ученья: «къ Петерсону придешь просить книги, мило заговоритъ, а книги не дастъ; къ Моргенштерну придешь, тотъ просто обругаетъ, а все-таки отправитъ ни съ чѣмъ» (стр. 100 и 101). А въ Морскомъ корпусѣ офицеры и учитель радехоньки были, когда воспитанникъ просилъ, бывало, книгу; и давали не только изъ корпусной библіотеки, но и свои собственныя, и даже тѣ, которыя офицеры

доставали для себя. Такъ поступали, напр., кн. Сергѣй Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ, имѣвшій богатую библіотеку русскихъ и иностранныхъ книгъ; онъ заставилъ меня даже переводить подъ его руководствомъ: Discours sur l'histoire universelle, Боссюэта, и у него, будучи еще воспитанникомъ, я прочиталъ Массильона и немало и другихъ книгъ. М. М. Генингъ давалъ воспитанникамъ его роты нѣмецкія книги изъ его библіотеки; инспекторъ наукъ Горковенко охотно давалъ книги вообще ученаго содержанія; учитель исторіи Струковскій—книги историческаго содержанія; И. А. Подчертковъ—книги по физикѣ, химіи и естественнымъ наукамъ, которыми самъ занимался, и т. д.

А вотъ какъ въ прославляемомъ г-жею Даль Дерптскимъ университетѣ производились, по словамъ ея, экзамены: «въ Дерптѣ экзамены кончались въ одинъ день» (стр. 102)... «Профессора очевидно уже впередъ переговорили между собой, кого можно рѣшиться выпустить. Задана была отцу диссертація. Выбраны оппоненты, въ томъ числѣ и Розенбергъ, одинъ изъ задушевныхъ его друзей».—«Розенбергъ принялъ серіозный видъ и объявилъ, что пропустить отца едва-ли можно; что въ диссертаціи его сказано: во-первыхъ, во-вторыхъ, въ четвертыхъ, а въ третьихъ пропущено».—Для вида сдѣлана была придирка,—для вида отецъ и защищался: очень просто отвѣчалъ онъ; въ третьихъ ничего не было»; «sehr gut», сказалъ Розенбергъ». Наконецъ, отцу объявлена была побѣда, наконецъ, услыхалъ онъ слова, что онъ докторъ медицины (стр. 103).

И это разсказываетъ родная дочь, полагая, конечно, что это служитъ въ похвалу и отцу, и университету, гдѣ возможны были такія продѣлки. И такъ весь экзаменъ былъ ложь, обманъ, насмѣшки надъ наукою, глумленіе надъ испытаніемъ, униженіе и поруганіе университета, поруганіе профессоровъ надъ довѣріемъ къ нимъ государства опредѣлять полученіе ученаго званія и соединенныхъ съ ними даруемыхъ правъ. Возможно-ли болѣе циническимъ образомъ насмѣхаться надъ наукой и болѣе позорить высшее заведеніе!

Такъ вотъ онъ тогдашній пресловутый Дерптскій университетъ, если вѣрить г-жѣ Даль! Теперь одно изъ двухъ: или, стало быть, не даромъ тогдашніе многіе доктора изъ русскихъ такъ мало уважали дерптскія ученыя степени и медицинскія свидѣтельства, или, изъ уваженія къ памяти Владиміра Ивановича, необходимо предположить путаницу въ разсказѣ его дочери и о Дерптскомъ университетѣ, какъ путала она и о всемъ другомъ, потому что всѣ, кто зналъ Владиміра Ивановича, его усидчивость и добросовѣстность въ занятіяхъ, думали до сихъ поръ, что именно этимъ качествомъ онъ былъ обязанъ и званіемъ доктора медицины; а вотъ теперь дочь его говоритъ, что онъ получилъ это званіе благодаря дружбѣ Розенберга вслѣдствіе экзамена для

вида, т.-е. благодаря преступному нарушенію профессорами ихъ священныхъ обязанностей!

И послѣ этого осмѣлиться еще говорить о превосходствѣ порядковъ и быта въ Дерптскомъ университетѣ и стараться унизить Морской корпусъ, извращая для этого также все, что могла слышать о немъ отъ отца, выдавая шутку за серьезное дѣло, отдѣльный какой исключительный случай за постоянное явленіе!

Мы не говоримъ уже о продѣлкахъ студентовъ съ профессорами; о дерзкихъ открытыхъ насмѣшкахъ надъ ними, разсказанныхъ г-жею Даль, въ родѣ того, что собрали всѣ деревянныя закладки, вставляемыя на мѣсто вынутыхъ книгъ, поставили въ рядъ и подписали: «полное собраніе сочиненій профессора такого-то!» Ничего подобнаго ни порядкамъ на экзаменахъ, ни отношеніямъ студентовъ къ профессорамъ Дерптскаго университета въ Морскомъ корпусѣ не было!

Да! Дѣйствительно Морской корпусъ отличался въ наше время отъ восхваляемаго Дерптскаго университета. Въ немъ не было и тѣни пристрастій, хвастовства, надувательства. Никакое знакомство, никакая протекція не имѣли тамъ тогда ни малѣйшаго вліянія; даже старшіе штабъ-офицеры въ корпусѣ, имѣвшіе сыновей въ немъ, даже самые главные учители ничего не могли сдѣлать въ ущербъ не имѣющимъ никакой протекціи, никакой защиты; такъ что гардемарины напередъ всегда съ точностію опредѣляли съ головы списка, кто станетъ по наукамъ на какомъ мѣстѣ, и окончательная баллотировка всегда была съ этимъ согласна, исключая тѣхъ лицъ, которыя понижались за неудовлетворительное поведеніе; а мѣсто въ спискѣ имѣло тогда огромное значеніе, потому что опредѣляло старшинство и по службѣ, которое за рѣдкими исключеніями (при производствѣ за особенное отличіе, что̀ тогда было рѣдкостію), сохранялось въ теченіе всей службы.

Относительно ученья можно утвердительно сказать, что и въ наше время не было въ Морскомъ корпусѣ недостатка въ средствахъ къ серіозному занятію и къ пріобрѣтенію познаній, но не было хвастовства, ни тщеславнаго стремленія выставить знанія напоказъ, особенно, Боже сохрани! какимъ бы то ни было надувательствомъ; да и при той системѣ и порядкѣ экзаменовъ, какіе тогда существовали, это не было и возможно. Въ Морскомъ корпусѣ, въ наше время, не было небрежности и обмана при экзаменахъ, ни отказа въ книгахъ, ни потворства и фамильярничанья со стороны офицеровъ и учителей, ни насмѣшекъ и грубости со стороны даже старшихъ гардемариновъ, хотя многіе учителя, вышедшіе изъ учительской гимназіи, приготовлявшей собственныхъ учителей для корпуса, не имѣли даже и чина, будучи не изъ дворянскаго сословія, и потому долго служившіе до полученія и перваго чина, тогда какъ старшіе гардемарины, бывшіе послѣдній

годъ въ корпусѣ, равнялись званіемъ подпоручикамъ, такъ какъ производились въ поручики. И если бывали примѣры грубости противъ начальниковъ, то отъ засидѣвшихся кадетъ, которые, не будучи въ состояніи попасть въ гардемарины, ни даже въ ученики артиллеріи, знали, что и безъ того ихъ участь была быть переведенными въ Дворянскій полкъ и что лишній проступокъ не ухудшитъ уже ихъ положенія. Но въ Морскомъ корпусѣ никогда въ наше время не было и слыхано о чемъ хоть сколько-нибудь похожемъ на явныя дерзкія насмѣшки надъ начальниками, хотя и бывали общія крупныя заявленія неудовольствія на эконома. Ни о хожденіи по ночамъ въ городъ воровать и ломать въ чужихъ домахъ, ни о безчестныхъ какихъ-либо дѣлахъ не было и помину, и дѣйствія, подобныя поступкамъ дерптскихъ студентовъ, были неслыханною вещію, хотя въ самомъ корпусѣ и бывали свалки между двумя выпусками и, слѣдовательно, было не мало горячихъ и задорныхъ характеровъ, но составъ офицеровъ, взятый въ массѣ, такъ былъ хорошъ, и они такъ умѣли держать себя относительно воспитанниковъ, что если иные и не могли заслужить расположенія, то ради цѣлаго общества, даже старшіе гардемарины чтили въ нихъ представителей того званія, которое вообще уважали.

Наконецъ, во всѣхъ разсказахъ г-жи Даль и о Морскомъ корпусѣ, и о Дерптскомъ университетѣ мы встрѣчаемъ на каждомъ шагу рѣзкія противорѣчія.

Никто лучше меня не сознавалъ тѣхъ недостатковъ, какіе были д ѣ й с т в и т е л ь н о въ наше время въ Морскомъ корпусѣ, и никто, имѣю полное право сказать, такъ настойчиво и энергически не боролся противъ нихъ, какъ я, когда былъ уже кадетскимъ офицеромъ и преподавателемъ астрономіи и высшей математики въ корпусѣ, но эти недостатки были тогда общіе по всѣмъ другимъ корпусамъ. Мнѣ это извѣстно лучше, нежели кому, потому, что я былъ депутатомъ отъ Морскаго корпуса въ коммиссіи, составлявшей общее положеніе для всѣхъ этихъ заведеній и потому изслѣдовавшей ихъ во всѣхъ отношеніяхъ и личнымъ осмотромъ. Коммиссія эта собиралась въ Морскомъ корпусѣ, такъ какъ директоръ его, адмиралъ, сенаторъ и членъ Государственнаго Совѣта, П. Н. Карцевъ, былъ старше всѣхъ директоровъ. Никто неуклончивѣе меня не боролся съ недостатками Морскаго корпуса, когда я, не успѣвши еще забыть всѣ впечатлѣнія и весь опытъ и воспитанника и ученика, черезъ годъ по выпускѣ, былъ взятъ въ корпусъ (и замѣчу, противъ своей воли, а подчиняясь только требованію отца, что̀ и дало мнѣ независимость и силу въ борьбѣ) и кадетскимъ офицеромъ (слѣдовательно, и воспитателемъ), и преподавателемъ, какъ и разсказано о томъ въ статьѣ моей въ «Русскомъ Вѣстникѣ» («Воспоминанія о Морскомъ корпусѣ»). Но всѣ недостатки

Морскаго корпуса были вовсе не тѣ и не въ томъ видѣ, какъ описываетъ ихъ г-жа Даль, преувеличивая и искажая тѣ отзывы, какіе и могла слышать отъ семьи отца. Въ постоянныхъ моихъ бесѣдахъ съ Владиміромъ Ивановичемъ, въ теченіе десяти лѣтъ по возвращеніи въ Москву, Морской корпусъ былъ естественно предметомъ весьма частыхъ, чтобъ не сказать ежедневныхъ воспоминаній; но, несмотря на все нерасположеніе Даля къ Морскому корпусу, о причинахъ чего скажу ниже, я никогда не слыхалъ отъ него отзывовъ о корпусѣ, подобныхъ тѣмъ, которые приписываетъ отцу г-жа Даль; да, онъ и не могъ, разумѣется, говорить мнѣ ничего подобнаго, такъ какъ зналъ, что мнѣ все было лучше извѣстно, нежели ему, который зналъ одну только сторону, тогда какъ я зналъ обѣ, бывши не только вмѣстѣ съ нимъ воспитанникомъ и ученикомъ, но вслѣдъ за этимъ и воспитателемъ и учителемъ. При томъ, кто станетъ ежедневно возвращаться къ предмету, воспоминаніе о которомъ непріятно, а Владиміръ Ивановичъ безпрестанно и охотно возвращался въ бесѣдахъ и со мною, и съ другими къ Морскому корпусу, и слѣдилъ внимательно за судьбою всѣхъ нашихъ товарищей.

Въ упомянутой выше статьѣ нашей о Морскомъ кадетскомъ корпусѣ мы изложили безпристрастно какъ недостатки, такъ и хорошія стороны тогдашняго состоянія корпуса; здѣсь мы прибавимъ, что недостатки проистекали отъ общихъ причинъ, не зависѣвшихъ отъ начальства; хорошія же стороны, которымъ могли бы позавидовать и нынѣ многія учебныя заведенія, какъ выразились мы и въ прежней статьѣ своей, были дѣломъ отличнаго состава офицеровъ и большей части старшихъ преподавателей главныхъ предметовъ, хотя многіе изъ нихъ были воспитанниками собственной учительской гимназіи при корпусѣ.

Вслѣдствіе того, что Морской корпусъ былъ не учебное только, а вмѣстѣ съ тѣмъ для большей части воспитанниковъ и благотворительное заведеніе, существовала по тогдашнимъ понятіямъ и, въ особенности по просьбѣ самихъ родителей, неизбѣжность и суровости наказаній, какъ меньшее еще зло, въ сравненіи съ лишеніемъ карьеры. Тогда вѣдь не было легкаго нынѣшняго средства освободиться, выключая изъ заведенія, отъ неспособнаго или дурнаго поведенія ученика.

Поступали обязательно дѣти большею частію бѣднаго, хотя и столбоваго дворянства, особенно сироты, преимущественно дѣти отставныхъ бѣдныхъ моряковъ, часто испорченные уже и въ домашнемъ воспитаніи и не рѣдко безъ всякой подготовки, даже безграмотные У насъ въ ротѣ былъ одинъ круглый сирота, нѣкто Ермолаевъ, поступившій 6-ти лѣтъ, еще даже невнятно я говорившій и который вмѣстѣ съ другимъ, такимъ же малюткой, подъ моимъ надзоромъ обучался и

грамотѣ въ корпусѣ. Взглядъ тогда былъ въ дѣйствительности болѣе гуманный, хотя о гуманности и не толковали, да и слово это не было въ употребленіи. Онъ потому былъ гуманный, что не презиралъ и мало-способныхъ, тѣмъ болѣе, что и по опыту знали, что иные даже вовсе неспособные къ наукамъ, не будучи отвергнуты, становились дѣльными и полезными людьми на другихъ поприщахъ. Засидѣвшихся до зрѣлаго возраста, но не оказавшихся способными выдержать экзаменъ въ гардемарины, переводили въ Дворянскій полкъ, или такъ называемый волонтерный корпусъ; неспособныхъ къ морской службѣ по слабости здоровья выпускали въ гражданскую службу, въ административныя учрежденія морскаго вѣдомства; не имѣвшихъ способностей къ высшимъ теоретическимъ морскимъ наукамъ приготовляли къ практическимъ; а неспособныхъ и къ этимъ—отдѣляли въ разрядъ учениковъ морской артиллеріи, офицеры которой состояли преимущественно по цейхвахтерской части [1]), но никого, ни за неспособность, ни за шалости, не выбрасывали на всѣ четыре стороны.

Очень понятно, что ребенку, привыкшему къ заботамъ о немъ въ семьѣ, было тяжело поступить въ Морской корпусъ; мнѣ, быть можетъ, было еще тяжелѣе, нежели Далю. Когда я родился, то отецъ мой былъ давно уже генераломъ и занималъ важныя мѣста; тѣмъ болѣе было уже его значеніе, когда я поступилъ въ корпусъ; одно уже это показываетъ, какая должна была быть разница между положеніемъ моимъ дома и тѣмъ, въ какомъ я долженъ былъ находиться въ Морскомъ корпусѣ; и для меня существовало и еще одно невыгодное обстоятельство; всѣ связи отца были въ военно-сухопутной службѣ (гдѣ самые высшіе начальники, Тормасовъ, Милорадовичъ, Остерманъ, Платовъ и др. были его боевые товарищи и до конца сохраняли съ нимъ дружескія отношенія и посѣщали его) или въ корпусѣ путей сообщенія, гдѣ онъ состоялъ въ званіи генералъ-инспектора, а въ то самое время, когда я былъ въ корпусѣ, исправлялъ должность генералъ-директора (главноуправляющаго), какъ упомянуто было выше, и потому и мои знакомства, и товарищества, всѣ были въ семействахъ людей этихъ двухъ родовъ службы; въ Морскомъ же корпусѣ я очутился въ совершенно незнакомой по лицамъ и чуждой по привычкамъ и понятіямъ сферѣ, тогда какъ Даль, воспитывавшійся въ Николаевѣ и состоявшій подъ покровительствомъ самого морскаго министра, маркиза

---

[1]) Батареями на корабляхъ командовали морскіе офицеры; исключенія были только для штабъ-офицеровъ артиллеріи морской, которые, гдѣ были, командовали также нижнею батареею. Но, напр. у насъ, на фрегатѣ „Крейсеръ“, въ кругосвѣтномъ походѣ, вовсе не было артиллерійскаго офицера, хотя мы шли и для военныхъ дѣйствій.

де-Траверсѣ, былъ достаточно уже знакомъ съ кругомъ моряковъ и имѣлъ, какъ и многіе другіе воспитанники, даже знакомыхъ между прежде поступившими, между тѣмъ какъ я не имѣлъ никого, и между начальниками не слышалъ ни одной даже знакомой фамиліи. Но необходимость подчиниться дисциплинѣ и пріучаться къ лишеніямъ въ военной службѣ внушена была мнѣ съизмала, и потому я нисколько не тяготился пребываніемъ въ корпусѣ, убѣдясь съ перваго же раза, что избѣжать невыгодныхъ послѣдствій исключительнаго положенія зависѣло уже отъ самого воспитанника; и я, и самъ Даль, и весь нашъ выпускъ служатъ лучшимъ тому свидѣтельствомъ. Чтобъ быть произведену въ унтеръ-офицеры отъ гардемаринъ (съ серебрянымъ темлякомъ и офицерскимъ украшеніемъ на киверѣ), надо было быть никогда не наказаннымъ, даже и легкимъ наказаніемъ; а въ нашемъ выпускѣ было пятнадцать человѣкъ унтеръ-офицеровъ отъ гардемаринъ; слѣдовательно, не наказывали же всѣхъ безъ разбора. А между тѣмъ, была одна причина, заключавшаяся въ самомъ уже Далѣ, по которой онъ легко могъ подвергнуться наказанію, и можетъ быть неизбѣжно подвергся бы ему во всякомъ другомъ заведеніи, гдѣ начальники были менѣе разсудительны, чѣмъ въ Морскомъ корпусѣ. У В. И. Даля было слишкомъ много заслугъ и достоинствъ, такъ что можно свободно говорить и о нѣкоторыхъ его недостаткахъ, не опасаясь умалить уваженіе къ нему. Даль имѣлъ сильную наклонность къ насмѣшкамъ, которая отразилась и въ его литературныхъ произведеніяхъ, и которую онъ сохранилъ до конца жизни и въ изустной бесѣдѣ, въ разсказахъ, Онъ «задиралъ», какъ выражались, многихъ и часто; и понятно, что это не могло нравиться и его товарищамъ, а тѣмъ болѣе тѣмъ воспитанникамъ, которые были старше его; отсюда въ корпусѣ пришлось ему испытывать много непріятностей и было на него много жалобъ, что̀ очень легко могло подвесть его и подъ взысканіе, если бы начальство въ корпусѣ было таково, какимъ хочетъ его представить г-жа Даль. Вѣдь сама же она разсказываетъ, что ея отецъ не пропускалъ случая подразнить даже его ротнаго командира, старика-полковника, говоря кстати и не кстати нелюбимое тѣмъ слово; да еще, какъ выражается г-жа Даль: «онъ, отецъ, отчего-то никакъ не хотѣлъ подарить ему это слово»! и, замѣтьте, что это говорится о кадетѣ относительно полковника! Спрашивается: что̀ сдѣлали бы теперь съ воспитанникомъ, который позволилъ бы себѣ подобную вещь? Очевидно, что особенно въ тогдашнее время, въ какомъ бы другомъ заведеніи ни находился Даль, ему было бы хуже, чѣмъ въ Морскомъ корпусѣ, даже если бы находился и въ нѣмецкомъ учебномъ заведеніи, такъ какъ даже и въ послѣднее время нигдѣ столько не жаловались на грубость обращенія, какъ въ иныхъ нѣмецкихъ школахъ. По обстоятельству,

которое было изложено выше, мнѣ были извѣстны всѣ тогдашнія высшія казенныя учебныя заведенія въ Петербургѣ, и могу сказать, очт вездѣ и обращались съ воспитанниками хуже, и наказывали чаще еще, чѣмъ въ Морскомъ корпусѣ. Въ другихъ заведеніяхъ наказывали всѣ начальники [1]) безъ ограниченія и не разсуждая о вредѣ или пользѣ тѣлеснаго наказанія, а потому, что это была тогда общепринятая и въ домашнемъ быту и въ заведеніяхъ система наказанія, тогда какъ именно въ одномъ только, быть можетъ, Морскомъ корпусѣ тѣлесныя наказанія, по крайней мѣрѣ въ наше время, подвергались, большимъ ограниченіямъ, о которыхъ я говорилъ въ статьѣ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», и были постоянно предметомъ обсужденія всего состава офицеровъ, даже въ приложеніи къ частнымъ случаямъ. У преосвященнаго Леонида бывшіе мои ученики и воспитанники засвидѣтельствовали публично, что я никого не наказывалъ тѣлесно, будучи офицеромъ въ корпусѣ, какъ не наказывалъ потомъ и на фрегатѣ въ походѣ вокругъ свѣта, будучи вахтеннымъ командиромъ и ревизоромъ.

Была еще и другая причина, которая дѣлала для иныхъ дѣтей особенно чувствительнымъ переходъ отъ домашней жизни въ корпусъ; это—смѣшеніе дѣтей всѣхъ возрастовъ въ однѣхъ камерахъ.

Для Владиміра же Ивановича переходъ отъ домашней жизни въ общественное и при томъ русское заведеніе былъ еще тяжелѣе, чѣмъ другимъ, и потому, что его считали нѣмцемъ, а нѣмцевъ въ корпусахъ вообще не любили, и тѣ насмѣшки и колкія замѣчанія, которыя позволялъ себѣ Даль и которыя, вѣроятно, прощались бы ему, если бы онъ былъ русскій, раздражали особенно потому, что его считали нѣмцемъ.

Но спрашивается: есть-ли какое основаніе сравнивать два заведенія по впечатлѣніямъ, одно—десятилѣтняго мальчика, поступившаго въ него прямо изъ домашней жизни, а другое,—самостоятельнаго уже человѣка, въ чинѣ лейтенанта флота (т. е. тогда, капитана), къ которому поэтому не только товарищи-студенты, но и начальники и учителя должны были уже относиться со вниманіемъ; и который, испытавъ и въ офицерскомъ уже званіи, и непріятности, и лишенія, даже бо̀льшія, чѣмъ въ Морскомъ корпусѣ, не могъ, конечно, быть уже такъ чувствителенъ къ лишеніямъ студенческой жизни, которымъ подвер-

[1]) Въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, за 1880 г., въ № 1, см. статью о первомъ кадетскомъ корпусѣ (Кадетскій монастырь), въ которой, восхваляя директора Перскаго, говорится однако, что онъ не вмѣшивался въ наказанія, а предоставлялъ ихъ на волю ротныхъ командировъ, которые такъ наказывали за все и про все, что одинъ изъ нихъ, Ореусъ, даже получилъ прозваніе „Сѣкуна“.

гался при томъ добровольно, хотя, по его разсказамъ лично мнѣ, матеріальная его обстановка въ Дерптѣ была несравненно хуже, чѣмъ въ Морскомъ корпусѣ; жилъ онъ на чердакѣ, подъ крышей, которую пробивалъ дождь, въ тѣсной конуркѣ съ однимъ полукруглымъ окошечкомъ; а относительно ѣды не рѣдко довольствовался хлѣбомъ съ кускомъ холоднаго мяса или колбасы.

Обратимъ теперь вниманіе и на противорѣчіе въ разсказахъ г-жи Даль даже и о Морскомъ корпусѣ; это доказываетъ, что и относительно тѣхъ вещей, которыя она дѣйствительно могла слышать отъ отца, она передавала слышанное, примѣшивая къ нему собственныя искаженія, или совершенно не понимая значенія того, что слышала.

Она говоритъ, что отца ея хотѣли было наказать за пустое, по ея мнѣнію, дѣло, хотя и знала, что до того случая, о которомъ идетъ рѣчь, отецъ ея никогда не былъ еще наказанъ, а случай этотъ былъ тогда, когда Владиміръ Ивановичъ былъ уже старшимъ гардемариномъ. Слѣдовательно, по ея же разсказу, можно же было и ему провести нѣсколько лѣтъ въ Морскомъ корпусѣ, не подвергшись наказанію, и стало быть, не наказывали же всѣхъ и всегда безъ разбора. Пойдемъ далѣе: мы уже упомянули, что для того, чтобъ быть произведену въ унтеръ-офицеры отъ гардемаринъ, надлежало не быть подвергнуту въ теченіе всего времени съ производства въ гардемарины никакому, даже легкому, наказанію; здѣсь же скажемъ и еще болѣе: въ Морскомъ корпусѣ было въ наше время нѣсколько человѣкъ, носившихъ, считавшееся относительно поведенія и прилежанія самымъ важнымъ, названіе «незамѣченныхъ», т. е. такихъ, которые не подвергались не только наказанію, нижѐ выговору, но даже и простому замѣчанію, ни относительно ученья, ни относительно поведенія, ни относительно служебныхъ обязанностей; и вообще даже относительно неисправности и нарушенія приличія въ чемъ бы то ни было.

Г-жа Даль говоритъ, что отца ея хотѣли наказать будто бы за то, что онъ на перекличкѣ «назвалъ одного кадета Алексашей, а не Александромъ», и считаетъ такое дѣйствіе отца пустяками. Такъ судить отецъ ея не могъ. Перекличку производилъ въ своей части старшій гардемаринъ, въ присутствіи начальника, и это было дѣло служебное. Назначеніе старшимъ въ части считалось важнымъ порученіемъ и большимъ отличіемъ (гардемарина, бывшаго въ своей части старше другихъ по старшинству въ спискѣ, но не способнаго къ занятію должности старшаго въ значеніи особаго званія, переводили въ другую часть и даже въ другую роту, гдѣ имѣлся старшимъ стоящій выше его въ спискѣ), потому что старшій, относительно поддержанія порядка, имѣлъ больше значенія и несъ бо́льшую отвѣтственность, чѣмъ даже ротные офицеры, командиры частей.

Вотъ почему кто бы и гдѣ бы ни сдѣлалъ подобную вещь, означавшую небрежность, невниманіе къ установленному порядку и неуваженіе къ присутствующему на перекличкѣ начальнику, офицеру, а можетъ быть и умышленную насмѣшку, вездѣ бы съ него взыскали, а тѣмъ болѣе, что это сдѣлано было не ребенкомъ, а старшимъ гардемариномъ, готовящимся къ выпуску, который, слѣдовательно, долженъ былъ лучше другихъ ее знать и соблюдать порядокъ и дисциплину; и если бы Даль разсказалъ это мнѣ, то онъ зналъ напередъ, что я сказалъ бы ему, что онъ подлежалъ взысканію по справедливости. Но чтобы только за это хотѣли его высѣчь, этого быть не могло уже и потому, что старшіе въ частяхъ (каждая рота раздѣлялась на четыре части) всѣ были изъ такъ называемыхъ трехкампанцевъ, т. е. сдѣлавшихъ три кампаніи, и готовящихся къ производству въ мичмана, а такихъ безъ разрѣшенія директора не наказывали, и хотя это распоряженіе для поддержанія дисциплины и не было оглашено, но оно было объявлено всѣмъ офицерамъ. Странно также, что я не слыхалъ ничего объ этомъ въ корпусѣ, хоть дѣло шло о моемъ товарищѣ и близкомъ пріятелѣ, да и сверхъ того, такой случай, что хотѣли наказать старшаго (если даже и менѣе важнымъ наказаніемъ),—это было такое особенное и даже необычайное событіе, что оно сію же минуту разнеслось бы по корпусу и, конечно, было бы предметомъ нескончаемыхъ толковъ. Наконецъ, какъ согласить разсказы г-жи Даль объ отношеніяхъ офицеровъ къ воспитанникамъ въ Морскомъ корпусѣ съ тѣмъ обстоятельствомъ, что будто бы отца ея простили по просьбѣ кадетъ, какъ будто бы при описанныхъ ею отношеніяхъ просьба воспитанниковъ могла имѣть какое-либо вліяніе; очевидно, что скорѣе она могла бы подвергнуть взысканію самихъ заступниковъ. По всему этому несомнѣнно, что если г-жа Даль и слышала отъ отца что-нибудь подобное, то все перепутала въ своихъ туманныхъ воспоминаніяхъ.

Хорошо рекомендуетъ она отца и въ другомъ случаѣ. «Онъ позволяетъ себѣ довольно явно подтрунивать надъ малороссомъ Метельскимъ, принимавшимъ за личную насмѣшку, когда при немъ скажутъ слово «метелица». Какая метелица на дворѣ,—скажетъ отецъ.—«Не ховоры метелица, ховоры сруха, т. е. вьюга». Разъярится Метельскій, но отецъ, отчего-то, никакъ не хотѣлъ подарить ему слово: «метелица». Теперь спрашивается, что сдѣлали бы и въ настоящее время въ любомъ порядочномъ заведеніи съ воспитанникомъ, который осмѣлился бы «довольно явно» (т. е. въ глаза) насмѣхаться и надъ самымъ младшимъ изъ начальниковъ и учителей, а Метельскій былъ заслуженный полковникъ.

Бывали, правда, примѣры грубости со стороны воспитанниковъ, какъ и сказали мы выше, и какъ разсказали въ нашей статьѣ въ

«Русскомъ Вѣстникѣ», т. е. отъ засидѣвшихся кадетъ, не попавшихъ въ гардемарины, которые, зная, что имъ готовится переводъ въ Дворянскій полкъ, ничѣмъ уже въ Морскомъ корпусѣ не дорожили; но чтобы гардемаринъ, ожидающій производства въ мичмана и выпуска изъ корпуса, рѣшился погубить свою карьеру дерзостью начальнику или насмѣшкою надъ нимъ, то подобнаго примѣра при мнѣ не было, какъ не было и того, что̀ разсказываетъ г-жа Даль и что̀ взваливаетъ на отца, да и быть не могло, а происходило иначе.

Когда ротный командиръ приходилъ въ роту, то дежурный офицеръ, смотря по приказанію, или становилъ роту во фрунтъ, или приказывалъ воспитанникамъ стоять каждому при своей кровати. Никакихъ разговоровъ между воспитанниками и ротнымъ командиромъ не было; воспитанникъ могъ только отвѣтить на предложенный вопросъ, и если бы кто-нибудь осмѣлился въ это время разговаривать, то конечно подвергся бы штрафу даже не отъ ротнаго командира, а отъ дежурнаго офицера, если разговаривавшій былъ гардемаринъ, или отъ старшаго гардемарина, если то былъ кадетъ. Слѣдовательно, въ прямомъ разговорѣ съ Метельскимъ ни Даль, ни кто-либо другой не имѣлъ никогда случая вставить слово «метелица» и тѣмъ болѣе повторять это часто. Происходило же это совершенно иначе: обыкновенно за обѣдомъ или ужиномъ, когда не запрещалось воспитанникамъ разговаривать, а дежурные по корпусу прохаживались обыкновенно по залѣ, случалось, дѣйствительно, что въ день дежурства Метельскаго какой-нибудь изъ воспитанниковъ и ввернетъ въ разговорахъ между собою, при проходѣ Метельскаго мимо, слово: «метелица», разумѣется, если время года и предметъ разговора къ тому подавалъ случай. Большею частію Метельскій не обратитъ на то вниманія, можетъ быть, и не разслышитъ, но если обратитъ, то сдѣлаетъ замѣчаніе, что слѣдуетъ говорить: «вьюга», только никогда этого слова не исковеркаетъ такъ, какъ повѣтствуетъ г-жа Даль, а только букву г выговаривалъ, какъ и всѣ малороссіане, такъ, какъ мы выговариваемъ ее въ словѣ Господь. Но замѣчаніе дѣлалъ онъ всегда самымъ добродушнымъ образомъ, а вовсе не «разъярившись», какъ и въ этомъ несправедливо увѣряетъ г-жа Даль, и не только при такомъ пустомъ обстоятельствѣ, но и въ самыхъ важныхъ случаяхъ, никогда я не видалъ Метельскаго, въ теченіе шести лѣтъ, когда зналъ его, и какъ воспитанникъ, и какъ кадетскій офицеръ, чтобы онъ приходилъ въ раздраженіе; это былъ самый добродушный и безобидчивый человѣкъ и самый снисходительный начальникъ, что̀ и было причиною даже нѣкотораго неряшества, которое отличало кадета его роты отъ кадетъ другихъ ротъ, особенно роты М. М. Генинга, весьма взыскательнаго въ этомъ отношеніи.

Кромѣ того, развѣ не кидается въ этомъ разсказѣ въ глаза явное

противорѣчіе, въ которое впадаетъ г-жа Даль. Если бы Метельскій, «разъярившись», запретилъ В. И. Далю употреблять при немъ слово «метелица», видя въ томъ насмѣшку надъ собою, а тотъ бы продолжалъ, то Метельскій несомнѣнно бы наказалъ его, если, по словамъ же г-жи Даль, въ корпусѣ всегда и за все сѣкли. Напутала г-жа Даль и въ томъ, что говоритъ (стр. 88) о «Геркулесовыхъ столбахъ», разсказывая, что будто бы это были какіе-то вѣчные кадеты (такихъ и не бывало, потому что, кто до 17-лѣтняго возраста не попадалъ въ гардемарины, тѣхъ переводили изъ корпуса), засѣвшіе въ корпусѣ чуть не съ самаго основанія его (разсказывается о 1817—1819 годахъ, а корпусъ основанъ въ 1752 году!) Во всемъ разсказѣ г-жи Даль, что ни слово, то путаница. Дѣло идетъ о нашихъ (моихъ и В. И. Даля) товарищахъ Л... и Т... (какъ и упомянулъ я въ статьѣ своей: «Воспоминаніе о Морскомъ корпусѣ», напечатанной въ «Русск. Вѣстникѣ», гдѣ я именно сказалъ, что они принадлежали къ выпускному классу, слѣдовательно, не были уже вѣчными кадетами, и дѣло шло объ исторіи, учитель которой и далъ имъ вышеприведенное прозваніе, но далъ въ шутку, отъ того, что они сидѣли на скамьяхъ послѣдними, сзади всѣхъ, какъ не дорожившіе тѣмъ, чтобы явственно слышать лекцію). Во-первыхъ, они находились не между маленькими кадетами, а въ старшемъ гардемаринскомъ классѣ, въ которомъ одинъ изъ нашихъ же товарищей, именно Шпицбергъ, былъ выше и ихъ ростомъ, по меньшей мѣрѣ, на полголовы; во-вторыхъ, математикѣ и другимъ необходимымъ для морской службы наукамъ они учились хорошо, доказательствомъ чему служитъ то, что въ выпускномъ спискѣ, опредѣлявшемъ старшинство, они стояли далеко не изъ послѣднихъ; ниже ихъ было еще человѣкъ двадцать, не считая еще артиллеристовъ. Но, не будучи одарены слишкомъ хорошими способностями, они не могли обнимать съ равнымъ успѣхомъ весь нашъ слишкомъ многопредметный учебный курсъ, преподаваемый тогда въ Морскомъ корпусѣ, и потому по необходимости должны были ограничиться усиленнымъ изученіемъ тѣхъ предметовъ, безъ знанія которыхъ не могли быть произведены въ офицеры, вслѣдствіе чего и жертвовали, какъ и другіе неимѣвшіе хорошихъ способностей, обыкновенно второстепенными предметами, въ числѣ которыхъ считалась и исторія, и даже языки.

Эта необходимость для малоспособныхъ и не подготовленныхъ дома учениковъ жертвовать иностранными языками и была поводомъ къ анекдоту и о французскомъ языкѣ: и этотъ случай разсказанъ г-жею Даль вовсе не такъ, какъ было на дѣлѣ.

Но если не совсѣмъ одинаково требовалось удовлетворительное знаніе по предметамъ не существеннымъ для морской службы, если иные были слабы въ языкахъ, въ исторіи, въ словесности и пр., то изъ этого

еще не слѣдуетъ, что учили худо, или чтобъ нельзя было изучить хорошо какіе-либо предметы тѣмъ, кто хотѣлъ и имѣлъ способность изучать ихъ. Сама же г-жа Даль, разсказывая исторію наведенія моста въ польскую войну 1830 г. ея отцомъ, говоритъ, что отцу ея пригодилось тогда морское воспитаніе, но наведеніе мостовъ не входило въ морскія науки; а между тѣмъ преподавалось въ классѣ инженернаго искусства, въ отдѣлѣ наведенія мостовъ и понтоновъ, потому что инженерныя науки преподавались тогда въ Морскомъ корпусѣ въ такомъ же полномъ объемѣ, какъ и во второмъ кадетскомъ корпусѣ, изъ котораго выпускались въ то время и инженеры, и артиллеристы, потому что въ то время не было еще отдѣльныхъ училищъ, ни Инженернаго (Николаевскаго), ни артиллерійскаго (Михайловскаго), учрежденныхъ послѣ. Я, охотно учившійся всѣмъ предметамъ и искусный въ черченіи, представилъ къ выпускному экзамену болѣе чѣмъ по 30 чертежей по инженерному и артиллерійскому классамъ.

Укажемъ на противорѣчіе г-жи Даль и въ отзывахъ о кадетскихъ офицерахъ. Она говоритъ, что отецъ ея расхваливалъ кн. Сергѣя Александровича Ширинскаго-Шихматова, бывшаго въ родѣ гувернера при насъ въ походѣ гардемаринъ въ Швецію и Данію, но кн. Шихматовъ не могъ же быть хорошимъ въ походѣ и дурнымъ въ корпусѣ. Въ статьѣ моей о Морскомъ корпусѣ (въ «Русскомъ Вѣстникѣ») я указалъ на нѣсколькихъ и другихъ отличныхъ офицеровъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что ни въ какомъ заведеніи воспитанники не были въ то время такъ мало отчуждены отъ общества офицеровъ, какъ въ Морскомъ корпусѣ. Было у насъ въ обычаѣ, что дежурные по корпусу гардемарины обѣдали вмѣстѣ съ офицерами, а вечеромъ пили чай вмѣстѣ съ дежурными и всѣхъ ротъ у старшаго дежурнаго по корпусу штабъ-офицера, къ которому обыкновенно собиралось и все общество офицеровъ, и тутъ, въ присутствіи дежурныхъ гардемаринъ, обсуждались нерѣдко случаи, къ ученью и воспитанію относящіеся, при чемъ спрашивалось и ихъ мнѣніе, и чрезъ то разъяснялись гардемаринамъ причины тѣхъ или другихъ распоряженій начальства. Старшіе въ частяхъ, приходя по утру съ рапортомъ къ своимъ частнымъ офицерамъ, приглашались обыкновенно къ чаю, точно такъ же и дежурные по ротѣ гардемарины, являясь по утру къ дежурному по ротѣ. Кромѣ того, хорошіе воспитанники постоянно приглашались къ вечернему чаю и ротными командирами, и инспекторомъ, и даже помощниками директора, генераломъ Баратынскимъ, а послѣ него адмираломъ Головнинымъ.

Каково же было напротивъ положеніе В. И. Даля въ Дерптскомъ университетѣ? По его собственнымъ разсказамъ мнѣ, онъ жилъ, какъ

упомянуто выше, въ самомъ тѣсномъ чердакѣ, подъ крышей, и пища состояла нерѣдко изъ одного сухояденія. Почему же онъ не жаловался на такія лишенія? Очевидно, потому, что, поступивъ въ это положеніе добровольно, не изъ среды домашней нѣги, а взрослымъ уже человѣкомъ, испытавшимъ уже многія лишенія на службѣ, несмотря и на офицерское званіе. Но зато, въ противоположность матеріальному положенію, обращеніе съ нимъ естественно не могло быть такое, какое было въ корпусѣ съ малолѣтнимъ и новичкомъ, попавшимъ въ среду совершенно противоположную семейной обстановкѣ, вполнѣ неизвѣстную, и среди людей, хотя отчасти и знакомой морской сферы, но въ иныхъ отношеніяхъ къ нему, нежели когда онъ ихъ зналъ только какъ знакомыхъ его отца. Въ Дерптскій же университетъ онъ поступилъ, будучи уже лейтенантомъ, съ пріобрѣтенными уже занятіями и службою правами; болѣе товарищъ, чѣмъ ученикъ профессоровъ; имѣвшій всегда возможность покинуть заведеніе; слѣдовательно, подчинявшійся и порядкамъ, и лишеніямъ вполнѣ добровольно. Понятно, что поэтому и впечатлѣнія должны были быть иныя, чѣмъ въ Морскомъ корпусѣ; иныя и воспоминанія о Дерптѣ, чѣмъ о корпусѣ.

Г-жа Даль говоритъ, что будто бы отецъ ея никогда не хотѣлъ даже взглянуть на Морской корпусъ. Я, во-первыхъ, никакъ не могу понять вражды противъ мѣста, ни въ чемъ неповиннаго, если бы даже и пришлось гдѣ испытать невзгоды и страданія (были же люди, сосланные въ Сибирь, которые проклинали и ее, и даже Ермака, завоевавшаго Сибирь!); во-вторыхъ, это увѣреніе г-жи Даль, вовсе не сгласно съ тѣмъ, что у ея отца, напротивъ, любимые разговоры были постоянно именно о Морскомъ корпусѣ.

Я, испытавшій и самъ въ Морскомъ корпусѣ все, что могъ испытать и В. И. Даль, никогда однако не забывалъ корпуса, но, напротивъ, и по возвращеніи изъ похода вокругъ свѣта, и среди великосвѣтской и роскошной жизни у графа Остермана-Толстаго, всегда посѣщалъ Морской корпусъ съ удовольствіемъ, потому что хоть и зналъ его недостатки, которые были общіе тогда всѣмъ учебнымъ заведеніямъ и противъ которыхъ я и самъ боролся, но зналъ и то, что было хорошо въ немъ и даже лучше, чѣмъ въ другихъ заведеніяхъ, и чѣмъ могли воспользоваться и воспользовались тѣ, кто былъ къ тому способенъ и того хотѣлъ.

Я не пишу біографію В. И. Даля. Даль въ одномъ психологическомъ отношеніи можетъ представить обширный предметъ для изслѣдованія. По своей крайней добросовѣстности, онъ при малѣйшемъ сомнѣніи не успокоивался на принятомъ однажды мнѣніи, только потому, что оно согласовалось съ выгодами его положенія. Отсюда его колеба-

нія, переходъ отъ аллопатіи къ гомеопатіи, стремленіе къ спиритизму, переходъ въ православіе. Цѣль настоящей статьи предостеречь будущаго біографа Даля, чтобы онъ статью г-жи Даль не счелъ надежнымъ источникомъ для біографіи В. И. Даля, единственно потому, что статья писана родною его дочерью.

Дмитрій Завалишинъ.

БІБЛІОТЕКА
КОЛОМЕНСКАГО
КОММЕРЧЕСКАГО СОБРАНІЯ

„Дѣло“ о философіи Круга.

(Къ характеристикѣ казанскихъ профессоровъ эпохи Магницкаго) [1]).

Его высокородію г. ректору Императорскаго Казанскаго университета, статскому совѣтнику и кавалеру Карлу Ѳедоровичу Фуксу.

Отъ ординарнаго профессора
Петра Сергѣева

Донесеніе.

Изъ приложеннаго при семъ письма г. экстраординарнаго профессора Караблинова ваше высокородіе усмотрѣть изволите не только присвоеніе г. Караблиновымъ власти, ему не принадлежащей, и личное оскорбленіе, но и замыселъ, не соотвѣтствующій благородному образу мыслей. А потому считаю обязанностью раскрыть сіе дѣло въ томъ видѣ, въ какомъ оно подлинно извѣстно мнѣ, т. е., 1) показать въ немъ ложное освѣщеніе, 2) интригу и 3) неблагопристойность.

1) Въ первомъ отношеніи долженъ сказать, что Handbuch der Philosophie Круга есть твореніе отличнаго писателя германскаго. Ясность и полнота изложенія съ возможной краткостью, прекрасная система и особливо весьма хорошо обработанная литература заставили меня еще прежде, при самомъ моемъ опредѣленіи, избрать сіе сочиненіе для своихъ руководительскихъ книгъ относительно общаго обозрѣнія

---

[1]) Сообщаемые здѣсь документы являются яркой иллюстраціей того глубокаго упадка, къ которому привела дѣятельность Магницкаго не только ученое значеніе Казанскаго университета, но и личную нравственность казанскихъ профессоровъ, упадка, являющагося, впрочемъ, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ приниженнаго и стѣсненнаго состоянія университетской науки и профессоровъ во всякое время и во всякомъ университетѣ. П. Головачевъ.

взаимной связи умозрительныхъ свѣдѣній, критики философскихъ основаній, литературы философіи и логики. По возвращеніи моемъ изъ Москвы, узнавъ, что гг. ревизорами сдѣлано замѣчаніе о краткости курса философіи въ университетѣ, я предложилъ, на основаніи устава, преподаваніе всѣхъ частей философіи и указалъ на тѣ книги, которыми предполагалъ руководствоваться, въ томъ числѣ и на Круга, предполагая извлечь изъ нихъ то, что можетъ быть полезно. Но до полученія утвержденія каталога лекцій отъ его высокопревосходительства г. министра я медлилъ приступить къ настоящему преподаванію и составленію каталоговъ метафизики и нравственной философіи, ибо не зналъ, будетъ-ли преподаваніе сихъ частей угодно правительству. А потому занималъ студентовъ только общими разсужденіями. Но дабы они не оставались праздными въ домашнихъ занятіяхъ по философіи, далъ имъ списывать литературу сихъ частей. При чемъ замѣтивъ, что студенты по незнанію нѣмецкаго языка дѣлаютъ множество весьма грубыхъ ошибокъ (въ чемъ можетъ удостовѣрить прилагаемый листокъ), я вынужденъ былъ дать имъ печатную книгу Круга, дабы они могли правильнѣе списать лучшія сочиненія философскія, тѣмъ болѣе, что если бы въ сей книгѣ, въ отдѣленіи о правѣ естественномъ, которое не входитъ въ курсъ моего ученія, и находились какія-либо мелкія замѣчанія, въ коихъ могли бы почесться вредныя, то однакожъ на сей разъ я могъ почесть книгу сію совершенно безопасной, ибо студенты, по незнанію языка нѣмецкаго, совершенно не могли даже и читать оной. Изъ сихъ обстоятельствъ можете ваше высокородіе заключить, имѣлъ-ли я какой-либо умыселъ на возмущеніе и развращеніе студентовъ. Впрочемъ, долженъ присовокупить, что книга сія куплена для меня г. бывшимъ попечителемъ университета Магницкимъ, въ чемъ можно удостовѣриться изъ списка книгъ, присланнаго изъ его канцеляріи. Въ бытность мою въ Петербургѣ она была въ собственныхъ рукахъ его и вмѣщена мною въ конспектъ философіи, столь отлично имъ одобренный и поправленный собственной его рукой. Онъ хранится въ попечительской канцеляріи. При всемъ томъ никогда не находилъ онъ сію книгу такою, какою теперь, когда выразился между прочимъ мнѣ самому, желавшему удостовѣриться въ источникѣ поступка г. Караблинова: «Онъ знаетъ сіе дѣло, и если бы сія книга попалась ему, то онъ съ первымъ бутошникомъ отправилъ бы ее въ полицію, какъ вывѣску бунта на стѣнахъ университета послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ его отставки». Извѣстно искусство бывшаго попечителя выводить злонамѣреніе изъ вещей самыхъ ничтожныхъ.

2) Изъ сихъ словъ уже можно понять дѣло во второмъ отношеніи. Г. Караблиновъ—вѣрное орудіе бывшаго попечителя во всѣхъ его замыслахъ, доказавшій сіе во время ревизіи и послѣ поступками сво-

ими относительно и васъ самихъ, не удержался дѣйствовать и въ семъ дѣлѣ на предосужденіе университета и ученаго званія. Давнія и постоянныя покушенія разгласить различными путями и довести до свѣдѣнія высшаго правительства, что съ перемѣною начальства разстроенъ порядокъ и допущены возмутительныя преподаванія, служили, безъ сомнѣнія, основаніемъ и пружиною дѣйствій г. Караблинова, его собственное соединенное съ симъ и обнаруженное его желаніе получить съ моею отставкою каѳедру философіи и званіе ординарнаго профессора, въ которое онъ по желанію бывшаго попечителя былъ избранъ вмѣстѣ съ предположеніемъ моего увольненія, служило собственно для него цѣлью, ибо пріѣздъ мой положилъ ему преграду для достиженія сихъ видовъ. А посему съ самаго пріѣзда моего онъ дѣлалъ мнѣ всякія неудовольствія, ловилъ каждое слово, чтобы имѣть предлогъ къ начатію какого-либо дѣла. Вашему высокородію извѣстно поведеніе его противу меня въ совѣтѣ и отдѣленіи. Напрасно выяснять всѣ его поступки; достаточно замѣтить стремленіе всей партіи вынудить меня отказаться отъ одной изъ каѳедръ, мною занимаемыхъ. Вы сами были свидѣтелемъ, какъ г. Караблиновъ самопроизвольно нѣсколько разъ перемарывалъ мои предметы въ каталогѣ лекцій, какъ онъ все минувшее засѣданіе совѣта уговаривалъ другихъ членовъ совѣта къ содѣйствію въ его замыслахъ, и нужно-ли сомнѣваться, что онъ найдетъ сіе содѣйствіе въ лицахъ, заодно съ нимъ дѣйствующихъ въ пользу предположеній г. бывшаго попечителя.

3) Неблагопристойность сего дѣла обнаруживается сама собой. Г. Караблиновъ, поступившій прямо изъ семинаріи, не знавшій университета, едва знавшій имя того самаго предмета, для котораго опредѣленъ былъ, явился ко мнѣ съ рекомендаціей. Я изумился его невѣдѣнію, но далъ ему совѣты, свои записки и книги, которыми онъ пользуется доселѣ, и поправилъ, насколько позволяло приличіе, его конспекты. Можетъ-ли съ какою-либо благопристойностью сей человѣкъ быть судіею тѣмъ и такого автора, который пріобрѣлъ себѣ славу въ ученомъ свѣтѣ?

Въ заключеніе сего донесенія я покорнѣйше прошу ваше высокородіе, прекративъ замыслы и неприличные поступки г. Караблинова, окончить дѣло, если возможно, домашнимъ образомъ, на основаніи 14 гл. устава. Въ противномъ же случаѣ, потребовавъ отъ г. Караблинова отобранную имъ отъ студента казенную книгу, поручить разборъ ея одному изъ докторовъ философіи, удостовѣриться, знаютъ-ли студенты нѣмецкій языкъ въ такой степени, чтобы могли читать философскія книги? Говорилъ-ли я имъ на лекціяхъ что-либо возмутительное? И таковое безпристрастное изслѣдованіе представить на благоусмотрѣніе высшаго начальства и вмѣстѣ съ тѣмъ испросить разрѣшеніе, какіе

предметы должны входить въ курсъ философіи, препроводивъ при семъ и прежній мой конспектъ философіи, какъ уже одобренный отдѣленіемъ и совѣтомъ, благоугодно-ли будетъ правительству, чтобы къ оному присоединены были метафизика и нравственная философія, или же оставить по-прежнему, дабы я могъ приступить къ составленію новыхъ конспектовъ и курсовъ. Но дабы вывести меня изъ затруднительнаго положенія, покорнѣйше прошу до полученія отвѣта остановиться преподаваніемъ метафизики и нравственной философіи.

Ноября 7-го дня 1826 г. Орд. проф. Петръ Сергѣевъ.

«Донесеніе» это было вызвано слѣдующимъ письмомъ проф. Караблинова:

Почтеннѣйшій Петръ Сергѣевичъ! Вторая часть философіи Круга у меня. Въ субботу я вамъ сказывалъ объ оной. Она отобрана мною у студента Матюнина, не столько для того, чтобы пользоваться мнѣ ею, сколько для того, чтобы молодой человѣкъ, воспитаніе коего мнѣ ввѣрено, неосторожно обращаясь съ нею, не заразился ею и не повредилъ и политической, а вмѣстѣ нравственной своей жизни, или скажу болѣе, не потерялъ бы оныхъ. Книга сія есть убійственный ядъ для юныхъ умовъ и сердецъ. Я ее не выпущу изъ рукъ дотолѣ, пока вы не оставите продолжать чтеніе философіи по оной; и всякій честный человѣкъ, на моемъ мѣстѣ, сдѣлалъ бы то же. Она не пропадетъ, я ее блюду и въ свое время доставлю вамъ.

Вашъ покорнѣйшій слуга Караблиновъ.

Матюнинъ не виноватъ — я отнялъ у него сію книгу. Вамъ не съ студентомъ и не съ инспекторомъ, а со мною имѣть нужно дѣло.

Ректоръ Фуксъ сначала старался уладить это дѣло «домашнимъ образомъ» и представилъ его въ Петербургъ, какъ столкновеніе двухъ профессоровъ по теоретическому вопросу. Но въ Петербургѣ инциденту придали такое значеніе, что въ Казань, по именному повелѣнію Николая I, спеціально для разсмотрѣнія этого дѣла былъ посланъ генералъ-маіоръ графъ Гурьевъ. Два слѣдующихъ документа содержатъ объясненія Караблинова и Фукса графу Гурьеву.

По словесному приказанію его сіятельства генералъ-маіора графа Гурьева относительно философіи Круга, честь имѣетъ донести экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета Яковъ Караблиновъ: 1) когда по окончаніи академическаго года въ іюнѣ мѣсяцѣ отдѣленію нравственно-политическихъ наукъ нужно было составить со своей стороны росписаніе лекцій и на сей текущій годъ, тогда экстраординарный профессоръ, деканъ сего отдѣленія Караблиновъ, предварительно извѣстилъ членовъ сего отдѣленія, чтобы каждый изъ нихъ приготовилъ по своей каѳедрѣ росписаніе съ указаніями, какія

части своей науки и какому отдѣленію студентовъ проходить, какому методу слѣдовать и какими авторами руководствоваться будетъ; потомъ спустя немного времени поручилъ кандидату Потѣхину, прикомандированному для исполненія письменныхъ дѣлъ, на время увольненія въ отпускъ адъюнкта Протасова, секретаря сего отдѣленія, пригласить членовъ, ежели они составили росписаніе лекцій, въ сіе отдѣленіе для разсмотрѣнія оныхъ и представленія въ совѣтъ къ совокупному соображенію и составленію одного изъ нихъ общаго росписанія университетскаго ученія, на основаніи 63 § устава Казанскаго университета. Но профессоръ Сергѣевъ не явился въ отдѣленіе и вмѣсто себя прислалъ своей руки росписаніе, на которое никакъ не могло согласиться отдѣленіе, какъ потому, что вмѣсто важнѣйшихъ по юридической части помѣщены были ненужные предметы, а по философской каѳедрѣ избраны были имъ сомнительные, по новости, руководители; почему отдѣленіе, дабы вопросами своими не остановить нужнаго дѣла, приказало кандидату Потѣхину приказать заготовить въ совѣтъ представленіе, которое въ то же время почти и изготовлено было, а деканъ Караблиновъ взялъ на себя между тѣмъ просмотрѣть всѣ каталоги, вмѣщающіе въ себѣ соблазнительныя и вредныя книги, и, найдя между ними многія сочиненія Круговы и особливо прочитавъ въ прежнемъ конспектѣ Сергѣева, бывшимъ попечителемъ одобренномъ, указаніе на ту самую книгу (Handbuch der Philosophie Krug's), которую теперь избираетъ тотъ же самый профессоръ для себя руководительною, какъ на примѣрно нечестивое сочиненіе, съ согласія ординарнаго профессора Городчанинова, прибавивъ своей рукой во мнѣніи отдѣленскомъ **не принимать въ руководство Круга**, и представленіе сіе внесъ въ совѣтъ на разсмотрѣніе, въ которомъ профессоръ Сергѣевъ, узнавъ неожиданное измѣненіе своего росписанія, горячо вступился за оное, а деканъ Караблиновъ отстаивалъ мнѣніе отдѣленія. Слѣдствіемъ сего было то, что господинъ ректоръ взялъ на себя съ профессора Сергѣева распорядиться каѳедрой философской и спустя нѣсколько времени дѣйствительно прислалъ росписаніе лекцій философскихъ на запискѣ, рукою профессора Сергѣева написанной, для внесенія онаго въ общій каталогъ, г. министру приготовляемый. Деканъ Караблиновъ, правившій въ то время и должность секретаря совѣта, занимавшійся по должности приготовленіемъ черноваго каталога, получивши отъ г. ректора оную записку и нашедши въ ней между руководительными книгами и книгу Круга, обратился къ г. ректору съ просьбою и упросилъ для общей безопасности **вымарать** оную, а равно сдѣлать и другія нѣкоторыя собственной рукою г. ректора измѣненія, съ каковой записки, у сего приложенной, деканъ Караблиновъ, какъ правящій должность секретаря совѣта, написалъ на полѣ отдѣленскаго представленія роспи-

саніе лекцій каѳедры философской съ руководителями оной, опустивши Круга, вымараннаго г. ректоромъ, и приказалъ письмоводителю совѣта написать общій каталогъ лекцій со всѣхъ представленій отдѣленскихъ показаннымъ ему порядкомъ. Но за увольненіемъ экстраординарнаго профессора Караблинова отъ должности секретаря совѣта ему неизвѣстно, въ какомъ видѣ представленъ каталогъ и г. министру, а извѣстно только то, что Кругъ внесенъ въ число руководителей философіи рукою профессора Сергѣева въ черновомъ отпускѣ; и извѣстно только то, что курсъ философіи начатъ по началамъ Круга; и извѣстно только то, что разрушительная система Круга, весьма яснымъ и удобопонятнымъ языкомъ написанная, дана въ руки студентовъ для списанія и перевода; а извѣстно только то, что соблазнительныя и вредныя сочиненія Круга, черезъ посредство студентовъ, могли быть читаны каждымъ знающимъ нѣмецкій языкъ въ городѣ. Вразумительность языка сей книги подтвердить можно тѣмъ, что когда проф. Караблиновъ заставилъ студ. Матюнина, родителями ввѣреннаго особенному его надзору, прочитать одно мѣсто, направленное противъ молитвъ угодниковъ Божіихъ и ликовъ ихъ, то студентъ безъ пособія лексиконовъ перевелъ оное. Что же онъ могъ сдѣлать съ помощью словаря нѣмецкаго, съ пособіемъ нѣмцевъ, обучающихся въ университетѣ Казанскомъ, съ помощью студентовъ, кончившихъ курсъ и знающихъ языкъ сей отлично, съ которымъ, какъ извѣстно Караблинову, и совѣтуются нѣкоторые; да и не могутъ-ли сочиненія сіи быть камнемъ преткновенія и соблазна для самыхъ сихъ кандидатовъ?

2) Проф. Сергѣевъ, желая остановить неудовольствіе проф. Караблинова, высказавшагося противъ философской его методы и избраннаго имъ руководителя Круга, въ началѣ обратился съ нѣкоторымъ родомъ навѣтовъ на него къ бывшему попечителю Магницкому, который при первой встрѣчѣ не оставилъ безъ замѣчанія проф. Караблинова, но, узнавъ отъ послѣдняго, что онъ не къ проф. Сергѣеву, но избранному имъ руководителемъ Кругу питаетъ неудовольствіе, напомнилъ о семъ въ свое время Сергѣеву; впрочемъ, послѣдній успѣлъ увѣрить г. Магницкаго, что избранный имъ въ руководители Кругъ, Handbuch котораго, на основаніи 79 § устава Казанскаго университета, купилъ Сергѣевъ въ Петербургѣ 1823 г. іюня 18-го дня, что явствуетъ изъ бумаги, данной правленіемъ за № 1586 для того единственно, чтобы критикою метафизическихъ его началъ довершить нелѣпость германской философіи, каковыя онъ и выставилъ въ прежнемъ своемъ конспектѣ, какъ примѣрно вольнодумнаго и безбожнаго автора, но другаго благонамѣреннаго сочинителя, написанныя ясно и для учащихся вразумительно. Такимъ образомъ, проф. Караблиновъ, полагать должно, оставался въ нѣкоторомъ подозрѣніи относительно безпокойнаго духа у г.

Магницкаго до того времени, пока не попалась въ руки ему дѣйствительно возмутительная книга Круга, данная студентамъ въ назиданіе проф. Сергѣевымъ; пока проф. Караблиновъ не остановилъ оной, пока не доставилъ г. Магницкому и не указалъ въ оной возмутительныхъ началъ противъ Бога, монарховъ, церкви, троновъ и обществъ. Проф. Сергѣевъ, узнавши, что 2-я часть философіи Круга отобрана у студента Матюнина, взявшаго у своекоштнаго студента Моисеевыхъ, письменно просилъ инспектора студентовъ наказать Матюнина за то, что начальникъ его не позволилъ ему читать возмутительныя книги, о чемъ извѣстившись, проф. Караблиновъ черезъ того же студента вынужденнымъ нашелъ написать проф. Сергѣеву, что не должно имѣть дѣло съ студентомъ, но съ проф. Караблиновымъ, на что онъ отвѣчалъ противное и съ письмомъ Караблинова бросился къ г. Магницкому въ третій разъ доказывать ему безпокойство характера Караблинова; но г. Магницкій, узнавшій изъ книги его безпокойство, просилъ оставить его въ покоѣ, такъ какъ онъ не начальникъ его; послѣ сего онъ обратился уже съ жалобой на Караблинова къ г. ректору, вслѣдствіе которой первымъ ордеромъ за № 68 и требовано было отъ него объясненіе о родившейся враждѣ между имъ и проф. Сергѣевымъ за какую-то книгу, а вторымъ за № 71 за философію Круга, данную для чтенія студенту Матюнину, а Караблиновымъ удержанную; отвѣтъ на оба ордера для нужныхъ соображеній при семъ прилагается.

3) Изъ всего хода дѣла сего остается заключить пр. Караблинову: а) что пр. Сергѣевъ усиливался, не взирая на словесныя и письменныя возраженія Караблинова, распространять возмутительныя начала Круга между студентами Казанскаго университета, потому что когда уже остановлена была 2-я часть философіи Круга, когда Сергѣевъ зналъ о семъ, когда начальство требовало отъ Караблинова объясненія по сему дѣлу, то въ продолженіе всего сего времени первая часть ходить по рукамъ студентовъ въ городѣ, отобрана была впослѣдствіи, какъ слышно, инспекторомъ студентовъ и передана г. ректору, b) ректоръ, обязанный инструкціей, высочайше утвержденной, наблюдать за добрымъ направленіемъ университетскаго ученія, не только не обратилъ въ свое время надлежащаго вниманія на преподаваніе проф. Сергѣева, на отвергнутую отдѣленіемъ книгу Круга и самимъ имъ на запискѣ Сергѣева по настоянію декана Караблинова вычеркнутую, впослѣдствіи допустилъ внести въ общій каталогъ лекцій и преподавать по ней курсъ философіи студентамъ, вѣроятно, по убѣжденію его въ новѣйшей сей системѣ и по участію съ пр. Сергѣевымъ распространять разрушительныя начала Круга среди монархическаго и христіанскаго заведенія.

Мысль сію подтвердить можно тѣмъ, что г. ректоръ, взявши на

себя распорядиться лекціями философскими, какъ извѣстно выше, вмѣстѣ съ пр. Сергѣевымъ, вопреки уставу университета, сдѣлалъ дѣйствительно то, что искалъ Сергѣевъ; можно доказать тѣмъ, что когда возникла переписка о философіи Круга, г. ректоръ росписаніе лекцій, составленное цѣлымъ совѣтомъ, напечатанное и выставленное для руководства всѣхъ преподавателей и студентовъ въ университетской залѣ, измѣнилъ безъ вѣдома совѣта такъ, что изъ него изъяты предметы нравственной философіи для студентовъ 3-го отдѣленія и метафизическіе для студентовъ 2-го отдѣленія предметы, которые по инструкціи преподавать не положено, и студенты въ сіи назначенные часы ничѣмъ не занимаются, и при томъ измѣнилъ тогда, когда пр. Караблиновъ на второе предписаніе г. ректора отвѣчалъ съ убѣдительной просьбой внести въ совѣтъ дѣло о Кругѣ, такъ какъ начатое въ оному и имъ, г. ректоромъ, оставленное и при томъ тогда, когда Караблиновъ заявилъ уже важность сего дѣла; можно доказать тѣмъ, что и доселѣ не внесъ онъ сего дѣла въ совѣтъ на общее сужденіе, ограничиваясь только приватнымъ порученіемъ 4 профессорамъ: Купферу, Фогелю, Эрдману и Лобачевскому разсмотрѣть 1-ю часть философіи Круга, отобранную у студентовъ инспекторомъ оныхъ. Впрочемъ, его распоряженіе ни съ чѣмъ не сообразно, потому что книгу сію, найденную отдѣленіемъ недостойною того, чтобы руководствоваться оною, нужно было разсматривать въ то время, когда шло дѣло о росписаніи университетскихъ курсовъ: ежели бы г. ректоръ не согласился съ мнѣніемъ отдѣленія и убѣжденіями декана Караблинова, можно доказать тѣмъ, что пр. Сергѣевъ преподавалъ философію, не представивъ въ началѣ академическаго года конспекта оной, безъ чего на основаніи предписаній г. министра ни одинъ профессоръ не долженъ читать лекцій, а г. ректоръ сіе упустилъ, ибо конспекты Сергѣева недавно внесены были въ совѣтъ университета послѣ того уже времени, какъ возникло дѣло о философіи Круга, и при томъ старые, одобренные года 3 тому назадъ уже совѣтомъ и бывшимъ попечителемъ г. Магницкимъ, но нынѣ не сообразные и противные новымъ предписаніямъ г. министра. Подлинное подписалъ: экстраординарный профессоръ Яковъ Караблиновъ.

Его сіятельству г. генералъ-майору и разныхъ орденовъ кавалеру гр. Алексѣю Димитріевичу Гурьеву отъ ректора Казанскаго университета объясненіе.

По личному приказанію вашего сіятельства о философской книгѣ Круга честь имѣю донести: 1) что книга сія при назначеніи лекцій въ университетѣ на текущій академическій годъ не была введена въ число руководительныхъ, что доказывается представленіемъ совѣту нравственно-политическаго отдѣленія отъ 10-го іюня сего года за № 6 и

журналомъ постановленій во всемъ отдѣленіи. 2) при неослабномъ наблюденіи моемъ и инспектора студентовъ за преподаваніями въ университетѣ никогда не было замѣчено въ лекціяхъ Сергѣева ничего противнаго высочайше утвержденной инструкціи ректору, что доказывается отобранными мною у студентовъ подлинными тетрадками, которыя при семъ представляются; что же касается до распри ординарнаго профессора Сергѣева и экстраординарнаго проф. Караблинова о книгѣ Круга, то обстоятельство сіе не относится до университета и произошло внѣ онаго. Профессоръ Караблиновъ, какъ извѣстно мнѣ, давно желалъ занять каѳедру философіи и употреблялъ для сего разныя средства. Между прочимъ, увидѣвъ въ квартирѣ у своекоштнаго студента Матюнина вышеозначенную книгу, данную ему проф. Сергѣевымъ, какъ онъ самъ мнѣ послѣ донесъ, для списанія философской литературы, удержалъ у себя. Когда же Сергѣевъ потребовалъ отъ студента книгу, Караблиновъ запискою отвѣчалъ ему, что онъ никогда не возвратитъ ему оной. Послѣ сего оба они обратились съ жалобами своими другъ на друга къ бывшему попечителю г. Магницкому, не давъ о себѣ знать мнѣ. Сергѣевъ, послѣ троекратной жалобы г. Магницкому, прежде словесно, а потомъ письменно донеся мнѣ о личномъ оскорбленіи, причиненномъ ему Караблиновымъ запискою, о ложномъ обвиненіи, интригѣ и неблагопристойности, просилъ меня, потребовавъ отъ Караблинова казенную книгу, подвергнуть ее разсмотрѣнію. По жалобѣ Сергѣева я двукратно предписывалъ Караблинову, чтобы онъ представилъ мнѣ книгу и вмѣстѣ съ тѣмъ объяснилъ причину вражды его съ Сергѣевымъ, но Караблиновъ, считая книгу сію запрещенною, не доставлялъ ко мнѣ, а передалъ, какъ то мнѣ извѣстно, бывшему попечителю г. Магницкому. Сколько я ни былъ убѣжденъ въ благонамѣренности преподаваній по университету вообще, за всѣмъ тѣмъ незнакомъ, дабы совершенно удостовѣриться въ духѣ философскихъ лекцій Сергѣева и въ то же время узнать, какимъ образомъ и для чего употребляемо имъ было сочиненіе Круга, я тотчасъ вытребовалъ черезъ инспектора тетрадки студентовъ и не нашелъ въ нихъ ничего противнаго ректорской инструкціи, между тѣмъ 1-ю часть сей книги отдалъ на разсмотрѣніе профессорамъ: Купферу, Эрдману, Лобачевскому и Фогелю, а для предосторожности запретилъ Сергѣеву чтеніе философіи. Изъ сего усмотрѣть изволите, ваше сіятельство, что дѣло о сочиненіяхъ Круга никакой связи съ университетскими преподаваніями не имѣетъ, ибо оно началось внѣ университета, что если сочиненіе Круга и было въ рукахъ Сергѣева, то оно не могло произвести вреднаго дѣйствія на студентовъ, потому что Сергѣевъ 3 только далъ философскихъ лекціи, и, наконецъ, что существо сего дѣла состоитъ не въ томъ, что Караблиновъ дѣйствительно хотѣлъ выказать вредный духъ

сочиненія, но чтобы по давно продолжающимся между ними личностямъ и искательству Караблинова открыть себѣ путь къ занятію каѳедры вмѣсто Сергѣева. Въ заключеніе сего долгомъ поставляю довести до свѣдѣнія вашего сіятельства: 1) сочиненіе Круга прислано было въ университетъ по предложенію бывшаго попечителя г. Магницкаго отъ 21-го декабря 1823 г. за № 1586. 2) Профессоры Сергѣевъ и Караблиновъ поступили въ университетъ не по избранію совѣта, какъ бы слѣдовало на основаніи высочайше утвержденнаго устава, но по выбору и ходатайству г. Магницкаго, а потому они и не были извѣстны совѣту ни по нравственности, ни по ученымъ достоинствамъ.

3) За все время служенія своего при университетѣ чиновники сіи не показали никакихъ ученыхъ заслугъ; напротивъ, Сергѣевъ $1^1/_2$ года находился въ отпускѣ изъ университета, а Караблиновъ всегда отличался безпокойнымъ характеромъ и употреблялъ разные происки, чему служитъ доказательствомъ; 4) когда возродилось между нимъ и Сергѣевымъ дѣло о философіи Круга, то онъ, желая нанести болѣе вреда сопернику своему Сергѣеву, прибавилъ своею рукою между строкъ въ представленіи и протоколѣ факультета совѣту слѣдующія слова: «не принимая въ руководство Круга», тогда какъ при сужденіи о семъ дѣлѣ не было упомянуто о Кругѣ. 5) Обратился съ доносомъ своимъ о семъ дѣлѣ не къ ректору университета, а къ г. Магницкому, по отставкѣ уже сего послѣдняго, къ лицу, постороннему для университета. 6) Онъ обнесъ меня передъ вашимъ сіятельствомъ, будто бы я взялся, вмѣстѣ съ Сергѣевымъ, составлять расположеніе философскихъ лекцій и вмѣстилъ въ оное философію Круга, какъ руководительную книгу, прислалъ ему таковое расположеніе, чего въ актахъ ни совѣта, ни факультета не находится и чего вовсе не было, ибо я, увидѣвъ росписаніе, составленное Сергѣевымъ по преподаванію философіи, при немъ же Караблиновъ тотчасъ вымаралъ Круга, но Сергѣевъ, несмотря на сіе, стараясь доказать безвредность Круга, спорилъ въ присутствіи моемъ съ Караблиновымъ, но я не позволилъ внести его въ общее расположеніе лекцій по университету, представленное на одобреніе г. министру, послѣ чего Сергѣевъ самовольно, безъ вѣдома моего, внесъ Круга въ черновое росписаніе, своею рукою, взявши оные у письмоводителя совѣта. 7) Несправедливо говорить, будто бы я по участію съ Сергѣевымъ разрушительныхъ началъ Круга измѣнилъ росписаніе лекцій. Выше сего я имѣлъ честь объяснить, что преподаваніе Сергѣева, изъ предосторожности, было мною остановлено, слѣдовательно, и росписаніе само собою должно было измѣниться, ибо часы, назначенные для философскихъ лекцій, остались праздными. И профессоръ Сергѣевъ, въ поданной мнѣ жалобѣ на Караблинова, отозвался, что послѣ сего онъ, до полученія утвержденія г. министра каталога лекцій

университетскихъ, не можетъ принять на себя преподаваніе нравственной философіи и метафизики. 9) Точно также несправедливо показываетъ, что будто бы, по участію съ Сергѣевымъ, не внесъ я дѣла въ совѣтъ: несправедливо потому, что Караблиновъ, во второй ко мнѣ бумагѣ, самъ изъявилъ намѣреніе войти о семъ въ совѣтъ и потому не прислалъ, по двухкратному требованію моему, и книги, о которой надлежало имѣть сужденіе. 10) Профессоръ Сергѣевъ преподавалъ философію по конспекту на 1824—1825 академическій годъ, отлично одобренному бывшимъ попечителемъ г. Магницкимъ; за всѣмъ тѣмъ однакожъ я предписалъ ему отъ 10-го ноября, за № 70-мъ, представить въ совѣтъ, въ самоскорѣйшемъ времени, новые конспекты на нынѣшній годъ и, наконецъ, 11) Не оправдывая поступка Сергѣева, дозволившаго себѣ дать въ руки молодаго человѣка сомнительную книгу и внесть оную самовольно въ черновой каталогъ лекцій, я не могу также оправдать и Караблинова, ибо если онъ въ отношеніи философіи Круга побуждался не личнымъ неудовольствіемъ и интригою противъ Сергѣева, въ такомъ случаѣ имѣлъ прямую дорогу объявить о семъ ректору, какъ мѣстному начальнику; но какъ онъ не сохранилъ въ семъ случаѣ ни порядка, ни должнаго уваженія къ ректору и обратился къ бывшему попечителю Магницкому, который, по увольненіи его отъ университета, находилъ свои виды отсрочивать настоящее управленіе онаго, то послѣ сего справедливо слѣдуетъ заключить, что существо сего дѣла есть интрига Караблинова, а книга Круга употреблена какъ средство увеличить важность и силу сей интриги.

22-го декабря 1826 г.[1]).

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ привести нѣсколько дополнительныхъ свѣдѣній о лицахъ, упоминаемыхъ въ настоящемъ «дѣлѣ»: Сергѣевѣ, Караблиновѣ, Городчаниновѣ, Фуксѣ и, наконецъ, самомъ Кругѣ. Сергѣевъ не имѣлъ никакой ученой степени, какъ сообщаетъ Ѳеоктистовъ («Магницкій»). Его назначеніе ординарнымъ профессоромъ было сдѣлано по приказанію Магницкаго, а совѣту университета было предписано лишь составить актъ избранія. Всѣ профессора, за исключеніемъ Суровцова, безпрекословно подчинились и подписали незаконный актъ избранія. Сергѣевъ былъ одновременно и директоромъ гимназіи, а въ вопросѣ о проведеніи «реформы» въ университетѣ— правой рукой Магницкаго.

---

[1]) Орѳографія документовъ измѣнена, примѣнительно къ современнымъ требованіямъ. Что касается пунктуаціи, то измѣненій пришлось сдѣлать гораздо больше: Караблиновъ и Сергѣевъ особенно грѣшили капризной разстановкой знаковъ.

Для характеристики философскихъ взглядовъ Сергѣева можетъ послужить мѣсто, приводимое Сухомлиновымъ изъ конспекта философіи, составленнаго Сергѣевымъ: «магія родилась отъ вымысловъ, кабалистика съ примѣсью ученія индійскихъ браминовъ произвела гностиковъ, родоначальниковъ всѣхъ новѣйшихъ ересей» («Матеріалы», I, 223). За все время Магницкаго Сергѣевъ вообще старательно носилъ маску піэтизма.

Отношенія Сергѣева къ студентамъ по поводу переходныхъ экзаменовъ бросили на него неблаговидную тѣнь. Съ Караблиновымъ Сергѣевъ раньше былъ въ дружбѣ и одинаково раздѣлялъ благоволеніе Магницкаго. Впрочемъ, въ Казанскомъ университетѣ того времени были профессора, подготовленные, повидимому, еще хуже Сергѣева: напр., въ формулярѣ профессора Мистаки значилось, что онъ занимался преподаваніемъ уроковъ въ Константинополѣ, потомъ былъ домашнимъ учителемъ въ домѣ Ипсиланти, отъ котораго и получилъ въ награду табакерку. У Мистаки не было никакихъ документовъ, и формуляръ записанъ былъ съ его словъ.

Магницкій выхлопоталъ для Мистаки званіе ординарнаго профессора и чинъ VII класса. Караблиновъ принадлежалъ, повидимому, къ типу беззастѣнчивыхъ и жадныхъ семинаристовъ, которыхъ въ александровское и даже николаевское время было такъ много среди профессоровъ русскихъ университетовъ, дававшихъ поэтому своимъ питомцамъ не дѣйствительныя знанія, а лишь права на чинъ и пышный дипломъ, который далеко не отражалъ дѣйствительныхъ познаній его обладателя. Семинаристъ Караблиновъ читалъ въ Казани слѣдующіе курсы: латинскую словесность, практическую логику, исторію философскихъ системъ, чистую и прикладную логику, политическую экономію и дипломатію. Городчаниновъ (1771—1852) является типичнымъ и крайне благонамѣреннымъ образцомъ ученаго невѣжества. Сначала онъ служилъ въ почтовомъ вѣдомствѣ, но въ 1806 г. былъ назначенъ въ Казанскій университетъ адъюнктомъ «краснорѣчія, стихотворства и россійскаго языка». Назначенный профессоромъ, онъ просилъ митрополита Евгенія указать ему нужныя книги и пособія. Но ему хотѣлось преподавать и философію; такъ какъ онъ не имѣлъ никакихъ ученыхъ трудовъ, то онъ лишь въ 1810 г., послѣ двухлѣтней отставки, распоряженіемъ министра былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ. Городчаниновъ не пошелъ дальше Шишкова въ своихъ взглядахъ на русскій языкъ и литературу, и Карамзинъ казался ему страшнымъ новаторомъ.

Старательно, хотя и неумѣло, Городчаниновъ подлаживался къ тѣмъ идеямъ и тому содержанію, которыхъ требовалъ Магницкій. Онъ преподавалъ естественное право въ смыслѣ обличительномъ, по своему сочиненію: «Мнѣніе христіанина о правѣ естественномъ», «россійскую поэзію и россійской словесности исторію» по собственному сочиненію:

«Опытъ критическаго руководства къ эстетическому разбору по части россійской словесности», гдѣ совѣтуетъ, между прочимъ, чаще читать «Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ россійскомъ Шишкова»: «Превосходная, классическая книга!» Бездарный, съ характеромъ робкимъ, нерѣшительнымъ, возбуждавшій и тогда улыбки своими архаизмами мысли и формы, Городчаниновъ, въ сущности, былъ мало полезенъ Магницкому, который послѣ ревизіи отозвался о немъ такъ: «Профессоръ краснорѣчія, стихотворства и россійскаго языка Городчаниновъ—человѣкъ весьма доброй нравственности и знаетъ языкъ правильно, но подаетъ невыгодное мнѣніе о своемъ вкусѣ, ибо дѣлаетъ критическій разборъ, въ видѣ образцовыхъ твореній, одамъ гр. Хвостова, преподаетъ и печатаетъ оный». Въ 1829 г. Городчаниновъ выпелъ въ отставку и до смерти жилъ въ Казани, всѣми забытый. О Городчаниновѣ имѣются свѣдѣнія въ обоихъ томахъ книги Булича «Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета» и въ отдѣльной брошюрѣ Н. Лихачева «Г. Н. Городчаниновъ и его сочиненія» (Казань, 1886 г.). Карлъ Ѳедоровичъ Фуксъ (1779—1846 г.), докторъ медицины Марбургскаго университета, оказывается въ Россіи (въ Петербургѣ) уже въ 1800 г. и въ 1805 г. назначается въ Казань преподавать естественную исторію и ботанику. Какъ питомецъ иностраннаго университета, съ солидной ученой подготовкой и прочными научными вкусами, Фуксъ и въ Казани менѣе пострадалъ отъ тяжелой окружающей обстановки, чѣмъ его русскіе товарищи. Онъ всю жизнь продолжалъ пріобрѣтать знанія и сдѣлался замѣчательнымъ знатокомъ Казанскаго края въ разныхъ отношеніяхъ, даже мѣстной нумизматики, мѣстнаго инородческаго и раскольничьяго населенія. Кромѣ того, Фуксъ былъ прекраснымъ, внимательнымъ и безкорыстнымъ практическимъ врачемъ, хорошо извѣстнымъ даже въ сосѣднихъ губерніяхъ. Въ домѣ его происходили литературныя собранія, привлекавшія все образованное общество Казани и проѣзжавшихъ черезъ Казань русскихъ и иностранныхъ знаменитостей. Какъ личность, Фуксъ отличался необыкновенно привлекательнымъ характеромъ и былъ самымъ популярнымъ человѣкомъ въ Казани въ 30-хъ и 40-хъ годахъ. Буличъ въ своей книгѣ посвятилъ Фуксу рядъ симпатизирующихъ страницъ. Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о Кругѣ, послужившемъ предлогомъ для нападенія Караблинова на Сергѣева и самого Фукса. Wilhelm-Traugott Krug (1770—1842), профессоръ философіи въ Кенигсбергѣ (непосредственно послѣ Канта). Кругъ былъ популяризаторъ критической философіи съ точки зрѣнія «здраваго смысла», ревнитель свободомыслія и просвѣщенія. Онъ полемизировалъ съ Фихте, Шеллингомъ, Гегелемъ и иными гегельянцами, чѣмъ, вѣроятно, и понравился Магницкому. Изъ крупныхъ его работъ слѣдуетъ отмѣтить: «Handbuch der Philosophie» и «Logik oder Denklehre».

Сообщилъ **П. Головачевъ.**

Изъ русской военно-уголовной старины.

(Высочайшія конфирмаціи императора Павла I по военно-суднымъ дѣламъ).

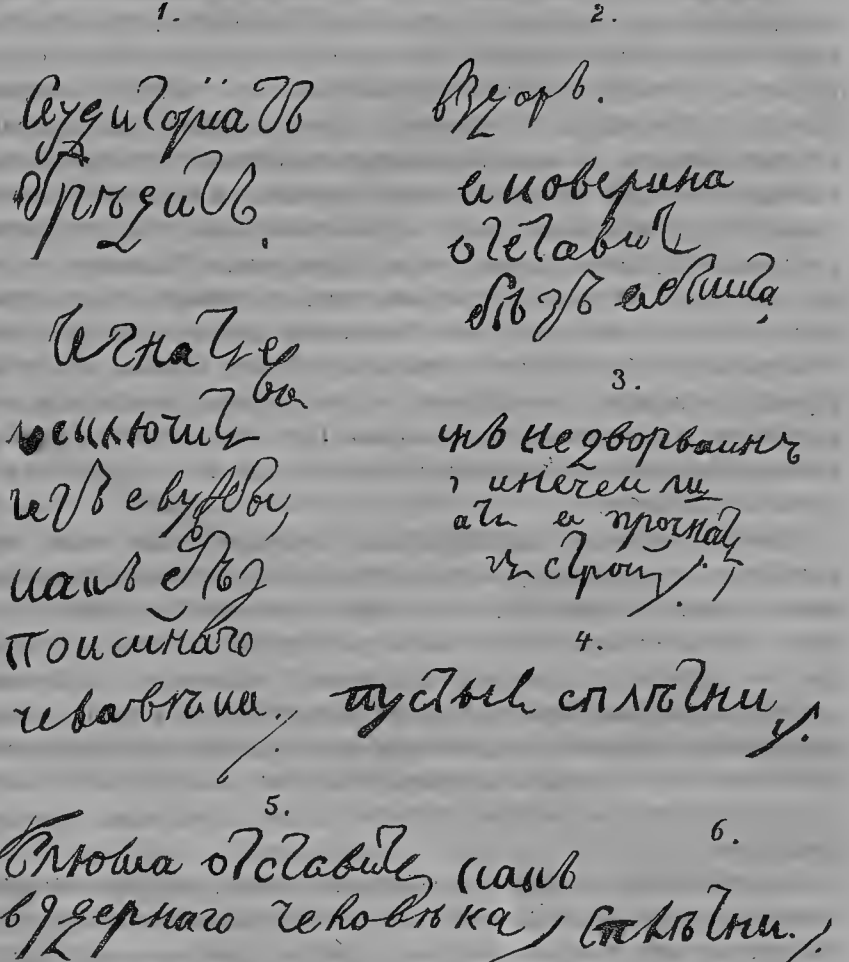
Охраненіе правоваго порядка всегда составляло цѣль государства, и отклоненіе отъ установленныхъ правовыхъ нормъ, являясь преступнымъ дѣяніемъ, каралось законами. Но, какъ нѣчто подвижное, какъ нѣчто, принадлежащее жизни, уголовное законодательство не оставалось безъ дальнѣйшаго развитія, а, измѣняясь съ духомъ времени и примѣняясь къ существующему режиму, воспринимало специфическія черты извѣстной эпохи. Павловское время, съ его оригинальностью, граничащею со сказочностью и доходящею до баснословности, представляетъ, конечно, одну изъ любопытнѣйшихъ страницъ русской лѣтописи. Если же принять во вниманіе, что эта страница русскаго прошлаго до сихъ поръ уснащается—за немногими исключеніями—непровѣренными и несоотвѣтствующими исторической правдѣ анекдотами, то станетъ понятнымъ, почему группировка высочайшихъ конфирмацій Павла I по военно-суднымъ дѣламъ, представляя сколокъ съ ненарумяненной жизни, является драгоцѣннымъ вкладомъ въ русскую уголовную старину. Пора, кажется, псевдо-исторіи съ ея анекдотичностью отойти въ область преданій, уступивъ мѣсто истинной исторіи, по подлиннымъ документамъ, а не по фееристическимъ даннымъ. Приводимыя ниже конфирмаціи, снабженныя мною датами, сообщаются по подлиннымъ докладамъ, исключающимъ всякую возможность не только ошибокъ, но даже неточностей, или сомнѣній. Наконецъ, нельзя упускать изъ виду, что въ этихъ конфирмаціяхъ проскальзываетъ всегда нѣчто присущее исключительно Павлу I, и подборъ ихъ рисуетъ съ достаточною подробностью чистый нравственный обликъ высокаго конфирматора, порой сообщая кой-какія новыя черты, порой же закрѣпляя, такъ сказать,

фиксируя уже́ установленныя исторической наукой данныя. И въ этомъ заключается интересъ приводимыхъ конфирмацій съ точки зрѣнія вообще русской старины, помимо интереса съ точки зрѣнія русской уголовной старины.

Императоръ Павелъ I любилъ дѣло, любилъ достовѣрность фактовъ и точность донесеній. Столь распространенная въ общественной жизни склонность къ сплетнямъ и слухамъ, часто имѣющимъ лишь весьма отдаленное сходство съ истиной, была ему ненавистна, и онъ понималъ, что одинъ недостовѣрный слухъ родитъ гору другихъ слуховъ, одинъ другаго нелѣпѣе и чудовищнѣе. Это положеніе подтверждается и высочайшими резолюціями. Денферъ, освѣдомившись о томъ, что жена генералъ-маіора Кастелія съ хвастовствомъ заявляла знакомымъ о существованіи переписки его жены съ ея мужемъ, явился къ Кастеліи, дабы личнымъ разспросомъ убѣдиться въ справедливости дошедшихъ до него слуховъ; г-жа Кастелія встрѣтила Денфера бранью. Въ концѣ концовъ Денферъ былъ арестованъ и отданъ подъ судъ, но все дѣло, очевидно основанное на слухахъ, кончилось ничѣмъ: 9-го іюня 1800 года государь положилъ по этому дѣлу резолюцію: «п у с т ы я с п л е т н и».

Другое дѣло, получившее отъ государя такой же эпитетъ, началось съ того, что грузинскій царевичъ Миріанъ обратился какъ-то къ поручику Кабардинскаго мушкетерскаго полка Грекову съ вопросомъ, почему онъ говорилъ генералъ-маіору Корсакову, что онъ, царевичъ, подговариваетъ дворовыхъ дѣвокъ къ побѣгу въ Грузію, о чемъ ему передавалъ подпоручикъ Арсеньевъ; государь, по докладѣ этого дѣла о Грековѣ, написалъ 20-го мая 1798 г. резолюцію: «к а к ъ д ѣ л о в с е с о с т о и т ъ в ъ с п л е т н я х ъ, т о и н е у м ѣ с т а М н ѣ в х о д и т ь в ъ о н о е; д ѣ л о у н и ч т о ж и т ь, а е м у п о - п р е ж н е м у с л у ж и т ь». Незаслуживающимъ вниманія императоръ Павелъ призналъ дѣло о нанесеніи маіоромъ Блиновымъ, въ нетрезвомъ видѣ, побоевъ отставному вахмистру Незамаеву за то, что онъ якобы занимался тайнымъ врачеваніемъ въ то время, какъ стояла эпидемія моровой язвы; 7-го іюня 1799 года Павелъ I коротко написалъ: «в з д о р ъ».

На каждое судное дѣло тратится извѣстная умственная энергія. Въ видахъ достиженія экономіи при ея расходованіи, конечно, желательно, чтобы мелочныя дѣла, касающіяся какихъ-либо второстепенностей, не загромождали напрасно дороги юстиціи и не давили своею тяжестью, какъ ненужнымъ балластомъ, и безъ того значительную ношу суда. И вполнѣ разумными являются мѣропріятія Павла I, клонящіяся къ очищенію судебныхъ установленій отъ всякихъ «пустыхъ» дѣлъ. Примѣромъ подобныхъ дѣлъ является дѣло о приведеніи въ негодность лошади эскадрона ротмистра Ярцова, упавшей съ обрушившимся подъ нею мостомъ; понятно, что дѣло могло бы быть причислено къ случайнымъ



Автографы высочайшихъ конфирмацій.

1. Аудиторіатъ брѣдитъ. Игнатьева исключить изъ службы, какъ безпокойнаго человѣка (11-го февраля 1799 г.).

2. Вздоръ. А Коверина отставить безъ абшита (28-го марта 1800 г.).

3. Онъ не дворянинъ, то и нечего лишать, а прогнать сквозь строй (30-го марта 1800 г.).

4. Пустыя сплѣтни (9-го іюня 1800 г.).

5. Блюма отставить, какъ вздорнаго человѣка (6-го іюня 1800 г.).

6. Сплѣтни (12-го іюня 1800 г.).

*

дѣяніямъ, въ вину невмѣняемымъ, однако здѣсь вопросъ усложнялся тѣмъ, что паденіе лошади произошло, когда ее вели на водопой, а на водопой лошадей разрѣшалось водить лишь въ лагерное время. Поэтому 11-го января 1799 г. на докладѣ упомянутаго дѣла была положена высочайшая резолюція «дѣло пустое, ибо забыто, что по уставу не велѣно лошадей кромѣ лагеря на водопой водить, и такъ деньги взыскать съ того, который упущеніе сдѣлалъ противъ устава». Дѣло было признано пустымъ, очевидно, въ смыслѣ возможности разрѣшенія его административнымъ порядкомъ, безъ суда, путемъ взысканія съ виновнаго—причиненнаго имъ ущерба казнѣ. Далѣе, обращаетъ вниманіе дѣло, возбужденное по жалобѣ дѣвицы Беленъ противъ прапорщика Тюльпанова за то, что онъ, якобы обѣщавъ на ней жениться, не сдержалъ своего слова; между тѣмъ, допрошенный судомъ Тюльпановъ показалъ, что «хотя онъ, по вольному съ нимъ дѣвицы обхожденію, къ чему подавала и мать ея случай, и соблазнился, но влюбленъ въ нее не былъ, жениться на ней не обѣщалъ и исполнить того не клялся». 16-го іюня 1799 г. по дѣлу состоялась высочайшая конфирмація: «дѣло оставить, а его отправить къ полку».

Неподтверждаемые разслѣдованіями доносы—опасная вещь: еще одинъ шагъ, одно движеніе—и можно попасть въ сферу анонимныхъ доносовъ, тяжелой опричнины, чудовищнаго произвола. Это зналъ императоръ Павелъ; каждый доносъ влекъ разслѣдованіе, и если послѣднее шло въ разрѣзъ съ доносомъ, то доносчикъ подвергался уголовному преслѣдованію. Такъ было поступлено, напримѣръ, съ доносомъ эстандартъ-юнкера Шикулина 1-го, жаловавшагося на притѣсненія начальства; 13-го іюня 1799 г. государь положилъ резолюцію: «съ доносчикомъ поступить такъ, какъ слѣдуетъ съ каждымъ доносчикомъ».

Въ противовѣсъ всѣмъ приведеннымъ дѣламъ, не признаваемымъ заслуживающими уваженія либо по своему обоснованію на пустыхъ сплетняхъ и недостовѣрныхъ слухахъ, либо по своей уголовной микроскопичности, можно противоположить дѣла, гдѣ былъ замѣшанъ казенный интересъ. Съ безпощадною настойчивостью проводитъ императоръ Павелъ идею объ особомъ попеченіи о казенномъ интересѣ. Каждая копѣйка должна быть дорога. Каждый казенный грошъ долженъ быть на счету и свято оберегаемъ. И это общее стремленіе нашло въ частности отраженіе въ высочайшихъ конфирмаціяхъ по военно-уднымъ дѣламъ: виновные въ причиненіи ущерба казнѣ всегда несли извѣстное наказаніе.

Обращаясь къ примѣрамъ, остановлюсь на дѣлѣ командира кирасирскаго графа Игельстрома полка. Въ полку сгорѣла во время пожара

аммуниція; пожаръ охватилъ конюшни, крытыя соломою; лошадей удалось вывести, но аммуниція, хранившаяся вопреки запрещенію въ конюшняхъ и выданная на руки нижнимъ чинамъ, сдѣлалась жертвою огня. Командиръ полка былъ преданъ суду, и государь, по докладѣ ему дѣла, 28-го сентября 1799 г. написалъ: «посадить въ Рижскую крѣпость до выплаты суммы». Слѣдующая резолюція, тоже касающаяся вопроса о возмѣщеніи казеннаго убытка, носитъ характерныя черты тогдашняго времени. Подпоручикъ гарнизоннаго Уколова полка Леоновъ, состоявшій «сортовымъ офицеромъ» при «мундирномъ магазинѣ», растратилъ казенное имущество свыше чѣмъ на десять тысячъ рублей; резолюція Павла I отъ 25-го января 1800 г. гласила: «лишa чиновъ, на каторгу къ заработкѣ, а деньги взыскать съ смотрителя и съ выбравшихъ его, и аудитору выговоръ за написаніе его въ солдаты, во мнѣніи упомянутое»; иначе говоря, возмѣщеніе казеннаго убытка было обращено на тѣхъ офицеровъ, которые выбрали подсудимаго въ должность сортоваго офицера, хотя въ своихъ показаніяхъ офицеры-сослуживцы удостовѣрили, что при производствѣ выборовъ они были крайне стѣснены—«по тогдашнему состоянію гарнизонныхъ батальоновъ, укомплектованныхъ почти до одного изъ престарѣлыхъ офицеровъ». Любопытно также, по бытовымъ подробностямъ, дѣло о пропажѣ части церковныхъ суммъ у ктитора Исаакіевской церкви въ С.-Петербургѣ; эту должность съ 1779 г. занималъ гарнизоннаго Вязьмитинова полка поручикъ Дмитріевъ; по 1796 г. чрезъ его руки прошло болѣе двухъ милліоновъ рублей, и все шло благополучно, какъ вдругъ былъ обнаруженъ прочетъ въ 1.700 р.; Дмитріевъ, внушавшій долголѣтнею службою полное къ себѣ довѣріе, показалъ, что этотъ прочетъ для него совершенно необъяснимъ и непонятенъ, такъ какъ этихъ денегъ онъ «себѣ не бралъ и никому не давалъ»; великодушный государь не пожелалъ подвергать отвѣтственности неповиннаго Дмитріева, но въ то же время признавалъ необходимымъ пополнить убытокъ, а потому и положилъ 29-го января 1797 г. резолюцію: «деньги за несмотрѣніе взыскать съ присутствовавшихъ, имѣніе Дмитріеву возвратить, какъ и деньги, ибо неудивительно безъ счетчика прочесть, и его опредѣлить по-прежнему въ полкъ». Далѣе упомяну еще о дѣлѣ командира Кинбургскаго мушкетерскаго полка бригадира Корсакова. Корсаковъ былъ преданъ суду за то, что приказалъ вынуть изъ пороховаго погреба 50 пудовъ пороха, заключавшагося въ девятнадцати боченкахъ, и закопать его въ землю, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи обратить его въ свою пользу и употребить на приготовленіе фейерверка; однако вскорѣ покража пороха получила гласность, и Корсаковъ, при дошедшихъ до него объ этомъ слухамъ, рѣшилъ, для со-

крытія слѣдовъ преступленія, бросить порохъ въ рѣку. 12-го января 1798 г. государь написалъ по этому дѣлу резолюцію: «за вѣтренность отставить, взыскавъ деньги».

При причиненіи кѣмъ-либо ущерба казнѣ подробности дѣла и обстановка дѣянія подвергались тщательному изученію съ тѣмъ, конечно, чтобы наказаніе было положено на лицо, дѣйствительно того заслуживающее. Для примѣра приведу резолюцію на дѣлѣ ротмистра Осипова 2-го. Для хозяйственныхъ командировокъ военнымъ частямъ было запрещено употреблять строевыхъ офицеровъ: для этой цѣли существовали особые квартермистры; между тѣмъ генералъ-маіоръ Чевкинъ, командиръ Кирасирскаго полка, отправилъ въ командировку строеваго офицера, ротмистра Осипова 2-го, который, къ несчастью, утерялъ казенныя деньги; 4-го іюня 1798 г. на это дѣло государь положилъ резолюцію: «генералъ-маіора Чевкина за употребленіе строеваго офицера вмѣсто квартермистра, отчего и произошло все сіе дѣло, въ примѣръ другимъ, выключить изъ службы, и деньги съ него, Чевкина, взыскать; ротмистра Осипова выключить изъ службы». По другому дѣлу былъ сужденъ артиллерійскій обозный Миловановъ за убійство «саповатой» лошади, чѣмъ, конечно, причинилъ ущербъ казнѣ; судъ вынесъ суровый приговоръ, присудивъ Милованова къ политической смерти и ссылкѣ въ Сибирь; генералъ Амбразанцевъ полагалъ ограничить наказаніе лишеніемъ дворянства и разжалованіемъ въ рядовые, а генералъ-аудиторъ заключалъ о возможности вмѣненія суда и ареста въ наказаніе; какъ видно, лѣстница наказанія постепенно понижалась, и она совершенно свелась къ нулю, когда 19-го февраля 1798 г. послѣдовала краткая высочайшая резолюція—«сіе дѣло оставить»; подобная резолюція объясняется тѣмъ, что свое преступное дѣяніе Миловановъ совершилъ въ припадкѣ «болѣзни».

Любопытный разрядъ дѣлъ представляютъ тѣ, по коимъ была поколеблена нормальность соотношеній властей военныхъ и гражданскихъ, т. е. въ коихъ замѣшаны представители гражданской власти и военные начальники. Ненарушаемое преступленіями взаимное соприкосновеніе этихъ двухъ общественныхъ элементовъ безспорно представляется явленіемъ не только желательнымъ, но и безусловно необходимымъ для успѣшнаго пульсированія общественной жизни. Однако оба элемента настолько противоположны другъ другу по своимъ характернымъ особенностямъ, по своимъ специфическимъ свойствамъ, по своей природѣ, что нерѣдко излишняя заносчивость и чрезмѣрная притязательность одного элемента, ударяясь о пагубную безразличность и опасную непокладистость другаго, производятъ искры, порою вспышки, порою даже пожаръ, а съ огнёмъ шутить опасно, какъ это извѣстно еще изъ дѣтскихъ прописей. Его нужно

тушить. Какими же резолюціями тушилъ императоръ Павелъ эти вспышки?

При слѣдованіи чрезъ Костромскую губернію партіи рекрутъ ея начальникъ, штабсъ-капитанъ Канищевъ, раздраженный отсутствіемъ должнаго числа подводъ для провоза рекрутъ и дерзкимъ, вызывающимъ поведеніемъ десятскаго Васильева, нанесъ ему побои; судъ, принявъ во вниманіе, что виновникомъ всего происшествія былъ самъ Васильевъ, нагрубившій офицеру и побившій унтеръ-офицера, ограничился въ опредѣленіи наказанія Канищеву лишь мѣсячнымъ арестомъ; генералъ-аудиторъ, соглашаясь съ судомъ въ размѣрѣ назначеннаго Канищеву наказанія, усмотрѣлъ, что «главной причиной былъ земскій судъ, который не сдѣлалъ должнаго распоряженія, чтобы для рекрутскихъ партій были на станціяхъ подводы, и земскому коммиссару или члену онаго суда должно было встрѣтить команду и проводить чрезъ уѣздъ». Императоръ Павелъ 14-го іюля 1800 г. положилъ на дѣлѣ резолюцію, совершенно освобождавшую Канищева отъ уголовной отвѣтственности «судъ оставить; Канищевъ не виноватъ, а земскихъ чиновниковъ судить гражданскимъ судомъ». Другой случай столкновенія между гражданскимъ лицомъ и военнымъ чиномъ произошелъ на мосту въ г. Смоленскѣ: шедшій по мосту фельдшеръ Гаевскій получилъ отъ проѣзжавшаго сзади него экипажа ударъ оглоблей, онъ упалъ и задѣлъ впереди шедшаго человѣка, несшаго на коромыслахъ воду, которая и разлилась; человѣкъ этотъ обидѣлся, нанесъ Гаевскому ударъ по лицу рукою и побѣжалъ, Гаевскій—за нимъ и, выхвативъ коромысло, ударилъ человѣка по спинѣ столь сильно, что несчастный умеръ. Высочайшая резолюція отъ 25-го марта 1799 г., дышащая мягкостью по отношенію къ военно-служащему, гласила «предать просто церковному покаянію». Серьезное столкновеніе произошло близъ Дерпта; «казну» въ пятнадцати бочкахъ везъ подпоручикъ Врангель; въ пяти верстахъ отъ Дерпта транспортъ остановился въ Ратсгофской корчмѣ; пьяные мужики стали приставать къ конвойнымъ, убили одного нижняго чина и держали себя на столько вызывающе, что для охраны казны Врангель приказалъ командѣ стрѣлять по мужикамъ; сперва были сдѣланы выстрѣлы горохомъ, а затѣмъ было дано два боевыхъ залпа. Врангель былъ отданъ подъ судъ, однако императоръ Павелъ, всегда ревниво охранявшій принципъ цѣлости казеннаго имущества, не наложилъ никакого взысканія на Врангеля, и 12-го марта 1799 г. дѣло о немъ конфирмовалъ резолюціей: «Врангелю сказать спасибо».

Здѣсь же у мѣста привести дѣло по жалобѣ «вдовствующей царицы Карталинской и Кахетинской» на полковника Спѣшнева. Въ жалобѣ, между прочимъ, было указано, что отрядъ Спѣшнева занимался маро-

дерствомъ и, забирая грузинскихъ обывателей, причинялъ имъ «мученія». Это были наиболѣе существенныя обвиненія въ указанной жалобѣ. Но они не подтвердились разслѣдованіемъ: Спѣшневъ представилъ удостовѣреніе царя Ираклія объ отсутствіи въ отрядѣ мародеровъ, а относительно «мученій», будто причиненныхъ грузинамъ, объяснилъ, что караулы выставлялись въ предостереженіе отъ набѣговъ «хищныхъ лезгинъ». Въ общемъ жалоба была настолько не основательна, что генералъ-аудиторъ призналъ возможнымъ совершенно освободить отъ наказанія полковника Спѣшнева. Однако здѣсь замѣшалась политика, эта выжившая изъ красоты старая кокетка, все же требующая за собою ухаживанія. Только этимъ вмѣшательствомъ объясняется резолюція Павла I, положенная 23-го ноября 1798 г. и гласившая: «во уваженіе къ царскому дому, въ сатисфакцію оному, полковника Спѣшнева исключить изъ службы». Строго говоря, это былъ доносъ, и доносъ не основательный. Воинская служба отличается своими особенностями; душою ея является, главнымъ образомъ, дисциплина, для поддержанія которой между прочимъ служитъ военный судъ. Это—та устрашающая сила, которая своимъ дыханіемъ должна смести всякаго недисциплинированнаго воина, въ случаѣ особаго нарушенія имъ дисциплины. Суровыя наказанія понятны въ военномъ судѣ, и безъ нихъ этотъ судъ теряетъ свой raison d'être. Но, конечно, и въ военномъ судѣ должна примѣняться общая юридическая формула—наказаніе налагается соотвѣтственно содѣянному.

Иллюстрируемъ примѣрами.

Рота капитана Писанскаго, возмущенная якобы чрезмѣрно строгимъ съ ней обращеніемъ командира, узнавши, что фельдфебель, за небрежное поданіе рапорта, долженъ быть подвергнутъ ударамъ палками, пошла съ жалобой на ротнаго командира къ своему батальонному командиру Харламову, хотя два субалтеръ-офицера и уговаривали роту успокоиться. Начался судъ. По докладѣ дѣла 21-го іюня 1798 г. государь положилъ резолюцію: «какъ Харламова, такъ и всѣхъ офицеровъ, виновными не нахожу, а изъ рядовыхъ главныхъ зачинщиковъ ослушанія наказать кнутомъ, сослать въ Сибирь». Штабсъ-капитанъ гарнизоннаго Мальева полка Кирпичниковъ обвинялся, между прочимъ, въ оскорбленіи дѣйствіемъ дежурнаго по ротѣ унтеръ-офицера, имѣвшаго знакъ отличія, и въ «надруганіи» надъ самимъ орденомъ; 2-го мая 1800 г. государь конфирмовалъ дѣло резолюціею: «лиша чиновъ и дворянства, написать вѣчно въ рядовые и прогнать шпицрутенами сквозь тысячу человѣкъ разъ».

Приходилось налагать строгое наказаніе и за общія преступленія. Унтеръ-цейхвартеръ Страубингъ написалъ фальшивый вексель отъ

имени дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Тизенгаузена и подъ него досталъ денегъ у купца Анкудинова; текстъ векселя писалъ купецъ Барышниковъ, а подпись Тизенгаузена поддѣлалъ Страубингъ. Оба, Страубингъ и Барышниковъ, были преданы суду, по обнаруженіи преступленія. По сентенціи военнаго суда Страубингъ былъ приговоренъ къ выкинутію изъ службы, а Барышниковъ оправданъ. 27-го февраля 1800 г. высочайшая конфирмація—«наказать кнутомъ»—значительно ухудшила участь подсудимаго. Воспитанникъ военно-сиротскаго отдѣленія въ Симбирскѣ Хвощевскій былъ признанъ виновнымъ въ кражѣ изъ церкви серебряныхъ вѣнцовъ съ образа. Судъ приговорилъ Хвощевскаго къ наказанію розгами; 17-го марта 1800 г. Павелъ I положилъ резолюцію: «согласенъ, а при выпускѣ написать въ рядовые».

Но при всемъ томъ слѣдуетъ указать, что старое время напрасно любятъ упрекать въ чрезмѣрной жестокости, въ безсердечіи, въ особенности по отношенію къ военной службѣ. Несомнѣнно гуманное теченіе общественной мысли коснулось, и при томъ весьма сильно, также и военной среды, весьма рѣзко перемѣнившей свою физіономію въ настоящее время. Однако Павловское время никоимъ образомъ не можетъ быть выдѣлено особо яркимъ пятномъ, бликомъ, какъ выражаются художники, ни по сравненію съ временемъ Екатерины, ни по сравненію съ эпохой Александра I. Было тяжело, былъ чадъ строгаго режима, но было также и заботливое попеченіе о нуждахъ солдата, и настойчивое стремленіе къ поднятію значенія воинскаго званія. Военно-судныя конфирмаціи Павла I подтверждаютъ со своей стороны изложенное положеніе.

«За неумѣренныя наказанія рядовыхъ и за ученіе оныхъ послѣ вечерней зори» былъ преданъ суду драгунскаго бывшаго Шрейдера 2-го полка капитанъ Лагинъ; коммиссія военнаго суда нашла однако, что Лагинъ наказывалъ провинившихся нижнихъ чиновъ «умѣренно, во время ученія», и что это было «учинено не изъ чего инаго, какъ изъ ревности и усердія къ службѣ»; генералъ-аудиторъ полагалъ ограничиться вмѣненіемъ Лагину въ наказаніе содержаніе его подъ арестомъ и судомъ. Государь могъ бы положить весьма строгую резолюцію, если бы на судѣ полностью подтверждались обвиненія Лагина; но оказалось, что не было ни особой жестокости со стороны подсудимаго, ни превышенія власти, а потому высочайшая конфирмація изъявляла согласіе государя съ мнѣніемъ генералъ-аудитора. Въ 1799 г. былъ сужденъ за упускъ арестантовъ поручикъ Шлиппенбахъ; по дѣлу выяснилось, что часовые, охранявшіе арестантовъ, стояли по пяти часовъ подрядъ; понятное отсюда ихъ утомленіе имѣло слѣдствіемъ побѣгъ арестантовъ. Побѣгъ былъ на-лицо; слѣдовательно, на-лицо было пре-

ступленіе, и несчастный Шлиппенбахъ попалъ подъ судъ. Павелъ I однако посмотрѣлъ въ корень вещей и, убѣдившись въ виновности высшаго военнаго начальства, допустившаго чрезмѣрно продолжительное стояніе караульныхъ на часахъ, 9-го декабря 1799 г. положилъ резолюцію, весьма мягкую по отношенію къ самому подсудимому: «г. генералъ-аудиторъ забылъ порядокъ службы и то, что часовые стояли по пяти часовъ, что совсѣмъ противно порядка службы, то и относится сіе безпосредственно къ шефу, котораго за сіе и выключить изъ службы; о корнетѣ же Шлиппенбахѣ согласенъ съ коммиссіею, также и о унтеръ-офицерахъ»; коммиссія же присудила Шлиппенбаха къ 6-ти мѣсячному аресту.

Кстати объ охранѣ арестантовъ. Дѣла подобнаго рода, представляющія любопытный эпизодъ русской тюремной старины, не были въ рѣдкость въ то время. Такъ, прапорщикъ гарнизоннаго Вязьмитинова полка Глазуновъ былъ усмотрѣнъ въ нетрезвомъ видѣ въ бытность свою на караулѣ въ Петропавловской крѣпости; до этого случая онъ былъ «штрафованъ» за «взятіе, по бытности въ той же крѣпости на гауптвахтѣ въ караулѣ, изъ приносимыхъ въ подаяніе арестантамъ денегъ шести рублей, посылкою на недѣлю не въ очередь на караулъ». Государь отмѣнилъ характеръ послѣдняго наказанія, и 7-го февраля 1797 г. положилъ резолюцію: «за взятіе себѣ присланнаго подаянія исключить изъ службы». Въ другой разъ въ Петропавловской крѣпости стоялъ въ караулѣ поручикъ Ермолинскій; къ крѣпости подошло пять человѣкъ, которые, «согласясь для подаянія колодникамъ милостыни», принесли арестантамъ подаяніе; въ виду того, что одинъ изъ жертвователей оказался въ нетрезвомъ видѣ, его арестовали, но затѣмъ за два рубля Ермолинскій согласился его освободить; вечеромъ же въ гостяхъ у Ермолинскаго былъ унтеръ-офицеръ Измайловскаго полка, съ которымъ онъ пилъ пиво; 14-го іюля 1799 г. государь положилъ резолюцію: «согласенъ; унтеръ-офицера Измайловскаго (полка) написать въ рядовые въ Долгорукова полкъ»; согласіе государь изъявилъ на «выкинутіе» Ермолинскаго изъ службы съ лишеніемъ чиновъ.

Типичный для того времени образецъ дѣла о дуэли, хотя и не состоявшейся, представляетъ случай съ двумя офицерами Лейбъ-Гусарскаго полка. Передъ утреннимъ ученьемъ поручикъ Эммануэль будилъ корнета Милютинова, который все же опоздалъ на ученье и получилъ за это выговоръ; въ частномъ послѣ сего разговорѣ Эммануэль сказалъ, что по его мнѣнію Милютиновъ наказанъ слишкомъ слабо; послѣдній назвалъ перваго доносчикомъ, и Эммануэль вызвалъ Милютинова на дуэль. 27-го іюня 1798 г. государь конфирмовалъ дѣло ре-

золюціей: «корнета Милютинова, который, будучи причиною всего дѣла, подалъ случай поручику Эммануэлю въ горячности своей забыться, выключить изъ службы, а Эммануэлю зачесть въ штрафъ, что былъ подъ арестомъ, изъ подъ онаго освободя, оставить въ службѣ по-прежнему».

Любопытнымъ на современный юридическій взглядъ служитъ еще дѣло о поручикѣ Глуховскаго Кирасирскаго полка Уманцѣ. Онъ обвинялся въ оскорбленіи на словахъ своего начальника; подобное дѣло, по теперешнему военно-уголовному кодексу, не могло бы быть оконченнымъ въ порядкѣ примирительнаго разбирательства; иначе однако взглянулъ Павелъ I, который 17-го іюня 1798 г. положилъ резолюцію: «пусть проситъ прощенія при офицерахъ, а вины свои продолженіемъ службы заслуживаетъ».

Случались дѣла любовныя. Подпоручикъ Полоцкаго мушкетерскаго полка Рыттеръ былъ преданъ суду за покушеніе на самоубійство изъза супружеской невѣрности своей жены; 17-го іюля 1798 г. государь положилъ резолюцію: «сіе дѣло оставить». Проѣздомъ чрезъ Рязань поручикъ Тамбовскаго мушкетерскаго полка Горюшкинъ, «учинивъ» своей матери «немалыя обиды и ругательство», увезъ съ собою одну изъ ея «дѣвокъ»; любовныя продѣлки и сыновнее неповиновеніе Горюшкина сперва было возмутили мать, которая и подала жалобу на сына; противъ него возбудилось дѣло, во время производства коего мать простила сына. 7-го іюня 1798 г. императоръ Павелъ конфирмовалъ дѣло резолюціей: «дѣло уничтожить, а вамъ примѣчается, что на манифестъ ссылаться здѣсь нужды не было, ибо и безъ того ясно, что примиреніе истца съ отвѣтчикомъ дѣло оканчиваетъ»; упоминаемый манифестъ былъ отъ 21-го апрѣля 1787 г. Обѣ конфирмаціи даютъ право на вѣроятное предположеніе о томъ, что дѣла, гдѣ были замѣшаны частные интересы, гдѣ трагедія преступленія разыгрывалась въ узкихъ рамкахъ любовной сферы, встрѣчались государемъ въ общемъ съ большою снисходительностью. Мнѣ удалось найти лишь одну суровую конфирмацію на дѣлѣ подобнаго рода. Поручикъ Грушецкаго полка Баранцовъ былъ преданъ суду за увозъ отъ полковника Собакина вольной женщины Ивановой, жившей у послѣдняго восемнадцать лѣтъ и имѣвшей отъ него двухъ дѣтей. Обстоятельства этого романическаго похищенія крайне не сложны: въ полдень одного зимняго дня къ дому Собакина подъѣхалъ на тройкѣ Баранцовъ, заранѣе заручившійся согласіемъ Ивановой на побѣгъ отъ Собакина; Иванова вышла изъ дому, и экипажъ умчалъ ее въ сосѣднюю слободу, гдѣ остановился у часовни; обманнымъ способомъ, «яко бы исповѣдывать и пріобщить больную жен-

щину и отпѣть молебенъ», былъ вызванъ священникъ, который, подъ угрозою смерти, былъ вынужденъ совершить таинство брака, который и «сдѣлалъ малое только чтеніе молитвъ, безъ надлежащаго установленнаго порядка». Въ это же время дозоромъ по слободѣ проходилъ капитанъ Степановъ; увидя свѣтъ въ часовнѣ, онъ взошелъ туда и, зная Баранцова за человѣка, не состоящаго въ родствѣ съ Ивановой, благословилъ брачущихся образомъ; наконецъ, къ дѣлу былъ привлеченъ поручикъ Дзюбинъ, который разрѣшилъ Ивановой поставить временно въ своей квартирѣ узелъ съ вещами, часть коихъ оказалась похищенною отъ Собакина. Всѣ три офицера были преданы суду, и 24-го января 1800 г. императоръ Павелъ положилъ на ихъ дѣло резолюцію: «всѣхъ трехъ, лиша чиновъ и дворянства, послать въ Сибирь».

Изъ высочайшихъ же конфирмацій явствуетъ нѣсколько любопытныхъ подробностей частнаго характера. Нерѣдкое и въ наше время явленіе—ошибки въ приговорахъ относительно правъ состоянія встрѣчались и прежде. Былъ преданъ суду рядовой Бондаревскій, происходившій изъ коллегско-протоколистскихъ дѣтей; генералъ-аудиторъ полагалъ наказать его за воровство и пьянство шпицрутенами, съ лишеніемъ дворянства, но государь 30-го марта 1800 г. положилъ резолюцію: «онъ не дворянинъ, то и нечего лишать, а прогнать сквозь строй». Далѣе приведу примѣръ того важнаго значенія, которое удѣлялось въ Павловское время на степень достовѣрности свидѣтельскихъ показаній. Былъ сужденъ Чернозубовъ; свидѣтелемъ являлся, между прочимъ, сотникъ Данниковъ, но показаніе его, какъ не бывшаго въ теченіе семи лѣтъ на исповѣди, не было принято въ основу приговора; Павелъ I положилъ 20-го февраля 1799 г. резолюцію, заключительныя слова которой гласили: «сотника же Данникова, за небытіе семь лѣтъ у причастія, послать Суздальской епархіи въ Спасо-Ефимьевской монастырь». Затѣмъ обращалось вниманіе на состояніе здоровья подсудимаго, и, если онъ, въ моментъ преступленія, былъ настолько боленъ, что ему нельзя было бы поставить въ вину совершенное имъ дѣяніе, то онъ освобождался отъ всякаго наказанія; такъ, дворянинъ поселеннаго въ Кизлярѣ Терскаго казачьяго войска Леонтьевъ обвинялся «въ зарѣзаніи въ припадкѣ падучей болѣзни своего брата»; Павелъ I положилъ по этому дѣлу 1-го февраля 1800 г. резолюцію: «согласенъ, а какъ онъ боленъ, то отставить отъ службы». Терминъ—дѣяніе «не умышленное» примѣнялся къ дѣламъ, по коимъ не налагалось наказанія на обвиняемыхъ; такъ, подпоручикъ Родіоновъ, какъ удостовѣрили свидѣтели, «безъ запальчивости и горячности», нанесъ ударъ шпагою гатлангеру Ѳедорову, отставшему при захожденіи взво-

домъ отъ рядовъ; Ѳедоровъ, пройдя еще шаговъ пять или десять, упалъ «вдругъ» на землю; Павелъ I 23-го августа 1798 г. конфирмовалъ дѣло резолюціей: «оставить волѣ Божіей, какъ неумышленное». Конечно, это выраженіе «неумышленное» соотвѣтствуетъ современному юридическому понятію о случайномъ дѣяніи, въ вину невмѣняемомъ.

На конфирмацію дѣла представлялись вмѣстѣ съ приговоромъ—по тогдашнему сентенціей коммиссіи военнаго суда и мнѣніемъ начальствующихъ лицъ о размѣрѣ наказанія подсудимаго. Значительное число мнѣній облегало трудную задачу окончательной конфирмаціи военносудныхъ дѣлъ императоромъ Павломъ, всегда стремившимся строго осуществлять девизъ—«каждому по заслугамъ». Отсутствіе мнѣнія какого-либо начальствующаго лица обращало сейчасъ же высочайшее вниманіе; такъ, въ дѣлѣ о прапорщикѣ провіантскаго штата Ростопчинѣ не имѣлось мнѣнія генералъ-провіантмейстера, и 14-го апрѣля 1798 г. императоръ Павелъ, вмѣсто окончательной конфирмаціи этого дѣла, положилъ резолюцію: «забыли спросить мнѣніе генералъ-провіантмейстера»; вмѣстѣ съ мнѣніемъ послѣдняго, дѣло было вторично представлено государю; въ своемъ заключеніи генералъ-провіантмейстеръ, между прочимъ, выразился о Ростопчинѣ, что онъ «потерялъ всякую довѣренность»; между тѣмъ генералъ-аудиторъ полагалъ, за самовольную отлучку Ростопчина изъ Кекгольма въ С.-Петербургъ, вмѣнить ему въ наказаніе судъ и арестъ и перевести на службу въ гарнизонный полкъ, т. е. все-таки оставить на службѣ государь, прислушавшись къ мнѣнію генералъ-провіантмейстера и къ оцѣнкѣ имъ служебной дѣятельности Ростопчина, 22-го апрѣля 1798 г. конфирмовалъ дѣло резолюціею: «генералъ-аудиторъ права не имѣетъ въ полки опредѣлять не свѣдущихъ, а Ростопчина исключить изъ службы». Слѣдовательно, здѣсь мнѣніе Обольянинова сыграло, вѣроятно, рѣшающую роль въ судьбѣ Ростопчина. Но наличность мнѣній разныхъ военныхъ начальниковъ, выгодная въ одномъ отношеніи, была невыгодна въ томъ смыслѣ, что участь подсудимаго, совершившаго извѣстное дѣяніе, подвергалась большой случайности, и лѣстница проектированныхъ ими наказаній отличалась большою неустойчивостью. Для примѣра приведу мнѣнія военныхъ начальниковъ о нѣсколькихъ подсудимыхъ, обвинявшихся въ злоупотребленіи при пріемѣ рекрутъ. Слѣдственная коммиссія полагала двухъ офицеровъ сослать въ каторжныя работы, а двухъ другихъ исключить изъ службы. Генералъ-маіоръ Балашевъ заключалъ о необходимости двухъ офицеровъ выкинуть изъ службы, а двухъ другихъ—исключить изъ нея. Генералъ-лейтенантъ Нефедьевъ находилъ возможнымъ ограничить наказаніе одного изъ офицеровъ двухмѣсячнымъ арестомъ. Генералъ-аудиторъ предполагалъ

одного офицера—сослать въ каторжныя работы, другаго—выключить изъ службы, а остальныхъ двухъ—отправить въ ссылку. Государь 14-го марта 1800 г. конфирмовалъ дѣло строгой резолюціей: «лиша всѣхъ ихъ какъ верхнихъ, такъ и нижнихъ чиновъ, сослать въ каторжную работу въ Екатеринбургъ».

Несоразмѣрно слабый, со степенью виновности подсудимаго, приговоръ вызывалъ высочайшее неудовольствіе. Польскаго князя Раттева полка намѣстникъ изъ польскихъ шляхтичей Орлицкій былъ сужденъ за то, что, призвавъ въ свою квартиру товарища Скржынпинскаго и шеренговаго Лозинскаго, «прочиталъ имъ выписанное на двухъ лоскуточкахъ якобы изъ газетъ объявленіе, касающееся до генералиссимуса князя италійскаго графа Суворова, будто ему нога оторвана» и что онъ взятъ французами въ плѣнъ, и при этомъ онъ, Орлицкій, сказалъ: «теперь у насъ шефа нѣтъ, намъ нечего дѣлать, соберемъ человѣкъ 30 съ лошадьми и уйдемъ въ Пруссію». Слѣдственная коммиссія находила возможнымъ потребовать отъ подсудимаго лишь очистительную присягу. Генералъ-аудиторъ, въ виду того, что Орлицкій «никакого вреда службѣ не учинилъ и злаго намѣренія не имѣлъ» и аттестуется хорошо, «предложилъ» все дѣло на высочайшее «благоизволеніе». 26-го апрѣля 1800 г. государь положилъ резолюцію: «вамъ выговоръ за слабость, а Орлицкаго написать въ гусары въ Линдеровъ полкъ». Въ табунъ на подножномъ корму нужно было назначить офицера, чего не было однако сдѣлано и о чемъ подполковникъ Игнатьевъ подалъ рапортъ генералъ-маіору Трегубову; послѣдній сдѣлалъ Игнатьеву выговоръ, а Игнатьевъ подалъ новый рапортъ. Генералъ-аудиторъ согласился съ мнѣніемъ коммиссіи военнаго суда, постановившей оправдательный приговоръ. Государь же 11-го февраля 1799 г положилъ довольно рѣзкую для аудиторіата резолюцію: «аудиторіатъ бредитъ; Игнатьева исключить изъ службы, какъ безпокойнаго человѣка».

Если сопоставить съ приведенными двумя примѣрами тѣ случаи, когда государь ставилъ резолюціи болѣе мягкія, чѣмъ мнѣнія начальствующихъ лицъ и приговоры военнаго суда и аудиторіата, то слѣдуетъ признать, что при конфирмаціяхъ всѣ письменные документы являлись только матеріаломъ, на которомъ государь строилъ свое личное мнѣніе. А мягкихъ резолюцій было сколько угодно! Вотъ, на выдержку дѣло о подпоручикѣ Михальскомъ, преданномъ суду, между прочимъ, за ношеніе неформенной одежды. При экзерциргаузномъ направленіи тогдашней военной службы это было тяжкое преступленіе, ибо соблюденіе формы было возведено въ своего рода культъ. Между тѣмъ, по дѣлу выяснилось, что Михальскій «одежды не по формѣ никакой не выдумывалъ, кромѣ, когда сдѣлано было отъ шефа офицерамъ

носить фуражныя шапки, то онъ, дабы отличиться отъ солдатъ, такія же шапки имѣющихъ, по незнанію привязалъ къ своей бантикъ и султанъ»; государь 18-го сентября 1798 г. написалъ по этому дѣлу резолюцію: «виновнымъ не нахожу, а у Апраксина взять отвѣтъ, какъ смѣлъ на офицерахъ шапки заводить».

Наконецъ, нельзя упустить нѣсколько деталей, весьма драгоцѣнныхъ вообще для бытовой стороны царствованія Павла I. Отрицаніе отъ прежнихъ боговъ было однимъ изъ девизовъ этого государя, неоднократно выражавшаго протестъ противъ государственнаго направленія дѣятельности его даровитой предшественницы на престолѣ. Это сквозитъ и въ резолюціяхъ Павла по военно-суднымъ дѣламъ: на дѣлѣ о генералъ-маіорѣ Гессенѣ 15-го февраля 1800 г. была положена резолюція: «сіе дѣло было прежде меня, а я Гессеномъ весьма доволенъ». Павелъ I стремился поднять офицерское достоинство. Битому офицеру оставаться на службѣ было немыслимо: «офицеру съ пощечиной трудно остаться, да и видно, что онъ шпаги не носилъ»— писалъ императоръ на докладѣ дѣла объ офицерѣ, коему было причинено оскорбленіе дѣйствіемъ. Съ другой стороны, на офицера не могло быть наложено тѣлесное наказаніе. Такъ, суду былъ преданъ Нашебургскаго мушкетерскаго полка капитанъ Гофманъ за то, что, выйдя на дворъ для естественной надобности, на замѣчаніе стоявшаго рядомъ съ нимъ человѣка, оказавшагося впослѣдствіи полковникомъ Грушевскимъ, о его, Гофмана, неучтивости, онъ, Гофманъ, сказалъ сему человѣку: «за что?» Сейчасъ же Гофманъ былъ арестованъ, а затѣмъ онъ подалъ на высочайшее имя прошеніе, «почитая себѣ сіе тѣлесное наказаніе (слѣдовательно, арестъ) не по винѣ своей». Государь это дѣло конфирмовалъ высочайшей резолюціей: «тѣлеснаго наказанія офицеру быть не можетъ, и арестъ не есть тѣлесное наказаніе, коммиссіи дѣлается выговоръ; тѣлесная нужда не могла никому обидою быть, и такъ Гофмана опредѣлить по-прежнему въ службу въ С.-Петербургской полкъ, при коемъ онъ теперь находится». Обращалось особое вниманіе на то, чтобы офицеры происходили изъ дворянъ. Суду былъ преданъ каменецъ-подольскій плацъ-адъютантъ Нуджевскій, бывшій прежде секретаремъ въ Днѣстровскомъ нижнемъ земскомъ судѣ; 5-го апрѣля 1800 г. государь на его дѣло положилъ резолюцію: «какъ сей Нуджевскій поступилъ изъ такого званія людей, изъ коего офицерамъ быть не слѣдуетъ, то, выключа его изъ сего званія, отдать къ гражданскому суду». Офицеръ долженъ быть образованнымъ человѣкомъ; Элатомской штатной команды подпоручикъ Никифоровъ, преданный суду за самовольные поборы съ обывателей, въ службѣ находился съ

1772 г., а «за отличность при Измаилѣ, по рекомендаціи генералъ-маіора Лассія», былъ произведенъ въ 1790 г. въ прапорщики, «хотя и грамотѣ не знаетъ»; генералъ-аудиторъ полагалъ написать Никифорова въ рядовые на три года, но государь 24-го января 1797 г. конфирмовалъ дѣло резолюціей: «написать въ рядовые въ гарнизонъ; деньги взыскать; суду дать примѣтить, какъ могъ безграмотнаго паки въ офицеры назначать; ген.-маіору Лассію дать выговоръ, какъ рекомендовалъ въ офицеры безграмотнаго и пьяницу».

Стремленіе государя все дѣлать самому, вникая во всѣ мелочи, нашло также отголосокъ въ его военно-конфирмаціонной дѣятельности: нерѣдко не только означался родъ наказанія, но даже отмѣчалось мѣсто, гдѣ долженъ былъ отбывать наказаніе осужденный. Такъ, по дѣлу о капитанѣ Ховенѣ, сужденномъ за оскорбленіе на словахъ своего начальника, 12-го іюля 1800 г. была положена высочайшая резолюція: «капитана Ховена, лиша дворянства и чиновъ, послать въ крѣпостную работу въ Дюнамюнде». Подобная же резолюція того же числа положена по дѣлу о капитанѣ Бекѣ, обнажившемъ шпагу на аудитора Голубева: «аудитора судить, а Бека, лиша дворянства и чиновъ, сослать въ Дюнамюнде, въ крѣпостную работу».

Михаилъ Соколовскій.

Изъ переписки по освобожденію крестьянъ Сѣверо-Западнаго края.

По крестьянскому вопросу Сѣверо-Западнаго края существуетъ обширная переписка, хранящаяся въ архивахъ правительственныхъ учрежденій губернскихъ городовъ этого края, въ Муравьевскомъ музеѣ, въ рукописномъ отдѣленіи Виленской публичной библіотеки, въ архивахъ сенатскомъ и министерства внутреннихъ дѣлъ. Эта цѣнная переписка ждетъ своихъ издателей, а мы пока рѣшаемся познакомить читателей «Русской Старины» только съ шестью любопытными оффиціальными бумагами, ярко характеризующими эпоху освобожденія крестьянъ на западной окраинѣ.

Первая изъ нихъ открываетъ край завѣсы, скрывавшей отъ взоровъ историковъ начало освобожденія крестьянъ Сѣверо-Западнаго края. Какъ извѣстно, въ 1857 г., когда, послѣ извѣстной рѣчи государя московскому дворянству, въ самомъ уже воздухѣ чувствовалась скорая отмѣна крѣпостнаго права, дворяне западныхъ губерній первые подали государю просьбу объ освобожденіи ихъ крестьянъ, что̀ имъ и было сочувственно принято. Основываясь на этомъ ходатайствѣ, нѣкоторые изъ польскихъ историковъ настойчиво проводятъ мысль, что въ Россіи «лучъ крестьянской свободы впервые загорѣлся на берегахъ Вислы и Нѣмана». Помѣщаемое нами ниже отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ гр. Ланскаго къ виленскому генералъ-губернатору В. И. Назимову ясно свидѣтельствуетъ, что упомянутое ходатайство исходило не изъ идеальныхъ побужденій даровать крестьянамъ свободу, а изъ скрытаго желанія польскихъ помѣщиковъ сохранить за собой землю, а вмѣстѣ съ нею свою экономическую и моральную власть надъ крестьянами. Вотъ почему они, когда въ концѣ 1860 г. выяснилось оконча-

тельно, что реформа предполагаетъ обязательное надѣленіе крестьянъ землею, стараются всѣми мѣрами затормозить дѣло освобожденія крестьянъ и даже противодѣйствуютъ ему.

Другія печатаемыя нами бумаги также подтверждаютъ скрытый политическій маневръ литовско-польскихъ помѣщиковъ, прикрывавшихся знаменемъ эмансипаціи. Послѣ объявленія манифеста они, занявъ должности мировыхъ посредниковъ, съумѣли оставить крестьянъ въ прежней отъ себя зависимости, а по мѣстамъ даже ухудшилось ихъ положеніе [1]). Собственно освободительный манифестъ получаетъ свою силу для сельскаго населенія Сѣверо-Западнаго края со времени вступленія въ управленіе имъ гр. М. Н. Муравьева. Его письма къ министру внутреннихъ дѣлъ, къ Н. А. Милютину, къ великороссійскимъ епископамъ со всею убѣдительностію говорятъ, что онъ былъ истинный другъ и ревнитель крестьянской свободы и сдѣлалъ для нея (во имя высшихъ политическихъ соображеній) много. Нѣкоторыя мѣры свои М. Н. и самъ признавалъ не совсѣмъ правильными, но онѣ были вызваны современными обстоятельствами: экстраординарныя событія требуютъ такихъ же и мѣръ.

Отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ Ланскаго къ виленскому генералъ-губернатору В. И. Назимову по поводу предстоящей крестьянской реформы.

Милостивый государь Владиміръ Ивановичъ.

Отъ 27-го минувшаго декабря № 379, ваше высокопревосходительство изволили сообщить мнѣ письмо виленскаго предводителя дворянства Домейко, который, осуждая въ общихъ выраженіяхъ, составленный редакціонными коммиссіями, проектъ Положенія для крестьянъ Литовскихъ губерній, ходатайствуетъ о пересмотрѣ вновь этого проекта. Передавая мнѣ сіе ходатайство для испрошенія высочайшаго повелѣнія о тщательномъ и всестороннемъ обсужденіи настоящаго дѣла, вы указываете, по отзыву предводителя Домейко, что ни одинъ членъ главнаго комитета и Государственнаго Совѣта не владѣетъ населенными имѣніями въ Литовскихъ губерніяхъ и что равнымъ образомъ въ С.-Петербургѣ нѣтъ ни одного изъ представителей мѣстнаго дворянства, который могъ бы представить личныя объясненія по крестьянскому дѣлу.

Въ отвѣтъ на это, считаю долгомъ сообщить вамъ, милостивый государь, со всею откровенностію, что я прочелъ съ крайнимъ удивле-

[1]) Подробности въ нашихъ статьяхъ: 1) освобожденіе крестьянъ Сѣверо-Западнаго края и 2) Устройство общественнаго быта крестьянъ Сѣверо-Западнаго края при М. Муравьевѣ и Виленскій календарь 1902 и 1903 гг.

ніемъ письмо г. Домейко, наполненное весьма рѣзкими и притомъ бездоказательными порицаніями; еще болѣе удивило меня выраженіе недовѣрія къ сужденіямъ главнаго комитета и Государственнаго Совѣта, потому только, что въ средѣ ихъ нѣтъ литовскихъ помѣщиковъ; наконецъ, не могу признать основательнымъ изъявленное нынѣ желаніе, чтобы депутаты отъ литовскаго дворянства, уже неоднократно спрашиваемые и высказавшіеся столько разъ и съ такою подробностію по крестьянскому дѣлу, были вновь призваны къ участію въ оном въ такое время, когда дѣло это вошло въ окончательный періодъ законодательнаго обсужденія. Не говоря о трудахъ губернскихъ комитетовъ и общей коммиссіи, въ коихъ главнѣйше участвовали представители мѣстнаго дворянства, достаточно указать на обширныя записки, проекты и отдѣльныя мнѣнія, которые представлены были вызванными сюда членами виленской общей коммиссіи и экспертами редакціонныхъ коммиссій и которые всѣ напечатаны и предъявлены членамъ главнаго комитета и Государственнаго Совѣта. Въ письмѣ г. Домейко, равно какъ и въ запискѣ его (сообщенной мнѣ графомъ В. Н. Паниным) нѣтъ никакихъ новыхъ данныхъ, ни соображеній, которыя не были бы выражены въ прежнихъ отзывахъ и мнѣніяхъ. Между тѣмъ, при внесеніи въ высшія учрежденія проектовъ редакціонныхъ коммиссій, представлены и всѣ поступившія противъ нихъ возраженія и новыя предположенія. Такимъ образомъ, при трехмѣсячныхъ, почти ежедневныхъ и продолжительныхъ совѣщаніяхъ, происходившихъ въ главномъ комитетѣ, всѣ разнородныя данныя и разногласныя мнѣнія по крестьянскому дѣлу уже имѣлись въ виду и дѣло это, согласно высочайшей волѣ государя императора, подвергнуто было самому тщательному и всестороннему обсужденію.

Изъ всего изложеннаго ваше высокопревосходительство, конечно, изволите удостовѣриться, что для разрѣшенія предстоящихъ нынѣ важныхъ вопросовъ нѣтъ недостатка въ мѣстныхъ данныхъ и указаніяхъ. Такого обилія въ матеріалахъ (изъ коихъ многіе отличаются несомнѣнными достоинствами и отчетливостію) едва-ли было когда-нибудь собрано у насъ при обсужденіи законодательнаго вопроса. Для высшаго правительства, въ настоящемъ случаѣ, есть другое затрудненіе; это устранить пагубное дѣйствіе крайнихъ и преувеличенныхъ мнѣній, выражающихся въ ту или другую сторону. По самому свойству дѣла, лицамъ, близко въ немъ заинтересованнымъ, хотя бы и вполнѣ добросовѣстнымъ, весьма трудно избѣжать крайностей и преувеличеній въ сужденіяхъ. Отсюда возникаетъ то раздраженіе, которое замѣчается въ нѣкоторыхъ отзывахъ и которое должно лишь усиливаться отъ всякой новой полемики и словесной, и письменной. Пока окончательное царское слово не положитъ конецъ всѣмъ возникшимъ разномысліямъ и

взаимнымъ пререканіямъ, обязанность каждаго изъ насъ, стоящихъ въ главѣ разныхъ отраслей управленія: устранять все то, что можетъ еще болѣе раздражать возбужденные споры. Съ этой точки зрѣнія, я полагаю, что теперь,—такъ сказать наканунѣ рѣшенія дѣла,—желательно всѣми мѣрами отклонять всякія попытки неумѣстнаго вмѣшательства въ рѣшенія законодательной власти. Въ продолженіе трехъ лѣтъ открыта была полная возможность каждому, и оффиціальному, и частному лицу, высказаться по вопросу, приковавшему къ себѣ общее вниманіе. Представители помѣстнаго дворянства воспользовались (какъ и слѣдовало) этимъ правомъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. За симъ дворянству остается нынѣ ожидать съ довѣріемъ безпристрастнаго рѣшенія высшихъ государственныхъ учрежденій, чему первый примѣръ долженъ быть поданъ самими мѣстными начальствами.

Не знаю, извѣстно-ли вашему высокопревосходительству, что вслѣдъ за отправленіемъ письма и записки г. Домейко, другой (ковенскій) губернскій предводитель Довгирдъ разослалъ письма и записки подобнаго же содержанія нѣкоторымъ членамъ Государственнаго Совѣта, вопреки положительному закону (Св. Зак. т. I, Учрежд. Госуд. Сов., ст. 96). Въ этихъ бумагахъ ковенскій предводитель ссылается постоянно на такіе печатные документы, которые даже не могли быть ему извѣстны, ибо напечатаны въ самомъ маломъ числѣ экземпляровъ, лишь для бывшихъ членовъ редакціонныхъ коммиссій и для высшихъ правительственныхъ лицъ. Подобныя ссылки, а также самое содержаніе замѣчаній г.г. Домейко и Довгирда показываютъ, что эти новые отзывы суть не что иное, какъ продолженіе той же полемики, которая возникла еще въ средѣ самыхъ редакціонныхъ коммиссій и которая въ настоящее время, не прибавляя никакихъ новыхъ данныхъ для соображеній высшаго правительства, усиливаетъ лишь то вредное раздраженіе, о которомъ я упомянулъ выше. Во всякомъ случаѣ, означенное дѣйствіе г. Довгирда нельзя признать ни законнымъ, ни умѣстнымъ, ибо если допустить по одной губерніи непосредственныя сношенія дворянскаго предводителя съ высшими правительственными лицами по дѣлу, получившему законодательный ходъ, то не было бы достаточнаго основанія не допускать того же и по всѣмъ другимъ губерніямъ, что̀ было бы очевиднымъ нарушеніемъ государственнаго порядка и коренныхъ законовъ.

Впрочемъ, я пишу это вашему высокопревосходительству собственно лишь для поясненія моего откровеннаго вамъ сообщенія; но считаю удобнѣйшимъ оставить, на этотъ разъ, безъ вниманія, переписку, возбужденную ковенскимъ губернскимъ предводителемъ, ибо хотя она и незаконна, но не имѣла особыхъ послѣдствій.

Я не коснулся самой сущности возраженій, представленныхъ обоими предводителями, потому, что окончательное по сему предмету разрѣшеніе еще не послѣдовало. Но, прочитавъ внимательно полученныя бу-

маги, не могу не замѣтить, что въ присланныхъ отзывахъ главное, и можно сказать самое ожесточенное нападеніе направлено противу сохраненія крестьянамъ постояннаго наслѣдственнаго пользованія инвентарными ихъ участками; тогда какъ, съ самаго начала предпринятой реформы, еще при первоначальныхъ сужденіяхъ, бывшихъ по сему предмету въ главномъ комитетѣ, правительство имѣло всегда въ виду оставить крестьянамъ постоянное пользованіе землею, какъ для обезпеченія ихъ быта, такъ и для отвращенія по возможности опасной подвижности и обезземеленія сельскаго населенія. Все это не безъ извѣстно вашему высокопревосходительству, ибо еще въ 1854 году, исполняя всемилостивѣйшія предначертанія государя императора, вы были однимъ изъ первыхъ дѣятелей въ крестьянскомъ дѣлѣ, вы склонили дворянъ Литовскихъ губерній приступить къ коренному улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ, вмѣсто безполезнаго исправленія инвентарей; послѣ того, вы участвовали въ составленіи перваго рескрипта и перваго циркуляра, въ которомъ выражено коренное начало сохраненія надѣла въ постоянномъ пользованіи крестьянъ; наконецъ, подъ руководствомъ вашимъ, Виленская общая коммиссія приняла и развила это самое начало, согласно съ видами правительства и съ особенностями Литовскихъ губерній, гдѣ поземельный вопросъ рѣшенъ уже въ этомъ смыслѣ прежнимъ инвентарнымъ порядкомъ и конечно не можетъ перерѣшиться къ ущербу крестьянъ, по поводу предпринятаго улучшенія ихъ быта. Между тѣмъ, нынѣшніе протесты г.г. предводителей Домейко и Довгирда, имѣютъ совершенно противуположное направленіе. Отвергая наслѣдственное постоянное пользованіе крестьянъ инвентарными ихъ участками, стараясь при томъ значительно сократить нынѣшній крестьянскій надѣлъ, утвержденный дѣйствующими инвентарями и древнимъ обычаемъ, и, наконецъ, устраняя отдѣльный выкупъ крестьянами усадебной ихъ осѣдлости, г.г. предводители, быть можетъ безсознательно, стремятся къ удержанію крестьянъ въ той вещественной зависимости отъ помѣстнаго дворянства, которая, во ввѣренномъ вамъ краѣ, могла бы сдѣлаться крайне опасною и въ политическомъ отношеніи. Посему мнѣ остается только покорнѣйше просить ваше высокопревосходительство при всякомъ удобномъ случаѣ отклонять подобныя неправильныя толкованія правительственныхъ видовъ, которыя неоднократно заявлялись по высочайшей волѣ и въ свое время были столь ревностно поддерживаемы вами.

Въ заключеніе мнѣ остается присовокупить, что, согласно желанію вашего высокопревосходительства, я представлялъ на высочайшее благоусмотрѣніе его императорскаго величества какъ письмо ваше ко мнѣ, такъ и настоящій мой отзывъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть

Ланской.

Письмо М. Н. Муравьева Н. А. Милютину.

25-го сентября 1863 г. № 2237.

Милостивый государь
Николай Алексѣевичъ.

До свѣдѣнія моего доходитъ, что ваше превосходительство особо занимаетесь теперь дѣломъ устройства крестьянъ въ царствѣ Польскомъ.

Предметъ этотъ чрезвычайно важенъ для будущаго утвержденія нашего владычества въ царствѣ Польскомъ, а особенно въ Западномъ краѣ. Сельское населеніе есть единственная наша тамъ опора; прочія сословія явно намъ враждебны, угнетаютъ крестьянъ и стараются возстановить ихъ противъ насъ. Я дѣлаю здѣсь все, что могу, чтобы дать сельскому населенію самостоятельный и независимый быть и отнять у помѣщиковъ возможность угнетать оное;—кажется, что начинаю достигать до желаемаго результата.

Крестьяне это чувствуютъ и почти повсемѣстно во ввѣренныхъ мнѣ шести губерніяхъ, безъ различія вѣроисповѣданія, содѣйствуютъ правительству къ подавленію мятежа и крамолы.

Въ царствѣ Польскомъ дѣло труднѣе, но я не считаю его невозможнымъ. Я послалъ уже во ввѣренную моему управленію Августовскую губернію особенную коммиссію для составленія предположенія объ исторженіи изъ рукъ помѣщиковъ и управленія гминныхъ войтовъ тамошняго сельскаго населенія, а также объ измѣненіи принятаго тамъ порядка очиншеванія.

Надѣюсь скоро получить подробныя по этому свѣдѣнія, чтобы приступить къ дѣлу, ибо медлить этимъ нельзя. Не знаю, удастся-ли мнѣ достигнуть въ Августовской губерніи желаемаго результата, по крайней мѣрѣ употребены къ тому возможныя усилія, знаю только, что и тамъ крестьяне къ намъ расположены, надобно только уничтожить наведенный тамъ страхъ отъ убійствъ и истязаній, производимыхъ надъ сельскимъ населеніемъ революціонною партіею.

Душевно желая, чтобы это важное дѣло устройства крестьянъ, какъ въ западныхъ губерніяхъ, такъ и въ царствѣ Польскомъ, вполнѣ бы обезпечило будущее владычество наше въ этомъ краѣ,—я съ радостью услышалъ, что предположенія по царству Польскому поручены вашему превосходительству, ибо вполнѣ увѣренъ, что если можно еще что сдѣлать въ этомъ отношеніи въ царствѣ Польскомъ, то конечно вы сего достигнете.

Мы должны идти въ семъ важномъ дѣлѣ рука объ руку; я съ совершенною искренностью предлагаю свое содѣйствіе.

Мы желаемъ одного,—пользы Россіи, и, безъ всякаго сомнѣнія, даже и могущее тогда произойти разномысліе не повредитъ дѣлу, но послужитъ къ выясненію онаго.

Я призналъ нужнымъ сообщить вамъ о всемъ вышесказанномъ и о полной готовности моей содѣйствовать вамъ по крайнему моему разумѣнію, оставаясь въ увѣренности, что ваше превосходительство съ такою же искренностью присоедините и свои силы для общаго нашего дѣйствія къ устройству сказаннаго дѣла.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности.

Подписалъ генералъ-отъ-инфантеріи Муравьевъ.

Отвѣтъ Н. А. Милютина М. Н. Муравьеву на его письмо отъ 25-го сентября 1863 г.

1-го октября 1863 г. С.-Петербургъ.

Милостивый государь
Михаилъ Николаевичъ.

Позвольте мнѣ отъ глубины души выразить вашему высокопревосходительству искреннѣйшую признательность за ваше благосклонное и радушное письмо. Скажу чистосердечно, что оно придало мнѣ бодрости въ предпринятомъ тяжеломъ трудѣ. Сознавая вполнѣ, какія послѣдствія для Россіи можетъ имѣть въ настоящее время и удачное рѣшеніе крестьянскаго вопроса въ Польшѣ, я, при недостаткѣ спеціальныхъ познаній о краѣ и вообще при отсутствіи необходимой подготовки, долго колебался принять дѣятельное участіе въ разработкѣ столь жизненнаго для насъ вопроса. Рѣшившись на это лишь изъ одной вѣрноподданнической покорности къ непремѣнной волѣ государя, я буду, съ истинною благодарностью, пользоваться указаніями вашей опытности и съ своей стороны готовъ всѣми силами содѣйствовать видамъ и предначертаніямъ, выраженнымъ въ вашемъ письмѣ ко мнѣ.

Застигнутый, такъ сказать, врасплохъ, я долженъ былъ прежде всего ознакомиться съ нынѣшнимъ положеніемъ польскаго крестьянскаго дѣла, чѣмъ и занялся первоначально по имѣющимся здѣсь матеріаламъ. Въ началѣ будущей недѣли предполагаю выѣхать отсюда, и если не встрѣтится неожиданныхъ препятствій, то въ середу утромъ (9-го октября) надѣюсь явиться въ Вильнѣ къ вашему высокопревосходительству, чтобы переговорить обо всѣхъ подробностяхъ дѣла и лично условиться на счетъ дальнѣйшаго его направленія.

Съ высочайшаго соизволенія, въ предстоящихъ мнѣ работахъ согласились участвовать извѣстные вамъ чиновники министерства государственныхъ имуществъ дѣйствительные статскіе совѣтники Протопоповъ

и Петерсонъ, а также бывшіе мои сотрудники Ю. Ѳ. Самаринъ и князь В. А. Черкасскій.

Принося еще разъ благодарность за нравственную поддержку, оказанную вашимъ высокопревосходительствомъ при самомъ приступѣ нашемъ къ дѣлу, пользуюсь случаемъ, чтобы удостовѣрить васъ въ чувствахъ отличнаго моего уваженія и совершенной преданности.

Николай Милютинъ.

Письмо М. Н. Муравьева къ епископу калужскому съ просьбой о присылкѣ въ С.-Западный край: воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній для занятія должностей волостныхъ писарей и сельскихъ учителей [1]).

18-го декабря 1863 г.

Съ подавленіемъ мятежа въ высочайше ввѣренномъ управленію моему краѣ, озабочиваясь упроченіемъ, на будущее время, спокойствія въ ономъ, я нахожу, что вѣрнѣйшимъ залогомъ онаго есть утвержденіе въ сѣверо-западныхъ нашихъ провинціяхъ русскаго начала, которое, заключаясь здѣсь до нынѣ въ одномъ только крестьянскомъ сословіи и будучи слабо малочисленно въ другихъ, болѣе образованныхъ сословіяхъ, уступало, по этой причинѣ, нравственный перевѣсъ враждебному намъ польскому элементу. Перевѣсъ этотъ болѣе всего злокачественно отразился на крестьянскомъ сословіи, бывшемъ до настоящаго времени подъ гнетомъ польскихъ помѣщиковъ, которые, поставляя отъ себя по волостямъ и селеніямъ управляющихъ, экономовъ и сельскихъ должностныхъ лицъ, направляли чрезъ нихъ нравственное развитіе крестьянъ сообразно съ своими религіозно-политическими цѣлями. Принявъ мѣры къ устраненію вреднаго вліянія на народъ польской партіи, старающейся возстановить противъ насъ крестьянъ, и озабочиваясь, чтобы, съ совершеннымъ прекращеніемъ обязательныхъ отношеній между здѣшними помѣщиками и крестьянами, поставить сихъ послѣднихъ внѣ всякой зависимости отъ бывшихъ ихъ владѣльцевъ и сообщить ихъ мѣстному сельскому управленію самобытный характеръ, основанный на родномъ ихъ русскомъ началѣ, я сдѣлалъ распоряженіе о производствѣ по волостямъ новыхъ выборовъ на должности по сельскому управленію, устранивъ отъ оныхъ всѣхъ тѣхъ, которые могли бы зловредно вліять на народъ, вопреки его собственнымъ и государственнымъ интересамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, признавая

[1]) Подобныя же письма (почти дословно) были посланы Филарету, митрополиту московскому, епископу тульскому, рязанскому, костромскому.

важнымъ въ сельскомъ быту званіе волостныхъ писарей, имѣющихъ, по своей грамотности, большое вліяніе на общественныя дѣла въ волостяхъ, я предписалъ во всѣхъ губерніяхъ ввѣреннаго мнѣ края—удалить сельскихъ писарей, неблагонадежныхъ по своему образу мыслей и направленію, и замѣнить ихъ болѣе благонадежными, а равно стараться замѣщать эти должности лицами русскаго происхожденія и православнаго исповѣданія. Для достиженія сей послѣдней цѣли встрѣчается въ этомъ краѣ значительное затрудненіе, потому что изъ крестьянскаго сословія, по причинѣ слабаго распространенія между народомъ русской грамотности, весьма мало находится такихъ, которые были бы въ состояніи исполнить должность сельскихъ писарей; въ другихъ же сословіяхъ русскій элементъ такъ малочисленъ, что не въ состояніи пополнить собою убылыя мѣста, за отрѣшеніемъ писарей польскаго происхожденія. Вслѣдствіе сего, обращаясь къ вашему преосвященству, я имѣю честь покорнѣйше просить вашего содѣйствія, не признаете-ли вы возможнымъ приказать распорядиться о приглашеніи къ занятію должностей волостныхъ писарей въ губерніяхъ Сѣверо-Западнаго края тѣхъ изъ воспитанниковъ духовныхъ училищъ Калужской епархіи, которые при свой благонадежности, хорошей нравственности и благонамѣренномъ направленіи, лишены возможности, по недостаточному состоянію или по другимъ причинамъ, продолжать высшій курсъ наукъ въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Лица эти, поступивъ на должности волостныхъ писарей въ здѣшнемъ краѣ могли бы, если окажутся способными, независимо отъ сей должности, занять мѣста сельскихъ учителей, въ которыхъ ощущается сильный недостатокъ, какъ въ здѣшнемъ краѣ, такъ и въ бѣлорусскихъ губерніяхъ. Принося, такимъ образомъ, двойную пользу обществу, среди котораго будутъ находиться, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, обезпечатъ и свой матеріальный бытъ, получая содержаніе, присвоенное обѣимъ должностямъ. Полагая, что въ виду необходимости утвержденія русскаго элемента въ здѣшнемъ сельскомъ населеніи на твердыхъ началахъ православія, искони господствующаго здѣсь, но подавленнаго неблагопріятными для края политическими обстоятельствами и насильственнымъ вторженіемъ католической пропаганды, ваше преосвященство не откажете въ содѣйствіи своемъ къ осуществленію приведенной мною выше мѣры, я имѣю честь покорнѣйше просить васъ почтить меня увѣдомленіемъ, на какое количество молодыхъ людей ввѣренной вамъ епархіи можно разсчитывать при распредѣленіи должностей волостныхъ писарей, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и учителей сельскихъ школъ, дабы, соображаясь съ полученными отъ васъ свѣдѣніями, я могъ приступить къ надлежащимъ по этому предмету распоряженіямъ.

Генералъ-отъ-инфантеріи Муравьевъ

Письмо гр. М. Н. Муравьева министру внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуеву объ устройствѣ быта крестьянъ Сѣверо-Запад. края.

Милостивый Государь

Петръ Александровичъ!

При вступленіи моемъ въ управленіе здѣшнимъ краемъ, я обратилъ особенное вниманіе на положеніе, въ которомъ находилось тогда мѣстное сельское населеніе. Вниманіе мое было обращено преимущественно на крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, въ быту коихъ, вслѣдствіе именнаго Высочайшаго указа 1-го марта должна была совершиться коренная реформа. Крестьянское сословіе съ самаго начала происходящаго здѣсь мятежа, несмотря на постоянныя и настойчивыя старанія бывшихъ мировыхъ посредниковъ, помѣщиковъ и ксендзовъ привлечь народъ къ участію въ безпорядкахъ, осталось за рѣдкими исключеніями, вѣрнымъ законному своему правительству.

Вѣрность свою государю здѣшній народъ доказалъ на самомъ дѣлѣ, не поддаваясь заманчивымъ для него обѣщаніямъ злонамѣренныхъ подстрекателей, многочисленными жертвами, павшими отъ злобы и звѣрства мятежниковъ, и, наконецъ, принятіемъ участія въ подавленіи мятежа, чрезъ скорое устройство сельскихъ карауловъ.

Событія, совершившіяся въ здѣшнемъ краѣ въ теченіе послѣдней половины нынѣшняго столѣтія, и настоящія обстоятельства убѣждаютъ меня, что единственною прочною связью этого края съ Россіей можетъ и должно быть одно только крестьянское сословіе, которое, несмотря на угрозы, жестокости и иногда разоренія отъ мятежниковъ, продолжаетъ оставаться вѣрнымъ своему долгу.

Крестьянское дѣло, со времени обнародованія Положенія 19-го февраля 1861 года, развивалось въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ совершенно при другихъ условіяхъ, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ имперіи. Можно почти съ достовѣрностію сказать, что благодѣтельный законъ, улучшившій бытъ крестьянъ въ другихъ мѣстностяхъ, оставался здѣсь мертвою буквою. Мировые посредники изъ здѣшнихъ дворянъ-помѣщиковъ, вскорѣ по вступленіи своемъ въ должности, старались всѣми зависящими отъ нихъ способами положить преграду къ развитію самостоятельной жизни крестьянъ съ явною ихъ худоскрываемою цѣлію, оставить ихъ надолго въ непосредственной зависимости отъ помѣщиковъ. Всѣ дѣйствія мировыхъ учрежденій носили на себѣ отпечатокъ или польской революціонной пропаганды, или угнетанія народа, съ тѣмъ, чтобы доказать ему, что дѣйствительное облегченіе своей участи они могли ожидать не отъ правительства, а только отъ бывшихъ своихъ помѣщиковъ.

Такое положеніе дѣлъ побудило меня, какъ извѣстно вашему превосходительству, закрыть прежнія мировыя учрежденія, замѣнивъ ихъ, по мѣрѣ имѣющихся въ распоряженіи моемъ средствъ, чиновниками отъ правительства изъ русскихъ уроженцевъ. Вступленіе новыхъ лицъ въ отправленіе своихъ обязанностей и открытіе дѣйствій провѣрочныхъ коммиссій немедленно обнаружили, до какой степени были злонамѣренны дѣйствія прежнихъ мировыхъ учрежденій.

Находя, что при обязательномъ выкупѣ крестьянами предоставленныхъ имъ въ собственность угодій необходимо приступить къ окончательному по возможности устройству сельскаго населенія и еще болѣе укрѣпить въ немъ чувство благодарности и преданности правительству, должно принять нѣкоторыя мѣры, настоятельная потребность коихъ вызывалась въ тѣхъ видахъ, что только въ одномъ сельскомъ населеніи Россія можетъ найти опору къ своему преобладанію въ этомъ краѣ и только при помощи его оно будетъ имѣть возможность противодѣйствовать польскимъ стремленіямъ дворянства и духовенства. Въ обыкновенное, не столько смутное время, мѣры эти не могли бы быть примѣняемы съ успѣхомъ, не возбудивъ неудовольствія, но при настоящихъ обстоятельствахъ онѣ возможны и положительно необходимы и непремѣнно послужатъ вѣрнѣйшимъ средствомъ къ совершенному умитворенію края и положатъ конечный предѣлъ преступнымъ намѣреніямъ помѣщиковъ-возмутителей, которые такъ долго и такъ безнаказанно обманывали народъ, умышленно скрывая отъ него права и льготы, дарованныя ему законодательствомъ 19-го февраля.

По полученнымъ мною донесеніямъ и изъ свѣдѣній, сообщенныхъ начальниками губерній и мировыми посредниками, большая часть уставныхъ грамотъ составлены неправильно, повинности крестьянъ исчислены не вѣрно, въ весьма многихъ имѣніяхъ крестьянамъ не отведено земель, слѣдующихъ имъ по мѣстному положенію, и почти повсемѣстно неудобныя земли и какъ неисключенныя изъ надѣла обложены повинностями наравнѣ съ удобною. Въ такомъ, ясно противозаконномъ примѣненіи Положенія слѣдуетъ искать начала и тѣхъ многочисленныхъ безпорядковъ, которые возники въ здѣшнихъ губерніяхъ при введеніи въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ.

Обстоятельство это побудило меня предоставить провѣрочнымъ коммисіямъ право исправлять всѣ замѣченныя ими неточности и отводить крестьянамъ слѣдующія имъ по мѣстному положенію земли. Въ инфляндскихъ уѣздахъ Витебской губерніи, гдѣ нѣкоторые еще изъ дворянъ-помѣщиковъ состоятъ на службѣ мировыми посредниками, я призналъ необходимымъ сдѣлать распоряженіе о немедленномъ удаленіи отъ должностей тѣхъ изъ нихъ, въ участкахъ которыхъ провѣрочными коммисіями будутъ обнаружены подобныя злоупотребленія.

Допустить оставленіе уставныхъ грамотъ безъ измѣненія я не считалъ возможнымъ, такъ какъ на этихъ существенно важныхъ для каждаго имѣнія данныхъ должно было опираться составленіе выкупныхъ актовъ и, слѣдов., будущее поземельное устройство крестьянъ. Сверхъ того распоряженіемъ моимъ объ ихъ исправленіи и окончательномъ отводѣ земель, слѣдующихъ крестьянамъ по мѣстному положенію, помѣщики лишатся на будущее время возможности подъ видомъ благодѣяній переманивать народъ на свою сторону, возвращая ему тѣ же угодья, коими онъ долженъ нынѣ же воспользоваться по праву. Крестьяне же, какъ неудовлетворенные въ своихъ ожиданіяхъ, имѣли бы справедливый поводъ къ ропоту и неудовольствію. Другая мѣра, заключающаяся въ предоставленіи губернскимъ и уѣзднымъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіямъ права принимать и разбирать жалобы крестьянъ на отобраніе у нихъ помѣщиками земельныхъ участковъ, въ промежутокъ времени отъ составленія инвентарей до введенія въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ, вызвана тѣмъ важнымъ обстоятельствомъ, что безземельные крестьяне, какъ ничѣмъ не обезпеченные, по легковѣрію своему уступая обѣщаніямъ и угрозамъ мятежниковъ, приняли въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ участіе въ безпорядкахъ.

Подтвержденіемъ сего служатъ какъ донесенія мѣстныхъ начальниковъ, такъ и неоднократно заявленныя мнѣ волостными старшинами свѣдѣнія, что только безземельный крестьянинъ какъ ничего не лишающійся и надѣявшійся на полученіе дароваго надѣла земли, могъ поддаться ложнымъ и заманчивымъ для него обѣщаніямъ крамольниковъ и ксендзовъ.

И такъ послѣдовавшія отъ меня распоряженія, вызванные крайнею необходимостью, имѣли цѣлью какъ устройство быта сельскаго населенія, такъ и отнятіе на будущее время у революціи всѣхъ средствъ пользоваться стѣсненнымъ положеніемъ крестьянъ. Ограждая, на сколько представляетъ въ настоящее время возможность, сельское населеніе отъ того гнета и униженія, въ которомъ оно такъ долго находилось, я полагаю прочное основаніе владычеству Россіи въ здѣшнемъ краѣ и будущему преуспѣянію народа въ нравственномъ и экономическомъ его развитіи.

Настоящее положеніе края оправдываетъ вполнѣ мои распоряженія и даетъ возможность приводить ихъ въ исполненіе. Спустя два или три мѣсяца, т. е. при бо́льшемъ успокоеніи края, они будутъ уже несвоевременны и невозможны.

Я убѣжденъ также, что временное неудовольствіе нѣкоторыхъ помѣщиковъ уступитъ впослѣдствіи, при болѣе хладнокровномъ обсужденіи дѣла и его результатовъ, чувству справедливости, такъ какъ только при подобномъ образѣ дѣйствій можетъ быть въ будущемъ обезпечена

собственность и личность каждаго благонадежнаго владѣльца, не принимавшаго участіе въ крамолѣ и потрясеніяхъ, произведенныхъ при содѣйствіи здѣшняго польскаго дворянства, которое, повинуясь приказаніямъ мятежныхъ властей, не колебалось возбудить всѣхъ вообще крестьянъ къ возстанію обѣщаніями даровaго надѣла.

Надѣленіе землею крестьянъ, лишившихся своихъ устастковъ по произволу владѣльцевъ, и устройство остальныхъ на болѣе широкихъ и справедливыхъ основаніяхъ будетъ залогомъ къ спокойствію и умиротворенію Сѣверо-Западнаго края, и народъ, пережившій въ послѣднее время такъ много тяжкихъ испытаній, сдѣлается твердымъ оплотомъ противъ той части дворянства и римско-католическаго духовенства, которая, покоряясь нынѣ силѣ предпринятыхъ для уничтоженія революціи мѣръ, не перестаетъ однакожъ въ тайнѣ оставаться враждебною нашему правительству.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности

№ 1649. Муравьевъ.

23 августа 1863 года.

Записка гр. Муравьева господину министру внутреннихъ дѣлъ относительно устройства быта безземельныхъ крестьянъ (батраковъ и кутниковъ Сѣверо-Западнаго края. Отъ 21-го апрѣля 1865 г. за № 292).

Вниманіе мое постоянно было обращено на необходимость принять мѣры къ устройству быта безземельныхъ крестьянъ, какъ въ виду бѣдственнаго ихъ положенія, такъ равно и въ виду политическихъ событій въ краѣ за послѣднее время.

Безземельные крестьяне, составляя въ Сѣверо-Западномъ краѣ, и въ особенности въ Ковенской губерніи, многочисленный классъ батраковъ и кутниковъ, представляютъ собой подвижной элементъ, всегда готовый поддаться лживымъ и заманчивымъ обѣщаніямъ проводниковъ революціи; классъ этихъ людей, ничѣмъ не обезпеченный и не связанный, не можетъ воплощать идеи консерватизма, а напротивъ того являлся всегда поборникомъ и участникомъ всѣхъ безпорядковъ, и въ настоящее время безземельные первые вербовались въ мятежническія шайки, тогда какъ осѣдлые крестьяне остались вѣрными своему долгу и являлись опорою правительства.

Достаточно однихъ послѣднихъ событій, чтобы убѣдиться въ необходимости отстранить этотъ мѣстный элементъ, въ которомъ враждебная намъ революціонная партія могла бы на будущее время найти

опору для возобновленія неоднократно повторявшагося въ здѣшнемъ краѣ мятежа.

При устройствѣ быта крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости на основаніи высочайшаго указа 1-го марта 1863 года, я обратилъ особенное вниманіе на тѣхъ крестьянъ, которые лишились своихъ участковъ по произволу помѣщиковъ и остались ничѣмъ не обезпеченные. Сдѣланнымъ мною распоряженіемъ я старался обезпечить возможно большее число крестьянъ землею и, предоставляя имъ прочную осѣдлость, положить предѣлъ бродяжничеству, нищенству и тунеядству. Такимъ образомъ, всѣ семейства крестьянъ, записанныхъ по инвентарю пользующимися землею, получаютъ таковую на правѣ выкупа, но оставшееся затѣмъ количество безземельныхъ крестьянъ также требуетъ о себѣ попеченія правительства, тѣмъ болѣе, что на нихъ лежатъ наравнѣ съ крестьянами, надѣленными землею, всѣ казенныя и частныя денежныя и рекрутскія повинности, тогда какъ рядомъ съ этимъ, крестьянамъ, надѣленнымъ 3-хъ десятинными участками, предоставлена 6-ти лѣтняя въ семъ случаѣ льгота.

Изъ получаемыхъ свѣдѣній отъ повѣрочныхъ коммиссій видно, что распоряженіе о возвращеніи земель обняло только небольшое число безземельныхъ крестьянъ. Значительное же число ихъ осталось необезпеченнымъ, а именно всѣ тѣ крестьяне, которые были обезземелены до 1846 года, затѣмъ всѣ тѣ крестьяне, кои не были записаны по инвентарю въ числѣ домохозяевъ съ ихъ нисходящимъ потомствомъ, наконецъ, такъ называемые примаки и сдольники.

Вслѣдствіе исторіи образованія этого класса людей, они неминуемо сохранили сознаніе права на землю; обнародованіе манифеста 19-го февраля подкрѣпило въ нихъ это сознаніе, наконецъ, нѣкоторыя статьи мѣстнаго положенія, допуская въ извѣстныхъ случаяхъ батраковъ къ пользованію землею, породили въ нихъ надежду на полученіе надѣла. число подаваемыхъ прошеній это доказываетъ. Ожиданіе это обусловливало до сихъ поръ тотъ фактъ, что они оставались по большей части при прежнихъ хозяевахъ, считаясь при тѣхъ семействахъ не только по ревизіи, но и по уставнымъ грамотамъ.

Наконецъ, крестьянское дѣло, первоначально направляемое дѣятелями мѣстныхъ мировыхъ учрежденій, развилось исключительно въ своекорыстныхъ сословныхъ интересахъ землевладѣльцевъ. Такимъ образомъ, вслѣдствіе ложнаго толкованія закона, стремящагося поселить въ народѣ понятіе, что только одни домохозяева имѣютъ право на землю, явился тотъ грустный фактъ, что стремленіе къ обезземеленію развилось между крестьянами-домохозяевами почти что на основаніи права сильнаго, по которому въ одномъ случаѣ отецъ выгоняетъ изъ дома сына, а въ другомъ сынъ отказываетъ отцу въ пользованіи зем-

лею. Явленіе это особенно часто встрѣчается въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ плодородіе почвы обусловливаетъ выгоду пріобрѣтенія земли. Ковенскій губернаторъ при объѣздѣ Шавельскаго и Вилькомірскаго уѣздовъ повсемѣстно слышалъ жалобы крестьянъ на лишеніе ихъ земли и принужденіе заключать контракты на работу по три дня въ недѣлю за огородъ въ одну десятину и за пользованіе пастбищемъ. Такимъ образомъ, въ настоящее время при допущеніи развиваться такому ненормальному понятію права на владѣніе землею окажется, что собственно надѣленныхъ землею крестьянъ едва-ли будетъ и четвертая часть всего населенія крестьянъ-собственниковъ.

Находя, что понятіе о правѣ на землю всѣхъ членовъ семейства, согласно 81 ст. мѣстн. полож., не лишено основанія, я сдѣлалъ распоряженіе о пресѣченіи ложнаго пониманія объ исключительномъ правѣ на землю одного домохозяина и признаю необходимымъ вмѣстѣ съ тѣмъ воспользоваться переходнымъ состояніемъ крестьянъ, чтобы устроить по возможности бытъ безземельныхъ, ограничивъ пользованіе ихъ хотя бы усадебною осѣдлостію и небольшимъ пространствомъ земли, чтобы избавить ихъ отъ новой крѣпостной зависимости крестьянъ-домохозяевъ. Средство къ тому заключается въ Положеніяхъ 19-го февраля 1861 года, при обнародованіи которыхъ законъ, отдавая въ постоянное пользованіе крестьянъ за повинность всю ту землю, которой они пользовались, постановилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что общее количество крестьянской земли можетъ быть уменьшено въ извѣстномъ случаѣ на $^1/_6$ часть, обязательно тогда отрѣзаемую отъ нихъ въ пользу помѣщика, слѣдовательно, гарантировалъ имъ собственно пользованіе только $^5/_6$ всего надѣла. Таковой отрѣзки произведено не было, а потому нисколько не подрывая силу закона, не уменьшая общаго количества крестьянскаго надѣла и не нарушая правъ собственности помѣщиковъ, я полагалъ бы возможнымъ обязать общества въ настоящее время тѣхъ имѣній, гдѣ это представится необходимымъ, отдѣлить до $^1/_6$ части количества земли, предоставленнаго всему сельскому обществу въ пользу безземельныхъ членовъ онаго, которые по грамотамъ считаются пользующимися въ участкахъ домохозяевъ, распредѣливъ таковую между ними участками въ размѣрѣ не свыше 3-хъ десятинъ на семейство на общемъ основаніи выкупа, съ слѣдующими при томъ условіями: 1) если часть всего количества надѣла, предоставленнаго всему сельскому обществу, будетъ превышать требуемое количество земли для надѣленія безземельныхъ крестьянъ данной деревни 3-хъ десятинными участками, въ такомъ случаѣ слѣдуетъ отрѣзать только до требуемаго размѣра. 2) Если же одной шестой части крестьянскаго надѣла будетъ недостаточно для надѣленія всѣхъ безземельныхъ данной деревни трехъ-

десятинными участками, то земля дѣлится между ними поровну участками и въ меньшихъ размѣрахъ.

Мѣра эта, при живучести въ народѣ понятія о правѣ каждаго члена общества на землю, не можетъ представлять затрудненія въ ея исполненіи по необходимости произвести внутреннее разверстаніе участковъ для управленія между крестьянскими семействами. Разсчеты же выкупныхъ платежей еще менѣе представляютъ затрудненія, такъ какъ и нынѣ платежи вносятся по цѣлому сельскому обществу. Вмѣстѣ съ тѣмъ она не можетъ не отозваться благодѣтельно, какъ для всѣхъ землевладѣльцевъ, такъ и для правительства. Первымъ она обезпечитъ навсегда потребное количество рукъ для дешовой обработки земли, потому что крестьяне эти, получая почти что одну осѣдлость, неминуемо должны будутъ искать себѣ заработковъ (для прокормленія семейства и для уплаты лежащихъ на нихъ повинностей), всегда предпочтутъ дешевую домашнюю работу болѣе дорогой, но гдѣ-нибудь на сторонѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мѣра эта прекратитъ возможность въ будущемъ эксплоатировать трудъ крестьянъ и подъ старость оставлять ихъ безъ крова и насущнаго хлѣба. Съ государства же снимется тяжкое бремя опеки надъ этими пролетаріями.

Сообщая вашему превосходительству настоящія мои соображенія объ устройствѣ безземельныхъ крестьянъ Сѣверо-Западнаго края, имѣю честь покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, представить ихъ на усмотрѣніе главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія и о послѣдующемъ меня увѣдомить. Подлинное подписалъ генералъ-отъ-инфантеріи М. Муравьевъ. Скрѣпилъ управляющій коммиссіею по крестьянскимъ дѣламъ Левшинъ.

Сообщилъ **А. Миловидовъ.**

ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ

и

Россія шестнадцатаго вѣка [1]).

IV.

Коснувшись, довольно кратко, вопроса о состояніи искусства въ Московскомъ государствѣ, въ описываемую эпоху, и о тѣхъ вліяніяхъ, какія имѣли на него иноземные мастера, начиная съ грековъ, первыхъ строителей московскихъ храмовъ, и кончая италіанцами, которые, несмотря на ненависть русскихъ ко всему западному, приглашались въ Москву уже въ XV и XVI в. для сооруженія церквей и царскихъ палатъ, Валишевскій задаетъ вопросъ, существовало-ли вообще въ Россіи искусство, какъ проявленіе самостоятельнаго народнаго творчества?

Не отказывая русскому народу въ нѣкоторомъ художественномъ дарованіи, онъ является рѣшительнымъ сторонникомъ того взгляда, который отрицаетъ всякую самобытность русскихъ поэтическихъ и художественныхъ произведеній.

«Если присмотрѣться внимательнѣе,—говоритъ онъ,—то отличительную черту русской поэзіи и русской орнаментаціи, которыя многіе считаютъ самобытными, составляетъ именно отсутствіе всякой оригинальности; въ нихъ видна только подражательность и величайшая скудость, чтобы не сказать полное отсутствіе мотивовъ, заимствованныхъ у окружающей жизни и природы».

---

[1]) См. „Русскую Старину“, іюль 1904 г.

Издѣліямъ русскихъ кустарей, въ которыхъ большинство русскихъ и даже иностранныхъ писателей видятъ проявленіе самостоятельной творческой фантазіи народа, онъ также не придаетъ художественнаго значенія.

«Возьмемъ, напр., платокъ, вышитый какой-нибудь крестьянкой Тверской губерніи,—говоритъ онъ,—его изящный рисунокъ оказывается при ближайшемъ разсмотрѣніи заимствованнымъ изъ Персіи; также точно какъ какая-нибудь изящно выточенная чашка напоминаетъ формою индѣйскую чашу».

«Русскіе, лишенные изобрѣтательности и художественнаго чувства, не только не вносили въ свои произведенія чего-либо своего, національнаго, но ограничивались только тѣмъ, что подражали, прилаживали и обезображивали (ils n'ont fait que copier, ajuster et défigurer), искажая художественные образцы, и при полномъ отсутствіи вдохновенія, давали одни плохія копіи съ оригинала».

«Природа и историческія условія не давали въ Россіи возможности развиться искусству, такъ какъ художникамъ (занимавшимся въ то время исключительно иконописью) указывалось на Византію, съ ея застывшими и обветшавшими идеалами, какъ на единственный источникъ вдохновенія; въ нѣдрахъ православной церкви, которая подавляла всякій видъ умственной дѣятельности, искусство также испытало на себѣ вліяніе аскетизма».

«А между тѣмъ, какъ это ни странно, въ той же духовной или скорѣе даже въ монашеской средѣ зародились въ XV и XVI вѣкѣ идеи и стремленія, коимъ суждено было внести обновленіе въ духовный міръ государства, которое начало дряхлѣть, не успѣвъ еще достигнуть полнаго расцвѣта своихъ духовныхъ силъ.

«Какъ обособленно ни жила Россія, какъ она ни была мало доступна внѣшнимъ вліяніямъ, все же она не могла остаться совершенно чуждой тому реформаторскому движенію, которое охватило въ ту пору Европу. Въ Новгородской губерніи, этой колыбели и послѣднемъ убѣжищѣ русской вольности, уже въ исходѣ XIV в. зародилось умственное движеніе, распространившееся съ теченіемъ времени далеко за предѣлы Новгородскаго края.

«Начало его можетъ быть отнесено къ 1376 году, когда въ вольномъ городѣ Новгородѣ были казнены, или по просту сброшены въ Волховъ съ моста, три еретика, основавшіе секту стригольниковъ, которая отвергала священство, такъ какъ оно поставлялось «на мздѣ» (продажѣ духовныхъ званій и мѣстъ), и самыя таинства.

«Господствующая церковь быстро подавила распространеніе этой ереси, но не могла искоренить ее окончательно; стригольники заставили говорить о себѣ еще во второй половинѣ XV в., когда ихъ ученіе

почерпнуло новую силу въ появившихся въ то время сочиненіяхъ духовнаго содержанія, также византійскаго происхожденія, но написанныхъ въ болѣе независимомъ духѣ; въ нихъ указывалось на нѣкоторыя прискорбныя стороны религіозной жизни, осуждался чрезмѣрный аскетизмъ, который могъ низвести вѣру и благочестіе на матеріальную степень, въ ущербъ духовной сторонѣ религіи, и бичевалась испорченность монастырскихъ нравовъ. Одновременно проникли въ Россію ученія нѣкоторыхъ византійскихъ еретиковъ, павликіанъ и богомиловъ, заимствовавшихъ свои идеи у гностиковъ и манихеевъ.

«На этой почвѣ развилось вскорѣ множество еретическихъ ученій, которыя по внѣшнимъ признакамъ, заимствованнымъ еретиками у евреевъ, отвергавшихъ Талмудъ и искавшихъ убѣжища въ Новгородѣ (около 1471), стали извѣстны подъ общимъ названіемъ «жидовствующихъ».

Нѣкоторые изъ этихъ сектантовъ соблюдали даже еврейскую пасху, приняли еврейскій календарь и совершали обрѣзаніе. Всѣ эти секты стремились къ раціонализму, отрицали св. Троицу, загробную жизнь и всѣ внѣшніе обряды православной церкви.

«Появленіе этихъ ересей оказало большую услугу православной церкви,—говоритъ Валишевскій.

«Во-первыхъ, оно заставило духовенство заняться толкованіемъ священнаго писанія, для того чтобы имѣть возможность вести споры съ противниками, а во-вторыхъ, заставило его оглянуться на себя и приступить къ преобразованію своего внутренняго быта».

Всѣ современники свидѣтельствуютъ о страшномъ упадкѣ нравовъ чернаго и бѣлаго духовенства въ XVI вѣкѣ. Пьянство, невоздержанность въ ѣдѣ и разные другіе пороки, несовмѣстные съ иноческой жизнью, составляли обычное явленіе въ монастыряхъ.

Не лучше было и нравственное состояніе бѣлаго духовенства. На соборѣ 1551 г. говорилось о священникахъ, которые совершали богослуженіе не болѣе 5—6 разъ въ годъ, являлись въ церковь въ нетрезвомъ видѣ, ссорились тамъ и читали молитвы, безъ должнаго благочестія. При такомъ отношеніи духовенства, церковь перестала быть молитвеннымъ домомъ, а сдѣлалась мѣстомъ сборища, клубомъ, торжищемъ. Мужчины входили въ церковь, даже во время богослуженія, не снимая шапки, говорили громко, смѣялись, ссорились, устраивали свои дѣла и прерывали церковное пѣніе непотребными словами.

Поэтому неудивительно, что въ средѣ самихъ монастырей, въ наиболѣе просвѣщенныхъ умахъ, возникла мысль о необходимости поднять нравственный уровень духовенства. Но относительно того, какимъ путемъ, какими средствами, можно было достигнуть того, существовали различные взгляды.

*

Такъ, напр., «Иванъ Санинъ, въ монашествѣ Іосифъ Волоцкій, основавшій въ 1479 г. Волоколамскій монастырь, внукъ литовскаго перебѣжчика, полагалъ, что этого нравственнаго подъема можно было достигнуть, вернувшись къ строгому соблюденію старыхъ правилъ. По своему образованію, онъ принадлежалъ къ типу старинныхъ русскихъ книжниковъ, которые отличались полнымъ отсутствіемъ критическаго ума и преклоненіемъ передъ стариною, передъ тѣмъ, «что было прежде». Но подобные взгляды не могли удовлетворить всѣхъ.

«Изъ глубины скитовъ, которые появились въ XIV в. на сѣверѣ и быстро умножались, пронеслась въ Россіи струя новыхъ болѣе идеальныхъ вѣяній.

«Представителемъ этихъ новыхъ взглядовъ былъ Нилъ Сорскій. Происходя изъ стариннаго боярскаго рода Майковыхъ, онъ родился въ 1433 г., прожилъ нѣсколько лѣтъ на Аѳонѣ, а затѣмъ основалъ въ окрестностяхъ Бѣлаго озера, по близости отъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, скитъ, на рѣчкѣ Соркѣ, по имени котораго онъ и сталъ называться. Нилъ много путешествовалъ, много и съ большимъ толкомъ читалъ и, подъ вліяніемъ пріобрѣтенныхъ имъ такимъ путемъ знаній, изъ книжника и начетчика выработался настоящій богословъ, дошедшій до сознанія, что «не все то свято, что написано въ книгахъ», и осмѣлившійся отвергать непреложность письменныхъ свидѣтельствъ въ томъ смыслѣ, какъ это понимало большинство современниковъ, т. е. независимо отъ источника, изъ котораго заимствовано свидѣтельство, и отъ степени довѣрія, какое заслуживаетъ лицо, высказавшее его. Онъ старался найти въ священномъ писаніи нѣчто болѣе важное, чѣмъ тексты, онъ искалъ въ немъ внутренняго смысла, вдохновенія свыше. Такимъ образомъ, онъ не только высказывалъ совершенно новые взгляды на церковь и на религіозную жизнь, но создалъ новый идеалъ иноческой жизни, состоявшій не въ одномъ буквальномъ исполненіи внѣшнихъ обрядовъ, но главнымъ образомъ, въ нравственномъ усовершенствованіи».

Сообразно съ этимъ, онъ проповѣдывалъ уединенное пустынно-жительство, которое существовало и ранѣе, но подъ его вліяніемъ получило болѣе широкое развитіе.

Вокругъ Нила Сорскаго собралось вскорѣ нѣсколько сотъ послѣдователей, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ «Заволжскихъ или Бѣлозерскихъ старцевъ», коихъ жизнь и правила играли видную роль въ религіозномъ движеніи, происходившемъ въ Россіи въ XVI вѣкѣ.

«Уходя въ скитъ, они не были стѣснены никакими правилами, подчиняясь только нравственному вліянію своего учителя, могли свободно избирать матеріальныя условія и средства къ жизни; единственнымъ, обязательнымъ для нихъ условіемъ была бѣдность, отсутствіе корысти

и «безсловесныхъ (неразумныхъ) попеченій». Этотъ идеалъ жизни былъ совершенной противуположностью тому, что проповѣдывалъ Іосифъ Волоцкій и его послѣдователи «іосифляне», и между обоими ученіями возгорѣлся споръ, который продолжался во все царствованіе Іоанна Грознаго и даже послѣ его смерти».

На соборѣ 1503 г., созванномъ для рѣшенія церковныхъ вопросовъ, Нилъ возсталъ противъ монастырскаго землевладѣнія и богатства, которыя защищалъ Іосифъ Волоцкій; споръ между нестяжателями и любостяжателями окончился побѣдою Іосифа, и Нилъ долженъ былъ удалиться въ свою пустынь.

«Но вопросы, поднятые этими двумя представителями совершенно противуположныхъ міровоззрѣній, продолжали обсуждаться въ литературѣ, и идеи Сорскаго отшельника нашли энергичнаго защитника въ лицѣ Вассіана Косого.

«Въ мірѣ князь Василій Ивановичъ Патрикеевъ-Косой, потомокъ Гедимина и близкій родственникъ царствующаго дома, Вассіанъ Косой остался свѣтскимъ человѣкомъ и въ монашеской рясѣ. Видный государственный дѣятель и дипломатъ, онъ впалъ въ немилость при дворѣ и постригся въ 1499 г., по повелѣнію свыше, но онъ не порвалъ своихъ связей съ міромъ и своихъ дружескихъ отношеній съ людьми свободомыслящими, склонными къ принятію новыхъ еретическихъ ученій, а во время своего вынужденнаго пребыванія на Бѣломъ озерѣ онъ близко сошелся съ Ниломъ Сорскимъ.

Вызванный въ Москву на соборъ 1503 г., онъ рѣшительно принялъ сторону «нестяжателей» и защищалъ ихъ съ искусствомъ и энергіей, коихъ не хватало его противнику Іосифу Волоцкому. Присущій ему писательскій талантъ доставилъ ему видное мѣсто въ ряду немногочисленныхъ публицистовъ древней Руси, хотя онъ ограничивался распространеніемъ чужихъ мыслей.

«Послѣ кончины Нила Сорскаго (1508 г.), Вассіанъ нашелъ сотоварища въ своей борьбѣ съ Волоцкимъ, въ лицѣ Максима Грека, который, трудясь надъ переводомъ и исправленіемъ книгъ, указалъ на многіе источники нравственной испорченности тогдашняго общества.

«Іосифъ Волоцкій сошелъ въ могилу вскорѣ послѣ Сорскаго (1515), но его послѣдователи, іосифляне, продолжали отстаивать его идеи, и на соборѣ 1525 г. Максимъ Грекъ былъ, въ свою очередь, осужденъ, чему способствовали ошибки, вкравшіяся въ его переводные труды, вслѣдствіе недостаточности его научной подготовки и несовершеннаго знанія русскаго языка.

«Онъ встрѣтился въ Волоцкомъ монастырѣ съ Вассіаномъ Патрикеевымъ, который, въ свою очередь, былъ сосланъ въ 1531 г. и провелъ остатокъ своихъ дней въ монастырскомъ заточеніи.

«Лобызаемъ ваши узы, но не можемъ ничего сдѣлать для васъ,—писалъ ему митрополитъ Макарій, еще болѣе тонкій дипломатъ, нежели Вассіанъ, умѣвшій ловко лавировать между двумя враждебными лагерями».

Однако, съ ссылкою этихъ людей, борьба, затѣянная ими, не окончилась.

Въ числѣ лицъ, осужденныхъ и сосланныхъ въ томъ же 1531 г. былъ игуменъ Троицко-Сергіева монастыря Артемій, который возставалъ противъ признаваемаго «іосифлянами» права казнить еретиковъ, въ чемъ онъ сходился съ заволжскими старцами.

«Мы не имѣемъ права судить этихъ несчастныхъ, мы должны только молиться за нихъ»,—писалъ одинъ изъ этихъ схимниковъ.

Такимъ образомъ, стремленіе къ реформамъ, къ обновленію неудовлетворительнаго строя религіозной жизни обнаружилось въ XVI в. въ разныхъ концахъ Россіи; «Заволжскіе старцы» и «іосифляне» стремились разными путями къ переустройству церкви, а сектанты въ родѣ игумена Артемія преслѣдовали одновременно цѣли чисто революціоннаго и разрушительнаго характера. Въ спорахъ, которые они вели, всегда проглядывалъ политическій элементъ.

«Волоцкій былъ ярымъ консерваторомъ не только въ своемъ стараніи поддержать обрядовое благочестіе, но и въ своихъ понятіяхъ о необходимости упрочить извѣстныя отношенія между церковью и государствомъ, которое по его мнѣнію должно было поддерживать церковь, за что́ послѣдняя, въ свою очередь, должна была проявить по отношенію къ нему полную покорность. Въ этой организаціи монастыри, матеріальное положеніе которыхъ обезпечивалось землевладѣніемъ, получали характеръ государственныхъ учрежденій, являвшихся какъ бы центромъ и разсадникомъ духовной аристократіи; это ученіе, восторжествовавшее надъ болѣе идеалистическимъ ученіемъ Нила Сорскаго, безъ сомнѣнія, не мало способствовало утвержденію самодержавной власти московскихъ князей.

«Заволжскіе старцы» смотрѣли на дѣло иначе. Нилъ Сорскій лично не интересовался этими вопросами. Они были ему чужды, но какъ бы совершенно не существовали для него, съ его чисто христіанской точки зрѣнія. Нравственные принципы, возведенные имъ на недосягаемую высоту, могли мириться съ любой формой политической жизни.

«Но у Вассіана Патрикеева были на этотъ счетъ иные взгляды. Онъ не могъ забыть своего происхожденія, своихъ родныхъ, и подчиненіе неограниченной и безконтрольной политической власти возмущало его боярскую душу. Такимъ образомъ онъ поддерживалъ своимъ личнымъ авторитетомъ и вліяніемъ, которое пріобрѣли его послѣдователи, оппозицію, съ которой московскому самодержавію пришлось вести борьбу

до тѣхъ поръ, пока Іоанну Грозному не удалось сломить ее своей желѣзной дланью».

«Въ борьбѣ, которую самодержавіе вело съ боярской партіей, принимали участіе всѣ вышеуказанные элементы». Побѣда господствующей церкви и самодержавной власти втоптала въ землю и потопила въ потокахъ крови благотворныя сѣмена, о существованіи коихъ въ ту мрачную эпоху русской исторіи свидѣтельствуетъ печальная участь, постигшая нѣкоторыхъ, впрочемъ, мало кому извѣстныхъ героевъ-борцовъ. Эти сѣмена глубоко залегли въ землю, они едва пускаютъ ростки и не скоро еще принесутъ жатву. Но, какъ извѣстно, сѣмена, пролежавъ тысячелѣтія въ египетскихъ пирамидахъ, не утратили своей жизненной силы, и поэтому утѣшительно думать, что подъ вѣковою пылью таятся тѣ благотворные атомы, которые могутъ проявить свою жизненность, когда настанетъ для этого благопріятное время».

Чтобы выяснить нагляднѣе ту обстановку, среди которой разыгралась борьба, на которую намекаетъ авторъ въ вышеприведенныхъ строкахъ и описанію которой посвящена, главнымъ образомъ, его книга, онъ даетъ вслѣдъ затѣмъ картину семейныхъ и общественныхъ нравовъ московской Руси XVI вѣка.

V.

«Татары, покорившіе Россію въ XIII вѣкѣ, не мѣшали русскому народу развиваться,—говоритъ Валишевскій,—напротивъ, они даже навязали ему отчасти свою собственную цивилизацію. Если судить по внѣшнимъ признакамъ, то ихъ вліяніе на русскій народъ было даже очень велико. Взглянувъ на русскаго человѣка XVI вѣка, мы увидимъ, что онъ былъ одѣтъ съ головы до ногъ по восточному образцу.

«Башмакъ, армякъ, зипунъ, кафтанъ, башлыкъ, колпакъ, клобукъ, темлякъ—все это татарскія слова, вошедшія въ употребленіе въ Россіи, точно такъ же, какъ излюбленное русскими слово дуракъ, или кнутъ, казна, караулъ, ямщикъ, кабакъ и т. д.

«Но все это касалось одной внѣшности. Гораздо важнѣе то обстоятельство, что покоренные, повидимому, довольно скоро смѣшались съ монголами; но въ какой степени монгольская кровь примѣшалась къ русской, рѣшить трудно. Въ русскихъ источникахъ на это не встрѣчается никакихъ указаній; наблюденія же иностранныхъ путешественниковъ противорѣчивы.

«Природные уроженцы Московскаго княжества»,—пишетъ Vigenère (Description du royaume de la Pologne et des pays adjacents, 1573), по большей части невелики ростомъ, но сильны и коренасты; лицо у нихъ бѣлое, глаза зеленоватые, борода длинная, ноги короткія, животъ большой».

Если не считать этого послѣдняго признака, на счетъ котораго согласно большинство очевидцевъ, то портретъ московита далеко не сходится съ описаніемъ другихъ лицъ. Peer Person или Petreus (Voyage. Въ Rerum Rossicarum scriptores exteri, 1851, I т.) встрѣчалъ, по его словамъ, въ Россіи, напротивъ того, только мужчинъ ростомъ въ 6 футъ и женщинъ, которыя привлекали его своими черными глазами, стройнымъ станомъ и маленькими руками съ тонкими длинными пальцами; Дженкинсонъ упоминаетъ также о чудныхъ черныхъ глазахъ русскихъ женщинъ. Что касается цвѣта лица, то это вопросъ еще болѣе спорный. Пирсонъ утверждаетъ, что цвѣтъ лица у нихъ бѣлый отъ природы, но испорченъ притираніями, которыми злоупотребляли красавицы-москвитянки, между тѣмъ какъ Флетчеръ объясняетъ чрезмѣрное употребленіе притираній именно ихъ дурнымъ отъ природы цвѣтомъ лица.

Эти противорѣчивые разсказы объясняются отчасти тѣмъ, что разглядѣть женщинъ высшаго класса, сидѣвшихъ въ теремахъ, и мужчинъ, надѣвавшихъ на себя по нѣсколько одѣяній,—было дѣломъ не легкимъ.

«Ширина одежды соотвѣтствовала у русскихъ дородности стана. Праздность высшаго класса и отсутствіе движенія были причиною того, что мужчины были дородны и имѣли большіе животы и женщины также рано начинали полнѣть.

«Полнота, неразлучная съ идеаломъ жизни въ праздности и довольствѣ, считалась въ Россіи, въ свою очередь, красотою; она цѣнится и до сихъ поръ среди петербургскихъ кучеровъ и московскихъ кумушекъ»,—не безъ иронія прибавляетъ Валишевскій.

«Любовь къ нарядамъ и заботы о личной красотѣ — вотъ въ чемъ выразилось стремленіе некультурнаго еще народа, къ удовлетворенію эстетическихъ потребностей и высшихъ проявленій цивилизованной жизни; но подъ своимъ роскошнымъ одѣяніемъ они оставались попрежнему грубы матеріально и нравственно.

«Что касается нравственнаго облика московита, то въ этомъ отношеніи современники говорятъ болѣе единогласно и далеко не въ пользу русскихъ. Да иначе и не могло быть, ибо, какъ подтверждаетъ исторія всѣхъ народовъ, высокое развитіе нравственныхъ качествъ при низкомъ уровнѣ культуры—вещь невозможная.

«Впрочемъ, не слѣдуетъ забывать,—говоритъ авторъ,—что, при сужденіи о той эпохѣ, приходится пользоваться преимущественно

свидѣтельствомъ иностранцевъ, которые могли быть пристрастны и недоброжелательны къ русскимъ.

«Гордость, плутовство, недовѣрчивость и недобросовѣстность—вотъ тѣ черты характера, которыя подмѣчены всѣми. Московиты простодушно считали себя выше всѣхъ прочихъ людей. Они никогда не скупились на обѣщанія, которыя они не думали держать. У нихъ никто не довѣрялъ другъ другу. Отецъ не довѣрялъ сыну, сынъ матери. Никто не одолжалъ ни полушки безъ залога. Такъ говорятъ нѣмцы Бухау (Buchau) и Ульфельдъ, шведъ Пирсонъ и литовецъ Михалонъ. То же подтверждаютъ англичане Флетчеръ и Дженкинсонъ.

«По истинѣ можно сказать, что русскіе, за весьма малыми и рѣдкими исключеніями, отъ мала до велика не вѣрили тому, что имъ говорятъ и сами не заслуживали ни малѣйшаго довѣрія, такъ говорятъ о нихъ всѣ иностранцы.

«Флетчеръ и Дженкинсонъ были представителями народа, который пользовался въ Московіи привилегированнымъ положеніемъ, поэтому ихъ слова заслуживаютъ всего болѣе довѣрія. Между тѣмъ,—говоритъ Валишевскій,—они отзываются о русскихъ еще хуже другихъ и обвиняютъ ихъ, кромѣ всего, въ жестокости, чему Флетчеръ находитъ, впрочемъ, оправданіе, говоря: «когда судьи и высшіе классы относятся къ народу сурово, то онъ становится жестокъ къ близкимъ и въ особенности къ стоящимъ ниже его».

«Эта черта характера, встрѣчающаяся у всѣхъ народовъ, стоящихъ на низкой степени культуры, усугублялась въ Московіи суровымъ климатомъ, который отнюдь не располагалъ людей къ мягкосердечію. Поэтому русскіе историки напрасно старались видѣть и въ этомъ вину татаръ, которые будто бы испортили нравы и были плохими воспитателями побѣжденнаго народа, который они пріучили къ коварству и насилію.

«Кіевская Русь уже за двѣсти лѣтъ до нашествія татаръ была объята пламенемъ междоусобныхъ войнъ, которыя сами по себѣ способствовали порчѣ нравовъ. Война—по существу вещь жестокая, которая руководствуется своими собственными законами, не совмѣстными съ высокими понятіями о чести и съ гражданскими и евангельскими законами; она признаетъ коварство—заслугою, а насиліе добродѣтелью. Нельзя винить татаръ въ томъ, что въ этой странѣ, испоконъ вѣка раздираемой междоусобіями, вмѣсто рыцарства, процвѣтавшаго въ Европѣ, развились грабежи и разбои, которые были опоэтизированы народными сказаніями, воспѣты народными пѣвцами и олицетворены въ образѣ народныхъ героевъ.

«Подъ поверхностнымъ, наноснымъ слоемъ монгольскаго вліянія, на нравы московской Руси имѣлъ вліяніе преимущественно ближайшій

востокъ, Византія, но въ XVI вѣкѣ противъ этого вліянія началась весьма замѣтная реакція. Физическая и нравственная природа русскаго человѣка, изнывавшая подъ тяжелой и строгой ферулой аскетизма, дѣлая усилія, чтобы освободиться отъ этихъ путъ, предавалась, по инерціи, самымъ грубымъ инстинктамъ, самому чудовищному разврату, доходившему до забвенія женщиною всякой стыдливости, въ тѣхъ случаяхъ, когда ей удавалось вырваться изъ стѣнъ терема, въ которомъ протекала ея жизнь».

Это бросалось, разумѣется, въ глаза, при изученіи семейной и общественной жизни Московскаго государства, и вызывало строгое осужденіе.

«Условія жизни, созданныя для женщины московскимъ законодательствомъ и укладомъ жизни, не были продуктомъ воззрѣній славянской расы, которая отводила, напротивъ того, женщинѣ высокое мѣсто. Славянскіе законы, въ противоположность законамъ римскимъ, германскимъ и скандинавскимъ, не допускали понятія о женщинѣ какъ о существѣ низшемъ, которое должно находиться всю жизнь подъ опекою родственниковъ мужскаго пола или даже быть приравниваемой къ вещи, которой можно располагать по своему усмотрѣнію. По законамъ Ярослава гловчизна (цѣна за голову) или пеня за убійство женщины была даже выше, нежели за убійство мужчины, и оба пола пользовались одинаковою юридическою правоспособностью вплоть до изданія судебника Іоанна IV.

«Теремъ, въ которомъ обречена была жить русская женщина, также точно не былъ ни славянскаго, ни азіатскаго происхожденія. Это былъ греко-римскій гинекей, преобразованный на Византійскій ладъ.

«Но теремъ существовалъ во всей полнотѣ только для женщинъ высшаго класса. Въ народѣ женщина была работницей, и ей разрѣшалось работать въ полѣ, мыть бѣлье и совершать разныя другія работы внѣ дома. Даже въ среднемъ классѣ женщина не вела вполнѣ замкнутой жизни. По большимъ праздникамъ мелкопомѣстныя дворянки, купчихи и крестьянки толпились около качелей, которыя устраивались для ихъ забавы, или танцовали на лужайкѣ».

Кому неизвѣстно, какъ заключались въ древней Руси браки, съ неизбѣжными при этомъ смотринами, сговоромъ и всевозможными свадебными обрядами, послѣ чего начиналась для русской женщины замкнутая, домашняя жизнь съ человѣкомъ, котораго она до тѣхъ поръ, большею частью, совсѣмъ не знала.

«Молиться, ѣсть и спать—вотъ въ чемъ заключалась вся жизнь богатой боярыни, которая, чтобы не умереть со скуки, принималась иногда вышивать какой-нибудь предметъ церковнаго облаченія.

«Но при тогдашнемъ способѣ заключенія брачныхъ узъ, скука была

не самою страшною гостью у домашняго очага. Какую бездну горя порождали браки между людьми, которые до вѣнца даже не видали другъ друга, и какихъ печальныхъ послѣдствій можно было ожидать отъ этого, видно уже потому, что закономъ было предусмотрѣно особое наказаніе для женщины, отравившей своего мужа. И какое это было страшное наказаніе!

«Виновную погребали заживо, оставляя надъ землею только одну голову, чтобы она мучилась какъ можно долѣе. Нѣкоторыя избѣгали этой страшной участи, постригаясь въ монахини, но въ такомъ случаѣ онѣ должны были жить въ отдѣльной кельѣ и носить кандалы.

«И все-таки, не смотря на всю строгость теремной жизни, женщины, не встрѣтившія счастья въ бракѣ, нерѣдко находили утѣшеніе въ преступной любви. Если вѣрить разсказамъ путешественниковъ, то нарушенію супружеской вѣрности не препятствовало даже то отвращеніе, которое въ Россіи питали къ «нехристямъ», какъ называли въ то время всѣхъ иностранцевъ. Одна глава Домостроя, воспрещающая доступъ въ терема разнымъ подозрительнымъ кумушкамъ, какъ бы указываетъ на то, что при ихъ содѣйствіи происходили нерѣдко отступленія отъ слишкомъ строгаго закона. Этихъ кумушекъ, исполнявшихъ роль сводней, можно было встрѣтить постоянно въ разныхъ общественныхъ мѣстахъ; въ прачешныхъ, на рынкѣ, у водокачалки; ихъ принимали въ то же время въ самыхъ почтенныхъ домахъ, гдѣ онѣ зачастую оказывали услуги и женамъ и мужьямъ.

«Что касается простаго народа, то испорченность нравовъ доходила у него до чудовищныхъ размѣровъ. Отсутствіе всякой скромности и стыдливости у простыхъ женщинъ засвидѣтельствовано всѣми современниками.

«Материнство приносило женщинѣ также мало отрады и хотя уваженіе къ родителямъ считалось залогомъ долгой и счастливой жизни, но почтеніе къ нимъ со стороны дѣтей основывалось повидимому единственно на одномъ страхѣ.

«Эти печальныя семейныя отношенія, которыя не можетъ пройти молчаніемъ ни одинъ изслѣдователь той эпохи, тяготѣли, подобно проклятію надъ всѣмъ прошлымъ русскаго народа, и не давали ему возможности пріобщиться къ цивилизованной жизни прочихъ европейскихъ народовъ.

«Подъ семейной кровлей, подъ которой нерѣдко скрывался настоящій адъ, одна смерть была окружена какимъ-то ореоломъ. Умереть среди семьи въ полномъ обладаніи своихъ умственныхъ способностей считалось благословеніемъ Божіимъ, и всемогущество вѣры было такъ велико, что этотъ моментъ никого не страшилъ. Къ нему готовились задолго, писали завѣщаніе и старались угодить въ эту торжественную

минуту Богу добрыми дѣлами: раздачею милостыни, отпущеніемъ на волю крѣпостныхъ, прощеніемъ долговъ. Это называлось «строить душу». Нерѣдко бывало, что бояре и въ особенности цари принимали, на смертномъ одрѣ, монашескій постригъ. Если человѣкъ, принявшій схимну, выздоравливалъ, то онъ былъ обязанъ удалиться въ монастырь.

«Но и на порогѣ вѣчности, къ христіанскимъ обрядамъ примѣшивались грубые языческіе обычаи, въ родѣ причитаній, и тризны или поминокъ съ неизбѣжной кутьей.

«Разумѣется,—говоритъ Валишевскій,—не взирая на всѣ вышеприведенные отзывы современниковъ, нельзя сказать, чтобы добродѣтель совершенно отсутствовала въ семейной жизни».

Конечно были отрадныя исключенія, но они не могутъ измѣнить общей, весьма безотрадной картины тогдашнихъ нравовъ.

«Любопытною чертою ихъ является чувство солидарности и глубокой преданности къ хозяину, которыя были сильно развиты въ многочисленномъ классѣ служащихъ и прихлебателей, коими окружалъ себя, въ то время, всякій бояринъ; эти слуги, крѣпостные или вольные люди, составляли дворню, среди которой бояринъ розыгрывалъ роль властелина.

«Обыкновенно плохо накормленная, такъ какъ ключникъ не упускалъ случая поживиться изъ денегъ, отпускаемыхъ на ихъ содержаніе, плохо одѣтая, такъ какъ даже въ великокняжескомъ дворцѣ парадныя ливреи и богатые кафтаны употреблялись лишь въ торжественные дни, дворня зачастую питалась подаяніемъ, или водилась съ разными нищими и бродягами, либо грабила по ночамъ проѣзжихъ.

«Вознаграждаемые и наказуемые хозяиномъ какъ попало, по его доброй волѣ, они имѣли самое смутное представленіе о справедливости, но всегда были готовы пожертвовать за хозяина жизнью. Челядь всегда принимала участіе въ распряхъ, возникавшихъ между боярами, считая это какъ бы вопросомъ личной чести, что̀ напоминало отчасти отношенія, существовавшія между служилыми людьми и монархомъ.

«Обкрадываемый своими слугами, которые подъ часъ готовы были предать его, также точно какъ онъ самъ злоупотреблялъ ихъ личностью, ихъ самыми близкими и дорогими интересами, бояринъ также точно не стѣснялся относительно своего властителя, котораго онъ обманывалъ и грабилъ, когда и сколько могъ, но это не мѣшало ему, въ свою очередь, выказать ему при случаѣ величайшую преданность.

«Іоаннъ Грозный всю жизнь боролся съ вѣроломствомъ своихъ ближайшихъ слугъ, однако всегда находилъ между ними, для выполненія своихъ замысловъ, людей, которые, обладая той особенной нравственностью, которой чуждо понятіе о добрѣ и злѣ, были вмѣстѣ съ тѣмъ такъ глубоко преданы ему, что онъ могъ на нихъ вполнѣ поло-

житься. Въ этой безграничной преданности выразился всецѣло руководившій ими принципъ «служебнаго долга».

«Этотъ принципъ, положенный въ основу всего соціальнаго и политическаго строя государства, поработилъ всѣ умственныя силы крѣпкаго и выносливаго народа, но въ немъ-то и кроется тайна его побѣдъ и его славы. На этомъ стимулѣ, который руководилъ всѣми дѣйствіями русскихъ, созидалось величіе Россіи».

Очертивъ семейный бытъ московитовъ, Валишевскій посвящаетъ затѣмъ нѣсколько страницъ вопросу о томъ, какъ складывались общественныя отношенія въ Московскомъ княжествѣ.

«Бояринъ никогда не выѣзжалъ изъ дому иначе, какъ верхомъ или въ экипажѣ. Его лошадь была покрыта такимъ же богатымъ чепракомъ, какъ богатъ былъ нарядъ ея хозяина.

«Подъѣхавъ къ дому, который онъ желалъ удостоить своимъ посѣщеніемъ, боярину предстояло рѣшить, прежде всего, вопросъ, гдѣ ему слѣдовало сойти съ лошади или выйти изъ экипажа. Если тотъ, къ кому онъ пріѣзжалъ, былъ выше его по положенію, то обычай требовалъ оставить лошадь или повозку у въѣзда во дворъ.

«Только немногіе изъ знатнѣйшихъ бояръ имѣли право въѣзжать во дворъ Кремля, но проѣхать его запрещалось подъ страхомъ наказанія кнутомъ.

«Если бояринъ посѣщалъ равнаго себѣ, то онъ подъѣзжалъ къ самому крыльцу, гдѣ его встрѣчалъ хозяинъ дома или кто-либо изъ слугъ, мотря по обстоятельствамъ и по правиламъ строгаго этикета.

«Войдя въ комнату, гость кланялся прежде всего образамъ, дотрогиваясь пола пальцами правой руки. Затѣмъ онъ здоровался съ хозяиномъ, соблюдая общепринятыя правила вѣжливости, въ которыхъ все было предусмотрѣно, до самыхъ мельчайшихъ подробностей. Даже разговоръ начинался всегда съ стереотипныхъ словъ «бью челомъ». Послѣ всевозможныхъ церемоній и привѣтствій подавалось угощеніе. Прощаясь, гость кланялся снова иконамъ.

«При встрѣчахъ въ общественныхъ мѣстахъ соблюдались меньшія церемоніи, но онѣ случались рѣдко. Бани знатными боярами не посѣщались. Хотя люди всѣхъ классовъ имѣли привычку совершать омовеніе тѣла, ежедневно, или по крайней мѣрѣ нѣсколько разъ въ недѣлю, но у самаго скромнаго боярина была своя баня. Чувствуя недомоганіе, московитъ выпивалъ рюмку перцовки, съѣдалъ ломоть лука и отправлялся въ баню. Это было лѣкарство отъ всѣхъ болѣзней. Весьма немногіе знатные бояре имѣли довѣріе къ докторамъ, коихъ въ то время было очень мало и которые были всѣ иноземцы. Первый врачъ, пріѣхавшій въ Россію вмѣстѣ съ женою Іоанна III, Софіей Палеологъ, былъ приговоренъ къ смерти за случай неудачнаго излѣченія.

Разумѣется, этотъ примѣръ не могъ поощрить другихъ къ поѣздкѣ въ Россію. Тѣмъ не менѣе, въ царствованіе Іоанна Грознаго, въ Россіи появились кромѣ нѣмца Бомеліуса, четыре англичанина: Стандишъ, Эльмсъ, Робертсъ и аптекарь Френшгамъ. Но всѣ они соединенными усиліями не заставили бы русскаго человѣка проглотить пилюлю или поставить промывательное.

«Кромѣ бань русскіе встрѣчались на пиршествахъ, происходившихъ по случаю большихъ церковныхъ или семейныхъ праздниковъ, свадебъ, крестинъ, похоронъ. При дворѣ бывали пиршества по случаю коронованія, посвященія въ санъ новаго митрополита или пріема иноземныхъ пословъ и т. п. На этихъ собраніяхъ играло, какъ извѣстно, большую роль мѣстничество, изъ-за котораго нерѣдко возникали не только споры, но и кровавыя распри.

«На двухъ гостей подавалось одно блюдо, съ котораго они ѣли, беря кушанье руками и кладя кости на тарелки, которыя для этого только и подавались и не смѣнялись во все продолженіе пира. Хозяинъ раздавалъ всѣмъ хлѣбъ и соль и посылалъ самымъ почетнымъ гостямъ нѣсколько кусковъ кушанья по своему выбору. Число перемѣнъ было безконечно, чтò, при непривычныхъ для иностранцевъ приправахъ нѣкоторыхъ блюдъ и распространявшемся отъ нихъ запахѣ лука, чеснока и протухшей рыбы, а также при обильныхъ и обязательныхъ возліяніяхъ и непристойныхъ разговорахъ, которыя вело большинство присутствующихъ, превращало продолжительныя трапезы, для нихъ, въ пытку. Нерѣдко случалось, что женщинъ, которыя угощались отдѣльно, отвозили по домамъ въ безчувственномъ состояніи и когда хозяйка дома посылала, на другой день, справиться объ ихъ здоровьи, то, чтобы показать, что угощеніе было на славу, считалось вполнѣ благопристойнымъ отвѣтить: «я была вчера такъ навеселѣ, что не помню, какъ вернулась домой».

«У людей богомольныхъ съ этими пирушками сочетались, самымъ удивительнымъ образомъ, религіозные обряды. Духовенство, приглашаемое на нихъ, занимало за столомъ почетное мѣсто, благословляло яства и питіе, читало молитвы, кадиловъ ко мнатахъ. Пиршество начиналось пѣніемъ молитвъ. Въ передней угощали нищихъ; нѣкоторыхъ сажали даже за столъ вмѣстѣ съ гостями.

«Но въ иныхъ домахъ пиръ переходилъ въ оргію. Двери терема растворялись, женщины принимали участіе въ пирушкѣ, музыканты и фокусники развеселяли общество, раздавались непристойныя пѣсни.

«Что касается вопроса о невоздержанности къ крѣпкимъ напиткамъ, то въ этомъ отношеніи свидѣтельства современниковъ такъ же разнорѣчивы, какъ и во всемъ остальномъ».

Англичанинъ Дженкинсонъ говоритъ о крайней невоздержанности

русскихъ въ царствованіе Іоанна IV, между тѣмъ какъ записка, составленная въ Любекѣ въ 1567 г., по случаю отправленія нѣмецкаго посольства ко двору того же Іоанна IV, содержитъ совершенно противоположныя свѣдѣнія. Въ ней настоятельно совѣтуется посламъ быть какъ можно воздержаннѣе, такъ какъ пьянство считается въ Москвѣ величайшимъ порокомъ. Между тѣмъ авторомъ этой записки былъ купецъ, жившій довольно долго въ Москвѣ (Forsten. La question de la Baltique, I. 475). Литовецъ Михалонъ, котораго отнюдь нельзя заподозрить въ пристрастіи, говоритъ то же самое; впрочемъ, онъ утверждаетъ также, что въ Москвѣ не было кабаковъ, что̀ завѣдомо ложно. По свидѣтельству Тетальди (Tetaldi, d'apres Chmourlo, Спб. 1891), въ послѣдніе годы царствованія Іоанна Грознаго продажа спиртныхъ напитковъ была разрѣшена только въ одномъ предмѣстьи Москвы, Наливкахъ, о чемъ упоминаютъ также Герберштейнъ, Гваньино и Олеарій. Это предмѣстье, вошедшее впослѣдствіи въ черту города, обозначено нынѣ церковью Преображенья, которая называется и до нынѣ на Наливкахъ. Продажа спиртныхъ напитковъ дѣйствительно производилась одно время только въ этомъ предмѣстьи старинной Москвы; а между тѣмъ прочіе города и села пользовались въ этомъ отношеніи полною свободою, благодаря кабакамъ, которые разрѣшалось открывать во множествѣ для доставленія дохода казнѣ».

«Церковь тщетно боролась противъ этого повальнаго пьянства. Постановленія собора 1551 г. рисуютъ картину нравовъ низшаго класса, которая свидѣтельствуетъ о крайней распущенности. Во время гульбищъ, происходившихъ на Ивана Купала и на Ярило, пьянство способствовало всяческому разврату. Мужчины, женщины и подростки обоего пола проводили ночь въ какомъ-нибудь укромномъ мѣстѣ, предаваясь всевозможнымъ излишествамъ и, какъ гласятъ протоколы собора, «на разсвѣтѣ, они, какъ сумасшедшіе, бѣжали къ рѣкѣ, съ громкими криками; тутъ они купались всѣ вмѣстѣ, и когда начинался благовѣстъ къ заутренѣ, они возвращались по домамъ и падали отъ изнеможенія, словно мертвые».

Но приговоръ церкви могъ быть слишкомъ суровъ; церковь, какъ извѣстно, была слишкомъ требовательна. Она налагала запретъ на всякія удовольствія и развлеченія и, между прочимъ, на скомороховъ.

«По словамъ народной легенды, сложившейся подъ вліяніемъ церкви, самъ чортъ принималъ образъ этихъ бродячихъ музыкантовъ и фокусниковъ, чтобы погубить міръ. Но и помимо участія чорта скоморохи были людьми довольно опасными; нерѣдко воры и разбойники, они бродили зачастую толпою человѣкъ въ тридцать или пятьдесятъ и наводили ужасъ на страну. Въ своемъ родѣ артисты, они первые ввели въ Россіи тотъ родъ развлеченія и забавы, который составляетъ нынѣ

потребность всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. Они разыгрывали комедіи, и ихъ, отчасти забавныя, отчасти грубыя представленія были прообразомъ народнаго театра.

«У нихъ были, соперники, противъ коихъ церковь также метала громы и молніи: это были вожаки медвѣдей.

«Медвѣдь игралъ въ московской жизни большую роль. Онъ не только изображалъ всевозможныя штуки, но являлся главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ цѣломъ рядѣ излюбленныхъ народомъ пьесъ, гдѣ Мишка изображалъ то судью, произносящаго смѣшные и нелѣпые приговоры, и берущаго взятки, то обманутаго мужа. Иногда между нимъ и собаками или иными животными происходили кровавыя состязанія; иногда въ единоборство съ медвѣдемъ вступали люди. Это было одно изъ любимѣйшихъ зрѣлищъ того времени.

«Борцами избирались обыкновенно царскіе псари, но иногда выходили на арену и бояре. Такъ, напр., въ 1628 г. князю Гундорову былъ пожалованъ кусокъ голубой камки за убитаго въ единоборствѣ медвѣдя, а въ 1632 г. борьба съ медвѣдемъ боярскаго сына Ѳедора Ситина окончилась для него трагически, онъ былъ растерзанъ разъяреннымъ звѣремъ.

«Дѣла чести рѣшались въ то время кулакомъ или палкою, а не шпагою; этого достаточно, чтобы показать, какъ дико и первобытно было русское общество, какъ оно было далеко отъ тѣхъ утонченныхъ формъ общественной жизни, которыя выработались уже въ то время въ Европѣ, и какъ ничто не напоминало въ Московскомъ государствѣ французскіе и италіанскіе дворцы, гдѣ поэтизировалась любовь, гдѣ въ то время игры и танцы уже смѣнялись бесѣдою, гдѣ любили гостей, умѣвшихъ разсказать со вкусомъ анекдотъ или сказать острое словцо; гдѣ уже понимали все изящное и восхищались имъ, хотя еще не умѣли пользоваться комфортомъ.

«Въ противоположность тѣмъ образцамъ художественной красоты и изящества, какія выработались на западѣ, въ эпоху возрожденія наукъ и искусствъ, въ Москвѣ, подъ вліяніемъ мѣстныхъ нравовъ, выработался своеобразный типъ юродивыхъ или блаженныхъ, которые пользовались любовью народа и снисходительностью духовенства.

«Они обманывали легковѣрный народъ внѣшнимъ благочестіемъ и яко бы присущей имъ чудодѣйственной силою, ходили голые въ самый сильный морозъ, съ распущенными, всклокоченными волосами, дѣлали видъ, что могутъ обходиться безъ ѣды и одежды, а между тѣмъ, заходя въ лавки, брали тамъ, не платя, все, что имъ было нужно. Быть обобраннымъ ими предвѣщало благополучіе и считалось вѣрнымъ признакомъ благословенія Божія. Ихъ считали святыми. Они пользовались привилегіей говорить правду государямъ. Церковь не только терпѣла

ихъ, но даже сопричисляла ихъ къ лику святыхъ. При совершенномъ съ большой торжественностью погребеніи извѣстнаго Василія Блаженнаго, въ честь котораго сооруженъ въ Москвѣ храмъ, самъ Іоаннъ IV несъ на своихъ плечахъ гробъ этого святаго человѣка».

«Сказаннаго вполнѣ достаточно,—говоритъ Валишевскій, заканчивая на этомъ набросанную имъ картину древней Москвы,—чтобы составить себѣ понятіе, какая пропасть отдѣляла Московское государство отъ остальной Европы въ тотъ моментъ, когда оно готовилось войти въ соприкосновеніе съ сосѣдними цивилизованными державами, и для того чтобы уяснить себѣ, при какихъ условіяхъ совершался этотъ важный шагъ въ исторіи Россіи».

VI [1]).

25-го августа (4-го сентября) 1530 г., въ день рожденія Іоанна IV, по всей странѣ слышны были раскаты грома, которые сопровождались страшной молніей, а когда младенецъ зашевелился, впервые, во чревѣ матери, то московское войско, сражавшееся тогда подъ Казанью, почувствовало внезапно приливъ необычайнаго мужества и отваги. Такъ говорятъ, повѣствуя объ этомъ событіи, народныя преданія.

Несравненно реальнѣе всѣхъ этихъ чудесныхъ явленій, коими народная фантазія украсила появленіе на свѣтъ Іоанна Грознаго, были треволненія, пережитыя въ ту пору Европою, гдѣ появились тогда Виклефъ, Гусъ, Лютеръ и Кальвинъ и гдѣ, подъ вліяніемъ ихъ проповѣди, между христіанами начались братоубійственныя войны, а на городскихъ площадяхъ начали воздвигать костры, и католики, протестанты, духовныя лица, солдаты, коронованныя особы и простолюдины съ яростью и ожесточеніемъ старались превратить великій призывъ къ свободѣ, раздавшійся въ Вартбургѣ [2]), въ военный кликъ, въ орудіе убійства и угнетенія.

Церковь, потрясенная въ своихъ основахъ, вооружилась, отъ папы до нищенствующаго монаха, на защиту своихъ правъ, между тѣмъ какъ въ

---

[1]) Начинающаяся съ этой главы вторая часть труда Валишевскаго, посвященная собственно царствованію Іоанна Грознаго, въ виду ея особеннаго интереса, передается здѣсь въ возможно полномъ и точномъ переводѣ.

[2]) Вартбургъ, замокъ въ вел. герцогствѣ Саксенъ-Веймарскомъ, служилъ мѣстопребываніемъ Лютеру.

самомъ Римѣ, который былъ взятъ приступомъ германскими войсками, Священная имперія оспаривала у Франціи владычество надъ міромъ, въ то время какъ на сѣверѣ, опираясь на реформацію, новая династія завладѣла престоломъ Швеціи и Норвегіи.

Это умственное движеніе, происходившее въ Европѣ, не могло коснуться Московіи, которая жила совершенно обособленно, да она имъ и не интересовалась. Но время все-таки дѣлало свое дѣло, и западная Европа, которую Россія не хотѣла знать и къ которой она относилась съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ, начинала мало-по-малу интересоваться своей таинственной сосѣдкой.

Еще въ пятнадцатомъ вѣкѣ, когда въ Европѣ только-что началось помянутое броженіе, грозившее нарушить ея спокойствіе и поколебать ея единство, на ея горизонтѣ появилась новая опасность: то былъ исламъ, ополчившійся на христіанскій міръ и, подобно эху, отозвавшійся бряцаніемъ оружія на бурю, которая клокотала въ нѣдрахъ европейскихъ державъ и грозила сокрушить папу и его престолъ. Римъ, Венеція и Генуя, взволнованные опасностію, которая угрожала имъ съ двухъ сторонъ, искали средства спасенія и въ этихъ поискахъ вспомнили про Москву.

Италіанскіе дипломаты давно уже старались уничтожить пропасть, которая отдѣляла ее отъ запада.

Дѣдъ Іоанна IV, заключивъ, подъ покровительствомъ папскаго престола, бракъ съ Софіей Палеологъ, вступилъ, тѣмъ самымъ, въ семью европейскихъ монарховъ, и въ 1473 г. Венеціанскій сенатъ напомнилъ великому князю московскому о его правахъ на византійскій престолъ. Въ 1480 и 1490 гг. законный наслѣдникъ этого престола, Андрей Палеологъ, явился въ Москву и пытался передать Іоанну III свои права на этотъ престолъ, за извѣстное денежное вознагражденіе. Получивъ вѣжливый отказъ, онъ вступилъ въ переговоры съ французскимъ королемъ Карломъ VIII, но въ Европѣ считали по-прежнему, что ключемъ къ этому сокровищу владѣетъ Римъ, и воображали, что папа былъ готовъ отдать его великому князю, чтобы получить взамѣнъ помощь войскомъ для борьбы съ турками, такъ, что въ 1484 г., папа Сикстъ IV счелъ даже нужнымъ успокоить на этотъ счетъ польскаго короля Казиміра, опасавшагося, какъ бы не были нарушены его права, какъ старшаго члена въ семьѣ славянскихъ народовъ.

Хотя Іоаннъ III не придавалъ значенія какому-то призрачному титулу и отвѣчалъ на предложеніе Андрея Палеолога презрительнымъ отказомъ, но онъ вполнѣ понималъ, что съ идеей о великой славянской имперіи, которая получила бы инвеституру изъ Рима, былъ связанъ вопросъ о русскихъ земляхъ, составлявшихъ спорный вопросъ между Москвою и Польшею; поэтому, отказавшись имѣть дѣло съ Палео-

логомъ, онъ оказалъ болѣе любезный пріемъ посланцу императора, фонъ-Турну, и заявилъ ему о своей готовности заключить союзъ съ Максимиліаномъ, для совмѣстной, въ случаѣ надобности, борьбы съ исламомъ, поставивъ, однако, условіемъ, чтобы императоръ помогъ ему свести счеты съ сосѣдней Польшею.

Не ожидая папскихъ буллъ, Іоаннъ III сталъ именоваться царемъ, титулъ, по понятіямъ православныхъ христіанъ, соотвѣтствующій императорскому, свидѣтельствуя въ то же время о правахъ на византійское наслѣдіе, а въ 1493 г. Іоаннъ принялъ титулъ государя всея Россіи, что было равносильно заявленію о своихъ правахъ на Кіевъ и Вильно.

У Іоанна III осталось пять сыновей; раздѣливъ между ними свои наслѣдственныя владѣнія, онъ оставилъ старшему Василію не треть этихъ земель, какъ было принято издавна, но двѣ трети, а именно: шестьдесятъ шесть городъ съ округами и столицу.

Женатый на дочери боярина, Саломоніи Сабуровой, Василій не имѣлъ отъ нея дѣтей, что повергало его въ отчаяніе.

«Какъ счастливы птицы»,—говорилъ онъ, смотря на гнѣзда и когда колдовство, къ которому прибѣгла безплодная супруга, оказалось безсильнымъ, то бояре, созванные великимъ княземъ въ 1525 г. на совѣтъ, предложили ему иное средство, которое согласовалось, какъ можно думать, съ тайными желаніями Василія.

«Безплодная смоковница должна быть вырвана съ корнемъ»,—рѣшили они. Только одинъ изъ совѣтниковъ великаго князя, князь Симеонъ Курбскій, дерзнулъ замолвить слово въ защиту священныхъ узъ, которыя остальные совѣтывали попрать; изъ духовныхъ лицъ его поддержали Вассіанъ Патрикеевъ и Максимъ Грекъ.

Саломонія была заточена въ монастырь, а Василій обвѣнчался съ дочерью литовскаго перебѣжчика, Еленою Глинской, въ которую онъ былъ страстно влюбленъ. Весьма возможно, что безплодіе Саломоніи было только удобнымъ предлогомъ для ея заточенія въ монастырь.

Красавица собою, по тогдашнему времени, хорошо образованная, Елена Глинская обладала такими чарами, какихъ Василій не могъ встрѣтить въ русской боярынѣ. Оставшись рано сиротою, по смерти отца своего, Василія Львовича Глинскаго, она выросла подъ надзоромъ своего дяди Михаила Глинскаго, странствующаго рыцаря, товарища по оружію Альберта Саксонскаго и императора Максимиліана, который во время своихъ странствованій побывалъ, между прочимъ, въ Италіи и даже принялъ тамъ католическую вѣру. Такимъ образомъ въ Кремль проникло нѣкоторое вліяніе Западной Европы.

По свидѣтельству Герберштейна, Василій, желая понравиться своей

новой супругѣ, даже обрилъ себѣ бороду,—это было неслыханнымъ новшествомъ.

Но Господь, повидимому, не благословилъ и этотъ второй бракъ, который «заволжскіе старцы» называли прелюбодѣяніемъ. Время шло, а столь желаннаго наслѣдника все не появлялось. Въ народѣ уже пошелъ слухъ, будто Саломонія разрѣшилась въ монастырѣ отъ бремени сыномъ.

Наконецъ, были услышаны молитвы монаха Пафнутія Боровскаго, который, въ признательность за совершенное имъ чудо, былъ провозглашенъ впослѣдствіи чудотворцемъ и сопричисленъ къ лику святыхъ.

У Елены родился давно жданный наслѣдникъ, а три года спустя, 4-го (15-го) октября 1533 г., она разрѣшилась отъ бремени вторымъ сыномъ, Юріемъ, и вскорѣ послѣ этого овдовѣла.

Хотя законъ о престолонаслѣдіи, въ силу котораго престолъ переходилъ прежде къ братьямъ умершаго великаго князя, былъ измѣненъ Іоанномъ III, но правленіе, по смерти Василія, должно было, во всякомъ случаѣ, перейти къ нимъ, къ его братьямъ, до совершеннолѣтія Іоанна, ибо, насколько извѣстно, Василій не сдѣлалъ инаго распоряженія.

Но Елена, женщина энергичная, честолюбивая и предпріимчивая, какъ всѣ ея предки, имѣла много сторонниковъ и сумѣла воспользоваться этимъ для того, чтобы захватить и удержать за собою власть.

Но она сдѣлала ошибку, не желая раздѣлить власть со своимъ дядей, который былъ уменъ и ловокъ, а предоставивъ ее своему возлюбленному, князю Телепневу-Оболенскому, человѣку безпокойному и вздорному. Вскорѣ начались смуты. Заточивъ своего дядю и брата своего мужа, Юрія, которые оспаривали у нея власть, Елена вступила въ борьбу съ другимъ деверемъ, Андреемъ, который, получивъ въ удѣлъ Старицу, заявилъ, по этому поводу, свое неудовольствіе, вслѣдствіе чего, едва не возгорѣлась междоусобная война, которой Елена избѣжала, только поймавъ князя въ западню и засадивъ его въ одну изъ московскихъ темницъ, откуда мало кто выходилъ. Голодъ и тяжесть надѣтыхъ на него оковъ ускорили его смерть; а тридцать человѣкъ его сторонниковъ погибли на висѣлицахъ, разставленныхъ по дорогѣ изъ Москвы въ Новгородъ, который, какъ полагали, оказывалъ помощь князю Андрею.

Елена вела, такимъ образомъ, еще нѣсколько лѣтъ борьбу за власть и одновременно должна была воевать съ внѣшними врагами: поляками и татарами, которые напали на Московское княжество, думая воспользоваться слабостью ея правленія. Въ 1538 г. ея враги прибѣгли, какъ

говорятъ, къ яду для того, чтобы отдѣлаться отъ нея. Іоаннъ остался круглымъ сиротою, и власть перешла въ руки бояръ. Олигархія выразилась въ полномъ безначаліи.

Оболенскій, предоставленный самому себѣ, совершенно растерялся. Его соперники, которыхъ правительница умѣла обуздывать, были рады возможности отомстить ему. Особенно высоко подняли голову Шуйскіе, близкіе родственники царствующаго дома, честолюбивые замыслы которыхъ простирались значительно далѣе обладанія временной властью.

Они принадлежали, такъ же точно, какъ Іоаннъ III и Василій III, къ потомкамъ Александра Невскаго и при томъ къ старшей линіи Рюриковичей, тогда какъ на престолѣ возсѣдала младшая линія этого княжескаго дома; поэтому понятно, какъ далеко заходили ихъ честолюбивыя мечты. Они справились въ нѣсколько дней съ фаворитомъ покойной Елены, который исчезъ навѣки въ темницѣ; Іоаннъ потерялъ въ немъ своего воспитателя и одновременно свою кормилицу Аграфену, сестру Оболенскаго, раздѣлившую участь брата.

Но Василій Васильевичъ Шуйскій и его двоюродный братъ Андрей освобожденные въ это время изъ заключенія, очутились лицомъ къ лицу съ новыми соперниками. На сцену явилась цѣлая толпа соискателей престола, освобожденныхъ изъ темницъ, въ которыхъ они томились; въ числѣ ихъ былъ князь Иванъ Бѣльскій, который не хотѣлъ никому уступить своего мѣста, противопоставляя правамъ Рюриковичей свои собственныя права на престолъ, какъ потомокъ Гедимина. Его отецъ, Ѳедоръ Бѣльскій, былъ женатъ на княжнѣ Рязакской, племянницѣ Іоанна III, а братъ, Симеонъ, преслѣдуемый Еленою, бѣжалъ въ Польшу, а затѣмъ въ Крымъ и Константинополь, гдѣ онъ искалъ не только убѣжища, но и помощи для возврата своихъ наслѣдственныхъ удѣловъ, Бѣльска и Рязани, присоединенныхъ къ великому княжеству Московскому.

Во время ожесточенной борьбы, происходившей въ Москвѣ съ 1538 по 1543 г., которая ознаменовалась всевозможными актами насилія и страшною рѣзнею, личность Іоанна и его наслѣдственныя владѣнія остались неприкосновенны только благодаря соперничеству двухъ вышеупомянутыхъ семействъ и ожесточенію, съ какимъ они старались истребить другъ друга.

Но маленькому Іоанну пришлось испытать много горя. Шуйскіе, побѣдивъ своего соперника, забыли всякую мѣру,—грабили царскую казну и самовластно распоряжались всѣмъ.

Иванъ Шуйскій, ставъ, по смерти Василія Васильевича, главою семьи, не считалъ нужнымъ оказывать Іоанну ни малѣйшаго уваженія, онъ ложился въ его присутствіи, въ сапогахъ, на постель его покойнаго

отца, о чемъ съ горечью вспоминалъ впослѣдствіи Грозный, ѣлъ не иначе какъ на золотыхъ блюдахъ, въ то время какъ Іоаннъ терпѣлъ лишенія во всемъ, въ одеждѣ и въ пищѣ, и долженъ былъ разстаться съ самыми любимыми имъ людьми.

Послѣ своей кормилицы, онъ лишился, въ 1543 г., своего перваго друга, Ѳедора Семеновича Воронцова. Избитый Шуйскими, которые угрожали ему смертью, этотъ несчастный искалъ спасенія въ Кремлѣ и остался живъ только благодаря заступничеству митрополита, который не могъ, однако, избавить его отъ ссылки въ Кострому.

Но положеніе самого митрополита не было надежно въ это тревожное время. Ему приходилось уступать мѣсто новому лицу всякій разъ, какъ тотъ или другой изъ соперниковъ одерживалъ верхъ. Въ 1539 г. Бѣльскіе посадили на мѣсто Даніила—Іоасафа. Въ 1542 г. Шуйскіе, одержавъ верхъ, сослали Ивана Бѣльскаго на Бѣлое озеро, и митрополитъ Іоасафъ раздѣлилъ его опалу. Вообще правленіе Шуйскихъ отличалось особенной жестокостью и всеобщей неурядицей. Они распоряжались самовластно во всей странѣ. По свидѣтельству лѣтописцевъ, назначаемые ими правители вели себя вездѣ, за исключеніемъ Новгорода, къ которому они благоволили и гдѣ у нихъ были свои люди, какъ «лютые звѣри».

Города пустѣли; кто только могъ, бѣжалъ изъ нихъ за предѣлы княжества. Италіанскій архитекторъ Фрязинъ, вызванный въ Россію Василіемъ III, бѣжалъ за границу въ тотъ моментъ, когда его хотѣли послать въ Себежъ, для сооруженія укрѣпленій.

Онъ объяснилъ епископу Дерптскому, что изъ-за распрей бояръ жизнь стала невыносимой. Бѣльскіе выказывали болѣе человѣколюбія и ума; но тѣ и другіе не умѣли править иначе, какъ злоупотребляя властью.

Управляя страною съ самой неумолимой жестокостью, они давали вмѣстѣ съ тѣмъ своему будущему государю самый отвратительный примѣръ. Глядя на нихъ, воображеніе и чувство юноши свыклось съ насиліемъ, во всѣхъ его проявленіяхъ, которое проникло въ его плоть и кровь. Неудивительно, что, выросши въ этой атмосферѣ вѣчной борьбы, всегда готовый отразить наносимые ему удары—ударами, Іоаннъ сдѣлался чрезвычайно нервенъ, раздражителенъ, жестокъ и необузданъ. Его дѣтскія игры, которыя раздѣляли вмѣстѣ съ нимъ нѣсколько товарищей, были такъ же жестоки, какъ и все то, что его окружало. Онъ самъ не могъ еще истязать людей, но мучилъ животныхъ, подобно тому, какъ на его глазахъ терзали людей. Величайшимъ наслажденіемъ для него было кидать собакъ съ дворцовой террасы и наслаждаться ихъ агоніей. Ему не только не препятствовали въ этомъ, но даже

поощряли его къ этимъ звѣрскимъ продѣлкамъ. Со временемъ насталъ чередъ людей.

Воспитывая Іоанна въ такомъ духѣ, со стороны Шуйскихъ и Бѣльскихъ было большою смѣлостью предполагать, что имъ удастся долго управлять самодержцемъ, у котораго уже начала рости борода и который могъ уже отдать себѣ отчетъ въ своемъ положеніи. Онъ не разъ видѣлъ, какъ тѣ самые люди, которые ежедневно оскорбляли его и обращались съ нимъ дурно, появлялись предъ нимъ, въ дни оффиціальныхъ церемоній, придворныхъ празднествъ или при пріемахъ иноземныхъ пословъ, колѣнопреклоненные, какъ пресмыкающіеся рабы, занимая вокругъ его престола подобавшія имъ мѣста. Эти наблюденія не прошли даромъ

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1543 г. у Іоанна отняли силою Воронцова; въ декабрѣ, испытавъ предварительно покорность своихъ псарей, онъ приказалъ имъ схватить Андрея Шуйскаго. Негодяи повиновались ему и сдѣлали болѣе того, что онъ отъ нихъ требовалъ, задушивъ боярина, котораго имъ велѣно было отвести въ темницу. Іоаннъ нашелъ, что они поступили правильно; тогда всѣ поняли, что у Россіи явился новый правитель.

Бояре, пощаженные Іоанномъ, продолжали управлять страною по своему усмотрѣнію, но уже не осмѣливались противорѣчить монарху, который, гораздо ранѣе Людовика XIV, заявилъ по-своему: «Государство— это я».

Іоаннъ бѣгалъ теперь по улицамъ, избивалъ встрѣчныхъ мужчинъ, насиловалъ женщинъ и выслушивалъ за все это похвалы окружающихъ. Въ числѣ ихъ находился и Ѳедоръ Воронцовъ, возвращенный имъ изъ ссылки. Но Іоаннъ удостоивалъ, въ то время, своимъ благоволеніемъ иныхъ людей, болѣе послушныхъ его волѣ и которыхъ происхожденіе и личныя связи не защищали отъ его произвола. Онъ предпочиталъ боярамъ, среди которыхъ опасался встрѣтить вторыхъ Шуйскихъ,—своихъ псарей.

Однажды, въ маѣ мѣсяцѣ 1546 г., будучи на охотѣ въ окрестностяхъ села Коломенскаго, Іоаннъ встрѣтилъ толпу вооруженныхъ людей, которые преградили ему путь. Это были новгородскіе мушкатеры, которые пришли жаловаться ему на своего воеводу. Не понимая, что они хотятъ, онъ приказалъ разогнать ихъ. Произошла свалка, во время которой раздалось нѣсколько выстрѣловъ. Молодой Іоаннъ не былъ раненъ, но очень испугался; онъ никогда не отличался храбростью. Кромѣ весьма возможной наслѣдственности, это можетъ быть объяснено дѣтствомъ, проведеннымъ среди всякихъ ужасовъ, которые сдѣлали его чрезвычайно впечатлительнымъ, такъ что при малѣйшей тревогѣ онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ и поддавался величайшему страху.

Іоаннъ поспѣшно ускакалъ отъ этихъ людей и, вообразивъ, что это былъ заговоръ противъ его личности, приказалъ произвести строжайшее разслѣдованіе. Его будущему любимцу, а въ то время еще простому дьяку, Василью Захарову, не трудно было убѣдить Іоанна въ томъ, что это былъ дѣйствительно заговоръ, и обвинить во всемъ Воронцова и его родныхъ, которые уже возбудили своимъ поведеніемъ подозрѣніе великаго князя, и коимъ угрожала опала.

Ученикъ сразу превзошелъ своихъ учителей. Грозный выступилъ на сцену. Ѳедоръ Воронцовъ и одинъ изъ его двоюродныхъ братьевъ сложили голову на плахѣ. Другіе, предполагаемые соучастники заговора были сосланы.

Весьма вѣроятно, что не одинъ Захаровъ повліялъ въ этомъ случаѣ на рѣшеніе Іоанна. Въ числѣ его приближенныхъ, пользовавшихся его особымъ довѣріемъ, появился уже въ то время Алексѣй Адашевъ, котораго многіе историки идеализировали, связавъ его дѣятельность съ самой блестящей и свѣтлой порою царствованія Грознаго, который будто бы сдерживалъ подъ его вліяніемъ свои кровожадные порывы, началъ стремиться къ реформамъ и ознаменовалъ свое царствованіе славными побѣдами и завоеваніями. Алексѣй Адашевъ, человѣкъ низкаго происхожденія, такъ же точно, какъ Захаровъ, находился съ 1543 г. въ числѣ придворныхъ слугъ Іоанна и исполнялъ должность постельника.

Въ исходѣ того же 1546 года, когда произошла вышеупомянутая кровавая расправа съ новгородцами, Іоаннъ заявилъ еще рѣшительнѣе о своемъ намѣреніи дѣйствовать вполнѣ самовластно, не руководствуясь ничьими совѣтами. 6-го (17-го) декабря въ Москвѣ распространился слухъ, что великій князь намѣренъ вступить въ бракъ, избравъ себѣ въ жены одну изъ русскихъ боярышень.

Разумѣется, это рѣшеніе было принято не такъ внезапно, какъ обыкновенно полагаютъ. Уже въ 1543 г. съ этой цѣлью были отправлены въ Польшу Ѳедоръ Ивановичъ Сукинъ и Истома Стояновъ, коимъ было поручено дать понять, кому слѣдуетъ, что великій князь достигъ возраста, позволявшаго ему вступить въ бракъ[1]). Есть основаніе предполагать, что были сдѣланы и другія попытки въ этомъ родѣ и что только убѣдясь окончательно въ томъ, что его желаніе взять въ жены, по примѣру Ярослава, иноземную принцессу, не увѣнчается успѣхомъ, Іоаннъ рѣшилъ избрать себѣ жену среди своихъ подданныхъ. Но онъ хотѣлъ чѣмъ-нибудь вознаградить себя за эту неудачу.

На другой день послѣ того какъ было объявлено это рѣшеніе, въ Успенскомъ соборѣ было отслужено молебствіе, послѣ котораго вели-

---

[1]) Бантышъ-Каменскій. Дипломатическая переписка. Чт. ист. общ. 1860, стр. 72.

кій князь объявилъ собравшимся боярамъ, что онъ рѣшилъ также короноваться, но не какъ великій князь, по примѣру своихъ предковъ, а принявъ царскій титулъ.

Для русскаго сердца съ этимъ титуломъ связывался цѣлый сонмъ преданій и воплощались честолюбивыя мечты о возстановленіи въ столицѣ православнаго міра древней восточной имперіи.

Коронованіе совершилось 5-го (16-го) января 1547 г. со всевозможной торжественностью, при огромномъ стеченіи народа и красномъ звонѣ колоколовъ. Епископы, священники и монахи, присутствовавшіе при совершеніи обряда, возносили къ Господу молитвы о томъ, чтобы вновь коронованный царь былъ милостивъ и справедливъ, между тѣмъ какъ бояре осыпали его золотыми монетами, въ знакъ его будущаго благоденствія.

Однако «преемникъ греческихъ и римскихъ императоровъ» не рѣшился извѣстить иностранныхъ монарховъ о совершенной имъ перемѣнѣ титула. Ему было хорошо извѣстно, что его отецъ и дѣдъ встрѣтили отпоръ въ своихъ домогательствахъ на этотъ счетъ. Хотя Василію и удалось въ 1514 г. подписаться «императоромъ» въ договорѣ, заключенномъ съ императоромъ Максимиліаномъ, но послѣдній выразилъ по этому поводу неодобреніе своему уполномоченному Шницпаннеру и отказался подписать, съ своей стороны, договоръ. Польша также упорно не признавала за великимъ княземъ новаго титула. Сговорчивѣе оказались нѣкоторыя мелкія нѣмецкія государства да константинопольскіе патріархи.

Іоаннъ рѣшилъ, однако, попытать счастье у патріарха въ 1561 г., уже послѣ того, какъ имъ были одержаны самыя крупныя побѣды, при чемъ его просьба сопровождалась значительнымъ денежнымъ приложеніемъ. Результатъ его ходатайства былъ не особенно блестящій, хотя патріархъ Іоасафъ призналъ Іоанна царемъ и потомкомъ принцессы Анны, сестры императора Василія, и предлагалъ даже повторить обрядъ коронованія, для чего посылалъ въ Москву митрополита, что уже было совершенно излишне, но впослѣдствіи оказалось, что изъ тридцати семи подписей, сдѣланныхъ на грамотѣ, которая была прислана въ Москву изъ Константинополя, тридцать пять были поддѣльныя [1]).

Православная церковь также уклонилась отъ признанія за Іоанномъ царскаго титула, хотя патріархи Александрійскій и Антіохійскій спѣшили, наперерывъ другъ передъ другомъ, признать совершившійся фактъ, а Іерусалимскій патріархъ даже объявилъ вновь провозглашеннаго царя «главою христіанскаго міра». Но большая часть православнаго духовенства отказывалась слѣдовать ихъ примѣру. Народу, раз-

[1]) Pierling. La Russie et le Saint Siège, I, 319

умѣется, не были извѣстны эти подробности и, смѣшивая факты и даты, онъ съ гордостью воспѣлъ это событіе въ своихъ былинахъ въ самыхъ фантастическихъ краскахъ. Въ рисункахъ, коими украшенъ символическій тронъ, стоящій донынѣ въ Успенскомъ соборѣ, русскіе художники передали содержаніе сложившихся по поводу этого событія легендъ, и Іоаннъ, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ своихъ обширныхъ владѣній, былъ окруженъ такимъ ореоломъ могущества и славы, какой не снился его предкамъ.

Немногимъ изъ нихъ довелось также испытать счастье, какое выпало на его долю въ бракѣ. Выборъ супруги Іоанна былъ произведенъ по всѣмъ правиламъ. Всѣмъ взрослымъ дочерямъ «служилаго люда» было повелѣно прибыть въ Москву, гдѣ онѣ были помѣщены въ обширномъ домѣ, со множествомъ комнатъ, изъ коихъ въ каждой было по двѣнадцати кроватей.

Въ Византіи, гдѣ выборъ царскихъ невѣстъ производился точно также, правителямъ провинцій посылались подробныя инструкціи, съ указаніемъ роста и прочихъ, требуемыхъ отъ невѣсты, качествъ. Когда онѣ были въ сборѣ, императоръ отправлялся смотрѣть ихъ въ сопровожденіи только одного старѣйшаго царедворца и, пройдя по комнатамъ, дарилъ каждой изъ красавицъ платокъ, шитый золотомъ и драгоцѣнными камнями, который онъ накидывалъ ей на шею. Когда выборъ былъ сдѣланъ, подруги избранной невѣсты отсылались обратно, получивъ подарки.

Такимъ же образомъ была избрана, въ 1547 г., Анастасія, дочь покойнаго Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина, принадлежавшаго къ старинному боярскому роду, который сумѣлъ удержать свое мѣсто у престола, уклоняясь отъ соперничества и распрей, отъ котораго юному Іоанну такъ много пришлось страдать. Весьма возможно, что въ этомъ случаѣ выборъ невѣсты былъ произведенъ только для вида. Захарьины-Кошкины были баловнями судьбы. Одного изъ братьевъ Анастасіи ожидала еще болѣе блестящая судьба: онъ сдѣлался родоначальникомъ дома Романовыхъ.

Молодой царь былъ такъ же страстно влюбленъ въ свою супругу, какъ Василій любилъ Елену Глинскую. Много лѣтъ спустя, Іоаннъ еще горько оплакивалъ преждевременно сошедшую въ могилу Анастасію, которая соединяла всѣ прелести ума и сердца съ тѣлесной красотою и доставила ему всѣ утѣхи и радости супружеской жизни. Но Іоанну не долго суждено было наслаждаться безмятежнымъ счастьемъ.

Менѣе чѣмъ три мѣсяца спустя послѣ его свадьбы, которая была отпразднована 23-го января (3-го февраля) 1547 г., огонь истребилъ цѣлый кварталъ Москвы; это вывело Іоанна изъ той тихой, очарованной жизни, которой онъ наслаждался и которую окружающіе считали

уже залогомъ болѣе счастливаго будущаго, полагая, что красавица Анастасія будетъ тѣмъ ангеломъ-хранителемъ, который спасетъ царя отъ гнѣвныхъ вспышекъ и дастъ спокойствіе его подданнымъ. Но это оказалось обманчивой мечтою, и надобно думать, что въ странѣ, гдѣ по поводу всего быстро слагались легенды, вліяніе Анастасіи на царя было сильно преувеличено.

Временно усыпленная раздражительность Іоанна пробудилась съ новой силою, и когда къ нему явилось 19-го (30-го) іюня 1547 г. нѣсколько псковскихъ гражданъ съ жалобою на своего воеводу, то онъ принялъ ихъ еще хуже, нежели новгородцевъ. Вспомнивъ жестокія забавы дѣтства, онъ приказалъ облить несчастныхъ пылавшимъ спиртомъ, а затѣмъ, велѣвъ снять съ нихъ одежду, собирался, вѣроятно, казнить ихъ, когда его вниманіе было отвлечено другимъ.

Это происходило въ одномъ селѣ, въ окрестностяхъ Москвы, куда, какъ разъ въ эту минуту, прискакалъ гонецъ съ извѣстіемъ, что большой кремлевскій колоколъ упалъ на землю. По тогдашнему времени, это было сочтено за зловѣщее предзнаменованіе, предвѣщавшее новыя, еще болѣе ужасныя бѣдствія.

И, дѣйствительно, предзнаменованіе оправдалось; наступили событія, которыя выдвинули на сцену новыхъ людей и придали начавшемуся царствованію новый обликъ.

Выслушавъ сообщеніе гонца, Іоаннъ позабылъ о своихъ жертвахъ и, потребовавъ коня, поскакалъ на мѣсто происшествія.

10-го (21) іюня въ Москвѣ снова вспыхнулъ пожаръ, причинившій этотъ разъ такое бѣдствіе, какого никто не запомнилъ. Огонь не пощадилъ даже Кремля. Куполъ Успенскаго собора, царскія и митрополичьи палаты, сокровищница, арсеналъ, два монастыря и нѣсколько церквей со всѣми ихъ сокровищами сдѣлались добычею пламени. Митрополитъ Макарій едва не задохнулся отъ дыма; спасаясь, онъ упалъ и сильно расшибся. 17.000 мужчинъ, женщинъ и дѣтей сгорѣли заживо. Въ торговой части города были истреблены пламенемъ всѣ лавки. Лишившись своего жилища, Іоаннъ удалился въ село Воробьево, на Воробьевы горы, гдѣ онъ собралъ совѣтъ. Его духовникъ, Ѳедоръ Барминъ, высказалъ предположеніе, что причиною несчастія было колдовство.

На этотъ счетъ существовало такое повѣрье. Колдуны брали человѣческія сердца, вырѣзанныя изъ труповъ, погружали ихъ въ ведро воды и, поливая улицы этой водою, производили пожаръ. Нѣсколько бояръ поддержали это обвиненіе. Начались розыски; толпа народа, собравшаяся нѣсколько дней спустя передъ сгорѣвшимъ соборомъ, повинуясь коварнымъ навѣтамъ, назвала виновныхъ.

Правленіе Елены Глинской еще не было забыто, и во многихъ

сердцахъ жила жажда мщенія, которое было направлено противъ ея матери и братьевъ. Нашлись свидѣтели, видѣвшіе, какъ они поливали мостовую и стѣны водою съ наговоромъ. Дядя царя, князь Михаилъ Васильевичъ Глинскій, жилъ со своей матерью въ вотчинѣ, въ окрестностяхъ Ржева, но его братъ, Юрій, былъ въ Москвѣ. Видя угрожавшую ему опасность, онъ искалъ спасенія въ той самой церкви, въ поджогѣ которой его обвиняли. Толпа ворвалась вслѣдъ за нимъ въ храмъ и волочила его трупъ до Лобнаго мѣста. Слуги его также подверглись преслѣдованію.

Три дня спустя, убійцы явились въ Воробьево и требовали новыхъ жертвъ. Родственники и сторонники Андрея Шуйскаго, сосланные послѣ того какъ онъ былъ казненъ, но получившіе затѣмъ позволеніе возвратиться въ Москву, состоя при особѣ царя, побуждали его къ кровавой расправѣ съ виновными въ пожарѣ.

Но время, когда Іоаннъ руководствовался совѣтами другихъ лицъ, миновало безвозвратно. Онъ не былъ уступчивъ отъ природы. Грозный и нерѣдко несправедливый судья, онъ считалъ себя полновластнымъ творить судъ и расправу по своему благоусмотрѣнію.

Вѣрилъ онъ или нѣтъ взведенному на Глинскихъ обвиненію, трудно сказать, хотя весьма возможно, что суевѣрный, какъ всѣ его современники, онъ могъ въ свои лѣта повѣрить этому, но онъ находилъ, должно быть, что тѣ, кои осмѣлились присвоить себѣ принадлежавшее ему одному право суда и дерзнули не только подсказать ему приговоръ, который онъ долженъ былъ произнести, но даже самовольно привели его въ исполненіе, были виновнѣе, нежели истинные или ложно обвиненные поджигатели. Какъ бы то ни было, онъ захотѣлъ проявить свою державную власть. За обликомъ тирана, какимъ онъ уже заявилъ себя, показался полновластный царь. Іоаннъ приказалъ освободить Михаила Глинскаго, который бѣжалъ на литовскую границу и былъ схваченъ Петромъ Шуйскимъ и не выданъ врагамъ его матери. При этомъ многіе были казнены, но въ числѣ ихъ были именно всѣ тѣ, кои волновали умы и мнили, что имъ удастся построить свое благополучіе или удовлетворить свою месть на развалинахъ обращенной въ пепелъ столицы.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ переписки князя В. Ѳ. Одоевскаго [1]).

XXI. Письмо В. Г. Бѣлинскаго.

С.-Петербургъ, 29-го іюня 1841.

Извините, князь, что я безпокою васъ дѣломъ, которое мало до васъ касается, а между тѣмъ обязываетъ васъ не совсѣмъ пріятнымъ посредничествомъ и отнимаетъ время, котораго и безъ того у васъ немного. Будьте добры, возьмите на себя трудъ написать г-ну Гурцеву о деньгахъ. Хорошо или дурно, но, какъ умѣлъ, я выполнилъ его вторую коммиссію, которая была для меня несравненно скучнѣе и труднѣе первой. Мнѣ теперь крайняя нужда въ деньгахъ, а у Краевскаго, моего единственнаго рессурса, какъ вамъ самимъ извѣстно, теперь нѣтъ ни копѣйки. Въ ожиданіи отвѣта, который вы можете мнѣ сдѣлать всего лучше и обстоятельнѣе черезъ Краевскаго, если скоро съ нимъ увидитесь, еще разъ прошу васъ извинить меня за мою докучливость и остаюсь вашимъ покорнымъ слугою Виссаріонъ Бѣлинскій.

P. S. Впрочемъ мой адресъ: въ Семеновскомъ полку, на Среднемъ проспектѣ, между первою линіею и Госпитальною улицею, въ домѣ Буторовой, № 22.

Въ бумагахъ князя В. Ѳ. Одоевскаго сохранилась, кромѣ этого письма Бѣлинскаго, еще слѣдующая записка его къ А. А. Краевскому, относящаяся приблизительно къ тому же времени и, очевидно, пересланная Краевскимъ князю Одоевскому:

Нѣтъ ничего тяжелѣе, Краевскій, какъ назначать цѣну своему труду, когда онъ уже конченъ. Въ первый разъ я получилъ отъ г.

---

[1]) См. „Русскую Старину“, іюль 1904 г.

Гурцева 300 р. асс., но вторую мою работу я безъ преувеличенія считаю втрое тяжелѣе первой, почему и думаю, что 500 р. асс. не были бы вознагражденіемъ, превышающимъ трудъ. Впрочемъ, если г. Гурцевъ уѣхалъ, то, разумѣется, кн. Одоевскій тутъ ничѣмъ не виноватъ, и я нисколько не почитаю его обязаннымъ принимать въ чужомъ пиру похмѣлье—мнѣ бы давно слѣдовало увѣдомить его о дѣлѣ. И потому, потрудитесь только добиться удовлетворительнаго отвѣта—да или нѣтъ, чтобы такъ или сякъ, но только считать это дѣло рѣшеннымъ и конченнымъ.

В. Бѣлинскій.

Сегодня я обѣдаю у Михайловскаго-Данилевскаго [1] — вотъ что значитъ писать такія прекрасныя статьи, какъ о «Сто русскихъ литераторовъ» [2]: какъ разъ во дворецъ будешь ѣздить и съ посланникомъ впятеромъ въ вистъ играть.

Посылаю стихи Сатина [3]—непремѣнно помѣстите, иначе онъ можетъ оскорбиться.

XXII. Письмо А. В. Кольцова [4].

Воронежъ, 24-го октября 1841.

Ваше сіятельство

любезный князь Владиміръ Ѳедоровичъ.

Опять я къ вамъ съ тою же просьбою, о которой я васъ еще весною просилъ, когда уѣхалъ отъ насъ губернаторъ Ладыгинъ [5]. Говорили, вмѣсто его будетъ (забылъ ужъ кто), и я писалъ вамъ объ немъ письмо [6]; дѣла измѣнились, и вмѣсто его пріѣхалъ на губернаторство его превосходительство генералъ-маіоръ фонъ-деръ-Ховенъ [7], чело-

---

[1]) Александра Ивановича, военнаго историка.

[2]) Разборъ 2-го тома альманаха „Сто русскихъ литераторовъ“ былъ напечатанъ Бѣлинскимъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1841 г., т. 17, отд. V, Критика, стр. 1—22.

[3]) Николая Михайловича Сатина (р. 1814 † 1873), поэта, извѣстнаго преимущественно своими переводами изъ Шекспира и Байрона. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1841 г., т. 17, стр. 189, напечатано стихотвореніе Сатина: „Поэту—судіи“, съ датою: „1іюля 8 1841. Москва“.

[4]) Два письма Кольцова къ князю Одоевскому (1839 и 1840 гг.) были напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1864 г., ст. 834—838; см. также Стихотворенія и письма А. В. Кольцова, изд. подъ редакціею А. И. Введенскаго, Спб. 1895, стр. 215—217 и 235—237.

[5]) Генералъ-маіоръ Николай Ивановичъ Лодыгинъ.

[6]) Этого письма нѣтъ въ бумагахъ кн. В. Ѳ. Одоевскаго, хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

[7]) Баронъ Христоферъ Христоферовичъ фонъ-деръ-Ховенъ (р. 1795 † 1890), участникъ войнъ 1829 и 1831 гг., впослѣдствіи сенаторъ и генералъ-отъ-инфантеріи.

вѣкъ дѣятельный и умный; объ немъ-то опять моя къ вамъ просьба: нельзя-ли меня познакомить съ нимъ. У меня теперь къ нему нѣтъ дѣлъ никакихъ, но, въ случаѣ нужды, я къ нему пойти и не могу... Особенно я боюсь нашего большаго барина управляющаго, безсребреннаго Карачинскаго [1]). Онъ, пріѣхавши изъ Петербурга, косится на меня косѣе прежняго, а у него въ палатѣ есть еще кой-какія отца моего старыя дѣлишки неконченны. Они пустыя; но есть мастера изъ ничего сдѣлать гору, и онъ ихъ все замѣтно протягиваетъ вдаль. Дѣлайся все какъ должно—хорошо. А если неровенъ часъ, и я одинъ здѣсь безъ поддержки. Какъ идетъ управленіе въ палатѣ г(осударственныхъ) и(муществъ), сказать вамъ не могу; по пріѣздѣ изъ Москвы, великимъ постомъ, было своихъ дѣлъ много; въ апрѣлѣ сдѣлался нездоровъ и до сихъ поръ. Кромѣ этого, едва-ли подобныя вещи вамъ нужны; вѣдь въ прошлый разъ осталось же все безо всего, и слова святой истины не сдули пылинки съ чернаго дѣла. Не знаю, какъ пойдетъ настоящій наборъ, а прошлогодній былъ самый безчеловѣчный. Были жалобы — ихъ никто не слушалъ. Кто больше обиженъ, тотъ больше остался виноватъ. А кто сіе учинилъ, тѣ всѣ остались людьми благородными. Ваше сіятельство, если не затруднитъ васъ слишкомъ моя просьба, то прошу васъ покорнѣйше не оставить ея безъ вниманія. Почитающій и любящій васъ, вашего сіятельства покорный слуга Алексѣй Кольцовъ.

XXIII. Письмо М. Н. Загоскина.

Москва. 13-го февраля 1843.

Почтеннѣйшій князь Владиміръ Ѳедоровичъ.

Благодарю васъ отъ всей души за ваше дружеское и любезное письмо [2]). Я имѣлъ уже несчастіе быть въ рукахъ у духовной цензуры, слѣдовательно, нимало не дивлюсь, что она хотѣла или не пропустить или по крайней мѣрѣ коверкать по-своему мою статью [3]) и сдѣлать изъ нея какую-то проповѣдь—по крайней мѣрѣ вступленіе очень походитъ на проповѣдь. Я не могу обѣщать вамъ ничего для второй

---

[1]) Николай Ивановичъ Карачинскій, управляющій Воронежскою палатою государственныхъ имуществъ.

[2]) Это письмо князя Одоевскаго къ Загоскину, отъ 4-го февраля 1843 г., напеч. въ „Русской Старинѣ“ 1902 г., сентябрь, стр. 631—632.

[3]) Рѣчь идетъ о статьѣ Загоскина „Отецъ Василій“, напечатанной въ 1-й книжкѣ сборника „Сельское Чтеніе“, издававшагося княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ и А. П. Заблоцкимъ-Десятовскимъ. По требованію духовной цензуры, передъ этою статьею было помѣщено небольшое предисловіе, въ которомъ указывалась важность священническаго сана (см. тамъ же, стр. 631).

книжки [1]), потому что воображеніе мое становится очень лѣнивымъ и я занятъ «Москвой и Москвичами» [2]), которыхъ намѣренъ выдать по крайней мѣрѣ книжекъ шесть. Ваше сравненіе народа русскаго съ тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ совершенно справедливо [3]) — то-то бѣда, если ему подсунутъ какого-нибудь Фоблаза [4])—и конечно теперь для него лучше ничего нельзя придумать «Сельскаго Чтенія». Спасибо вамъ за намѣреніе и выполненіе. Дай Богъ, чтобъ наши мужички полюбили это чтеніе, которое рѣшительно должно имъ принести пользу.

Что у васъ въ Петербургѣ дѣлается? Такъ же-ли вы мокнете, какъ мокнемъ мы бѣдные въ нашей Москвѣ; намъ скоро придется ѣздить по улицамъ на лодкахъ. Иностранцы стараются насъ утѣшить, говоря, что точно такая зима бываетъ во Франціи и южной Германіи. Если это правда, то я не поздравляю ихъ съ этимъ—то-ли дѣло нашъ морозъ—чистый, сухой воздухъ и санный путь;—отъ холода есть защита—завернулся въ шубу, да и знать его не хочешь,—а отъ этой сырой, мокрой и гнилой погоды нѣтъ никакого спасенія. Нѣтъ во всей Москвѣ человѣка, который не страдалъ бы отъ нея: или насморкомъ, или кашлемъ, или по крайней мѣрѣ тоскою.

Прощайте, почтеннѣйшій Владиміръ Ѳедоровичь, обнимаю васъ отъ всей души и прошу поцѣловать за меня ручку у вашей барыни.

Всѣмъ сердцемъ вамъ преданный Михайла Загоскинъ.

XXIV. Письма А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго [5]).

1.

(1843 г.).

Вотъ экземпляръ «Сельскаго Чтенія», принадлежащій Перовскому [6]). Вчера я получилъ отзывъ изъ Мин(истерства) нар(роднаго) просвѣ-

[1]) „Сельскаго Чтенія".

[2]) „Москва и Москвичи" Загоскина вышли въ свѣтъ въ 1842—1850 гг. всего въ четырехъ выпускахъ („выходахъ").

[3]) „Наша минута—важная минута:—писалъ князь Одоевскій—теперь нашему простому народу—кажется не болѣе лѣтъ 13-ти; бѣда, если къ нему попадется Фоблазъ или Выжигинъ; испортится и физически, и нравственно—и послѣ не поправить никакимъ лѣкарствомъ" („Русская Старина", 1902 г., сентябрь, стр. 632).

[4]) Скабрезный романъ французскаго писателя Луве-де-Кувре (р. 1760 † 1797).

[5]) Писатель и государственный дѣятель Андрей Пареновичъ Заблоцкій-Десятовскій (р. 1807 † 1881, въ званіи члена Государственнаго Совѣта) служилъ въ 1838—1859 гг. по министерству государственныхъ имуществъ; вмѣстѣ съ княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ онъ издавалъ въ 1843—1848 гг. сборникъ „Сельское Чтеніе" (вышло всего четыре книжки).

[6]) Льву Алексѣевичу Перовскому, въ то время министру внутреннихъ дѣлъ и товарищу министра удѣловъ.

щ(енія), которое требуетъ 2 т(ысячи) экземп(ляровъ) «Сельскаго Чтенія». Изъ 2-хъ тысячъ, по-настоящему, не стоитъ дѣлать новое изданіе, ибо 500 р. сер. только только что окупятъ издержки; я однакоже, для видовъ на будущее, рѣшаюсь приступить къ изданію [1]). Хорошо бы, если бы вы успѣли повидаться съ Далемъ [2]); не возьметъ-ли удѣльное начальство хоть 1.000 экземп(ляровъ) съ тѣмъ, что статьи по сельскому хозяйству будутъ исправлены согласно съ замѣчаніями Байкова [3]) Если бы на это согласилось удѣльное начальство, тогда бы можно было печатать не 2.000, а 4.000 экземпляровъ, и это принесло бы и намъ какую-нибудь хотя небольшую выручку. Если вы хотите приступить къ этому, то дѣйствуйте, не отлагая въ долгій ящикъ: сегодня, послѣ обѣда, Даль бываетъ дома. Съ будущей недѣли я приступлю къ печатанію, и тогда уже будетъ позд(н)о. Видѣлись-ли вы съ Крыловымъ насчетъ басенъ [4])? Нужно приступать ко 2-й книжкѣ «Сельскаго Чтенія», которая можетъ имѣть еще бо́льшій успѣхъ, нежели первая книжка, если только повести дѣло порядкомъ.

Вашъ А. Заблоцкій.

2.

(1846 г.).

Вчера вы меня такъ накормили-напоили, что я не въ состояніи былъ хорошо разсуждать о календарѣ; сегодня я сообразилъ и разсчиталъ это дѣло, и нахожу не болѣе, какъ копеечные счеты; ежели съ каждаго экземпляра очистится 10 к. сер.—то это будетъ maximum, чего я впрочемъ и не надѣюсь; 5 к. надобно отдать Академіи [5]), а 5 к., положимъ, будутъ раздѣлены на-двое, стало быть съ каждой тысячи экземпляровъ придется получить на одинъ пай 25 руб. сер. Согласитесь, что игра не стоитъ свѣчей—въ экономическомъ отношеніи. Что касается до нравст(веннаго), то и здѣсь предстоитъ вотъ что: предполагаемый календарь будетъ нѣчто въ родѣ «Сельскаго Чтенія», и какъ

---

[1]) Второе изданіе первой книжки „Сельскаго Чтенія“ вышло въ томъ же 1843 году. „Сельское Чтеніе“ имѣло большой успѣхъ (напр., первая книжка „Сельскаго Чтенія“ выдержала 11 изданій; вторая—семь).

[2]) Владиміръ Ивановичъ Даль былъ въ то время секретаремъ при товарищѣ министра удѣловъ.

[3]) Матвѣй Андреевичъ Байковъ (р. 1800 † 1849), писатель, основатель и директоръ удѣльнаго земледѣльческаго училища въ Петербургѣ.

[4]) Во 2-й книжкѣ „Сельскаго Чтенія“, вышедшей въ свѣтъ въ 1844 году, между прочимъ, помѣщены: статья князя В. Ѳ. Одоевскаго „Кто такой дѣдушка Крыловъ?“ и три басни Крылова: „Крестьянинъ въ бѣдѣ“, „Совѣтъ мышей“ и „Лягушка и Волъ“.

[5]) Императорской Академіи Наукъ, которая имѣла привилегію издавать календари.

издавать его будутъ почти тѣ же люди, то это значитъ разъединять и силы, и дѣятельность, которыхъ и на «Сельское Чтеніе» достаетъ весьма мало. Но «С(ельское) Чтеніе» есть дѣло установившееся, вѣрное,— стоитъ только поддерживать его, а календарь? Богъ знаетъ, что еще съ нимъ будетъ. По моему мнѣнію, самой Академіи выгоднѣе уступить право «С(ельскому) Чтенію» напечатать святцы за нѣкоторую умѣренную плату; это будетъ для нея тѣмъ выгодно, что вовсе не будетъ подрывать ея календаря,—а для «С(ельскаго) Чтенія»—это будетъ опытомъ. Если хотите, я отъ своего имени вступлю по этому дѣлу въ переговоры съ Фуссомъ [1]). Во всякомъ случаѣ, ясно, что не слѣдуетъ торопиться давать положительный отвѣтъ Усову [2]). Подождите до вторника, мы еще разъ потолкуемъ.

Письмо это доставитъ къ вамъ M-me Pauli; позвольте кстати замолвить слово за нее. Все, чего она ищетъ и въ чемъ имѣетъ крайнюю нужду—это 300 р. сер. въ годъ на воспитаніе двухъ ея дѣтей.

Вчера вы проговорились о какомъ-то благотворительномъ Обществѣ, подъ предсѣдательствомъ герцога Лейхтенбергскаго [3]): вотъ прекрасный случай для дебюта этого Общества! Нельзя-ли сдѣлать чего-нибудь по этому предмету?

Вашъ А. Заблоцкій.

XXV. Письмо М. В. Юзефовича [4]).

Кіевъ. 28-го марта 1844.

Препровождаю при семъ для васъ, почтеннѣйшій князь Владиміръ Ѳедоровичъ, экземпляръ романа Кулѣша [5]) «Чарнышенко» [6]). Я увѣ-

---

[1]) Павломъ Николаевичемъ Фуссомъ (р. 1798 † 1855), академикомъ по каѳедрѣ математики и непремѣннымъ секретаремъ Академіи Наукъ.

[2]) Степанъ Михайловичъ Усовъ (р. 1797 † 1859), адъюнктъ, а потомъ профессоръ С.-Петербургскаго университета по каѳедрѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства и редакторъ „Земледѣльческой Газеты", издававшейся министерствомъ государственныхъ имуществъ.

[3]) Общество посѣщенія бѣдныхъ, возникшее въ 1846 году. Почетнымъ попечителемъ Общества состоялъ (въ 1846—1852 гг.) герцогъ Максимиліанъ Лейхтенбергскій. Князь В. Ѳ. Одоевскій, при самомъ учрежденіи Общества, единогласно былъ избранъ его предсѣдателемъ.

[4]) Михаилъ Владиміровичъ Юзефовичъ (р. 1802 † 1889), воспитанникъ Московскаго университетскаго благороднаго пансіона, былъ въ это время помощникомъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа; послѣдніе годы своей жизни онъ состоялъ предсѣдателемъ Кіевской коммиссіи для разбора древнихъ актовъ.

[5]) Извѣстный малорусскій писатель Пантелеймонъ Александровичъ Кулишъ (р. 1819 † 1897).

[6]) Историческій романъ П. А. Кулиша „Михаило Чернышенко, или Ма-

ренъ, что вы найдете въ немъ признаки неподдѣльнаго дарованія; а это будетъ достаточно, чтобъ заслужить ваше участіе и покровительство 24-хъ-лѣтнему юношѣ, которому предстоитъ весьма трудная въ наше время забота: открыть себѣ пути къ вѣдѣнію и прочтенію публики. Ежели въ настоящемъ положеніи нашей книжной торговли этого достигнуть почти невозможно, то пусть, по крайней мѣрѣ, онъ дѣлается извѣстнымъ хотя небольшому кругу достойныхъ цѣнителей. Вы принадлежите къ числу главнѣйшихъ старшинъ нашей литературы. Вашъ одобрительный голосъ будетъ для Кулѣша и поощреніемъ, и утѣшеніемъ. Пособите, любезнѣйшій князь, спасти молодой талантъ отъ унынія и поддержать его дѣятельность. Вмѣстѣ съ тѣмъ я посылаю А. В. Никитенку новую повѣсть его для напечатанія гдѣ-нибудь. Эту повѣсть я поручаю также вашему покровительству. Я прошу Александра Васильевича сообщить вамъ ее до напечатанія.

Поручая себя вашей доброй памяти и благорасположенію, прошу васъ вѣрить отличному уваженію и искренней преданности, съ коими навсегда пребуду къ вамъ М. Юзефовичъ.

XXVI. Письмо М. П. Розберга [1]).

Дерптъ. 31-го марта 1846.

Незабвенный, любезнѣйшій товарищъ князь Владиміръ Ѳедоровичъ.

Письмо ваше, отъ 28-го ноября [2]) прошедшаго года, я получилъ недавно отъ г-на Неймана [3]). Я постараюсь сдѣлать для него все, что отъ меня будетъ зависѣть; впрочемъ, въ надеждахъ своихъ получить здѣсь, вмѣстѣ со степенью магистра, права, соединенныя съ нею на службѣ, онъ обманулся: въ Дерптскомъ университетѣ, касательно этого, существуютъ тѣ же постановленія, какія и въ остальныхъ нашихъ русскихъ. Невзгода не остановила однакожъ твердаго въ намѣреніяхъ своихъ правовѣдца:—онъ приготовляется къ испытанію.

Горькими слезами оплакалъ я неожиданную кончину стариннаго

лороссія 80 лѣтъ назадъ“ былъ изданъ, въ трехъ частяхъ, въ Кіевѣ въ 1843 году. Средства для изданія этого романа были даны Кулишу М. В. Юзефовичемъ.

[1]) Михаилъ Петровичъ Розбергъ (р. 1804 † 1874), воспитанникъ Московскаго университета (кончилъ курсъ въ 1829 году со степенью кандидата философскаго факультета), занималъ въ 1835—1867 гг. каѳедру русскаго языка и словесности въ Дерптскомъ университетѣ; въ 1841 г. онъ былъ выбранъ въ академики Императорской Академіи Наукъ, по Отдѣленію русскаго языка и словесности.

[2]) Письмо кн. Одоевскаго было отъ 18-го ноября; въ подлинникѣ дата написана невполнѣ ясно, и Розбергъ ошибочно прочелъ: 28-го ноября.

[3]) См. о немъ помѣщаемое ниже письмо кн. Одоевскаго къ Розбергу.

друга нашего Николая Алексѣевича Полеваго [1]). Въ его домѣ, за Сухаревой башней, я часто встрѣчался съ вами; съ его именемъ соединяется въ душѣ моей толпа литературныхъ и житейскихъ воспоминаній; онъ возникъ метеоромъ между нами, въ Москвѣ, когда она еще кипѣла во дни нашей молодости любознательной дѣятельностью и безкорыстною страстью къ наукамъ. Что бы ни думали, какъ бы ни говорили, онъ, несмотря на свои уклоненія, ошибки и промахи, одинъ изъ самыхъ необыкновенныхъ людей Россіи, и отечество можетъ имъ гордиться. Позже ему отдадутъ болѣе справедливости, нежели теперь. Неутомимый въ трудѣ, гибкій, раздражительный, одушевленный какимъ-то чутьемъ, хотя не всегда отчетливымъ, истины, новизны, свѣжести, онъ на многое указалъ, многое предчувствовалъ, многое прекрасно исполнилъ, проложилъ смѣло нѣсколько до него у насъ невѣдомыхъ путей и сдѣлался яркимъ воплощеніемъ всей нашей современной образованности, съ ея преимуществами и недостатками. Хвала ему! Жизнь его—подвигъ: онъ выстрадалъ ее, прикованный слишкомъ двадцать лѣтъ къ письменному своему столу, какъ Прометей къ скалѣ Кавказа; но завѣтный огонь, имъ похищенный, съ тѣхъ поръ уже не угасалъ. Мысль о Полевомъ перейдетъ къ потомству....

Народная педагогія, которая покамѣстъ составляетъ предметъ вашихъ занятій [2]),—дѣло важное и полезное. Да благословитъ васъ Богъ Простите моей нескромности: я къ вамъ съ просьбой—если вы сами издатель вашихъ сочиненій, пришлите мнѣ экземпляръ съ надписью вашей руки. Это будетъ для меня драгоцѣнно. Не забывайте меня. Вашъ голосъ вызываетъ меня изъ вязкой нѣмецкой тины, наполняя сердце роднымъ, близкимъ, любимымъ.

Преданный вамъ душою Михаилъ Розбергъ.

Приводимъ письмо князя Одоевскаго къ Розбергу отъ 18-го ноября 1845 года, изъ Петербурга [3]):

Любезнѣйшій Михайло Петровичъ!

Податель сего письма г. Нейманъ, сынъ извѣстнаго юриста Ней-

---

[1]) Н. А. Полевой скончался въ Петербургѣ 22-го февраля 1846 г.

[2]) Князь В. Ѳ. Одоевскій увлекался элементарною педагогіею (для занятій съ дѣтьми отъ 6-лѣтняго до 10-тилѣтняго возраста) и былъ занятъ большимъ сочиненіемъ „Наука до науки“.

[3]) Подлинникъ письма былъ въ 1898 г. принесенъ въ даръ Императорской Публичной Библіотекѣ Г. А. Тройницкимъ (см. „Отчетъ Импер. Публ. Библіотеки за 1898 годъ“, стр. 147).

мана [1]), правой руки Сперанскаго и который извѣстенъ своимъ разборомъ Русской Правды [2]), о которой въ его время никто еще и не помышлялъ. Сынъ пошелъ по слѣдамъ отца. Онъ теперь намѣренъ держать экзаменъ въ Дерптскомъ университетѣ на ученую степень; сдѣлайте милость, приласкайте и не оставьте; симъ много меня обяжете. Что вы подѣлываете, любезнѣйшій товарищъ? Что замолкли? Я же вожусь съ моею элементарною педагогіею и, чтобы не развлекаться въ мысляхъ, не принимаюсь пока ни за что литературное. Теперь печатается первая изъ цѣлаго ряда книжекъ, мною приготовленныхъ: Наука до науки. Какъ скоро выйдетъ—пришлю.

Вамъ душевно преданный к. В. Одоевской.

XXVII. Письмо Н. В. Гоголя [3]).

Неаполь, 16-го марта (1847).

Прежде я бы на тебя разсердился, несмотря на то, что любилъ всегда добрую твою душу и зналъ, что никому въ жизнь свою ты не нанесъ еще никакой непріятности. Но я бы на тебя разсердился за твое молчаніе въ такую минуту, когда тягостнѣй всего было получить мнѣ отъ друзей моихъ молчаніе. Я думалъ, что, по поводу выхода книги моей [4]), друзья мои поставятъ себѣ въ непремѣнную обязанность — передать мнѣ свои ощущенія, указать мнѣ мои заблужденія, ошибки или промахи, довести до моего свѣдѣнья замѣчанія умныхъ людей словомъ, дать мнѣ случай оглянуться на самого себя и построже раз-

---

[1]) Іоганнъ-Георгъ (Иванъ Егоровичъ) Нейманъ (р. 1780 въ Марбургѣ † 1855) былъ вызванъ въ 1807 г. въ Россію для участія въ работахъ Коммиссіи о составленіи законовъ, въ которой состоялъ сначала помощникомъ редактора, потомъ начальникомъ отдѣленія гражданскихъ законовъ и наконецъ секретаремъ совѣта. Въ 1809 г. былъ назначенъ профессоромъ русскаго права въ Казанскій университетъ, въ 1811 г. перешелъ въ Дерптъ, въ 1814 г. опять въ Казань, а въ 1817 г. снова въ Дерптъ, гдѣ и оставался профессоромъ до 1826 г., когда вышелъ въ отставку. Въ 1826 г. былъ приглашенъ для занятій во II Отдѣленіе Собственной его величества канцеляріи, но въ концѣ года, по болѣзни, былъ освобожденъ отъ занятій въ Отдѣленіи.

[2]) Князь В. Ѳ. Одоевскій, вѣроятно, имѣетъ въ виду записку Неймана: „Ueber die Wichtigkeit der Kenntniss und der Bearbeitung des alten slavischen Rechts für die Erklärung der ältesten russischen Gesetze und für die russische und slavische Geschichte überhaupt“, представленную имъ въ 1814 году въ Академію Наукъ (см. Н. Буличъ, Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета, ч. II (Казань. 1891, стр. 94—95, и Біограф. словарь профессоровъ и преподавателей Юрьевскаго, бывшаго Дерптскаго университета, т. I (Юрьевъ. 1902), стр. 586).

[3]) Это письмо Гоголя къ князю Одоевскому было принесено послѣднимъ въ даръ Императорской Публичной Библіотекѣ въ 1857 году (см. „Отчетъ“ Библіотеки за 1857 годъ, стр. 85). Послано оно было князю Одоевскому черезъ графиню А. М. Вielьгорскую (см. Письма Н. В. Гоголя. Редакція В. И. Шенрока, т. III, стр. 413).

[4]) Т. е. Избранныя мѣста изъ переписки съ друзьями.

смотрѣть себя. И хоть бы какое-нибудь слово отъ кого-нибудь изъ Петербурга! Я могу только догадываться, что есть обо мнѣ слишкомъ много невыгодныхъ толковъ, къ которымъ подалъ я самъ поводъ темнотой, неясностью словъ и выраженій (которыми страдалъ долго и слѣды которыхъ остались слишкомъ ощутительны въ моей книгѣ), неполнымъ развитіемъ тѣхъ истинъ, которыя слѣдовало подать въ видѣ доступномъ для читателя. Но какіе именно эти толки — я не знаю. Тогда какъ мнѣ слѣдуетъ знать, потому что потомъ бы я впалъ въ такія ошибки, въ какихъ и не думаю подозрѣвать себя. Ради самого Христа передай мнѣ хотя важнѣйшіе изъ нихъ. Ты видишь много умныхъ людей, у тебя же они притомъ и собираются всякую недѣлю. Что тебѣ стоитъ передать мнѣ мнѣнія ихъ всѣхъ и прибавить въ заключенье свое. Не бойся, я не вынесу изъ избы сору и ни на кого не разсержусь, хотя бы онъ выразился обо мнѣ, какъ объ наипрезрѣннѣйшемъ человѣкѣ. Грѣхъ будетъ тебѣ, если ты не исполнишь этого, потому что это дѣло души моей и душа моя требуетъ въ спасенье свое осужденій. Передай мой душевный поклонъ княгинѣ. Скажи ей, что мнѣ слишкомъ совѣстно, что я дерзнулъ было наложить на нее одно хлопотливое дѣло. Я послѣ увидѣлъ самъ, что это было не умно; а она, добрая душа, несмотря на все, изъявила готовность великодушную исполнить мою просьбу. Богъ ее да наградитъ за то и тебя, если ты также великодушно исполнишь мою нынѣшнюю просьбу.

Весь твой Г.

Спроси у Вяземскаго, получилъ-ли онъ письмо черезъ Россети Ар(кадія) О(сиповича) [1]). Я до сихъ поръ еще не получилъ никакой книги изъ Петербурга, ни моей, ни чужихъ.

XXVIII. Письмо А. В. Никитенка.

Генваря 1-го дня 1851 года.

Милостивый государь князь Владиміръ Ѳедоровичъ.

Всякой, кто принялъ на себя какую-нибудь обязанность, долженъ исполнять ее, а если не можетъ, долженъ сказать о томъ добросовѣстно и откровенно—истина аксіоматическая для честнаго человѣка. Извѣстно, что обязанность члена Общества посѣщенія бѣдныхъ есть двоякая: денежная и дѣятельная. Одну, т. е. послѣднюю, я исполняю по силамъ

---

[1]) Это письмо Гоголя къ кн. Вяземскому, отъ 28-го февраля н. ст. 1847 г., см. въ Письмахъ Н. В. Гоголя. Редакція В. И. Шенрока, т. III, стр. 379—382; письмо же Гоголя къ Аркадію Осиповичу Россету (брату извѣстной А. О. Смирновой), черезъ котораго было послано письмо къ кн. Вяземскому, см. тамъ же, стр. 376—378.

моимъ и крайнему разумѣнію, другой не могу, хотя бы и радъ, по причинѣ весьма простой и отъ меня не зависящей — именно я самъ бѣденъ, и весьма бѣденъ. Казалось бы, этого не должно быть съ человѣкомъ, который пользуется полнымъ употребленіемъ своихъ силъ и достаточною репутаціей въ своемъ художествѣ, въ особенности какъ профессоръ отечественнаго слова — въ своемъ отечествѣ. Однакожъ истина для меня очевидна, что я едва могу существовать наискромнѣйшимъ образомъ съ моимъ семействомъ. Университетское жалованье, какъ вы знаете, одно не доставляетъ возможности жить въ Петербургѣ, драгоцѣннѣйшемъ мѣстѣ во вселенной, а я остаюсь почти при немъ одномъ. Прежде я дополнялъ мое содержаніе перомъ и свѣдѣніями моими; о первомъ нечего говорить, на вторыя нѣтъ запроса, слѣдовательно нѣтъ сбыта, слѣдовательно нѣтъ и денегъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что для меня, въ нынѣшнемъ моемъ положеніи, не только обременительно вносить въ Общество положенную сумму и уплатить числящуюся на мнѣ недоимку, но просто невозможно, хотя бы я хотѣлъ даже продать часть моего имущества: ибо имущество мое почти изъ однѣхъ книгъ состоитъ, а книги не покупаются, а только развѣ иногда крадутся пріятелями у пріятелей. Изъ этого отчета слѣдуетъ, что я могу быть, такъ сказать, только половиннымъ членомъ Общества, т. е. жертвовать ему моими трудами и временемъ — только.

Досточтимый и благороднѣйшій изъ человѣковъ не князей и князей-человѣковъ! рѣшите, до какой степени можетъ быть терпимо таковое мое окаянство и могу-ли я принадлежать далѣе къ Обществу, которое впрочемъ я глубоко уважаю за дѣло, за его труды и за людей, изъ которыхъ оно умѣло себя создать.

Само собою разумѣется, что письмо это не должно имѣть оффиціальной гласности и остается только между вами и мною.

Съ глубокимъ сердечнымъ уваженіемъ и неизмѣнною любовію имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою А. Никитенко.

XXIX. Письма И. С. Тургенева.

I.

Письмо къ княгинѣ О. С. Одоевской.

С. Спасское, 26-го мая 1856 г.

Зачѣмъ я не Державинъ, любезная княгиня! Какъ бы я ударилъ въ струны, чтобы возблагодарить васъ за вашу доброту и снисходительность! Говоря серьезно, я вамъ очень благодаренъ и постараюсь лично изъявить вамъ мои чувства въ половинѣ іюля въ Ораніенбаумѣ, куда я

непремѣнно отправлюсь изъ Петербурга. А теперь пока не много имѣю я сказать вамъ о томъ, что я дѣлаю въ деревнѣ—потому что, правду говоря, я ничего не дѣлаю—ѣмъ, гуляю и сплю—и по цѣлымъ часамъ не сознаю въ головѣ своей присутствія малѣйшей мысли.—Это очень покойно, и, вообразите себѣ—гораздо пріятнѣе, чѣмъ я ожидалъ!

За симъ еще разъ благодарю васъ, цѣлую ваши ручки, кланяюсь князю и остаюсь преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

II.

Письмо къ князю В. Ѳ. Одоевскому.

Баденъ-Баденъ, 5-го (17-го) апрѣля 1868.
Thiergartenstrasse, 3.

Любезнѣйшій князь.

Позвольте поручить вашему — можно сказать всей Россіи извѣстному — радушію и вашей добротѣ подателя этого письма Николая Михайловича Стромилова, молодаго человѣка и начинающаго литератора. Обстоятельства его тѣсны и затруднительны, но онъ готовъ трудиться и проситъ одного: работы. Но и работу не всегда легко достать — и вы, какъ одинъ изъ патріарховъ Москвы, въ которой онъ желаетъ поселиться, можете оказать ему великую услугу вашими совѣтами и вашей помощью. Заранѣе благодарю васъ за все, что вы сдѣлаете для этого молодаго человѣка, и прошу васъ, а также и любезнѣйшую княгиню принять увѣреніе въ нелицемѣрной моей дружбѣ и преданности.

Вашъ Ив. Тургеневъ.

XXX. Письмо Н. И. Костомарова.

Саратовъ, 18-го іюля 1856 г.

Ваше сіятельство князь Владиміръ Ѳедоровичъ.

Въ началѣ іюня нынѣшняго года я обращался къ вашему сіятельству съ покорнѣйшею просьбою о помѣщеніи меня на службу при Императорской Публичной Библіотекѣ. Но какъ въ настоящее время должность библіотекаря въ Румянцовскомъ Музеѣ, по смерти г. Штукенберга [1]), остается незанятою, то я осмѣливаюсь просить ваше сіятельство, по моему прошенію, посланному на имя директора Библіотеки опредѣлить меня на это мѣсто. Будьте милостивы, ваше сіятельство, окажите мнѣ это благодѣяніе. Занимавъ нѣкогда каѳедру русской исторіи [2]), посвятивъ болѣе пятнадцати лѣтъ изученію отечественной ста-

---

[1]) Библіотекаремъ Румянцовскаго Музея былъ Иванъ Христіановичъ Штукенбергъ.

[2]) Въ 1846 г. въ университетѣ св. Владиміра.

рины, я ревностно желаю принести, по возможности, какую-нибудь пользу наукѣ. Знаю, что я не ознаменовалъ себя ничѣмъ такимъ, что̀ бы мнѣ давало право на вниманіе вашего сіятельства; напротивъ, на мнѣ лежитъ память монаршаго гнѣва за юношескія увлеченія, которыя я долженъ былъ искуплять многолѣтними, горькими страданіями [1]). Поэтому, получивъ прощеніе государя императора [2]), я, для возвращенія на прежній путь служенія наукѣ, обращаюсь единственно къ вашему великодушію. Даровавши мнѣ должность, о которой я прошу ваше сіятельство, вы доставите мнѣ возможность сдѣлаться полезнымъ человѣкомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ средства къ безбѣдной жизни. Заслужить вашу милость и сдѣлаться, сколько мои способности дозволятъ, ея достойнымъ—я поставлю цѣлью всей моей будущей дѣятельности. Я прошу покорнѣйше ваше сіятельство, въ случаѣ согласія вашего, сдѣлать распоряженіе о переводѣ меня, сообразно поданному мною прошенію; въ противномъ же случаѣ, если просимая мною теперь должность библіотекаря въ Румянцовскомъ Музеѣ [3]) не можетъ быть замѣщена мною, не откажите, ваше сіятельство, приказать увѣдомить меня о томъ.

Приношу увѣреніе въ искренности моихъ чувствъ глубочайшаго уваженія и совершенной преданности, съ которыми честь имѣю пребыть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Николай Костомаровъ.

XXXI. Письмо Д. А. Смирнова [4]).

Губернскій г. Владиміръ, 3-го декабря 1858 г.

Милостивый государь князь Владиміръ Ѳедоровичъ.

Я очень хорошо помню тотъ ласковый и обязательный пріемъ, который вы нынѣшней весной сдѣлали мнѣ, какъ племяннику Грибоѣдова и человѣку, который и прежде бывалъ у васъ въ домѣ вмѣстѣ

---

[1]) Участіе въ такъ-называемомъ «Кирилло-Меѳодіевскомъ обществѣ», за что̀ въ 1847 г. Костомаровъ былъ арестованъ и высланъ въ Саратовъ.

[2]) Осенью 1855 года Н. И. Костомаровъ получилъ разрѣшеніе пріѣхать изъ Саратова на четыре мѣсяца въ Петербургъ (см. автобіографію Н. И. Костомарова въ „Русской Мысли“ 1885 года, іюнь, стр. 30).

[3]) Какъ извѣстно, Костомаровъ не былъ опредѣленъ на должность библіотекаря Румянцовскаго Музея.

[4]) Дмитрій Александровичъ Смирновъ (р. 1819 † 1866), воспитанникъ Московскаго университета, извѣстенъ своими трудами по собиранію матеріаловъ для біографіи А. С. Грибоѣдова. Краткія біографич. свѣдѣнія о Д. А. Смирновѣ см. въ „Трудахъ Владимірской ученой архивной комиссіи“, книга II (Владиміръ. 1900), Приложенія, Портретная галлерея уроженцевъ и дѣятелей Владимірской губерніи. Составилъ А. В. Смирновъ, выпускъ I, стр. 25—27).

съ Виноградовымъ [1]), о которомъ мы вспомнили. Помню я и то, что, предложивши вамъ снять копію съ одного изъ оригинальныхъ портретовъ моего знаменитаго дяди, я обѣщалъ вамъ фотографическую копію и съ другого (20-ти лѣтъ). Оригиналъ этого послѣдняго портрета теперь уже въ Петербургѣ, на-дняхъ съ него будетъ снята копія, и я прошу васъ, князь, чтобы вы позволили привезти и лично отдать въ ваши руки эту копію родному племяннику моему, лейбъ-гвардіи Московскаго полка офицеру Поливанову [2]), и еще прошу васъ, князь, чтобы вы обязали меня и приняли этотъ портретъ дяди отъ меня въ подарокъ, въ знакъ моего отличнаго къ вамъ уваженія и признательности за честь и удовольствіе вашего знакомства.

Вѣроятно, и вы вспомните, что обѣщали мнѣ. Вы обѣщали мнѣ всѣ имѣющіяся у васъ бумаги, которыя касаются Грибоѣдова; но весной вы сказали, что онѣ въ вашемъ имѣніи, что послать за ними некого, кромѣ вашего камердинера, который былъ вамъ необходимъ, потому что вы были нездоровы. Умоляю васъ, князь (просто—умоляю),—если вы еще не вызвали ихъ изъ вашего домашняго архива, то сдѣлайте милость, вызовите хоть къ Новому году: я къ этому времени надѣюсь снова быть въ Петербургѣ, видѣться, разумѣется, съ вами и получить ваше позволеніе снять съ нихъ копіи. Всякая Грибоѣдовская строка для меня—драгоцѣнность, за которой я готовъ хоть пѣшкомъ Богъ знаетъ куда идти. Притомъ же я надѣюсь, что то, что вы разъ обѣщали,—можно почитать исполненнымъ.

Еще у меня къ вамъ просьба, князь. Не знакомы-ли вы съ графомъ Кушелевымъ-Безбородко [3]), который хочетъ издавать «Русское Слово»? Если знакомы,—я очень радъ, потому что вы, вѣрно, не откажетесь сказать о мнѣ графу доброе слово и сдѣлать ему слѣдующее предложеніе: можетъ быть, ему будетъ угодно и онъ признаетъ не безполезнымъ для себя войти въ сношенія съ человѣкомъ, у котораго всѣ главные въ Россіи матеріалы о Грибоѣдовѣ и который молча, въ тишинѣ кабинета, уже нѣсколько лѣтъ трудится надъ этими матеріалами.

---

[1]) Вѣроятно, кандидатомъ юридическаго факультета Московскаго университета Гавріиломъ Виноградовымъ († 1842), который при посредствѣ князя Одоевскаго хотѣлъ поступить на службу во II Отдѣленіе Собственной его величества канцеляріи (см. Опись бумагъ кн. В. Ѳ. Одоевскаго, напеч. въ приложеніяхъ къ «Отчету Императорской Публичной Библіотеки за 1884 г.», Спб. 1887, стр. 8). Сочиненіе Виноградова «О судѣ по формѣ» Н. В. Калачовъ намѣревался напечатать въ «Юридическихъ Запискахъ» Рѣдкина (см. Бумаги кн. В. Ѳ. Одоевскаго, переплетъ № 8, ст. 7).

[2]) Матвѣй Михайловичъ Поливановъ, въ то время прапорщикъ л.-гв. Московскаго полка.

[3]) Графъ Григорій Александровичъ Кушелевъ-Безбородко († 1876) издавалъ въ Петербургѣ журналъ „Русское Слово“.

Теперь одинъ (о которомъ сейчасъ скажу подробно) изъ трудовъ моихъ о Грибоѣдовѣ готовъ совершенно, и я около Новаго года поѣду въ Петербургъ его продавать,—разумѣется, не дешево: подобнаго рода вещи не подходятъ подъ общую категорію журнальныхъ статей. Я дѣлаю графу это предложеніе, потому что дѣйствительно онъ, можетъ быть, разсудитъ, что не безполезно напечатать въ его, при томъ же новомъ, журналѣ вещь, о которой можно смѣло сказать, что ее прочтетъ вся Россія. Всѣ русскія редакціи и много людей образованныхъ давно знаютъ, что я занимаюсь Грибоѣдовымъ, и на всякую статью о немъ, подписанную моимъ именемъ, обратятъ особенное вниманіе. Это совсѣмъ не относится къ моей выгодѣ, а развѣ напротивъ въ отношеніи ко мнѣ будутъ требовательнѣе... Трудъ, который теперь готовъ у меня—это «черновая» дяди, мой кладъ, моя драгоцѣнность, которую я (въ подлинникѣ) не отдамъ на вѣсъ золота. Я говорилъ вамъ, князь, что я получилъ въ подарокъ отъ лучшаго друга дяди С. Н. Бѣгичева [1]) цѣлую, большую, переплетенную тетрадь разныхъ черновыхъ бумагъ его, однимъ словомъ, кладъ совершенный, особенно теперь, когда ищутъ и добиваются всякой новой строки знаменитаго писателя. Боже мой, чего только нѣтъ въ этой тетради! Тутъ и путевыя записки, и стихотворенія, и замѣтки о русской археологіи, и даже то, что всѣ почитали погибшимъ—отрывки изъ знаменитой «Грузинской ночи», и все это сбито, перемѣшано, перепутано, такъ что представляетъ истинный хаосъ. Все это было нужно «разобрать» во всѣхъ отношеніяхъ, т. е. систематизировать, разобрать лексически (пожалѣйте меня, князь: отъ послѣдняго я почти ослѣпъ, потому что часто при разборкѣ связныхъ трудныхъ мѣстъ употреблялъ увеличительное стекло вершка четыре въ діаметрѣ), объяснить комментаріями, для чего я долженъ былъ прочесть груды книгъ, и чтобы объяснить то, о чемъ не найдешь въ книгахъ, найти корреспондентовъ въ Грузіи, Арменіи, Крыму, на Кавказѣ и объяснителей по Персіи. Труда было страшно много (повторяю, что я почти ослѣпъ), и этотъ-то первый мой трудъ о Грибоѣдовѣ я предлагаю графу Кушелеву. Я надѣюсь, что отъ статей моихъ не откажется ни одна редакція, но я желалъ бы имѣть дѣло съ графомъ... Надо замѣтить, что за двумя, довольно большими, статьями о «черновой» [2]) послѣдуетъ одна,—думаю, что любопытная—статья: «Матеріалы для исторіи Горе отъ ума» [3]) и наконецъ

---

[1]) Степана Никитича Бѣгичева († 1857).

[2]) Сообщеніе Д. А. Смирнова «А. С. Грибоѣдовъ. Черновая тетрадь Грибоѣдова» было напечатано въ „Русскомъ Словѣ“ 1859 г., № 4, отд. I, стр. 1—82, и № 5, отд. I, стр. 9—116.

[3]) Вѣроятно, здѣсь Д. А. Смирновъ имѣетъ въ виду снятую имъ копію съ первоначальнаго текста „Горя отъ ума“, по рукописи, принадлежавшей Бѣ-

послѣдній отдѣлъ (3-й): «Матеріалы для біографіи А. С. Грибоѣдова» [1]). Въ обоихъ послѣднихъ отдѣлахъ будетъ много любопытнаго, новаго, находящагося въ однѣхъ только моихъ рукахъ. Вотъ какое у меня Грибоѣдовское богатство!

Я надѣюсь, князь Владиміръ Ѳедоровичъ, что вы не поставите себѣ въ особенный трудъ передать графу Кушелеву все, что я пишу къ вамъ, или просто передать ему мое письмо, которое ему все подробно разскажетъ. Если графу угодно будетъ «пріобрѣсти» меня, то я буду ждать отъ него нѣсколькихъ строкъ и полнаго адреса. Тогда я, съ полной увѣренностью, что имѣю дѣло съ человѣкомъ благороднымъ, у котораго статьи мои будутъ во всѣхъ отношеніяхъ цѣлы, сейчасъ же вышлю ихъ ему по почтѣ и ровно черезъ три недѣли (чтобы дать время прочесть статьи) пріѣду въ Петербургъ для личныхъ о нихъ переговоровъ.

Простите, князь, что я безпокою васъ, но, когда я весной къ вамъ явился, отрекомендовался и напомнилъ, что имѣлъ честь знать васъ и прежде, вы спросили меня: «Отчего же вы ко мнѣ не писали?»—«Я не смѣлъ васъ безпокоить, князь»—было моимъ отвѣтомъ. «Племянникъ Грибоѣдова всегда можетъ писать ко мнѣ»—сказали вы. Слова эти мнѣ очень памятны—и вотъ причина, или правильнѣе основаніе, по которому я васъ безпокою. Не смѣю просить отвѣта, но не скрываю отъ васъ, что отвѣтъ вашъ много бы доставилъ мнѣ удовольствія. Всего болѣе, князь, прошу васъ о вашихъ бумагахъ.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности, съ коими всегда буду имѣть честь быть вашимъ, милостивый государь князь, покорнѣйшимъ слугою Дмитрій Смирновъ.

XXXII. Письма А. Н. Сѣрова.

1.

20-го февраля 1859 г.

Князь Владиміръ Ѳедоровичъ.

Пользуясь благосклоннымъ ко мнѣ расположеніемъ вашего сіятельства и съ позволенія, лично полученнаго, обременяю васъ просьбами.

Во-первыхъ, прилагаю при семъ статейку о Лаубѣ [2]). Посланная

гичеву (а нынѣ хранящейся въ Россійскомъ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ), со вступительною статьею. Этотъ трудъ Д. А. Смирнова остался неизданнымъ, но извѣстенъ въ нѣсколькихъ рукописныхъ спискахъ,

[1]) Эти „Біографическія извѣстія о Грибоѣдовѣ“ Д. А. Смирнова были напечатаны въ 1868 году въ „Бесѣдахъ въ Обществѣ Любителей россійской словесности“, вып. второй, отд. 2, стр. 1—30.

[2]) Скрипачъ Фердинандъ Лаубъ (р. 1832 † 1875).

въ редакцію «Спб. Вѣдомостей» черезъ васъ, она непремѣнно явится въ печати. (Чего, быть можетъ, и не случилось бы, еслибъ я самъ отъ себя доставилъ статью Краевскому) [1]). Условія мои для напечатанія только тѣ, чтобъ ко мнѣ была доставлена корректура (sine qua non!) и чтобъ по напечатаніи даны были мнѣ 3 или 4 отдѣльныхъ оттиска этой статейки. Попросите также, чтобъ не медлили помѣщеніемъ—концертъ Лауба—3-го марта, а послѣ концерта это будетъ «de la moutarde après souper» [2]).

Вторая моя униженнѣйшая просьба касается—вы догадываетесь—лекцій моихъ [3])! Вы сами обѣщали мнѣ тиснуть обо мнѣ нѣсколько строкъ. Теперь именно это необходимо.

Съ будущаго раза (тоже 3-го марта, въ одинъ вечеръ съ Лаубомъ! начинается вторая половина курса моего. Желательно бы зазвать побольше слушателей.

Скажите въ «Вѣдомостяхъ», что теперь остается самая интересная часть курса (ритмъ, мелодія, контрапунктъ, формы сочиненій музыкальныхъ и, наконецъ—оркестровка).

Скажите, что все это будетъ въ бѣгломъ, конечно, но полномъ очеркѣ, гдѣ существенные предметы будутъ разсмотрѣны всѣ. Скажите, что всего этого, въ такомъ изложеніи, трудно добиться по книгамъ. Надо перечитать бездну, чтобъ доискаться результатныхъ выводовъ, а тутъ выводы эти предлагаются публикѣ, какъ ошелушенный орѣшекъ. Остается только — скушать. (Вторая половина курса вся—за 5 р. серебромъ!) Но охотниковъ—на мои блюда—немного!!

Вмѣстѣ съ вами я знаю, что всякое начинаніе трудно, что никакое дѣло сразу не пріймется (особенно—дѣло музыкальное въ нашей публикѣ!!)

Но, тѣмъ не менѣе, равнодушіе всеобщее къ моему доброму предпріятію сильно меня волнуетъ и бѣситъ.

Ни одного студента на курсѣ, который читается въ ихъ санктуаріи!

---

[1]) А. А. Краевскій въ это время редактировалъ, вмѣстѣ съ А. Н. Очкинымъ, „С.-Петербургскія Вѣдомости“. Статья Сѣрова о Лаубѣ не появилась въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ (см. слѣдующее письмо Сѣрова). Въ № 10 „Театральнаго и Музыкальнаго Вѣстника“ 1859 г. была помѣщена статья Сѣрова „Концертъ Фердинанда Лауба“ (см. также „Критическія статьи А. Н. Сѣрова“, т. II, стр. 1042—1045).

[2]) Т. е. послѣ ужина горчица.

[3]) Въ 1858 и 1859 гг. Сѣровымъ было читано, въ залѣ С.-Петербургскаго университета, 16 публичныхъ лекцій „О музыкѣ съ ея технической, эстетической и исторической стороны“.

Ни малѣйшаго вниманія со стороны начальства (!), которое должно было,—помимо достоинства того, что я читаю,—уважать первое на Руси предпріятіе въ такомъ родѣ. Ни въ одной газетѣ ни полслова. Расшевелите немножко cette masse inerte et inepte [1]), кольните, разожгите ихъ чѣмъ-нибудь каленымъ. Авось добрыя слова ваши упадутъ не на такую каменистую почву, какъ самыя лекціи мои, когда васъ нѣтъ въ моей залѣ! Горько то, что такъ долго мнѣ придется ратовать за свое дѣло безъ успѣха (моральнаго и пекуніарнаго). Между тѣмъ состарѣюсь, и энергіи зѣло поубавится! Утѣшительнаго только и есть, что такіе люди какъ вы не повертываетесь спиною къ моимъ стремленіямъ.

А вообще—земля тяжелая для искусства!

Позвольте мнѣ надѣяться, что вы не замедлите исполненіемъ моихъ просьбицъ.

Въ статьѣ обо мнѣ потрудитесь прибавить въ примѣчаніи, что слѣдующая, 8 лекція—3-го марта, по случаю концерта Лауба начнется получасомъ раньше обыкновеннаго, то есть въ 6½ часовъ.

Адресъ мой (для корректуры объ Лаубѣ): На Лиговкѣ, близъ бассейновъ, на углу Озернаго переулка, въ своемъ домѣ.

Глубоко преданный вамъ А. Сѣровъ.

P. S. Отъ Листа (изъ Веймара) пришло письмо чрезвычайно интересное.

2.

25-го февраля (1859).

За что же мнѣ васъ винить въ томъ,—какъ я и ожидалъ впрочемъ,—что Краевскій сильно неблаговолитъ къ моимъ, какимъ бы то ни было, работамъ.

Весьма вѣроятно, что онъ найдетъ какой-нибудь предлогъ или затрудненіе по случаю и вашей статьи обо мнѣ! Такъ у насъ на Руси печка печетъ!

Замѣтьте, что я никогда никакихъ личныхъ столкновеній не имѣлъ съ А(ндреемъ) А(лександровичемъ). Только его постояннаго (и ничего не смыслящаго) сотрудника по музыкѣ г. Манна [2]),—который вовсе не «манна» на своемъ полѣ,—какъ-то однажды погладилъ противъ шерсти.

Мнѣ жаль не моей работы, не времени (и такъ его много пропадаетъ иногда), но жаль—Лауба. Его мало знаютъ, а мои строчки, при всей безавторитетности нашей журналистики вообще и

[1]) Т. е. эту косную и глупую массу.

[2]) Ипполитъ Александровичъ Маннъ (р. 1823 † 1894), драматургъ и музыкальный критикъ, велъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ музыкальную лѣтопись.

моей въ особенности, все-таки хоть сколько-нибудь пособить могли бы извѣстности у насъ такого первостатейнаго таланта.

Если есть возможность чего-нибудь надѣяться отъ «Инвалида», брякните въ «Инвалидѣ».

Вы полагали продать статью (!!), а ее и даромъ не хотятъ!

Мнѣ сдается, что и «Инвалидъ» откажетъ. Впрочемъ, для пользы Лауба, возьмите на себя еще разъ самый неблагодарный въ свѣтѣ трудъ: хлопотать за глубоко вамъ преданнаго А. Сѣрова.

3.

Вѣна, 28-го августа (9-го сентября) 1859.

Ваше сіятельство!

Помня двѣ неглупыя поговорки, одну родную: «Повинную голову и мечъ не сѣчетъ»—другую обще-европейскую: «meglio tardi che mai» [1]), уповаю на свойственное вамъ великодушіе, на снисходительность, результатную отъ глубоко-гуманнаго просвѣщенія, и хочу вѣрить, что вы простите мнѣ большую мою вину предъ вами, т. е. мое долговременное молчаніе, тогда какъ я обязанъ былъ написать вамъ еще изъ Веймара, еще въ половинѣ русскаго іюня, т. е. при самомъ началѣ моего нынѣшняго пребыванія за границей, которое теперь подходитъ уже къ концу!

Дѣло въ томъ, что о веймарскомъ печальномъ событіи [2]) я писалъ печатно [3]). Мои строки къ вамъ были бы только повтореніемъ того же. Странная мнѣ судьба, что я удостоился быть представленъ великой княгинѣ за двѣ недѣли до ея кончины!

Впослѣдствіи, многообразныя впечатлѣнія и занятія отвлекли меня совершенно отъ всякой корреспонденціи съ Петербургомъ (кромѣ печатныхъ заграничныхъ писемъ, которыя я—до времени—довольно аккуратно помѣщалъ въ своемъ постоянномъ органѣ, «Музыкальномъ Вѣстникѣ»).

Фаустова «Гретхенъ» въ лицѣ геніальной Маріи Зебахъ [4]), «Фиделіо» Бетховена (для меня еще въ первый разъ въ жизни), Рейнскій

---

[1]) Т. е. лучше поздно, чѣмъ никогда.

[2]) Кончина великой княгини Маріи Павловны, великой герцогини Саксенъ-Веймарской († 11-го (23-го) іюня 1859).

[3]) Въ „Заграничныхъ письмахъ“, печатавшихся въ „Театральномъ и Музыкальномъ Вѣстникѣ“ 1859 г. (см. „Критическія статьи А. Н. Сѣрова“, т. II, стр. 1092—1096).

[4]) Пѣвица Марія Зебахъ (Seebach, р. 1834, въ Ригѣ), вышедшая въ 1895 г. замужъ за пѣвца Нимана.

водопадъ, Озеро 4-хъ кантоновъ и другія неописываемыя прелести альпійской природы, сокровища живописи и скульптуры въ Мюнхенѣ и здѣсь, въ Вѣнѣ, блистательнѣйшія представленія «Лоэнгрина» на сценѣ дрезденской и вѣнской, личное знакомство съ великимъ Рихардомъ Вагнеромъ... Скажите на милость, когда же тутъ еще и письма писать?! Едва, едва успѣвалъ я дѣлать самыя коротенькія замѣтки въ своемъ дневникѣ, чтобы впечатлѣнія не спутались и не улетучились!

Прошлое лѣто было для меня эпохою «Тангейзера» и личнаго сближенія съ Листомъ; нынѣшнее лѣто эпоха «Лоэнгрина» и личнаго сближенія съ Вагнеромъ... Въ Швейцарію, въ Луцернъ, я ѣздилъ нарочно, чтобъ лицомъ къ лицу видѣть автора лучшихъ въ свѣтѣ оперъ, побесѣдовать съ нимъ,—всего этого я достигъ (хотя Вагнеръ былъ sur le point ѣхать изъ Луцерна въ Парижъ, гдѣ, если можно будетъ, останется довольно долго: «провинціальная» швейцарская жизнь стала для него невыносима). Познакомился я съ великимъ Рихардомъ по-пріятельски (имѣю право теперь, еслибъ подражалъ Лазареву [1]), заказать для себя визитныя карточки: «amico di Lisst e di Wagner»).

Надо вамъ замѣтить, что случилось такъ, что у меня и письма не было рекомендательнаго отъ Листа къ Вагнеру (его другу, какъ вамъ не безъизвѣстно). Надо было «ледяную корку» перваго знакомства съ довольно мизантропически настроеннымъ художникомъ—«лбомъ прошибать». Впрочемъ, немножечко дѣлу пособило то, что Вагнеръ меня зналъ уже и по нѣмецкимъ статьямъ въ «Лейпцигской Музыкальной Газетѣ». Такъ оно и обошлось гладенько.

Помнится, «Лоэнгрина» вы на сценѣ еще не слыхали? Спѣшите услышать. Описывать это диво дивное вамъ, конечно, я не возьмусь. (Васъ я исключаю изъ публики, для которой пишу въ «Вѣстникѣ»).

Эта опера выше «Тангейзера», безпрекословно и на много процентовъ. «Оберонъ» Веберовъ, пестрыя произведенія еврея Мейербера etc.—все это пигмеи и уроды передъ истиннымъ музыкально-драматическимъ стилемъ «Лоэнгрина»! Вагнеръ просто Шекспиръ оперной сцены. Теперь онъ только-что кончилъ еще оперу: «Tristan und Isolde», которую въ октябрѣ дадутъ въ первый разъ въ Карлсруэ. Въ головѣ у него созрѣваютъ еще четыре новыя музыкальныя драмы,—одна другой богаче,—судя по тому, какъ онъ мнѣ разсказывалъ ихъ планы и свои намѣренія...

---

[1]) Александру Васильевичу Лазареву, автору ораторій „Страшный Судъ“, и „Сотвореніе міра“ (о немъ см. въ „Критическихъ статьяхъ А. Н. Сѣрова“, т. III, стр. 1255—1257).

Другой музыкальный герой, коего эффигія [1]) украшаетъ этотъ листокъ, въ мое пребываніе въ домѣ его, очень заботился объ участи моей французской статьи (о Ростиславѣ [2]) и Рубинштейнѣ), препровожденной къ вашему сіятельству черезъ барона Мальтица [3]) 19-го іюня (1-го іюля). Участь этой статейки мнѣ рѣшительно неизвѣстна, но предчувствіе говоритъ мнѣ, что редакція «Journal de St.-Pétersbourg» нашла благовидный предлогъ, чтобы не помѣстить моей работы...

Подивитесь моимъ замысламъ. Несмотря на весьма незначительный результатъ моего прошлогодняго публичнаго курса, тотчасъ по пріѣздѣ, постараюсь открыть новый. Хочу побѣдить петербургскую публику хоть настойчивостью (gutta cavat lapidem) [4]) и буду читать «исторію оперной музыки» (вѣроятно, въ залѣ Бенардаки, по субботамъ, отъ 2-хъ до 4-хъ). Изъ 16-ти лекцій двѣ послѣднія будутъ посвящены исключительно русской школѣ, т. е. операмъ Глинки. Впрочемъ, обо всемъ этомъ надѣюсь потолковать съ вами лично. Изъ Вѣны ѣду скоро опять въ Дрезденъ, Веймаръ, а тамъ черезъ Берлинъ и Штеттинъ во-свояси.

Искренно преданный вамъ А. Сѣровъ.

4.

Баденъ-Баденъ, 2-го сентября (21-го августа) 1864.

Многоуважаемый Владиміръ Ѳедоровичъ.

Собираясь отсюда въ обратный путь во-свояси (хотя это отчасти еще зависитъ отъ одного письма Рихарда Вагнера—если онъ теперь у себя въ Штарнбергѣ, а не у короля Баварскаго во дворцѣ, то, по его приглашенію, мы ѣдемъ въ Штарнбергъ и прогостимъ тамъ нѣсколько дней)—начинаю подумывать о житьѣ-бытьѣ на родинѣ. Первое, что тутъ для меня важнѣе всего (съ матеріальной точки зрѣнія)—это вопросъ: будетъ-ли нынѣшнею осенью и зимою моя «Юдиѳь» на московской сценѣ? Отъ этого «to be or not to be» [5]) зависятъ средства моего существованія до окончанія «Рогнѣды», съ которой особенно спѣшить не могу, но все-таки надѣюсь покончить ее къ ян-

[1]) Т. е. изображеніе. Въ началѣ письма наклеена небольшая фотографическая карточка Сѣрова.

[2]) Псевдонимъ Ѳеофила Матвѣевича Толстого (р. 1809 † 1881), композитора и музыкальнаго критика газетъ: „Journal de St-Pétersbourg“ и „Голоса“.

[3]) Баронъ Аполлонъ Петровичъ Мальтицъ (р. 1795 † 1870) былъ съ 1841 по 1868 г. русскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Веймарѣ.

[4]) Т. е. капля долбитъ камень.

[5]) Т.-е. быть или не быть.

варю [1]) къ бенефису Біанки [2]). Къ вамъ,—не сомнѣваясь въ вашемъ ко мнѣ благорасположеніи,—обращаюсь прямо съ просьбицей такого содержанія: потрудитесь развѣдать какъ слѣдуетъ (и лучше стороной), намѣренъ-ли А. Ѳ. Львовъ [3]) дѣйствительно сдержать свое слово, мнѣ имъ данное касательно постановки «Юдиѳи» въ Москвѣ и сдѣланы-ли къ тому хоть какія-либо приготовленія?—Объ этомъ искренно прошу васъ отвѣтить мнѣ, если возможно, скорѣнько, въ Петербургъ по адресу, который сообщу въ концѣ письма.

Искалъ я, искалъ всю зиму и всю весну въ московскихъ газетахъ обѣщанной вами статейки о моей еврейской вдовѣ [4])—и не обрѣлъ желаемаго! Я почти увѣренъ, что вы же сами себя увѣряли, что непремѣнно напишете эту «рекламу» и—не исполнили своего намѣренія—для меня благодѣтельнаго—только потому, что разнообразныя занятія отвлекли васъ отъ музыкально-журналистическихъ дѣлъ—это жаль! Статья, вами написанная, была бы отличнымъ приготовленіемъ къ моей оперѣ въ просвѣщенныхъ слояхъ московской публики. Петербургскій успѣхъ для нея уже довольно сильная рекомендація (въ такой области, гдѣ Москва не антагонистъ Питеру)—но при серьезности и не-русскости сюжета въ моей первой оперѣ, надо бы все хорошенечко разжевать москвичамъ, чтобъ они—первые раза—не отнеслись къ моему произведенію какъ-нибудь совсѣмъ дико. Что и это возможно, за примѣрами далеко ходить не приходится. Вообразите себѣ, что Францъ Листъ, для котораго нарочно—вслѣдствіе чрезвычайно милаго письма, которое онъ мнѣ написалъ изъ Рима въ Вѣну,—я пріѣхалъ въ Карлсруэ (на Tonkünstler-Versammlung) съ тѣмъ, чтобъ—по его просьбѣ—познакомить его съ Юдиѳью—не раскусилъ моей партитуры!! Отнесся къ ней легко, по-французски (faites quelque chose plutôt sur le terrain national—laissez les juifs en repos etc.) [5]), и не далъ себѣ труда просмотрѣть всѣ акты. Кто судитъ объ Юдиѳи по первымъ двумъ дѣйствіямъ (безъ Олоферна и ассирійскаго элемента вообще), тотъ судитъ косо и криво. Признаюсь, что отъ Листа я этого никакъ не ожидалъ, и приписываю такой результатъ только жестокой разсѣянности, въ которой онъ находился, среди штата своихъ придворныхъ лизуновъ и поклонниковъ. Il est très mal entouré, du moins en Allemagne [6]).

[1]) «Рогнѣда» была представлена въ 1-й разъ на сценѣ Маріинскаго театра 27-го октября 1865 года, въ бенефисъ О. А. Петрова.

[2]) Валентина Біанки (†1884), оперная пѣвица.

[3]) Алексѣй Ѳедоровичъ Львовъ.

[4]) Т.-е. о «Іудиѳи».

[5]) Т. е. Напишите лучше что-нибудь на національный сюжетъ; оставьте евреевъ въ покоѣ.

[6]) Т. е. окружающіе его люди, по крайней мѣрѣ въ Германіи, весьма посредственны.

Вознагражденіемъ за это непріятное впечатлѣніе не могли быть для меня музыкальные праздники въ Карлсруэ, гдѣ на программѣ между прочимъ красовались геніальныя произведенія Юрія Арнольда [1]) (!)—(увертюра къ «Борису Годунову» и т. д.). Листовскія вещи (XIII Psalm—для тенора съ хоромъ и оркестромъ,—Festklänge и Mephistowalzer, Epizode aus Lenau's Faust) [2]) въ высшей степени интересны и замѣчательны. Особенно Псаломъ—прелесть! Дѣйствительно религіозная музыка и между тѣмъ не только не скучная, не сухая,—но симпатическая отъ ноты до ноты и увлекательная. «Festklänge» мнѣ были извѣстны изъ концертовъ Бюлова [3]). Вальсъ «Мефистофеля» съ нѣкоторыми дѣйствительно адскими выходками (въ поэмѣ Ленау чортъ, недовольный вялыми плясками веселящихся въ одномъ кабачкѣ, самъ беретъ скрипку и заставляетъ всѣхъ плясать по-своему—идея пресчастливая) въ сущности интересенъ не музыкою, а музыкальною оркестровкою. При всемъ томъ, я почти жалѣю, что послушался приглашенія Листа. Лучше, чѣмъ ѣхать на скуку и досаду въ Карлсруэ, провели бы еще нѣсколько дней въ Альпахъ, въ Интерлакенѣ,—гдѣ моя Валентина [4]) чувствовала себя какъ въ раю! Швейцарія (которую и я видѣлъ какъ слѣдуетъ только въ этотъ разъ) произвела на насъ впечатлѣніе очаровательное! Сколько пишутъ, пишутъ объ этомъ всемъ, и все-таки печатныя описанія и тѣни того не даютъ что̀ даетъ одинъ взглядъ на эти красоты, вѣчно-свѣжія, вѣчно-юныя.

Здѣсь въ Баденѣ, куда меня зазвалъ И. С. Тургеневъ, большой отрадой для меня были минуты, проведенныя у Віардо̀ [5])! Вотъ эта госпожа прослушала мою оперу, какъ слѣдуетъ, отъ ноты до ноты, сама и подпѣвала и подъигрывала—не пропуская ни малѣйшей подробности во всѣхъ 5 актахъ! Комплиментовъ расточать она не любитъ,—и я видѣлъ, что если она хвалитъ, то хвалитъ въ самомъ дѣлѣ отъ сердца. Она, какъ и многіе другіе, увѣрена, что «Юдиѳь» и на германскихъ сценахъ понравится. Но это совершится не такъ-то скоро! Вездѣ—полнѣйшее равнодушіе со стороны дирекцій къ новымъ партитурамъ. А на бѣду я еще русскій. Изъ Россіи—Европа выписываетъ себѣ пеньку и кожу, но до русской музыки, т. е. до музыки, русскимъ написанной — Европѣ ни малѣйшаго дѣла нѣтъ. Пробить просѣку въ этомъ отношеніи трудновато. У меня, впро-

---

[1]) Композиторъ и музыкальный писатель Юрій Карловичъ Арнольдъ (р. 1811 † 1880).

[2]) «Фаустъ»—поэма Ленау (литературное имя поэта Нимбша фонъ-Штреленау, р. 1802 † 1850).

[3]) Извѣстный піанистъ Гансъ Бюловъ.

[4]) Жена А. Н. Сѣрова, Валентина Семеновна.

[5]) Извѣстной Полины Віардо̀.

чемъ, большая надежда въ этомъ случаѣ на великую княгиню Елену Павловну. Листъ тоже говоритъ, что вслѣдствіе подарка, ею мнѣ сдѣланнаго, она теперь сама у меня въ долгу: въ Карлсруэ труппа прехорошенькая, а дворъ Баденскій въ связяхъ съ нашимъ императорскимъ; въ Штутгартѣ королевой Ольга Николаевна. Вотъ на чемъ—по совѣту лицъ свѣдущихъ—я долженъ выстраивать свои планы, оставивъ достоинства партитуры совсѣмъ въ сторонѣ. Въ Вѣнѣ, несмотря на пребываніе тамъ $2^1/_2$ мѣсяца, я почти ничего рѣшительнаго не уладилъ, хотя, впрочемъ, «Юдиѳь» занесена тамъ въ списокъ «кандидатныхъ» оперъ. Подробнѣе обо всемъ этомъ—при свиданіи. Если «to be» [1]), я почти немедленно по возвращеніи пріѣду въ Москву и поселюсь тамъ до глубокой зимы (т. е. пока окончу «Рогнѣду»).

Надѣюсь по пріѣздѣ въ Питеръ найти письмецо отъ Львова и отъ в а с ъ, на прежней своей квартирѣ: на углу Мойки и Демидова переулка, въ домѣ Липина, кварт. № 8.

Отвѣтомъ чрезвычайно обяжете преданнаго вамъ искренно А. Сѣрова.

5.

9-го февраля 1866 г.

Многоуважаемый князь Владиміръ Ѳедоровичъ.

Прошлою осенью я писалъ къ вамъ, по случаю постановки моей «Юдиѳи» въ Москвѣ, и отвѣта не получилъ. Не думаю, чтобы вы н е х о т ѣ л и удостоить меня нѣсколькихъ строкъ, приписываю молчаніе ваше случайности какой-нибудь, и теперь sans rancune [2])—снова обращаюсь къ вамъ съ эпистолой, но п о д р у г о м у совсѣмъ дѣлу. Дѣло это близко касается любимѣйшаго для васъ предмета: древняго русскаго церковнаго пѣнія.

Вамъ извѣстно, что по этому предмету, т. е. касательно монополіи Пѣвческой капеллы и связанныхъ съ этимъ обстоятельствъ, учреждается коммиссія подъ предсѣдательствомъ великаго князя Константина и въ коммиссіи этой в ы будете однимъ изъ главныхъ членовъ.

Намъ приходится работать на одномъ полѣ, потому что и меня призывалъ къ себѣ министръ народнаго просвѣщенія, показывалъ мнѣ переписку по этому дѣлу съ начальник(омъ) Пѣвческой капеллы и московскимъ митрополитомъ. Министру угодно было поручить мнѣ написать нѣсколько статей по этому предмету для «Сѣверной Почты», гдѣ я могъ бы изложить обстоятельно свои взгляды на в о з с т а н о в л е н і е церковно-русскаго пѣнія въ его древней, первобытной простотѣ. Кромѣ того министръ желаетъ, чтобы я принялъ на себя составленіе у ч е б н и к а по этой части для народныхъ школъ по всей Россіи.

---

[1]) Т. е. быть.

[2]) Т. е. забывъ прошлое.

И для статей, и для учебника мнѣ прежде всего необходимо посовѣтоваться съ вами, Владиміръ Ѳедоровичъ, какъ съ испытаннѣйшимъ знатокомъ этого дѣла.

Въ статьяхъ необходимо коснуться исторіи церковнаго пѣнія въ Россіи. Но предметъ этотъ донельзя мало разработанъ у насъ. По газетамъ вижу, что въ настоящую минуту передано вамъ на просмотръ сочиненіе В. Стасова: «Матеріалы для исторіи церковнаго пѣнія въ Россіи». Вотъ какъ разъ то, что̀ мнѣ нужно. Не соблаговолите-ли сообщить мнѣ, хоть очень вкратцѣ, послѣдовательныя данныя по этому предмету, не нарушая права «авторства» Стасовскаго. Тутъ есть, безъ сомнѣнія, источники общеоткрытые и общедоступные. Укажите мнѣ на нихъ. Я теперь же, Великимъ постомъ, и поработалъ бы надъ всѣмъ этимъ.

«Учебникъ» съ изложеніемъ единственной нормальной гаммы,—гаммы бѣлыхъ клавишъ,—какъ основанія нашихъ гласовъ и всего церковнаго пѣнія греко-русской церкви,—такой учебникъ любимѣйшая мечта моя въ отношеніи музыки, яко науки. Онъ будетъ очень краткій, но въ немъ будетъ все, что̀ нужно.

Васъ ждутъ въ Питеръ,—но когда же? Вы, между прочимъ, и «Рогнѣды» еще не слыхали! Охъ мнѣ это ваше служеніе въ московскомъ Сенатѣ! Какъ оно мнѣ не по сердцу! (Хотя, быть можетъ, для пользы дѣла ваше московское пребываніе принесло не малую лепту!)

Пожалуйста отвѣтьте мнѣ въ этотъ разъ, чтобы я зналъ, чего держаться въ своихъ работахъ и планахъ.

Преданнѣйшій вамъ А. Сѣровъ.

P. S. Поздравьте меня съ монаршею милостью за композиторскіе труды: съ пенсіономъ въ 1.000 руб. въ годъ. Столько же выдавалось Гоголю. Меня къ нему и приравняли. Не обидно!

6.

8-го марта 1868 г.

Спасибо вамъ и большое!

Реклама дѣльная и благородная—что бываетъ не часто [1]). Печатайте въ «Современныхъ Извѣстіяхъ». Вамъ лучше знать нравы и обычаи московской читающей публики. Объ японцахъ вышло кстати подъ общій тонъ вашей статьи. Конкуренція дѣйствительно курьозная:

---

[1]) Рѣчь идетъ о статьѣ кн. Одоевскаго: „Рогнѣда и другая новая опера Сѣрова въ его концертѣ 10 марта въ воскресенье, въ Большомъ Театрѣ". Эта статья, подписанная псевдонимомъ: „Тихонычъ", была напечатана въ № 67 газеты „Современныя Извѣстія" 1868 г. (отъ 9-го марта). Были и отдѣльные оттиски этой статьи (см. опись бумагъ князя В. Ѳ. Одоевскаго въ приложеніи къ «Отчету Императ. Публич. Библіотеки за 1884 годъ", Спб. 1887, стр. 42).

мой первый концертъ въ Москвѣ и рядомъ японскіе фокусники, для отвлеченія публики!

На «Карпатскую Розу» отпустили 15 тысячъ—съ рискомъ выбросить ихъ за окно и—выбросили, а на «Рогнѣду» въ Москвѣ, послѣ выручки 30 тысячъ въ 15 первыхъ представленій петербургскихъ, колеблется между 13-ю и 8-ю тысячами—гдѣ логика??

Еще разъ—спасибо отъ сердца!

Весь вашъ А. Сѣровъ.

XXXIII. Письмо Н. А. Некрасова.

Помѣщаемое ниже письмо Н. А. Некрасова къ князю В. Ѳ. Одоевскому было вызвано слѣдующимъ письмомъ князя Владиміра Ѳедоровича къ Некрасову [1]):

10-го января 1860.

Вотъ что случилось, любезный поэтъ: на-дняхъ, когда я, больной, сидя за фортепьянами, перекладывалъ на музыку ваше прекрасное стихотвореніе «Прости», ко мнѣ постучался одинъ изъ тѣхъ добрыхъ людей, которыхъ такъ много на свѣтѣ, и шепнулъ: «Переверни-ка страницу, и найдешь описаніе человѣка [2]), который пишетъ объ электричествѣ для мужиковъ, у котораго есть гайдуки, которые имѣютъ галуны, который кричитъ и топаетъ на нихъ и не умѣетъ отличать пьянаго отъ голоднаго—и все это тебѣ будутъ читать подъ носомъ, ибо ты, какъ литераторъ, вѣрно будешь на чтеніи» [3]).

Что это за извѣстіе? Я всегда былъ того мнѣнія, что всякій публичный (волею или неволею) человѣкъ есть нѣчто въ родѣ публичной дѣвки и долженъ быть готовъ на всякій трактаментъ. Этого правила я всегда держался — ссылаюсь на весь міръ крещеный. Но дѣло вотъ въ чемъ: и дѣвку въ такихъ случаяхъ называютъ по имени, чтобы она могла отозваться, сколько можетъ; безъ имени же разборъ труденъ; иного публика не отнесетъ къ публичному человѣку, а иное отнесетъ, и весьма. Попробуемъ же разобрать, что именно:

Есть-ли гайдуки? Нѣтъ, а есть только инвалидъ сторожъ, который топитъ печи.

---

[1]) Черновой оригиналъ этого письма сохранился въ бумагахъ кн. В. Ѳ. Одоевскаго. Письмо было отправлено Некрасову черезъ И. И. Панаева, какъ о томъ свидѣтельствуетъ сдѣланная на письмѣ замѣтка кн. Одоевскаго.

[2]) Т. е. стихотвореніе „Филантропъ“.

[3]) Рѣчь идетъ о первомъ литературномъ вечерѣ, устроенномъ 10-го января 1860 года „Обществомъ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ“.

Есть-ли передняя? Нѣтъ, а есть каморка возлѣ кабинета, куда всякій ходилъ и ходитъ безъ спроса.

Топалъ-ли ногами?—Иногда бы и хотѣлось,—да не могу: ноги не держатся.

Кричалъ-ли?—Иногда бы и хотѣлось, да горло слабо и часто болитъ.

Занимается-ли публично благотворительностью? — Грѣшенъ; былъ предсѣдателемъ Общества [1]) цѣлыхъ девять лѣтъ, каждый годъ по выбору двухсотъ человѣкъ; но полагаю, что за эти девять лѣтъ многое простится мнѣ на томъ свѣтѣ; грѣшнѣе меня тотъ, кто не знаетъ, что такое было Общество посѣщенія, сколькимъ и какъ оно помогало, и какъ оно рушилось; кто не знаетъ и того, что слѣды этого Общества до сихъ поръ здравствуютъ и въ оставшихся заведеніяхъ, довольно однакоже замѣчательныхъ, и въ нѣсколько сотняхъ лицъ, призрѣнныхъ, воспитанныхъ, возращенныхъ, которыхъ не худо бы спросить, если ужъ на то дѣло пошло, дѣйствительно-ли кто выходилъ отъ насъ безъ рубля, когда онъ былъ, или безъ ласковаго слова или совѣта.

Писалъ-ли объ электричествѣ для мужиковъ? Хоть и не объ электричествѣ, но грѣшенъ, писалъ для мужиковъ, и именно о химическихъ и физическихъ предметахъ, и писалъ одинъ во всей русской литературѣ. Впрочемъ, за этотъ неблагодарный грѣхъ также многое мнѣ простится.

Какъ же не умѣетъ отличать пьянаго отъ голоднаго?—Пьянымъ, къ сожалѣнію, не бывалъ,—не имѣю къ тому способности; голоднымъ—случалось, и потому отличать одно отъ другаго сумѣю безошибочно.

Да съ чего же однакожъ взялся весь анекдотъ? А я почему знаю? Въ массѣ 18 тысячъ семействъ, на которыхъ распространялись дѣйствія Общества посѣщенія бѣдныхъ, было не безъ негодяевъ, и неблагодарныхъ, и нахальныхъ, хитрыхъ и лживыхъ.

Такъ я вспоминаю, что когда-то одинъ изъ нихъ дѣйствительно меня разсердилъ, но только это было не въ великолѣпной передней и не въ сопровожденіи гайдуковъ, а просто на Невскомъ проспектѣ. Приняло Общество двухъ дѣвочекъ съ улицы въ свое заведеніе, омыло, одѣло и стало ихъ кормить и учить. Разъ въ воскресенье отецъ, здоровый дѣтина, попросилъ отпустить ихъ къ нему, а затѣмъ снялъ съ нихъ платье, чулки и башмаки, надѣлъ на нихъ прежнее рубище и привелъ на Невскій проспектъ; да на бѣду не узналъ, подвелъ дѣтей именно къ предсѣдателю Общества, увѣряя, что у нихъ нѣтъ пристанища. Если бы предсѣдатель при такой продѣлкѣ не разсердился, то былъ бы мокрою курицею, чѣмъ онъ ни-

[1]) Т. е. Общества посѣщенія бѣдныхъ.

когда не былъ. Если за такихъ негодяевъ вступается поэзія, — то остается лишь возложить упованіе на Аллаха.

Вотъ моя исповѣдь, которую бы я сказалъ всенародно, безъ церемоній, какъ подобаетъ публичному человѣку, если бы былъ названъ по имени. Тогда бы, можетъ, пришлось сказать слово, два по поводу гибели Общества [1]), которое, смѣло могу сказать, заслужило не упрековъ, но сохранило навсегда право на полное и безусловное уваженіе со стороны всѣхъ мыслящихъ и добрыхъ людей, — какъ по трудамъ своимъ, такъ и по страданіямъ, имъ вынесеннымъ, но тѣ и другіе остались незамѣченными для нашей прозорливой литературы.

Предоставляю все это вашему усмотрѣнію. Я не хочу вѣрить, чтобы вы имѣли намѣреніе намекнуть на меня, а просто намекъ попался подъ стопу или риѳму; въ тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ мы съ вами находимся, вы бы о такомъ гнусномъ нарушеніи моей обязанности сказали бы мнѣ прямо,—и не такія вещи мнѣ приходилось выслушивать;—и не зажималъ я ушей.—Но обращаю ваше вниманіе на то, что для публики все это не существуетъ, она будетъ видѣть лишь тѣ признаки, по которымъ къ фантастическому лицу можно приложить имя, волею и неволею довольно извѣстное. Подумайте объ этомъ результатѣ, который, вѣрю, вамъ самимъ будетъ и неожиданнымъ, и непріятнымъ, по его дѣйствію въ публикѣ.

Некрасовъ въ тотъ же день поспѣшилъ отвѣтить князю В. Ѳ. Одоевскому слѣдующимъ письмомъ:

10-го января 1860.

Князь, никогда ни къ кому не чувствовалъ я столько благодарности, какъ въ настоящую минуту къ вамъ за ваше прямое обращеніе ко мнѣ. Хорошо, что не поздно! Какъ бы я бѣсился и сожалѣлъ завтра, еслибъ прочелъ сегодня «Филантропа» и подалъ нашей публикѣ, которая ужасно наклонна всегда видѣть личности, поводъ къ разнымъ глупымъ толкамъ. Надо вамъ сказать, что лѣтъ пять тому назадъ, при выходѣ «Филантропа», до меня доходило, будто нѣкоторые думаютъ, что я имѣлъ въ виду васъ, но потомъ я забылъ объ этомъ, а то, конечно, не вздумалъ бы читать «Филантропа». Теперь прочту другое стихотвореніе. Не могу покончить этимъ, надо вамъ при этомъ случаѣ сказать, что я рѣшительно не имѣлъ въ виду васъ (ч е с т н о е с л о в о!).

---

[1]) Дѣятельность Общества посѣщенія бѣдныхъ продолжалась недолго, съ 1846 года по 1855 годъ, когда оно закрылось.

Когда я хотѣлъ издавать «Петербургскій Сборникъ», со мной было вотъ что: я пришелъ къ Далю, который жилъ въ 8-мъ, кажется, этажѣ, просить у него статьи. Я очень запыхался и, можетъ быть, сконфузился — я былъ тогда начинающій. Даль мнѣ въ просьбѣ моей отказалъ, а черезъ нѣсколько дней сказалъ Тургеневу: Что за человѣкъ Некрасовъ? онъ пришелъ ко мнѣ пьяный, и проч. Тургеневъ, я думаю, это помнитъ. Я не былъ ни пьянъ, ни голоденъ, это заставило меня подумать, какъ Даль дошелъ до такого заключенія обо мнѣ, — вышло стихотвореніе «Филантропъ». Но, по-моему, я и Даля тоже въ немъ не изображалъ, я вывелъ черту современнаго общества, — и совѣсть моя была и остается спокойна.

Почему это къ вамъ отнесли? Да потому, что первоначально въ стихахъ этотъ филантропъ названъ сіятельнымъ.—Повѣрьте, для нашей публики этого довольно.

Глубокоуважающій князя Одоевскаго Н. Некрасовъ.

Я писалъ это лежа, потому что очень утомленъ; еслибъ нужны были церемоніи, то пришлось бы отложить отвѣтъ до завтра.

XXXIV. Письмо П. А. Плетнева.

21-го февраля 1861.

Очень сожалѣю, что не имѣлъ чести видѣть ваше сіятельство и лично сообщить вамъ о дѣлѣ, которое, конечно, не можетъ быть вамъ непріятно. На масленицѣ въ четвергъ, 2-го марта, предположено праздновать пятидесятилѣтній юбилей князя П. А. Вяземскаго, какъ русскаго поэта. Родственники князя, вѣруя въ давнее съ нимъ дружество вашего сіятельства и А. В. Веневитинова, избрали въ распорядители праздника—васъ по части артистической, а его по хозяйственной. Но какъ первое дѣло сложнѣе втораго, то вамъ предоставлено право пригласить помощниками себѣ еще два лица изъ гостей, а именно: графа В. А. Соллогуба и знаменитость первой величины — Рубинштейна.

Между тѣмъ, какъ на землѣ ничего нельзя воздвигнуть небеснаго безъ матеріальнаго основанія, то естественно, что для желаемаго выполненія задуманнаго праздника вамъ необходимо приступить къ устроенію его обще съ А. В. Веневитиновымъ. Итакъ не будетъ-ли вашему сіятельству благоугодно, по усмотрѣнію вашему, назначить

Алексѣю Владиміровичу [1]) свиданіе и вмѣстѣ условиться о томъ, что каждый изъ васъ признаетъ за необходимое для осуществленія идеаловъ съ обѣихъ сторонъ?

Душевно преданный вамъ П. Плетневъ.

Сообщилъ **И. А. Бычковъ.**

---

[1]) Веневитинову.

Князь Иванъ Ѳедоровичъ Борятинской.

(Біографическій очеркъ по матеріаламъ, собраннымъ для исторіи л.-гв. Кексгольмскаго полка).

Князь Иванъ Ѳедоровичъ Борятинской командовалъ Вторымъ гренадерскимъ полкомъ въ теченіе послѣднихъ $4^1/_2$ лѣтъ Великой Сѣверной войны и, украшая ряды гренадеръ и прославляя ихъ своею доблестью, сдѣлалъ свой полкъ болѣе извѣстнымъ въ арміи подъ именемъ «Гренадерскій князя Борятинскаго», чѣмъ подъ дѣйствительнымъ названіемъ «Второй гренадерскій». Больше, чѣмъ сто лѣтъ спустя, въ 1838 году, когда столѣтнимъ полкамъ жаловались юбилейныя ленты съ первыми ихъ именами и вводились знаменныя скобы, Кексгольмскому полку были выданы ленты и скобы съ надписью «1710 г. Гренадерскій Князя Борятинскаго», въ предположеніи, что это и было первое имя полка. Крѣпко же было связано княжье имя съ полкомъ, если и вѣкъ спустя не только не разсталось съ гренадерами, но затмило ихъ первыхъ командировъ и показалось родоначальнымъ именемъ полка тѣмъ, кто наводилъ тогда архивныя справки.

Такъ, съ 1838 года и доселѣ, имя четвертаго командира кексгольмцевъ князя Борятинскаго красуется на полковыхъ знаменахъ и славится въ полку больше, чѣмъ другія имена полковыхъ героевъ [1]).

По многимъ свидѣтельствамъ онъ и достоинъ этой доброй и долгой памяти потомковъ «своихъ» гренадеръ.

Князь Иванъ Ѳедоровичъ Борятинской принадлежалъ къ семьѣ, не

---

[1]) Ошибка эта замѣчена въ 1897 году, и тогда же состоялось высочайшее повелѣніе объ исправленіи ея при выдачѣ юбилейнаго знамени въ 1910 г.

только знатной своимъ титуломъ, но и занимавшей при Петрѣ довольно видное положеніе, благодаря родству и близости съ сильными людьми, окружавшими государя. Отецъ князя Ивана Ѳедоровича—князь Ѳедоръ Юрьевичъ былъ окольничимъ, мать его приходилась сродни всемогущему любимцу государя, свѣтлѣйшему князю Александру Даниловичу Меншикову [1]), самъ Иванъ Ѳедоровичъ былъ близкимъ человѣкомъ у генералъ-адмирала графа Ѳедора Матвѣевича Апраксина, а женитьбой, еще до принятія полка, на дочери государственнаго канцлера, графа Гаврилы Ивановича Головкина, Наталіи Гавриловнѣ [2]), вошелъ въ высшій кругъ придворной и вельможной петербургской знати.

О службѣ Ивана Ѳедоровича до полковничьяго чина не встрѣчено никакихъ указаній [3]). Первое свѣдѣніе относится ко 2-му апрѣля 1714 г., когда Борятинской вступилъ въ командованіе Вологодскимъ пѣхотнымъ полкомъ (нынѣ 12-й гренадерскій Астраханскій), принявъ его отъ полковника Фливерка [4]).

Спустя три года, на Святкахъ 1716 года, мы застаемъ Ивана Ѳедоровича въ Москвѣ, въ отпуску у матери и родныхъ, князей Прозоровскихъ и Гагариныхъ, хлопотливо исполняющимъ разныя порученія свѣтлѣйшаго князя Александра Даниловича, наградой за которыя было назначеніе его, спустя четыре мѣсяца, командиромъ Втораго гренадерскаго полка. Порученія эти были весьма различнаго свойства, но всѣ одинаково доказывали особое довѣріе, которымъ пользовался князь Борятинской у своего могущественнаго «патрона». Въ Москвѣ онъ долженъ былъ сосватать племянницу князя Меншикова, падчерицу князя Прозоровскаго, за другаго племянника Александра Даниловича, князя Александра Андреевича Черкасскаго, да, кромѣ того, прикупить свѣтлѣйшему нѣсколько штукъ самыхъ лучшихъ аргамаковъ и иноходцевъ.

Первое порученіе окончилось неудачей: «Или воля Божія не допустила, или ея, невѣстино, къ совершенству нежеланіе»,—какъ доносилъ

---

[1]) Московск. главн. архивъ мин. иностр. дѣлъ, оп. 264, письма лит. Б, № 42. Княгиня Анна Борятинская князю А. Д. Меншикову, Москва, 22-го янв. 1717 г. Въ этомъ письмѣ княгиня Анна (мать князя Ивана Ѳедоровича) называетъ своею внучкой племянницу А. Д. Меншикова, падчерицу князя Прозоровскаго.

[2]) Князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій, Русская родословная книга.—Головкина, Наталія Гавриловна родилась въ 1689 году.

[3]) Въ 1707 году л.-гв. Семеновскаго полка поручикъ, князь Иванъ Борятинской былъ разжалованъ въ солдаты за то, что, будучи уволенъ въ отпускъ въ Москву, „на срокъ не явился“ (Сборникъ военно-истор. матеріаловъ, вып. I, стр. 211). Нѣтъ данныхъ для того, чтобы опредѣлить, былъ-ли это князь Иванъ Ѳедоровичъ или его однофамилецъ и тезка.

[4]) Лефортовскій архивъ, оп. 213. Сказка Вологодскаго полка.

Борятинской своему «патрону». Дѣло же съ лошадьми стояло гораздо лучше и, купивъ свѣтлѣйшему двухъ иноходцевъ у Гагариныхъ, да еще гдѣ-то трехъ, изъ которыхъ одинъ былъ «голубой» масти, Иванъ Ѳедоровичъ отправился въ Петербургъ [1]).

26-го апрѣля, уже изъ Ревеля, съ дороги въ финляндскую армію, князь Борятинской писалъ Александру Даниловичу: «Нижайше благодарствую за высокія милости, оказанныя отъ вашей свѣтлости ко мнѣ, слугѣ вашему, въ присутствіе мое въ Санктъ-Питербурхѣ, которыя всегда изъ моей головы не выходятъ и понуждаютъ ежечасно благодареніе возсылать» [2]); а спустя еще нѣсколько дней, удачливый полковникъ явился въ Або къ командующему финляндской арміей князю Михайлѣ Михайловичу Голицыну и вручилъ ему «указъ» отъ «главнаго аншевта», генералъ-адмирала графа Ѳедора Матвѣевича Апраксина о своемъ назначеніи командиромъ одного изъ двухъ гренадерскихъ полковъ. 2-го мая князь Борятинской сдалъ командованіе Вологодскимъ полкомъ [3]); а 24-го мая князь Голицынъ уже донесъ Апраксину объ исполненіи его указа, вызвавшаго цѣлую перетасовку командировъ. «Получилъ я указъ вашъ съ полковникомъ княземъ Борятинскимъ, по которому вашего сіятельства указу полковнику Билцу [4]) поручилъ Первой гранодерской полкъ, понеже онъ претендовалъ, того опасаючись, чтобъ не имѣлъ надъ нимъ старшинства [5]), а полковнику, князю Борятинскому, Второй гранодерской, а бригадиръ фонъ-Менгденъ [6]), по желанію своему, взялъ подъ имя свое [7]) Вологодской полкъ»... [8]).

Въ тотъ же день и князь Борятинской отправилъ благодарственное письмо [9]) генералъ-адмиралу:

---

[1]) Московск. главн. арх. мин. иностр. дѣлъ, оп. 264, письма, лит. Б., № 42. Князь И. Ѳ. Борятинской князю А. Д. Меншикову, Москва, 1-го, 13-го и 18-го января 1717 г. и помѣтка князя А. Д. Меншикова на письмѣ отъ 13-го января. Тамъ же. Княгиня Анна Борятинская князю А. Д. Меншикову, Москва, 22-го января 1717 г.

[2]) Моск. главн. арх. мин. иностр. дѣлъ, оп. 264, письма, лит. Б, № 42, князь И. Ѳ. Борятинской князю А. Д. Меншикову, Ревель, 26-го апрѣля 1717 г.

[3]) Денису Яковлевичу Бильсу, командовавшему Вторымъ гренадерскимъ полкомъ до назначенія князя И. Ѳ. Борятинскаго.

[4]) Лефорт. архивъ, оп. 213. Сказка Вологодскаго полка.

[5]) Предполагалось, очевидно, дать князю Борятинскому Первый гренад. полкъ (нынѣ 63-й пѣх. Углицкій), но Бильсъ запротестовалъ, опасаясь, что тогда Борятинекой будетъ считаться старше его.

[6]) Командиръ Перваго гренадерскаго полка.

[7]) Организація того времени допускала командованіе полками бригадировъ, называвшихся, въ этихъ случаяхъ, „бригадиръ и полковникъ отъ полку“.

[8]) Арх. морск. мин., № 361, л. 95. Князь М. М Голицынъ графу Ѳ. М. Апраксину, Або, 24-го мая 1717 года.

[9]) Арх. морск. мин., № 444, л. 170, князь И. Ѳ. Борятинской графу Ѳ. М.

«Сіятельнѣйшій графъ генералъ-адмиралъ, милостивый мой государь и патронъ! Инаго доношенія вашему графскому сіятельству ничего не имѣю, только прибылъ я въ Або̀въ сего мѣсяца 20-го дня и письмо, посланное отъ вашего сіятельства сіятельнѣйшему князю Михаилу Михаиловичу вручилъ исправно, по которому нынѣ опредѣленъ я во 2-й гранодерской, а господинъ полковникъ Билсъ въ 1-й гранодерской полки, за что вашему сіятельству моему милостивому патрону, нижайше благодарствую. Всегда же себя вручаю въ ваши высокія милости и пребываю сіятельнѣйшаго графа, милостиваго моего государя и патрона, нижайшій слуга, князь Иванъ Борятинской».

Въ сказкѣ Втораго гренадерскаго полка, въ графѣ о прибыли, помѣщена замѣтка [1]):

«Въ 1717 году мая 23-го дня, по приказу отъ генералитету изъ Вологодскаго пѣхотнаго полку полковникъ князь Иванъ княжъ Федоровъ сынъ Борятинской, при немъ денщиковъ 6».

Князю Борятинскому довелось командовать полкомъ въ тотъ періодъ Сѣверной войны, въ который она приняла почти исключительно прибрежный и партизанскій характеръ; война слагалась изъ ежегодныхъ, болѣе или менѣе энергичныхъ, набѣговъ нашихъ галерныхъ флотилій на шведскій берегъ, сопровождавшихся обычно безпощаднымъ опустошеніемъ для «устрашенія» и «склоненія къ мирнымъ негоціаціямъ» обезсилѣвшаго, но все еще заносчиваго и несговорчиваго сосѣда. Въ этихъ безконечныхъ «партіяхъ» и «поискахъ» князь Борятинской проявилъ всю энергію, служебную честность и отвагу, какими былъ одаренъ, и прославился со своими гренадерами на всю финляндскую армію. Лучшимъ днемъ той службы и командованія полкомъ, въ который имя Борятинскаго и его гренадеръ прогремѣло на всю Россію, было 13-е августа 1719 года, день изумительной, по дерзости демонстративной высадки князя Борятинскаго въ проливѣ Стексъ-Зундъ, въ 10 верстахъ отъ Стокгольма. Въ боевой инструкціи, полученной княземъ передъ этимъ поискомъ, было сказано: «Въ прочемъ поступать, какъ надлежитъ честному и вѣрному командиру» [2]),—и онъ исполнилъ этотъ наказъ. Со своими гренадерами и сборнымъ отрядомъ отъ разныхъ полковъ, онъ высадился съ галеръ на берегъ, съ наступленіемъ ночи разгромилъ подошедшихъ шведовъ и произвелъ жестокое опустошеніе берега подъ самою столицей. Всю ночь, на 14-е августа,

---

Апраксину, Або, 24-го мая 1717 г. Фотографія письма въ музеѣ офицерскаго собранія л.-гв. Кексгольмскаго полка, отд. V.

[1]) Лефорт. архивъ, оп. 213. Сказка 2-го грен. полка.

[2]) Арх. морск. мин., № 256—473, л. 175—176. Инструкція графа Ѳ. М. Апраксина князю И. Ѳ. Борятинскому, отъ 13-го августа 1719 г.

Стокгольмъ видѣлъ зарево недальнихъ пожаровъ, и жители, встревоженные жаркой перестрѣлкой, съ минуты на минуту ждали вступленія русскихъ. Эта тревога распространилась по всему государству, отразилась на засѣдавшемъ уже Аландскомъ конгрессѣ и доставила великую радость царю.

5-го сентября князь Борятинской, вернувшись въ Або изъ похода, отправился въ Петербургъ [1]), а 14-го—былъ пожалованъ, лично государемъ, въ бригадиры за дѣло подъ Стокгольмомъ [2]).

Несмотря на это производство, князь Иванъ Ѳедоровичъ былъ оставленъ командиромъ Втораго гренадерскаго полка, именуясь съ этого дня «бригадиръ и полковникъ отъ полку» [3]). Но къ полку своему новый бригадиръ возвратился только къ началу кампаніи 1720 года, оставаясь всю зиму въ Петербургѣ и пожиная лавры устрашителя Стокгольма.

Вѣроятно, не безъ содѣйствія его высокихъ «патроновъ», Меншикова и Апраксина, въ январѣ 1720 года состоялось постановленіе Военной коллегіи, которымъ Борятинскому поручалось, оставаясь въ Петербургѣ, заняться обученіемъ рекрутъ и высылкой маршевыхъ командъ для укомплектованія финляндской арміи [4]). Князь Иванъ Ѳедоровичъ занимался, впрочемъ, этимъ дѣломъ только два мѣсяца: 16-го марта онъ отправился въ отпускъ въ Москву, по случаю смерти сестры и болѣзни матери [5]), 11-го апрѣля вернулся обратно въ Петербургъ, тотчасъ же сдалъ свое командованіе подполковнику Полозову и выѣхалъ въ Або къ полку [6]).

Двѣ послѣднія кампаніи Сѣверной войны 1720 и 1721 годовъ князь Иванъ Ѳедоровичъ провелъ съ полкомъ, по-прежнему выдѣляясь изъ общихъ рядовъ, принимая участіе въ военныхъ совѣтахъ, гдѣ мнѣніе его всегда склонялось въ сторону «газарда» [7]), и часто исполняя, вмѣстѣ съ гренадерами, особыя порученія князя М. М. Голицына.

---

[1]) Лефорт. арх., оп. 213. Сказка 2-го гренад. полка.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же.

[4]) Арх. морск. мин., № 257—487, л. 33, графъ Ѳ. М. Апраксинъ князю И. Ѳ. Борятинскому, С.-Петербургъ, 22-го января 1720 г.

[5]) Лефорт. архивъ, оп. 1, св. 55, лл. 62 и 63. Прошеніе князя Борятинскаго объ увольненіи въ отпускъ, отъ 16-го марта 1720 г., приговоръ Военной коллегіи того же дня и росписка князя Борятинскаго 11-го апрѣля 1720 г.

[6]) Лефорт. арх., оп. 1, св. 43. л. 11. Приговоръ Военной коллегіи 11-го апрѣля 1720 г.

[7]) Арх. морск. мин., № 257—487, л. 270. Князь М. М. Голицынъ графу Ѳ. М. Апраксину, донесеніе о консиліи 30-го апрѣля 1720 г.: „10 человѣкъ объявили, что того чинить... не безъ газарду... Бригадиры Левашовъ и князь Борятинской къ переходу склонность имѣли“...

Въ ночь на 22-е октября 1721 года князь Борятинской вступилъ со своими гренадерами на галерахъ въ Неву, вмѣстѣ съ ними былъ на утро при торжественномъ объявленіи Ништадтскаго мира и слышалъ, какъ тесть, графъ Гаврила Ивановичъ, возглашалъ отъ имени Сената и Синода: «Виватъ, виватъ, виватъ Петръ Великій, отецъ отечества, императоръ всероссійскій!».

4-го декабря того же года, отправивъ полкъ на зимнія квартиры, князь Иванъ Ѳедоровичъ выѣхалъ въ полугодовой отпускъ [1]) и больше уже не возвращался къ гренадерамъ.

7-го марта 1722 года на его мѣсто былъ назначенъ полковникъ Александръ Кондратьевичъ Зыковъ [2]).

Ко времени командованія князя Борятинскаго полкомъ относится его участіе еще въ одномъ, но глубоко прискорбномъ государственномъ дѣлѣ: 24-го іюня 1718 года, вмѣстѣ со своимъ тестемъ и съ первымъ командиромъ гренадеръ, полковникомъ Лутковскимъ, онъ подписалъ, въ числѣ прочихъ судей, смертный приговоръ царевичу Алексѣю Петровичу [3]).

Полугодовой отпускъ князя Борятинскаго, который онъ взялъ, чтобы привести въ порядокъ запущенныя въ періодъ долгой войны свои личныя дѣла, понеже «въ домѣ своемъ не бывалъ и имѣлъ въ домашныхъ и въ деревенскихъ случаяхъ нужду», еще не кончился, какъ Петръ Великій уже потянулъ Россію къ другому морю, къ индійскимъ торговымъ путямъ, и снова призывалъ на службу своихъ закаленныхъ боевыхъ сотрудниковъ.

3-го апрѣля 1722 года императоръ далъ указъ Военной коллегіи: «Къ полкамъ Низоваго корпуса, кои стоятъ по Волгѣ, отправить бригадировъ: въ Ярославль Левашова, а во Тверь Борятинскаго и быть имъ подъ командой генералъ-маіора Матюшкина» [4]).

Въ маѣ, вмѣстѣ съ полками своей команды, на рѣчныхъ судахъ, князь Борятинскій пустился внизъ по Волгѣ къ Астрахани, куда собрался въ іюлѣ весь «низовый корпусъ», назначенный въ Персидскій походъ, и прибылъ государь съ государыней. 27-го іюля наши передовыя суда уже свозили десанты на берегъ въ Аграханскомъ заливѣ, откуда начиналось наступленіе въ персидскіе предѣлы.

Въ этотъ день государь, вмѣстѣ со всѣми, сопутствовавшими ему министрами, генералами и бригадирами, празднуя годовщину морскихъ

---

[1]) Лефорт. архивъ, оп. 1, св. 89, лл. 302 и 303. Прошеніе князя Борятинскаго отъ 3-го декабря 1721 г. и приговоръ Военной коллегіи 4-го декабря 1721 г.

[2]) Лефорт. архивъ, оп. 1, св. 128, л. 63.

[3]) Голиковъ, „Дѣянія Петра Великаго", изд. второе, т. VII, стр. 114.

[4]) Лефорт. архивъ, оп. 1, св. 97, л. 144. Высоч. указъ Военной коллегіи 3-го апрѣля 1722 г.

побѣдъ при Гангутѣ и Гренгамѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и счастливую высадку на персидскій берегъ, устроилъ свою обычную пирушку на галерѣ графа Апраксина и закончилъ ее неожиданной потѣхой, о которой надо сказать нѣсколько словъ, такъ какъ князю Борятинскому довелось въ ней отличиться своимъ молодечествомъ.

Вспомнивъ «корабельное обыкновеніе», разсказываетъ участникъ похода морякъ Соймоновъ [1]), «по которому небывалыхъ прежде на какомъ-либо морѣ купаютъ, что̀ чинится изготовленнымъ на концѣ райны блокомъ, съ котораго сидящіе на доскѣ спускаются въ воду трижды, или откупаются подарками», государь рѣшилъ, что «здѣсь было новое море для нашихъ мореплавающихъ» и «желалъ имѣть увеселеніе видѣть оную церемонію; и, какъ онъ самъ себя отъ оной не выключилъ, то другіе не могли отговориться, коль имъ не страшно казалось такое дѣйствіе... Первой купался генералъ-маіоръ Иванъ Михайловичъ Головинъ... Потомъ слѣдовалъ государь самъ, по немъ генералъ-адмиралъ, и такъ далѣе весь генералитетъ и министры. Весело было смотрѣть, какъ нѣкоторые исправили сію церемонію съ крайнею робостію, а другіе весьма бодро поступили... Генералъ-маіоръ Матюшкинъ изо всѣхъ наибольшимъ страхомъ былъ объятъ, а бригадиръ князь Борятинской наибольшую оказалъ смѣлость».

Въ Персидскомъ походѣ князь Борятинской провелъ три кампаніи 1722, 23 и 24 годовъ въ должности бригаднаго командира, являясь однимъ изъ старшихъ начальниковъ послѣ командира всего низоваго корпуса генералъ-маіора Матюшкина и непосредственно участвуя во всѣхъ главныхъ совѣщаніяхъ и предпріятіяхъ войны.

Въ кампаніи 1722 года, еще въ бытность государя, отъѣхавшаго въ Россію въ началѣ октября, князь участвовалъ въ занятіи Дербента, а въ слѣдующемъ году во взятіи Баку, гдѣ и остался въ качествѣ коменданта новозавоеванной крѣпости [2]).

Въ началѣ 1724 года князь Иванъ Ѳедоровичъ едва не сдѣлался одною изъ безчисленныхъ жертвъ этой тяжелой войны, въ которой мы почти не имѣли боевыхъ потерь, но схоронили тысячи людей, погибшихъ отъ изнурительныхъ лихорадокъ. Въ іюлѣ [3]) этого года Борятинской, совершенно больной, выѣхалъ изъ Баку въ далекій путь, направ-

---

[1]) Ѳ. И. Соймоновъ, „Описаніе Каспійскаго моря и чиненныхъ на немъ россійскихъ завоеваній“ (Спб. 1763). О томъ же см. „Походный журналъ 1722 г.“ (Спб. 1855) и „Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ“ (Москва. 1872), т. II, стр. 96—121: „Книга расходная пріему подъячаго Гаврилы Замятнина 1722 г.“.

[2]) Военно-учен. архивъ главнаго штаба (см. „Каталогъ“ его, вып. 1, Спб. 1886, № 107. „Планъ города или крѣпости Баку“—экспликація.

[3]) Лефорт. арх., оп. 1, св. 238, л. 184.

ляясь въ Москву, и только въ ноябрѣ добрался до дому [1]). «Жестоко стражду и едва по избѣ временемъ могу пройтить», писалъ Иванъ Ѳедоровичъ князю А. Д. Меншикову, поздравляя его съ наступающимъ праздникомъ [2]).

По пріѣздѣ въ Москву князь Борятинской узналъ о послѣдней милости къ нему Петра Великаго, назначавшаго его, по всей вѣроятности въ виду его болѣзни, членомъ засѣдавшей въ Петербургѣ государственной военной коллегіи [3]). Но князь не могъ уже продолжать путешествіе, явился въ Московскую контору военной коллегіи и просилъ объ освидѣтельствованіи его здоровья. Въ послѣднихъ числахъ декабря, по приговору московской конторы [4]), онъ былъ свидѣтельствованъ «чрезъ дохтуровъ Годлоба Шоберта, Антонія Толса, да лѣкаря Ягана Зума», которые поставили нижеслѣдующій діагнозъ [5]):

«Имѣетъ болѣзнь авъѳекъцію ипохондрика, и понеже де во оной болѣзни многіе приключаются сипътоми въ воздыханіи, временемъ имѣетъ респуряцію несвободною и хотя въ пищѣ имѣетъ охоту, однакожъ, по принятіи оной пищи, въ животѣ слышитъ немалую тягость; плеваніемъ часто мокрота происходитъ, но къ тому кислые отрыганіи, въ животѣ ворчаніе, боль и запоръ и ношные поты бываютъ, у него жъ чечюйная болѣзнь».

Государственная военная коллегія, ознакомившись съ этимъ актомъ, постановила: «велѣть оному брегадиру... лечитца въ Москвѣ и чтобъ чрезъ всякую треть года объявлять ему о себѣ въ той конторѣ, а изъ той конторы, свидѣтельствуя ево, писать объ немъ въ военную коллегію» [6]).

Болѣзнь князя Ивана Ѳедоровича не оставляла его и не давала служить по крайней мѣрѣ два года. Во все царствованіе императрицы Екатерины I онъ оставался въ Москвѣ не у дѣлъ и, получая даже кабинетныя должности, сначала члена (въ іюнѣ 1725 года) [7]), а позже (1 марта 1725 года) «презуса» [8]) московской конторы военной колле-

---

[1]) Лефорт. арх., оп. 1, св. 238, л. 189. Доношеніе въ военную коллегію изъ ея московской конторы, декабрь 1724 г.

[2]) Моск. главн. арх. мин. иностр. дѣлъ, оп. 264, письма, лит. Б, № 42; князь И. Ѳ. Борятинской князю А. Д. Меншикову, Москва, 21-го декабря 1724 г.

[3]) Лефорт. арх., оп. 1, св. 246, л. 507 (или 307).

[4]) Лефорт. арх., оп. 1, св. 238, л. 189. Доношеніе.

[5]) Тамъ же, л. 193. Копія приказа военной коллегіи 15-го января 1725 г.

[6]) Тамъ же.

[7]) Моск. главн. арх. мин. иностр. дѣлъ, оп. 264, письма, лит. Б, № 42. Князь И. Ѳ. Борятинской—князю А. Д. Меншикову. Москва, 15 іюня 1725 г.

[8]) Лефорт. архивъ, оп. 1, св. 292, л. 29.

гіи, неизмѣнно и настойчиво писалъ князю Меншикову о своей болѣзни и просилъ освобожденія отъ всякихъ дѣлъ.

30-го апрѣля 1725 года онъ писалъ: «свидѣтельствуюся Богомъ живымъ и кленуся Ево праведнымъ судомъ, что еще отъ болѣзни не весьма пришелъ въ здоровье и труда не могу такова понести... еслибъ нынѣ вскорѣ ѣхать въ Санктъ-Питербурхъ» [1]).

Немного позже, 15-го іюня 1725 года, получивъ извѣстіе о своемъ назначеніи членомъ московской конторы, онъ писалъ почти съ отчаяніемъ: «Прошу показать со мною Божескую милость и уволнить меня отъ того дѣла, ибо, государь, совѣстно доношу, что за болѣзнію моею не могу еще никакихъ трудовъ понести... отъ чего и ея величества всемилостивѣйшей нашей государыни императрицы дѣла весьма упустятся» и умолялъ всемогущаго временщика уже «припадая къ ногамъ» его свѣтлости «увольнить отъ сего дѣла, хотя не на долгое время для лѣченія» [2]).

Письмо князя Ивана Ѳедоровича свѣтлѣйшему отъ 19-го декабря 1726 года, въ которомъ онъ просилъ его освободить отъ должности презуса въ московской конторѣ военной коллегіи, является однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ документовъ для характеристики его взгляда на долгъ военной службы.

«...уже ваша свѣтлость изволите вѣдать..., что истинно боленъ и не отваливаюся и ниже вымышляю,.. ибо, государь, не токмо править дѣла, на мнѣ положенныя, могу, но нѣсколько мѣсяцовъ изъ избы не выхожу и до сего времени, за болѣзнію моею, и токмо что имя ношу у дѣла, а плода отъ меня никакова нѣтъ. Того ради прошу нижайше... увольнить меня хотя на время, если вовсе не можно отставить отъ службы, отъ дѣлъ за болѣзнію моею,... ибо, государь, и отъ сего имѣю сумнѣніе не малое, что опредѣленъ я у дѣла, а дѣла не правлю..., а если, что пропущено будетъ, дабы на мнѣ не взыскалось» [3]).

Къ несчастіямъ Ивана Ѳедоровича за этотъ періодъ его жизни присоединилась еще и потеря жены, скончавшейся 29-го іюня 1726 г. и погребенной имъ въ московскомъ Златоустовскомъ монастырѣ [4]).

---

[1]) Моск. главн. арх. мин. иностр. дѣлъ, оп. 264, письма, лит. Б, № 42. Князь И. Ѳ. Борятинской князю А. Д. Меншикову, Москва, 30-го апрѣля 1725 г.

[2]) Тамъ же, Москва, 15-го іюня 1725 г.

[3]) Тамъ же, Москва, 19-го декабря 1726 г.

[4]) Архим. Григорій „Историческое описаніе московскаго Златоустовскаго монастыря“, Москва, 1871, стр. 25. Надгробная надпись: „1726 году, іюня 29-го дня, преставися раба Божія, генералъ-маіора князя Ивана Ѳедоровича Борятинскаго жена его, княгиня Наталія Гавриловна; а житія ея было 36 лѣтъ“.

*

Обладая высокими качествами офицера, «совѣстно» относящагося къ своимъ даже невольнымъ прогуламъ, требовательнаго къ самому себѣ и настолько прямаго, чтобъ заявить: «что имя ношу у дѣла, а плода отъ меня никакова нѣтъ», князь Иванъ Ѳедоровичъ былъ въ то же время истымъ сыномъ своего вѣка и не считалъ, что чины и милости должны раздаваться независимо отъ родства и свойства съ высокими міра сего.

Больной и сокрушающійся о невозможности служить и «никакихъ трудовъ понести», онъ, въ то же время, едва заслышавъ въ Москвѣ о готовящейся свадьбѣ старшей дочери покойнаго императора Анны Петровны съ герцогомъ Голштинскимъ, уже торопится «вручить себя въ высокія и богатыя милости» свѣтлѣйшаго князя и пишетъ ему въ Петербургъ, за три недѣли до свадьбы: «нынѣ слышимъ грядущее торжество и народную радость всемилостивѣйшей нашей государыни цесаревны, и мню, что многіе послѣдніе раби ихъ величествъ взыщутся при той радости за службы; того ради вашу свѣтлость, премилостиваго государя моего, всенижайше прошу показать со мною отеческую милость и не оставить меня, послѣдняго слугу своего, при такомъ радостномъ случаѣ, и какую изволите со мною милость покажите» [1]).

Однако же свадьба царевны состоялась 21-го мая, а милость князю Борятинскому вышла только къ Преображеньеву дню [2]). Этой милостію было производство въ генералъ-маіоры, о чемъ увѣдомилъ новопожалованнаго самъ его высокопоставленный тесть Гаврила Ивановичъ Головкинъ [3]).

Еще болѣе характернымъ является письмо [4]), которымъ князь Борятинской поздравилъ Меншикова, съ «учиненнымъ превысочайшимъ обрученіемъ» императора Петра II «съ нареченною нашею государынею цесаревною»—то-есть съ дочерью Меншикова—княжной Маріей Александровной. «И желаю», добавлялъ Борятинской къ своему поздравленію, «да Всемогущій свыше предпослать соблаговолитъ волю Свою святую съ пожеланнымъ благополучнымъ окончаніемъ для всенародной пользы и радости».

Но пожеланія князя не сбылись. Это письмо было написано 12-го іюня, обрученіе состоялось 25-го мая, а три—четыре мѣсяца спустя

---

[1]) Моск. главн. арх. мин. иностр. дѣлъ. оп. 264, письма, лит. Б, № 42. Князь И. Ѳ. Борятинской князю А. Д. Меншикову. Москва, 30-го апрѣля 1725 г.

[2]) Лефорт. архивъ, оп. 1, св. 220, л. 430.

[3]) Моск. главн. арх. мин. иностр. дѣлъ, оп. 264, письма лит. Б, № 42. Князь И. Ѳ. Борятинской князю А. Д. Меншикову. Москва, 20 августа 1725 г.

[4]) Тамъ же, Москва, 12-го іюня 1727 г. Фотографія письма въ музеѣ офицерскаго собранія л.-гв. Кексгольмскаго полка, отд. V, № 108.

звѣзда свѣтлѣйшаго померкла: 8-го сентября 1727 года онъ выѣхалъ въ ссылку вмѣстѣ съ несчастной своей дочерью.

На судьбѣ князя Ивана Ѳедоровича это паденіе всесильнаго патрона, неизмѣнно покровительствовавшаго ему въ теченіе по крайней мѣрѣ десяти послѣднихъ лѣтъ, вопреки обычному, въ подобныхъ случаяхъ, гоненію на всѣхъ родныхъ и близкихъ, повидимому, нисколько не отразилось. По крайней мѣрѣ 4-го февраля 1728 года, въ день торжественнаго въѣзда въ Москву молодаго императора, онъ, очевидно, уже оправившись отъ своей долгой болѣзни, вдвоемъ съ генераломъ Бономъ командовалъ восьмью полками, разставленными въ шпалерахъ отъ Тріумфальныхъ до Воскресенскихъ воротъ [1]).

Затѣмъ за періодъ времени отъ паденія Меншикова до кончины императора Петра II, свѣдѣній о князѣ И. Ѳ. Борятинскомъ въ нашемъ распоряженіи не имѣется. Лишь съ избранія на всероссійскій престолъ императрицы Анны Іоанновны мы снова встрѣчаемся съ княземъ, для котораго царствованіе этой государыни сложилось въ непрерывный рядъ наградъ и милостей.

Неожиданная кончина въ Москвѣ (18-го января 1730 года) юнаго императора, представителя мужской линіи, какъ извѣстно, захватила врасплохъ всѣхъ, кто могъ и долженъ былъ рѣшить вопросъ о замѣщеніи вновь опустѣвшаго россійскаго престола. Извѣстно также, что Верховный тайный совѣтъ, замѣнившій недавно Сенатъ и составленный всего лишь изъ восьми «верховниковъ», остановился на принятомъ всѣми партіями избраніи племянницы Петра Великаго герцогини Курляндской Анны Іоанновны, предложилъ ей отъ себя, черезъ особую депутацію, подписать «ограничительные пункты», еще раньше переѣзда изъ Митавы въ Москву. Для громаднаго большинства государственныхъ сановниковъ, дворянства, московской знати, представителей войскъ, а за ними и всего народа такое ограниченіе самодержавной власти не уживалось съ представленіемъ о священной особѣ главы государства. Тотчасъ же, вслѣдъ за избраніемъ императрицы и вѣстью о составленіи «пунктовъ», вся служилая и родовитая Москва соединилась въ партіи, чтобы низвергнуть замыслы «верховниковъ» и не позволить имъ присвоить себѣ долю самодержавной власти. Одна изъ этихъ партій, оказавшаяся сильнѣе другихъ и сыгравшая, по прибытіи новой императрицы, рѣшительную роль въ этихъ событіяхъ, собиралась въ московскомъ домѣ генералъ-маіора князя Ивана Ѳедоровича Борятинскаго, подъ его защитой.

Душой этой партіи былъ своякъ князя Борятинскаго, женатый, какъ и онъ, на дочери графа Головкина, бывшій генералъ-прокуроръ Ягу-

[1]) „Сборникъ Имп. Русск. Ист. Общ.“, т. 101, стр. 433.

жинскій [1]), съ ними же были ихъ родичи князья Черкасскіе, негласно ихъ тесть Гаврила Ивановичъ, знаменитый Ѳеофанъ Прокоповичъ и длинный рядъ своихъ, стоявшихъ у власти людей.

Еще раньше депутаціи «верховниковъ», въ Москву помчался посланецъ Ягужинскаго съ совѣтомъ и просьбой къ императрицѣ не подписывать «пунктовъ» и не вѣрить, что они исходятъ отъ воли народной; а 25-го февраля, на десятый день прибытія въ Москву Анны Іоанновны, во дворцѣ нежданно появился «генералитетъ и шляхетство» съ заявленіемъ, выразившимся лучше всего въ возгласахъ гвардейскихъ офицеровъ: «Не хотимъ, чтобъ государынѣ предписывались законы, она сама должна быть такою же самодержицею, какъ были всѣ прежніе государи» [2]). Тутъ же была доложена и другая просьба дворянъ о возстановленіи Правительствующаго Сената избраніемъ «21 персоны».

Въ присутствіи всѣхъ собравшихся императрица потребовала представленія «пунктовъ», подписанныхъ ею еще въ Митавѣ, и «при всемъ народѣ изволила, принявъ, разорвать».

4-го марта состоялось назначеніе 21 сенатора, при чемъ въ числѣ избранныхъ императрицею оказался и генералъ-маіоръ князь Иванъ Ѳедоровичъ Борятинскій [3]), а также его тесть графъ Головкинъ, свояк Ягужинскій и родичъ князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій.

Шесть недѣль позже, 28-го апрѣля, въ день коронаціи императрицы Анны Іоанновны, князь Иванъ Ѳедоровичъ былъ пожалованъ въ генералъ-лейтенанты [4]).

3-го февраля 1731 года, въ день первой годовщины полученія въ Москвѣ подписанныхъ Анной Іоанновной пунктовъ и ареста «верховниками» Ягужинскаго, «любовь Борятинскаго къ Престолу», по выраженію Бантыша-Каменскаго, «была награждена орденомъ св. Александра-Невскаго».

О дальнѣйшей службѣ князя Борятинскаго извѣстно, что 7-го декабря 1731 года «ради прекращенія зашедшихъ между калмыцкихъ ссоръ и для усмиренія противниковъ» ему было приказано ѣхать въ Астрахань и принять «въ команду всѣ стоящіе полки по линіи Царицынской и на Черемшанскихъ форпостахъ», а также Донскихъ и

---

[1]) Бантышъ-Каменскій, Словарь достопамятныхъ людей.

[2]) Эпизодъ восшествія на престолъ Анны Іоанновны переданъ нами по „Исторіи Россіи“ Соловьева.

[3]) Сборникъ Имп. Русск. Ист. Общ.; т. 101, стр. 553; Полн. Собр. Законовъ, № 5510.

[4]) П. Барановъ, Опись высоч. указамъ и повелѣніямъ, хранящимся въ С.-Петерб. Сенатскомъ архивѣ, т. II, Спб. 1875, стр. 220, № 3761; Описаніе коронаціи императрицы Анны Іоанновны. Библіотека Главнаго штаба, № 13625.

Яицкихъ казаковъ [1]). Князь Борятинской провелъ полтора года на Волгѣ, умиротворяя затѣявшихъ междоусобную войну калмыковъ и охраняя нашу восточную границу отъ постоянныхъ вторженій закаспійскихъ кочевниковъ. Довѣріе къ нему правительства выразилось въ этотъ періодъ времени въ высочайшемъ указѣ «поступать... смотря на обращенія... по своему разсмотрѣнію... не отписываясь, дабы съ тѣмъ время опущено не было [2])».

Въ іюнѣ 1733 года, когда начинались «польскія замѣшательства», князь Борятинскій получилъ приказаніе императрицы сдать калмыцкія дѣла генералъ-маіору Тараканову, а самому «ѣхать къ лифляндскому корпусу въ крайней скорости и быть тамъ подъ командой» генерала Ласси [3]). Въ августѣ, побывавъ въ Петербургѣ, князь выѣхалъ уже на театръ войны [4]) и пробылъ въ кампаніи два года.

21-го августа 1735 года [5]) онъ былъ назначенъ московскимъ генералъ-губернаторомъ, а въ слѣдующемъ 1736 году, на свою послѣднюю должность главнокомандующаго Малороссіи. 9-го февраля 1737 года князь Иванъ Ѳедоровичъ получилъ и послѣднюю свою награду генералъ-аншефа, т. е. полнаго генерала [6]).

«Недолго»,—говоритъ Бантышъ-Каменскій [7]),—«малороссіяне, претерпѣвшіе въ то время чрезмѣрныя тягости, по причинѣ турецкой войны, находились подъ благодѣтельнымъ и кроткимъ начальствомъ его [8])», 18-го февраля 1733 года, въ Глуховѣ, «къ сожалѣнію призна-

---

[1]) Лефорт. архивъ, оп 47, св. 45, л. 7. Промеморія Коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ Военную коллегію, 7-го декабря 1731 г., за подписями графа Головкина, Остермана и Миниха. Тамъ же, т. 4, св. 51, л. 13.

[2]) Лефорт. архивъ, оп. 4, св. 46, л. 236, указъ Военной коллегіи, 16-го ноября 1732.

[3]) Лефорт. архивъ, оп. 4, св. 52, л. 281.

[4]) Лефорт. архивъ, оп. 4, св. 49, л. л. 416, 432 и 433.

[5]) Барановъ, Опись высоч. повелѣніямъ и указамъ, хранящ. въ Спб. Сенатск. архивѣ, т. II, стр. 380, № 5254.

[6]) Тамъ же, стр. 453, № 5842.

[7]) Словарь достопамятныхъ людей.

[8]) Ко времени управленія Малороссіей относится эпизодъ, характеризующій склонность князя И. Ѳ. Борятинскаго къ принятію, при случаѣ, весьма рѣшительныхъ мѣръ. Эпизодъ этотъ разсказанъ въ Исторіи Россіи Соловьева (т. 20, стр. 321): „Въ 1737 году произошло столкновеніе у черниговскаго архіерея Иларіона Рогалевскаго съ капитаномъ Кобылинымъ, который набиралъ казаковъ. Кобылинъ жаловался, что въ церкви, послѣ торжественнаго молебна, архіерей не допустилъ его къ кресту и сказалъ: «Чортъ тебѣ, к—сыну, далъ указъ, покажи указъ!» Князь Борятинской, управлявшій въ то время Малороссіею, произвелъ слѣдствіе и арестовалъ архіерея, за что получилъ выговоръ отъ императрицы: «Намъ зѣло непріятно и къ великому нашему удивленію касается, что вы онаго архіепископа безъ нашего указа подъ такой крѣпкій караулъ брать велѣли, не разсуждая, что изъ такихъ поступковъ всякія слѣдствія произойти могутъ».

тельнаго народа», князь Иванъ Ѳедоровичъ скончался. 13-го марта его тѣло было отправлено въ Москву [1]) и погребено, по всей вѣроятности, въ Златоустовскомъ монастырѣ, въ церкви Іоанна Златоуста, возобновленной его отцомъ Ѳедоромъ Юрьевичемъ [2]). Въ томъ же монастырѣ покоится и прахъ его патрона, графа Ѳедора Матвѣевича Апраксина [3]) формировавшаго и самый полкъ, которымъ командовалъ Борятинской.

Во всѣхъ приведенныхъ свѣдѣніяхъ о князѣ Иванѣ Ѳедоровичѣ Борятинскомъ нѣтъ, къ сожалѣнію, ни одного отзыва о немъ современниковъ, которымъ была бы отмѣчена непосредственно хоть одна черта его характера. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, приведенные факты не даютъ-ли намъ возможность хоть въ нѣсколькихъ чертахъ обрисовать этого человѣка. Будетъ-ли ошибкой сказать о немъ, что это былъ богатый, знатный и свободный духомъ русскій баринъ, офицеръ, преисполненный храбрости и молодечества, энергичный до «газарда», проникнутый высокими чувствами сознанія долга и слуга своей родины.

Б. Адамовичъ.

---

[1]) Справка Глуховскаго предводителя дворянства.

[2]) Точныхъ указаній о мѣстѣ погребенія Ивана Ѳедоровича нами не найдено. При нашемъ посѣщеніи Златоустовскаго монастыря 27-го января 1902 года никакихъ указаній нами не было получено, кромѣ догадокъ братіи: что князь Иванъ Ѳедоровичъ погребенъ подъ Златоустовскою церквью. См. архимандритъ Григорій, «Историческое описаніе московскаго Златоустовскаго монастыря», Москва, 1871, стр. 6.

[3]) См. «Русскій Инвалидъ» 1900 г., № 250, 1901 г., № 6, и 1902 г., № 85. Б. Адамовичъ «Могила сподвижника Петра Великаго графа Ѳ. М. Апраксина».

Письма императрицы Маріи Ѳеодоровны

къ великимъ князьямъ

Николаю и Михаилу Павловичамъ [1]).

Num. 62.

Ce 12 Août 1815.

Chers et bien aimés enfants, le courrier du 22 est arrivé: c'est vous dire en un mot l'émotion que j'éprouve.Il est des moments où le silence est plus expressif que les paroles: je ne puis parler, mes enfants; je bénis mon Dieu du bonheur qu'Il a destiné a mon Annette, je Le bénis de m'avoir donné de si bons enfants, de me voir tendrement aimée de vous, êtres chéris et inexprimablement aimés à votre tour, et les larmes me coulent des yeux. Je suis là tout sentiment, toute émotion, toute satisfaction, et ne puis vous exprimer ce que je sens. Voilà donc le sort de notre bonne Annette assuré, je m'en réjouis du fond de l'âme et puis dire qu'un des voeux les plus chers de mon coeur est comblé: remercions en Dieu et notre cher Alexandre. Cette réponse arrivée le 22 Juillet est une nouvelle bénédiction de la Providence; qu'il m'est consolant de me dire qu'Annette datera son bonheur de ce jour. La lettre du prince d'Orange à l'empereur est charmante et bien aimable pour moi. Je suis bien disposée à l'aimer et à le chérir: il me paraît si parfaitement dans notre cercle de famille que je me flatte qu'il nous chérira tous. Chers enfants, vos lettres du 22 m'ont vivement touchée; cher Nicolas, cher Michel, recevez tous, tous mes remercîments et dites-vous que votre amitié fait le charme et la consolation de mes jours. Cher

[1]) См. „Русскую Старину", іюль 1904 г.

Michel, jai été bien émue par ce que vous me dites de tendre et d'affectueux et vous en remercie du fond de mon coeur, tout comme vous aussi, cher Nicoche. Dieu vous bénira et vous donnera un jour dans vos enfants le même bonheur, la même satisfaction dont vous me faites jouir. Le reste à demain, mes enfants, mon agitation est trop grande pour continuer. Mille remercîments, cher Nicoche, pour la charmante et même belle robe que vous m'avez envoyée, mais c'est trop beau, cher enfant, et je suis peinée de ce que vous vous êtes mis en dépense pour moi: une misère m'aurait fait le même plaisir. Bien obligée, cher Michel, du portrait que vous promettez, il me fera le plus grand plaisir. Vous avez vu par ma lettre d'hier que je vous le demandais. Bonsoir, bons, chers et bien aimés enfants. Qu'il me tarde de vous revoir.

Ce 13 Août, Vendredi.

Je ne puis que vous embrasser, mes bons enfants, il m'est de toute impossibilité de vous écrire ce soir: je suis accablée d'affaires; Annette vous l'attestera, mes enfants. Adieu donc mille fois. Le reste à la première fois.

Ce 14 Août, Samedi.

Je suppose qu'Annette, ou plutôt je sais qu'Annette vous a fait ma commission, mes bons amis. Je n'ai pas quitté la plume et cependant je ne puis vous écrire que pour vous bénir, vous embrasser et vous dire que dès demain je vous écrirai, s'il plaît à Dieu, à mon aise, aujourd'hui la plume me tombe des mains. Voici une lettre de la comtesse Litta. Votre anneau lui a fait un plaisir extrême. Adieu, mes bons amis, que Dieu vous bénisse et vous conserve tels que vous êtes. Dès que vous saurez que l'empereur aura fait ma commission au prince d'Orange, faites-lui mes amitiés et dites-lui que je désire qu'il se trouve en disposition de m'aimer comme je le fais de le chérir. Adieu, mes bons amis. Toute à vous de coeur et d'âme. Mes compliments à vos messieurs. Qu'est-ce que leur silence vis-à-vis de moi, si contraire à leurs instructions? Que Dieu vous conserve, mes chers enfants, ne m'oubliez pas et rappelez vous de mes conseils.

12-го августа 1815 г.

(Переводъ). Милыя и дорогія дѣти, прибылъ курьеръ, посланный 22-го іюля; этого достаточно, чтобы вы поняли, какъ я была глубоко взволнована: бываютъ минуты, когда молчаніе выразительнѣе словъ, я не въ силахъ говорить, дѣти мои, я благословляла Бога за то счастье, которое Онъ нис-

посылаетъ моей Аннетѣ, я благодарю Его за то, что у меня такія хорошія дѣти, за то, что меня такъ нѣжно любятъ эти дорогія для меня существа, которыхъ я въ свою очередь несказанно люблю, и слезы льются у меня изъ глазъ. Я вся взволнована, растрогана и глубоко обрадована и не могу выразить всего, что я чувствую. Итакъ, судьба нашей доброй Аннеты устроена, я радуюсь этому до глубины души и могу сказать, что исполнилось одно изъ самыхъ завѣтныхъ моихъ желаній: возблагодаримъ за это Бога и нашего дорогого Александра. Этотъ отвѣтъ, полученный 22-го іюля, есть новое благословеніе Божіе; какъ мнѣ пріятно сознаніе, что счастье Аннеты началось съ этого дня. Письмо принца Оранскаго къ императору прелестно и очень любезно по отношенію ко мнѣ. Я готова нѣжно любить его: мнѣ кажется, онъ такъ подходитъ къ нашей семьѣ, что я надѣюсь, что онъ полюбитъ всѣхъ насъ. Милыя дѣти, полученныя мною ваши письма, отъ 22-го іюля, глубоко тронули меня; очень очень благодарю васъ за нихъ, дорогой Николай, дорогой Михаилъ, повѣрьте, что ваше дружеское отношеніе составляетъ прелесть и утѣшеніе моей жизни. Дорогой Михаилъ, я была очень тронута нѣжными и сердечными выраженіями вашего письма и благодарю васъ за него отъ всей души, такъ же, какъ и васъ, дорогой Никошъ. Да благословитъ васъ Господь и да ниспошлетъ Онъ вамъ въ вашихъ дѣтяхъ такое же счастье, такое же утѣшеніе, какое вы доставляете мнѣ. Остальное до завтра, дѣти мои, мое волненіе слишкомъ велико; я не могу продолжать. Тысячу благодарностей, милый Никошъ, за прелестное и даже великолѣпное платье, которое вы мнѣ прислали; оно ужъ слишкомъ хорошо, милое дитя, и я огорчена тѣмъ, что вы потратились для меня: какая-нибудь бездѣлица доставила бы мнѣ такое же удовольствіе. Очень благодарна вамъ, дорогой Михаилъ, за обѣщанный портретъ, онъ доставитъ мнѣ величайшее удовольствіе. Вы видѣли изъ моего вчерашняго письма, что я просила васъ о немъ. Прощайте, добрыя, милыя и любезныя дѣти. Я не дождусь свиданія съ вами.

13-го августа, пятница.

Я могу только обнять васъ, мои добрыя дѣти; сегодня вечеромъ я не имѣю никакой возможности написать вамъ: у меня бездна дѣла. Аннета подтвердитъ вамъ это, дѣти мои. Итакъ, тысячу разъ прощайте. Остальное при первомъ удобномъ случаѣ.

14-го августа, суббота.

Я полагаю или, лучше сказать, я знаю, что Аннета исполнила мое порученіе, добрые друзья мои. Я не выпускала пера изъ рукъ, а между тѣмъ я могу написать вамъ всего нѣсколько словъ, чтобы сказать вамъ, что я васъ благословляю, цѣлую и что я напишу вамъ, Богъ дастъ,

на свободѣ, завтра; сегодня перо валится у меня изъ рукъ. Вотъ письмо отъ графини Литта. Ваше кольцо доставило ей огромное удовольствіе. Прощайте, добрые друзья мои, да благословитъ васъ Господь и да сохранитъ Онъ васъ такими, каковы вы теперь. Какъ только вы узнаете, что императоръ исполнилъ мое порученіе относительно принца Оранскаго, передайте ему мой привѣтъ и скажите ему, что я желаю, чтобы онъ могъ полюбить меня такъ же горячо, какъ я его люблю. Прощайте, добрые друзья мои. Ваша душой и сердцемъ. Кланяйтесь отъ меня вашимъ кавалерамъ. Что означаетъ ихъ молчаніе, столь не соотвѣтствующее даннымъ имъ инструкціямъ? Да хранитъ васъ Господь, дорогія дѣти, не забывайте меня и вспоминайте о моихъ совѣтахъ.

Num. 63.

Ce Dimanche, 15 Août 1815.

Je vous renouvelle encore une fois, mes bons, chers enfants, mes remercîments pour vos dernières chères lettres du 22 Juillet: elles m'ont fait un plaisir inexprimable, car elles m'expriment si bien votre tendresse, votre amitié, que j'en ai été touchée bien profondément. Je me sens heureuse de vous être chère, mes bons amis, et vous assure bien que vous me l'êtes au delà de toute expression. Je jouis avec vous et vous avec moi du bonheur qu'attend notre chère Annette, ma pensée n'est occupée que du sort qui l'attend et j'ai plaisir à voir combien tous ceux qui le savent s'en réjouissent; je trouve que ce parti réunit tous les avantages qu'on pouvait désirer, et certainement le bonheur des deux individus est à espérer: notre princesse d'Orange future est bien, bien satisfaite et sa mine heureuse me réjouit le coeur. Comme le temps a été superbe aujourd'hui, j'ai fait l'extraordinaire pour le Dimanche de dîner au Pavillon des roses, ce qui a fait grand plaisir à toute la société qui était très auguste, les grandes autorités étant venues me voir; vos musiciens ont joué pendant le dîner, cher Nicoche, ainsi cela donnait un petit air de fête à ce dîner, et j'ai dit à Annette tout bas que je fêtai la bonne nouvelle in petto. Le soir nous avons joué au boston, et je vous dirai, cher Nicoche, comme une très grande nouvelle, que j'ai joué et gagné une grande misère ouverte, cela a fait événement dans le salon. Bonsoir, mes bons amis, dormez bien.

Ce 16 Août.

Les gazettes arrivées par mer ne m'amusent pas du tout, car on dit que les esprits sont très exaspérés en France et que les factions se prononcent de plus en plus. Cela ne m'étonne pas, vu la grande impu-

nité qui y règne; tous les scélérats qui ont conspiré contre le roi et l'état sont en sécurité: le vice s'en encourage et les suites en sont funestes; ajoutez à cela les contributions, les craintes des démembrements, et en vérité je bénirai Dieu quand je vous saurai tous sortis de cette moderne Babylone. Ne pourrez-vous pas bientôt me parler du départ de l'empereur et du vôtre? Tous les voeux tendent à en attendre la nouvelle. Bonsoir, chers enfants, je vous donne toutes mes bénédictions.

Ce 17 Août.

Nous avons un temps magnifique qui m'a fait promener longtemps dans mon jardin, mes bons amis, ensuite j'ai eu à faire, et voilà le moment d'expédier ma lettre, ainsi pour cette fois je dois être brève, j'en suis au regret et réparerai mes torts demain. Nous dînâmes au nouveau chalet, voilà l'extraordinaire de la journée. Quand partez-vous de Paris, mes bons enfants? Que je voudrais que nous sachions le départ de l'empereur, ce séjour est bien, bien inquiétant. Adieu, mes bons enfants, je vous embrasse de tout mon coeur et fais mes compliments au général, à vos messieurs et à nos braves militaires. Toute à vou pour la vie.

Marie.

Воскресенье, 15-го августа 1815 г.

(Переводъ). Еще разъ повторяю вамъ, добрыя и дорогія дѣти, мою благодарность за ваши послѣднія дорогія для меня письма отъ 22-го іюля: они мнѣ доставили несказанное удовольствіе, такъ какъ въ нихъ выразилась вся ваша нѣжность, вся ваша дружба ко мнѣ; я была ими глубоко тронута. Я счастлива, что я для васъ дорога, мои добрые друзья, вѣрьте мнѣ, что и вы мнѣ безконечно дороги. Я наслаждаюсь вмѣстѣ съ вами счастіемъ, которое ожидаетъ нашу дорогую Аннету, мои мысли заняты предстоящей ей судьбою, и я съ удовольствіемъ вижу, какъ рады этому всѣ тѣ, кои объ этомъ знаютъ; я нахожу, что этотъ бракъ соединяетъ въ себѣ всѣ преимущества, какихъ можно было желать; можно надѣяться на счастье двухъ лицъ: наша будущая принцесса Оранская очень, очень довольна; ея счастливый видъ радуетъ меня. Такъ какъ погода была сегодня превосходная, то я рѣшила обѣдать въ Розовомъ павильонѣ, что̀ по воскресеньямъ не принято; это доставило большое удовольствіе всему обществу, которое было очень изысканное, такъ какъ всѣ высшія власти посѣтили меня; ваши музыканты играли во время обѣда, дорогой Никошъ, что̀ придало ему праздничный видъ; я сказала Аннетѣ тихонько, что я праздную втайнѣ

добрую вѣсть. Вечеромъ мы играли въ бостонъ, и скажу вамъ, дорогой Никошъ, большую новость, я съиграла и выиграла большой открытый мизеръ; это произвело большую сенсацію въ гостиной. Прощайте, добрые друзья мои, спите спокойно.

16-го августа.

Газеты, полученныя моремъ, не содержатъ ничего для меня утѣшительнаго; въ нихъ пишутъ, что во Франціи умы очень возбуждены и что партіи выражаютъ свои взгляды все болѣе и болѣе открыто; это меня не удивляетъ, принимая во вниманіе существующую тамъ безнаказанность; всѣ злодѣи, составившіе заговоръ противъ короля и правительства, находятся въ безопасности: это поощряетъ порокъ и влечетъ за собою пагубныя послѣдствія; прибавьте къ этому подати, боязнь раздробленія; я буду благословлять Бога, когда узнаю, что вы уѣдете изъ этого новаго Вавилона. Не сообщите-ли вы мнѣ вскорѣ объ отъѣздѣ императора и вашемъ собственномъ; всѣ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ этого извѣстія. Прощайте, милыя дѣти, благословляю васъ отъ всего сердца.

17-го августа.

Сегодня погода была у насъ великолѣпная, поэтому я долго гуляла въ своемъ саду, добрые друзья мои, потомъ я была занята дѣлами, и вотъ уже пришло время отправлять письмо, поэтому оно будетъ на этотъ разъ краткимъ, о чемъ я сожалѣю, и завтра постараюсь исправить свою вину. Мы обѣдали въ новомъ шалэ; вотъ чѣмъ ознаменовался этотъ день. Когда уѣзжаете вы изъ Парижа, добрыя дѣти мои? Я бы хотѣла получить извѣстіе объ отъѣздѣ императора: его пребываніе тамъ очень, очень безпокоитъ меня. Прощайте, добрыя дѣти, отъ души цѣлую васъ и кланяюсь генералу, вашимъ кавалерамъ и нашимъ молодцамъ военнымъ. Ваша навсегда Марія.

Num. 64.

Ce 18 Août 1815.

Mes bons amis, je vis de souvenir aujourd'hui et me rappelle avec un plaisir extrême la cérémonie de l'année passée, c'est à dire sous le rapport de la beauté de la cérémonie militaire de l'anniversaire de la belle journée de Culm, mais le souvenir de votre chute, cher Michel, me fait ..... [1]) de l'effroi et je remercie Dieu de vous en avoir fait si bien tiré. J'espère que vous serez précautionnés aux manoeuvres, mes bons amis, et penserez à vos chevaux tout en vous occupant de vos devoirs du moment. Je voudrais pouvoir vous lorgner et vous voir, vous

[1]) Слово неразобрано.

à votre brigade, cher Nicoche, et Michel à son artillerie; j'en aurais bien du plaisir, mais, mes bons amis, pourvu que je vous revoie, j'en aurai toujours et toujours. Si vous voulez savoir à quoi je m'occupe dans ce moment, je vous dirai que c'est au trousseau d'Annette, je ne fais que cela; j'ai en tête qu'il faut se presser un peu, car il me paraît que Guillaume ne l'est pas mal à en juger par ce que vous me dites de lui. Je dis avec vérité que mon coeur dévance le moment de l'aimer comme mon fils: de tout temps j'ai pris un intérêt réel à lui, et lorsqu'il était en Espagne, je cherchais son nom dans les gazettes avec crainte, et ses succès, sa belle conduite me faisaient toujours le plus grand plaisir; dès depuis, sachant son désir de s'unir à ma fille, il s'est encore mieux frayé le chemin de mon coeur; la gloire qu'il a acquise nouvellement, son charmant caractère, sa manière d'être le lui ont gagné tout à fait, et j'ai bien, bien de l'impatience à le voir; j'espère qu'il m'aimera aussi et qu'il sera bon et tendre fils pour moi. Nous avons un temps superbe depuis quelques jours, aussi voyageons nous pour le dîner dans mon jardin; aujourd'hui c'était le tour du pavillon Élisabeth. Le comte Kotschoubei et sa femme étaient des nôtres; Kurakin a un peu de goutte aux genoux, mais cependant il a assisté au dîner; sa démarche est si bien connue à Pétrouche que lorsqu'il est chez moi et que le prince Kurakin est au petit jardin, sans le voir, il dit: «Et voilà le prince Kurakin qui vient». Il est très gentil ce cher petit bout d'homme, il pétille d'esprit; il est vif, gai, chantant, dansant et courant toute la journée. Vous ne me dites rien du petit garçon de Catiche: ne l'avez-vous pas vu? Faites-moi l'amitié, mes bons amis, de me donner des nouvelles de M-r Pougens: il ne me donne pas signe de vie; lui est-il arrivé malheur? Informez-vous en, je vous en prie. Je ne conçois rien au silence de M-r de Savrassof qui ne m'a pas donné non plus signe de vie et ne m'a envoyé aucun compte depuis votre départ, quoique dans l'instruction il était dit qu'il devait l'envoyer, s'il était possible, tous les mois! Aucun de vos messieurs ne m'a écrit non plus, quoique l'instruction le disait! Je vous avoue, mes enfants, que j'en suis tout étonnée. Bonsoir, chers et bons amis, dormez bien.

Ce 19 Août, Jeudi.

Chers bien aimés enfants, j'ai reçu vos lettres du 29 Juillet et vous dis avec toute la satisfaction et le bonheur du coeur maternel que votre lettre, cher Nicolas, m'a rendue heureuse par les sentiments que vous y exprimez et votre manière de voir et de juger. Restez fidèle à ces principes, cher Nicoche, et vous baserez votre bonheur temporel et spirituel. Croyez-moi, mes enfants, il n'existe pas pour l'homme, si on

s'écarte de la vertu; celui qui se livre au vice est dans un état de démence, car de fait il perd et son existence et son âme; même en retournant à la vertu il lui reste un ver rongeur par le souvenir de ses erreurs. Comme tous vos détails sur Guillaume m'intéressent: cher et bon jeune homme, il me tarde bien de le voir; l'empereur m'a dit que dans 2 mois il serait chez nous, au plus tard dans trois. Je me dis donc que je vous reverrai, cette idée me transporte, car en vérité sans vous, mes enfants, pas de bonheur pour votre mère. Cher Nicoche, votre portrait n'est pas votre portrait, mais celui du prince Serge Soltikof: vous y avez 30 ans; Villamof dit que vous y avez l'air d'un professeur de mauvaise humeur. Non, ce n'est pas vous, cher Nicoche, ce n'est pas votre bonne physiognomie, vous avez un air malade qui me désolerait s'il existait. Que j'aurais voulu que vous vous fassiez peindre par Isabey: le portrait de l'empereur est charmant et frappant. J'attends celui de Michel et verrai comment il aura rembruni cette physiognomie gaie et ouverte. Non, mes enfants; il faut qu'on vous rende tels que vous êtes pour me plaire; toujours je vous remercie mille fois d'avoir pensé à moi et de vous être ennuyés pour moi. Bonsoir, chers et bons amis.

Ce 20 Août, Vendredi.

Chers enfants, le trousseau de votre soeur m'a pris tout mon temps: il faut se dépêcher, car nous n'avons que deux mois à le préparer; je désire qu'il réussisse. Annette est heureuse, contente, je jouis de son bonheur et je ne sais pas qui de nous deux aimera davantage Guillaume, s'il la rend aussi heureuse que mon coeur le désire. Notre temps est superbe; puisse-t-il être constant. Chers enfants, vous, qui aimez à m'obliger, tâchez de me trouver de jolis dessins à Paris pour la broderie au canevas, pour meubles et bordure, et portez-les moi. Adieu mille et mille fois; mes compliments au général, à vos messieurs, à nos braves militaires. Je suis bien touchée du zèle du bon Czernichef dont vous me parlez, cher Nicoche. Que Dieu vous conserve tous deux et vous ramène dans mes bras.

Marie.

J'ai le Musée et l'ouvrage de Humboldt.

18-го августа 1815 г.

(Переводъ). Добрые друзья мои, я живу сегодня воспоминаніями и съ удовольствіемъ припоминаю прошлогоднюю церемонію, т. е., собственно говоря, прелесть военной церемоніи празднованія годовщины Кульмской битвы; но, вспоминая ваше паденіе, дорогой Михаилъ, я содрагаюсь отъ ужаса и благодарю Бога, что все обошлось такъ благополучно. Надѣюсь

что вы будете осторожны на маневрахъ, мои добрые друзья, и позаботитесь о вашихъ лошадяхъ, не забывая вмѣстѣ съ тѣмъ и своихъ обязанностей въ данное время; мнѣ хотѣлось бы видѣть васъ въ лорнетъ во главѣ вашей бригады, дорогой Никошъ, а Михаила во главѣ его артиллеріи; это доставило бы мнѣ большое удовольствіе, но, добрые друзья мои, лишь бы мнѣ снова увидѣть васъ, это удовольствіе я буду имѣть очень часто. Если вамъ хочется знать, чѣмъ я занята въ настоящую минуту, то скажу вамъ, что я занята приданымъ Аннеты, я ни о чемъ больше не думаю; мнѣ кажется, что надобно нѣсколько поторопиться, ибо, судя по тому, что вы пишете о Вильгельмѣ, мнѣ кажется, что онъ торопится: скажу вамъ откровенно, что я заранѣе люблю его, какъ сына; я всегда искренно интересовалась имъ и, когда онъ былъ въ Испаніи, я съ боязнью искала его имя въ газетахъ; его успѣхи, его прекрасное поведеніе всегда доставляли мнѣ большое удовольствіе; а съ тѣхъ поръ, какъ я узнала о его желаніи вступить въ бракъ съ моей дочерью, онъ сталъ еще ближе моему сердцу; слава, которую онъ въ послѣднее время пріобрѣлъ, его прекрасный характеръ, его обхожденіе окончательно завоевали мое сердце, и я съ большимъ нетерпѣніемъ желаю его видѣть; надѣюсь, что онъ также полюбитъ меня и будетъ для меня добрымъ и нѣжнымъ сыномъ. Погода стоитъ у насъ нѣсколько дней восхитительная, поэтому мы обѣдаемъ въ разныхъ мѣстахъ парка, сегодня была очередь Елисаветина павильона. Графъ Кочубей съ супругою были нашими гостями; у Куракина немного болятъ колѣни отъ подагры, тѣмъ не менѣе онъ присутствовалъ на обѣдѣ; Петруша такъ хорошо знаетъ его походку, что когда онъ бываетъ у меня, а князь Куракинъ гуляетъ въ маленькомъ садикѣ, то, еще не видя его, онъ говоритъ: «Вотъ идетъ князь Куракинъ». Этотъ крохотный человѣчекъ очень милъ и очень уменъ; живой, веселый, онъ цѣлыми днями поетъ, танцуетъ, бѣгаетъ. Вы ничего не пишете мнѣ о сыночкѣ Катиши: развѣ вы его не видѣли? Будьте такъ добры, милые друзья мои, сообщите мнѣ что-нибудь о г. Пуженсѣ; о немъ ни слуху, ни духу: не случилось-ли съ нимъ какое-нибудь несчастіе? Освѣдомьтесь пожалуйста о немъ. Молчаніе Саврасова для меня совершенно непонятно, о немъ также нѣтъ ни слуху, ни духу; онъ не присылалъ мнѣ отчета съ самаго вашего отъѣзда, хотя въ данной ему инструкціи сказано, что онъ обязанъ присылать его, по возможности, ежемѣсячно; никто изъ вашихъ кавалеровъ также не пишетъ мнѣ, хотя это предписано имъ инструкціей. Признаюсь вамъ, дѣти мои, я очень этимъ удивлена. Прощайте, милые и добрые друзья мои, спите спокойно.

19-го августа, четвергъ.

Милыя и дорогія дѣти, я получила ваши письма отъ 29-го іюля, скажу вамъ, со всею откровенностью счастливаго материнскаго сердца, что ваши письма, дорогой Николай, чрезвычайно порадовали меня по тѣмъ чувствамъ, какія въ нихъ выражены, и по высказаннымъ въ нихъ мыслямъ и сужденіямъ. Будьте вѣрны этимъ правиламъ, дорогой Никошъ, и вы положите этимъ основаніе вашему временному и вѣчному счастью. Повѣрьте мнѣ, дѣти мои, для человѣка не можетъ быть счастья, если онъ отклоняется отъ пути добродѣтели; тотъ, кто предается пороку, находится въ состояніи безумія и на самомъ дѣлѣ губитъ свою жизнь и душу; даже если онъ возвратится къ добродѣтели, то у него все-же останется угрызеніе совѣсти при воспоминаніи о своихъ заблужденіяхъ. Какъ меня интересуютъ всѣ подробности, сообщенныя вами о Вильгельмѣ: милый, добрый молодой человѣкъ; не могу дождаться минуты, когда я его увижу; императоръ писалъ мнѣ, что онъ пріѣдетъ къ намъ мѣсяца черезъ два, самое большее черезъ три. Слѣдовательно, я васъ увижу; эта мысль приводитъ меня въ восторгъ, такъ какъ, говоря откровенно, безъ васъ, дѣти мои, нѣтъ счастья для вашей матери. Дорогой Никошъ, вашъ портретъ не похожъ на васъ, это портретъ Сергѣя Салтыкова; вамъ можно дать на немъ 30 лѣтъ; Вилламовъ говоритъ, что у васъ на этомъ портретѣ видъ профессора, въ дурномъ настроеніи духа: нѣтъ, это не вы, дорогой Никошъ, это не ваше доброе лицо, у васъ больной видъ, который привелъ бы меня въ отчаяніе, еслибы онъ дѣйствительно былъ таковъ. Какъ бы я хотѣла, чтобы вы заказали свои портреты Изабею: портретъ императора прелестенъ и поразителенъ по сходству. Я ожидаю портрета Михаила; посмотрю, какъ онъ изобразитъ это веселое и открытое лицо хмурымъ. Нѣтъ; дѣти мои, чтобы портреты мнѣ понравились, нужно, чтобы васъ изобразили такими, какъ вы есть; тѣмъ не менѣе, тысячу разъ благодарю васъ за то, что вы обо мнѣ подумали и поскучали для меня. Прощайте, милые и добрые друзья мои.

20-го августа, пятница.

Дорогія дѣти, приданое вашей сестры занимаетъ все мое время; приходится спѣшить, такъ какъ намъ осталось всего два мѣсяца, чтобъ приготовить его, а я хочу, чтобъ оно вышло удачно. Аннета счастлива, довольна, я наслаждаюсь ея счастьемъ и не знаю, кто изъ насъ двухъ будетъ любить Вильгельма больше, если онъ сдѣлаетъ ее столь счастливой, какъ я этого желаю отъ всего сердца. Погода у насъ великолѣпная, дай Богъ, чтобы она установилась. Милыя дѣти, вы любите дѣлать мнѣ пріятное; постарайтесь найти для меня въ Парижѣ хорошенькіе

рисунки для вышиванья по канвѣ, для мебели и бордюра, и вышлите ихъ мнѣ. Прощайте тысячу, тысячу разъ, передайте мой привѣтъ генералу, вашимъ кавалерамъ и нашимъ молодцамъ военнымъ. Я очень тронута усердіемъ добраго Чернышева, про котораго вы мнѣ пишете, дорогой Никошъ. Да сохранитъ васъ Господь обоихъ и да приведетъ Онъ васъ въ мои объятія. Марія.

У меня есть Музей и сочиненіе Гумбольдта.

Num. 65.

Ce 21 Août 1815, Samedi.

Le trousseau à soigner pour Annette m'a obligée d'aller en ville, mes bons amis, uniquement pour cet objet, le temps pressant, l'arrivée des princes étant fixée à 2 ou 3 mois. Me trouvant donc à Pétersbourg pour la première fois depuis que le sort de notre Annette est fixé, nous nous sommes rendues à la forteresse pour demander aux pieds du tombeau de votre digne et respectable père ses bénédictions pour elle., que je le suis bien persuadée qu'il daignera lui accorder. Nous avons d'abord débarqué au Palais d'hiver et sommes allées dans la chambre où nous écoutâmes la messe pour faire notre prière, ensuite nous avons passé chez vous et c'est dans la chambre à coucher de Michel que nous avons pris tous les arrangements nécessaires, que nous avons fait le choix d'étoffes, de broderie, de basin, de cotonnade etc.; mes chambres se réparent, ce qui m'a fait passer dans les vôtres. Tous ces choix et commandes nous ont pris presque vers les trois heures où nous avons dîné dans vos chambres, cher Nicoche, et nommément dans votre salon et chambre d'étude. Nous avons dû éviter la salle à manger, car on avait repeint le corridor, ce qui donnait une infection dans les chambres qui ont des portes sur le corridor. Nous n'étions qu' Annette, la comtesse, Paschkof, Villamof et moi. .....[1]), le comte Tolstoi et M-r de Wiasmitinof ont dîné chez moi. Le dîner fini nous avons passé sur votre balcon et je vous envoie un échantillon de l'herbe qui y croît. Le temps était superbe, les arbres se touchent; après avoir resté là un quart d'heure à nous enchanter de la vue de la Néva, nous avons terminé nos affaires à 6 heures, nous nous sommes mises en voiture et avons été à la forteresse et de là nous sommes revenues en 3 voitures ici, où nous sommes arrivées à $8^1/_2$. J'ai tant trimballé, chers enfants, que je meurs de sommeil. Bonsoir donc, mes bons amis, les vôtres se portent bien et la baronne aussi.

[1]) Одна фамилія осталась неразобранною.

*

Ce 22 Août, Dimanche.

Bonsoir, mes bons amis, nous avons eu grand monde, comme presque tous les Dimanches; le temps m'a engagée à dîner au Pavillon des roses; il y avait foule autour de la salle; c'est toujours le cas; et croiriez-vous, mes enfants, que les portes vitrées de la salle à manger sont remplies de monde chaque soir; il ne désempare la plupart du temps que lorsque je me retire. Pawlowsk est en grande faveur cette année et plaît beaucoup. Savez-vous, mes enfants, que je crois beaucoup de vos lettres perdues; les miennes ne peuvent l'être, parce que l'empereur reçoit toutes mes lettres, ainsi je suppose qu'il en est de même de celles que je vous écris; mais je crois que les vôtres se perdent dans les chancelleries où vous les déposez. Nicoche ne m'a pas écrit par le comte Schouvalof et ne m'a pas dit le mot de Napoléon, j'ai reçu alors une lettre de Michel. Nicoche ne m'accuse pas mon cadeau pour sa fête et j'ignore s'il lui est parvenu et s'il lui a fait plaisir, ensuite il y a des intervalles, surtout dans les lettres de Michel, de 8 jours. Vous ne m'avez pas dit, si vous avez reçu ma lettre par le jeune Villamof si vous l'avez vu; vous ne me répondez pas sur Pougens. Tout cela me fait croire à la perte de mes lettres: j'en suis peinée, parce que je ne veux pas que vous croyez que je puisse vous oublier, vous deux que j'aime de toutes les facultés de mon âme. Bonsoir, mes bons amis; je vous embrasse de tout mon coeur.

Ce Lundi, 23 Août.

Nous avons encore une belle journée, mes enfants, mais sommes menacés d'orage. Annette m'a montré les belles fleurs et plumes que vous lui avez envoyées, cher Nicoche, vous êtes commissionnaire parfait dans toute l'étendue du terme; rien de plus beau que les fleurs, on a plaisir à les voir, aussi j'espère, cher Nicoche, que vous soignerez de même le choix de celles que vous m'enverrez, comme je vous en ai prié et vous en serai bien obligée. Annette s'en est beaucoup réjoui et nous répétons souvent que vous êtes bien, bien aimable sous tous les rapports; aussi j'entends dire du bien de vous deux souvent et chaque fois mon coeur m'en bat de joie. Je viens de recevoir une lettre de félicitation pour mon jour de nom du prince r(oyal) de Wur(temberg); dites-moi, le voyez-vous familièrement? Je vous avoue, cher Nicoche, qu'un passage de vos lettres m'est inintelligible: comment pouvez-vous craindre qu'on vous diffame auprès de Ca(to): c'est impossible; elle connait votre coeur et vos principes. Le prince r(oyal) de Wur(temberg) vit-il retiré, ou est-il répandu dans le monde? Pense-t-il à Cato et paraît-il l'aimer? Son sort me donne de l'inquiétude; elle a été si heureuse, que toute comparaison doit être difficile pour le prince, car il ne sera pas

pour elle ce que George a été. Mes amitiés à Guillaume; bien des compliments au général, à vos messieurs et à nos bons militaires. Que Dieu vous conserve, mes bons amis, et vous ramène bientôt dans mes bras. Adieu, ne m'oubliez pas.

Marie.

Суббота, 20-го августа, 1815 г.

(Переводъ). Хлопоты о приданомъ Аннеты заставили меня отправиться въ городъ, добрые друзья мои; время не терпитъ, такъ какъ пріѣздъ принцевъ назначенъ черезъ два или три мѣсяца. Пріѣхавъ въ Петербургъ впервые послѣ того, какъ судьба нашей Аннеты выяснилась, мы отправились въ крѣпость, чтобы у могилы вашего достойнаго и уважаемаго отца испросить его благословеніе; я убѣждена, что онъ не откажетъ ей въ немъ. Мы вышли изъ экипажа у Зимняго дворца и прошли въ комнату, гдѣ отслушали обѣдню и помолились, потомъ мы прошли къ вамъ и въ спальнѣ Михаила сдѣлали всѣ необходимыя распоряженія, выбирали матеріи, вышивки, канифасъ, бумажныя матеріи и пр.; мои комнаты ремонтируются, поэтому я прошла къ вамъ. Всѣ эти выборы и заказы заняли у насъ время почти до трехъ часовъ; затѣмъ мы пообѣдали въ вашихъ комнатахъ, дорогой Никошъ, именно въ вашемъ залѣ и учебной комнатѣ. Мы не могли быть въ столовой, потому что корридоръ выкрашенъ и вслѣдствіе этого во всѣхъ комнатахъ, выходящихъ въ корридоръ, отвратительный запахъ. Насъ было только Аннета, графиня, Пашковъ, Вилламовъ и я. ..... [1]), графъ Толстой и Вязмитиновъ обѣдали у меня. Пообѣдавъ, мы вышли на вашъ балконъ; посылаю вамъ образецъ травы, которая тамъ растетъ. Погода была великолѣпная, деревья распускаются; простоявъ тамъ съ четверть часа и полюбовавшись видомъ на Неву, мы окончили свои дѣла въ шесть часовъ, сѣли въ карету и поѣхали въ крѣпость, а оттуда въ трехъ каретахъ отправились обратно и вернулись въ половинѣ девятаго; я такъ много суетилась, милыя дѣти, что я совсѣмъ засыпаю. Прощайте же, добрые друзья мои, всѣ ваши и баронесса здоровы.

22-го августа, воскресенье.

Здравствуйте, добрые друзья мои, у насъ было много гостей, какъ это бываетъ почти каждое воскресенье; погода соблазнила меня обѣдать въ Розовомъ павильонѣ; вокругъ зала стояла толпа; это всегда такъ бываетъ; вѣрите-ли, дѣти мои, возлѣ стеклянной двери столовой каждый вечеръ толпится народъ и не расходится обыкновенно до тѣхъ поръ, пока я не уѣду. Павловскъ въ этомъ году въ большой модѣ и многимъ нравится. Знаете-ли вы, дѣти мои, мнѣ кажется, что многія изъ вашихъ

---

[1]) Одна фамилія осталась неразобранною.

писемъ пропали; мои письма не могли затеряться, такъ какъ императоръ получаетъ всѣ мои письма; такъ же точно, я полагаю, и вы получаете ихъ, но я думаю, что ваши письма пропадаютъ въ канцеляріяхъ, куда вы ихъ отдаете. Никошъ не прислалъ мнѣ письма съ графомъ Шуваловымъ и не написалъ мнѣ ни слова про Наполеона, но я получила письмо отъ Михаила. Никошъ не извѣстилъ меня о полученіи подарка, посланнаго мною ко дню его ангела, и я не знаю, получилъ-ли онъ его и доставилъ-ли онъ ему удовольствіе; затѣмъ въ письмахъ, въ особенности въ письмахъ Михаила, встрѣчаются пробѣлы въ 8 дней. Вы не пишете, получили-ли вы мое письмо, посланное съ молодымъ Вилламовымъ, и видѣли-ли вы его; вы не отвѣчаете мнѣ относительно Пуженса. Все это заставляетъ меня думать, что мои письма пропадаютъ; это меня огорчаетъ, такъ какъ я не хочу, чтобъ вы думали, что я могу забыть васъ обоихъ, ибо я люблю васъ отъ всей души. Прощайте, добрые друзья мои, обнимаю васъ отъ всего сердца.

Понедѣльникъ, 23-го августа.

Сегодня у насъ опять прекрасная погода, дѣти мои, и, кажется, будетъ гроза. Аннета показывала мнѣ прелестные цвѣты и перья, которые вы ей прислали, милый Никошъ; вы прекрасный коммиссіонеръ въ полномъ смыслѣ этого слова; цвѣты восхитительны, на нихъ пріятно смотрѣть, поэтому я надѣюсь, дорогой Никошъ, что вы тщательно выберете тѣ цвѣты, которые вы мнѣ пришлете, о чемъ я васъ просила; я буду вамъ за это весьма благодарна. Аннета очень ими довольна, и мы часто повторяемъ, что вы очень, очень любезны во всѣхъ отношеніяхъ; я часто слышу о васъ обоихъ много хорошаго, и сердце мое каждый разъ при этомъ радостно бьется. Я только-что получила поздравительное письмо къ дню моего ангела отъ принца Виртембергскаго; скажите мнѣ, видитесь-ли вы съ нимъ запросто? Признаюсь вамъ, дорогой Никошъ, одно мѣсто въ вашихъ письмахъ мнѣ непонятно: какъ могли вы бояться, что васъ очернятъ въ глазахъ Като? Это невозможно; она знаетъ ваше сердце и ваши правила. Какъ живетъ принцъ Виртембергскій? уединенно, или же онъ часто бываетъ въ обществѣ? Думаетъ-ли онъ о Като, любитъ-ли онъ ее? Ея судьба меня тревожитъ; она была такъ счастлива, что принцъ едва-ли можетъ выдержать сравненіе, ибо онъ не можетъ быть для нея тѣмъ, чѣмъ былъ Георгъ. Мой привѣтъ Вильгельму; кланяйтесь генералу, вашимъ кавалерамъ и нашимъ военнымъ. Да сохранитъ васъ Господь, добрые друзья мои, и да приведетъ Онъ васъ скоро въ мои объятія. Прощайте, не забывайте меня. Марія.

Num. 66.

Ce 24 Août, Mardi.

Où êtes-vous, mes bons amis? Seriez-vous encore à Paris? Je ne le suppose pas, car je me flatte encore toujours vous revoir au mois de Sep(tembre), et demandez-vous à vous mêmes si ma joie sera grande de vous embrasser. Je n'ai rien de bien intéressant à vous dire d'ici. Nous avons fait une promenade charmante à cheval ce matin, le temps était très agréable et nous en avons bien profité, car notre promenade a été longue et vive. Le comte Tolstoi est venu dîner chez nous, ce qui nous fait chaque fois plaisir; il est rempli d'attention pour nous; il est très occupé de son jardin et moi du mien; je fais un changement à la partie derrière la volière, où se trouve le Labyrinthe qui l'embellira beaucoup. Garpogne est content de mon idée et il a déjà sa hache à la main. Vous me feriez plaisir, mes enfants, si vous êtes encore à Paris, de me faire avoir l'ouvrage français intitulé «Le bon jardinier», mais il faut le demander complet avec le supplément qui a paru cette année et celui qui est déjà annoncé pour l'année prochaine et doit même paraître à la fin de celle-ci. Dites-moi, mes bons amis, si vous vous êtes un peu occupés de mes commissions et par quelle voie me parviendront-elles? N'oubliez pas de me parler de Pougens: je le suppose mort, car on ne m'envoie ni feuilles littéraires, ni livres. Bonsoir, mes bons amis, je vous embrasse tendrement.

Ce 25 Août, Mercredi.

Nous avons eu une véritable journée d'automne, cependant j'a trouvé le moment de me promener, mais au moment où je vous écris il n'y a que 6 degrès de chaud. J'ai été assez occupée par le trousseau d'Annette et cette occupation sera encore de durée. Pour la soirée nous l'avons passée à lire un nouvel ouvrage sur l'Angleterre par un M-r de Lévis: on m'en a fait l'éloge, mais pour la soirée d'aujourd' hui je l'ai trouvé d'un style à pretention; on dit que l'intérêt de l'ouvrage va en croissant. Que lisez-vous, mes amis? à quoi vous occupez-vous? c'est ce que je désirerais beaucoup de savoir. Bonsoir, mes chers enfants, je vous embrasse bien tendrement et vais me coucher après avoir prié Dieu pour vous!

Ce 26 Août, Jeudi.

Nous avons fait un grand extraordinaire, chers enfants, de dîner hors de la maison et de manger la soupe chez Madame Plèchéyef don

c'est la fête. Nous y retournons ce soir pour assister à un petit spectacle d'enfants. L'année passée vous étiez des nôtres, mes bons amis, et celle-ci a une distance énorme de nous tous: que Dieu vous ramène au plus tôt chez nous. Les gazettes disent que l'empereur quittera bientôt Paris; j'aime à le croire, car tous nos voeux l'appellent chez nous. Je vous dirai qu'en dînant chez Madame Pléchéyef j'ai vu le manège dont la façade est devenue très jolie. Rien de nouveau du reste. La date du jour fera couler bien des larmes; j'ai pensé au bon papa Lamsdorf qui doit être en Courlande, mais je n'ai pas de nouvelles de son arrivée, à la pauvre Hofen, au g(énéral) Klinger qui est des nôtres, à Bagration, Kutaissof et tant et tant de malheureux qui ont payé de leur sang leur noble et beau courage. Que le rapprochement du temps d'alors à celui du moment pénètre l'âme de reconnaissance pour l'Être Suprême: remercions Le de Ses bienfaits et soyons Lui toujours fidèles. Adieu, mes bons amis, je vous embrasse bien tendrement et vous donne toutes mes bénédictions. Mes compliments au général, aux vôtres et à nos bons et braves militaires. Ne m'oubliez pas.

Marie.

24-го августа, вторникъ.

(Переводъ). Гдѣ вы, мои добрые друзья? Неужели вы все еще въ Парижѣ? Я этого не предполагаю, такъ какъ я все еще лщу себя надеждой увидѣть васъ въ сентябрѣ; подумайте сами, какъ велика будетъ моя радость обнять васъ. Я не имѣю ничего интереснаго написать вамъ отсюда: мы совершили сегодня утромъ прелестную прогулку верхомъ; погода была очень пріятная, и мы хорошо ею воспользовались, такъ какъ наша прогулка была продолжительная и быстрая. Графъ Толстой обѣдалъ съ нами, это всегда доставляетъ намъ удовольствіе, онъ чрезвычайно внимателенъ къ намъ; онъ очень занятъ своимъ садомъ, а я своимъ. Я сдѣлала измѣненіе въ той части сада, которая находится позади птичника, въ томъ мѣстѣ, гдѣ лабиринтъ; это послужитъ къ бо̀льшему украшенію сада: Гарпонъ доволенъ моею мыслью, онъ уже взялся за топоръ; если вы все ещѐ въ Парижѣ, то вы мнѣ доставите удовольствіе, дѣти мои, пріобрѣтя для меня сочиненіе на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ «Хорошій садовникъ»; но только спросите полное изданіе, съ дополненіемъ, вышедшимъ въ этомъ году, и съ тѣмъ, о которомъ объявлено на слѣдующій годъ и которое должно выйти въ концѣ нынѣшняго года. Напишите мнѣ, добрые друзья мои, исполнили-ли вы мои порученія и какимъ путемъ они будутъ доставлены мнѣ? Не забудьте написать мнѣ о Пуженсѣ: я полагаю, что онъ умеръ, такъ какъ онъ не высылаетъ мнѣ ни лите-

ратурныхъ журналовъ, ни книгъ. Прощайте, мои добрые друзья, цѣлую васъ нѣжно.

25-го августа, среда.

Сегодня у насъ былъ настоящій осенній день, однако я нашла время совершить прогулку, но въ ту минуту, какъ я вамъ пишу, всего шесть градусовъ тепла. Я была занята приданымъ Аннеты, и оно займетъ еще нѣкоторое время. Мы провели вечеръ за чтеніемъ новаго произведенія Левиса объ Англіи: мнѣ его очень хвалили, но то, что мы читали сегодня вечеромъ, показалось мнѣ слишкомъ напыщеннымъ; говорятъ, что интересъ этого произведенія, по мѣрѣ чтенія, все ростетъ. Что вы читаете, друзья мои? Чѣмъ вы заняты? Я очень хотѣла бы это знать. Прощайте, мои дорогія дѣти, цѣлую васъ нѣжно и иду спать, помоливши за васъ.

26-го августа, четвергъ.

Сегодня было необыкновенное событіе, дорогія дѣти, мы обѣдали не дома, а у г-жи Плещеевой; это былъ день ея ангела, мы будемъ у нея опять сегодня вечеромъ на дѣтскомъ спектаклѣ. Въ прошломъ году вы были съ нами, добрые друзья мои, а теперь вы на огромномъ разстояніи отъ всѣхъ насъ: да приведетъ васъ Господь скорѣе къ намъ. Въ газетахъ говорятъ, что императоръ скоро уѣдетъ изъ Парижа; я хочу этому вѣрить, такъ какъ всѣ желаютъ этого вмѣстѣ съ нами. Скажу вамъ, что, обѣдая у г-жи Плещеевой, я осмотрѣла манежъ, фасадъ котораго сталъ очень красивъ. Болѣе нѣтъ ничего новаго. Сегодняшнее число вызоветъ у многихъ слезы! Я вспоминала добраго папашу Ламсдорфа, который долженъ быть въ Курляндіи (я не имѣю свѣдѣній о томъ, что онъ туда пріѣхалъ), бѣдную Гофенъ, ген. Клингера, который теперь съ нами, вспоминала Багратіона, Кутайсова и еще столькихъ несчастныхъ, которые поплатились кровью за свою благородную, доблестную храбрость. Насколько сравненіе тогдашняго времени съ теперешнимъ заставляетъ быть благодарнымъ Богу: возблагодаримъ же Его за Его благодѣянія и будемъ всегда преданы Ему. Прощайте, добрые друзья мои, нѣжно цѣлую васъ и посылаю вамъ свое благословеніе. Привѣтъ генералу, всѣмъ вашимъ и нашимъ доблестнымъ военнымъ. Не забывайте меня. Марія.

Num. 67.

Ce Vendredi, 27 Août 1815.

Les gazettes que je viens de recevoir me font éprouver un sentiment de malaise, quoique je ne crois pas à leur vérité: elles disent que

le siège de Huningue va commencer, que le prince impérial d'Autriche, vous deux, mes bons amis, et le m(aréchal) Barclai de Tolli y assisteront. Cela me paraît très peu croyable, car on ne vous fera pas faire vos premières armes avec une armée étrangère, et je ne suppose pas que l'empereur vous éloigne de lui pour objet pareil; j'espère donc que la poste prochaine nous lirons qu'il n'y a rien de vrai à cette nouvelle. Mais qu'est ce donc que ce drapeau tricolore qui reparaît à Strasbourg, Huningue, Bélfort? Qu' est-ce encore ce drapeau rouge qui doit s'élever en signe d'intelligence avec ceux qui portent les oeillets rouges? Enfin, comme je suis en train de questionner, qu'est ce que ce rapprochement de Madame Murat de Vienne, son superbe établissement et ces envois de cérémonie d'elle à Marie-Louise et de Marie-Louise à elle? Tout cela me déplaît très fort. D'ici je ne puis rien vous dire sinon que nous avons monté à cheval, que le soir nous avons vu les vues des Cordillères publiées par Humboldt. Notre temps est gris, mais il n'a pas plu. Aucune nouvelle de vous, mes bons amis, ce qui m'attriste beaucoup. Bonsoir, mes bons amis, j'ai bien sommeil, ainsi je me borne à vous embrasser tendrement.

Ce Samedi, 28 Août.

Pas de courrier, mes enfants, ainsi je me sens très bête. Nous avons monté à cheval avec Annette et avons été bien mouillées, ce qui au reste ne nous a pas déplu. Pour cette soirée nous l'avons employée à voir les belles vues d'Espagne publiées par Laborde. Rien de nouveau, mes enfants, ainsi recevez mille bénédictions et l'assurance de tout mon amour. Je meurs de sommeil.

St.-Pétersbourg, ce 29 Août.

Je suis ici, chers enfants, depuis le dîner. Tolstoi, Kurakin, Wiasmitinof, Litta et Nélédinski ont été des nôtres. La matinée a été superbe, mais de gros nuages s'amoncellent sur nos têtes et je crains pour la matinée de demain. Après le dîner j'ai été faire ma visite aux sourds et muets: votre petit favori vous fait ses compliments. M. Jauffret en dit un bien extrême, il croit qu'il sera un être très distingué. Naumof a grandi d'une demi-tête. L'institut va bien et ferait plaisir à voir à l'abbé Sicard. Avez-vous visité son institut? Vous devez le faire encore, si vous vous trouvez à Paris à la réception de cette lettre: comme il n'y a pas longtemps que vous avez vu celui-ci, vous pourriez faire des comparaisons intéressantes. Nous voici 11 jours sans vos nouvelles; cette privation m'est bien, bien sensible. Dieu veuille qu'elle ne dure plus longtemps. Je vous félicite aussi, mes chers enfants, de la belle fête de demain. Qu'il m'est cruel de la passer ainsi seule et de

ne pas jouir de la consolation d'embrasser et de bénir mon cher Alexandre; veuille l'Être Suprême m'accorder dorénavant ce bonheur. L'enthousiasme que l'empereur inspire est un triomphe pour mon coeur maternel, chacun le bénit, le chérit, le respecte et le nomme le bienfaiteur de l'humanité, le protecteur, le conciliateur: tous les suffrages sont pour lui. Dieu veuille nous le conserver et le faire bénir de siècle en siècle. Je suis très curieuse de ce que vous me direz, chers enfants, du procès de Labédoyère et du jugement qu'on a porté sur lui. J'ai vu que le prince r(oyal) de Wurtemberg, Guillaume et le prince de Prusse ont assisté au plaidoyer; la lecture en est très intéressante et je ne cache pas que la candeur de ses aveux et la noblesse avec laquelle il les a faits m'ont émue; il a été criminel sans doute, mais il me semble qu'il l'a été par un enthousiasme très blâmable, mais non par scélératesse, comme Napoléon; au reste je puis me tromper facilement dans l'éloignement dans lequel je me trouve. Que vous en a dit Guillaume? Faites mes amitiés à ce prince et assurez le de mon bien sincère attachement. Mes compliments au général, à vos messieurs et à tous nos braves. Adieu, mes chers et bons enfants. Je remercierai Dieu de coeur et d'âme lorsque j'aurai le bonheur de vous revoir et de vous embrasser.

Marie.

La comtesse de Bussy vous supplie de soigner l'incluse et ce petit paquet de thé pour son parent.

Пятница, 27-го августа 1815 г.

(Переводъ). Полученныя мною газеты вызываютъ во мнѣ тягостное чувство, хотя я и не вѣрю имъ: въ нихъ пишутъ, что предстоитъ осада Гюнингена, что австрійскій наслѣдный принцъ, вы оба, мои добрые друзья, и фельдмаршалъ Барклай-де-Толли примутъ участіе въ этомъ; мнѣ это показалось маловѣроятнымъ, ибо васъ навѣрно не заставятъ выступить впервые на полѣ брани въ рядахъ иностранной арміи; я не думаю, чтобъ императоръ отдалилъ васъ отъ себя съ этой цѣлью; поэтому я надѣюсь, что со слѣдующей почтой мы узнаемъ, что въ этомъ извѣстіи нѣтъ ни слова правды. Но что же это однако за трехцвѣтное знамя, которое снова появилось въ Страсбургѣ, въ Гюнингенѣ и Бельфорѣ? Что это за красный флагъ, который долженъ быть поднятъ въ знакъ единомыслія съ тѣми, кто носитъ красную гвоздику? Такъ какъ я уже начала задавать вопросы, то скажите мнѣ, что означаетъ сближеніе г-жи Мюратъ съ Вѣною, ея великолѣпная обстановка и церемоніальныя посылки отъ нея къ Маріи-Луизѣ и отъ Маріи-Луизы къ ней? Все это мнѣ очень не нра-

вится. Мнѣ нечего сообщить вамъ отсюда, могу сказать вамъ только, что мы катались верхомъ, а вечеромъ разсматривали виды Кордильеровъ, изданные Гумбольдтомъ. Погода у насъ сѣрая, но дождя не было. Отъ васъ нѣтъ извѣстій, мои добрые друзья, это меня очень огорчаетъ. Прощайте, добрые друзья мои; ограничусь тѣмъ, что нѣжно цѣлую васъ.

Суббота, 28-го августа.

Курьера все нѣтъ, дѣти мои, поэтому я чувствую себя очень грустно. Мы катались верхомъ съ Аннетой и сильно промокли; впрочемъ, это не было особенно непріятно. Сегодняшній вечеръ мы употребили на просмотръ чудныхъ видовъ Испаніи, изданныхъ Лабордомъ. Ничего новаго, дѣти мои. Посылаю вамъ тысячу благословеній и прошу васъ вѣрить моей любви. Я до смерти хочу спать.

Петербургъ, 29-го августа.

Я здѣсь, дорогія дѣти, съ обѣда. Толстой, Куракинъ, Вязмитиновъ, Литта и Нелединскій обѣдали съ нами. Утро было великолѣпное, но теперь собираются громадныя тучи, и я боюсь за завтрашній день. Послѣ обѣда я посѣтила глухонѣмыхъ; вашъ маленькій любимецъ посылаетъ вамъ поклонъ. Господинъ Жофрэ отзывается о немъ чрезвычайно хорошо и полагаетъ, что онъ будетъ выдающимся человѣкомъ. Наумовъ выросъ на полголовы. Въ училищѣ все идетъ хорошо, аббатъ Сикаръ взглянулъ бы на него съ удовольствіемъ. Посѣтили-ли вы его институтъ? Вы должны это сдѣлать, если вы будете еще въ Парижѣ при полученіи этого письма: такъ какъ вы видѣли недавно наше училище, то вы можете сдѣлать любопытныя сравненія. Вотъ уже одиннадцать дней, какъ мы не имѣемъ никакихъ извѣстій отъ васъ; это лишеніе для меня очень чувствительно. Дай Богъ, чтобы оно продолжалось недолго. Поздравляю васъ также, милыя дѣти, съ завтрашнимъ дорогимъ праздникомъ. Какъ мнѣ тяжело провести его одной и не имѣть утѣшенія поцѣловать и благословить моего дорогаго Александра; да ниспошлетъ Господь мнѣ это счастье впредь. Восхищеніе, вызываемое вездѣ императоромъ, есть торжество для моего материнскаго сердца; всѣ его благословляютъ, любятъ, уважаютъ и называютъ благодѣтелемъ рода человѣческаго, покровителемъ, примирителемъ; всѣ единогласно одобряютъ его. Да сохранитъ его Господь и да будетъ онъ благословенъ во вѣки вѣковъ. Мнѣ очень любопытно, что вы скажете мнѣ, дорогія дѣти, о процессѣ Лабедойера и о приговорѣ, который ему вынесли. Я знаю, что принцъ Виртембергскій, Вильгельмъ и принцъ Прусскій присутствовали при защитительной рѣчи; очень интересно было прочесть ее, и я не скрою отъ васъ, что чистосердечіе его признаній и благородство,

съ которымъ онъ ихъ дѣлалъ, тронули меня: онъ, конечно, былъ преступенъ, но мнѣ кажется, что онъ совершилъ преступленіе въ порывѣ увлеченія, которое, разумѣется, достойно порицанія, но что онъ не злодѣй, какъ Наполеонъ; впрочемъ, я могу ошибаться, находясь такъ далеко оттуда; что̀ говоритъ объ этомъ Вильгельмъ? Передайте мой привѣтъ принцу, увѣрьте его въ моемъ искреннемъ расположеніи. Поклонъ генералу, вашимъ кавалерамъ и всѣмъ нашимъ молодцамъ военнымъ. До свиданья, мои дорогія дѣти. Отъ всего сердца и отъ всей души возблагодарю Бога, когда буду имѣть счастье снова увидѣть и обнять васъ. Марія.

Графиня де Бюсси усердно проситъ васъ передать прилагаемое письмо и этотъ маленькій пакетъ чаю ея родственнику.

Num. 68.

Au Palais Taurique, ce 30 Août 1815.

Mes chers enfants, ma journée a été si remplie, et si bien remplie, que je me sens grandement envie de dormir, mais je n'ai pu me refuser la satisfaction de vous dire que la fête a été superbe, car le temps était si beau qu'il y avait foule; l'ordre était parfait; on aurait pu entendre voler une mouche à l'église, les rues étaient remplies et les toits même garnis. Le déjeuner était très bon, mais le pauvre métropolite est bien faible, il n'a pas dit la messe, mais il avait officié au Te Deum; il a assisté à l'église et nous a conduit chez lui, mais l'escalier l'a beaucoup fatigué, aussi nous avons été assis tout le temps et je l'ai prié de ne pas me reconduire. Notre dîner a été très beau. Il a plu pendant que nous étions à table. Après le dîner j'ai été voir les orphelines militaires et l'Institut Marie. Ensuite j'ai travaillé. Madame d'Adlerberg a eu la surprise de l'arrivée de son fils qui a été envoyé ici en commission. Elle en est d'un grand bonheur. J'ai vu tous les vôtres aujourd'hui, tous vous présentent leurs hommages. Bonsoir, mes bons amis, mes yeux me tombent. Je vous embrasse de tout mon coeur.

Ce 31 Août.

Pas de courrier encore, mes enfants; il en est arrivé un qui avait été expédié le 6 au comte Miloradovitch, qui assure que l'empereur et vous deux vous vous portez bien; mais pas un mot de lettre depuis le 29 Juillet, ainsi il y a un mois passé que je ne sais rien de vous, mes amis: c'est désolant. Ma journée a été très remplie, j'ai vu mes nouvelles petites ce matin, ce qui m'a arrêtée quelques heures à la communauté, ensuite j'ai eu la visite d'usage de l'archevêque, après quoi nous avons

été au Palais d'hiver pour les chambres d'Annette qu'on va rafraîchir un peu. J'ai eu du monde à dîner. Le temps s'est mis à la pluie et elle a été si battante que je n'ai pas eu le coeur de sortir, j'ai travaillé, fait mes cómptes, et nous avons passé la soirée à lire. Voilà le récit de ma journée, chers enfants, que je termine en vous embrassant et vous donnant mille bénédictions.

Ce 1 Septembre, au Palais Taurique.

Comment écrire lorsqu'on ne reçoit pas de réponse, pas signe de vie? Depuis le 29 Juillet je n'ai pas un mot, pas une ligne de vous, mes chers enfants, car voyant, mes amis, que l'empereur n'expédie pas de courrier, il fallait m'écrire par la poste pour ne pas me laisser sans nouvelles. Je l'avais intimé à vos messieurs, mais personne d'eux ne m'a adressé une ligne, ce qui n'est pas bien et me paraît inconcevable. M-r de Gourief est venu chez moi et m'a dit que vous aviez un bon chez lui en rente de deux mille roubles en argent et de deux mille en or, qui étaient un bénéfice du change, et m'a demandé s'il fallait le garder ou vous l'envoyer; je lui ai dit que je croyais qu'il vous ferait plaisir de vous envoyer la lettre de change, que vous ne seriez pas fâchés de ce petit surnuméraire. Aujourd'hui on a porté l'argent de votre tierçal; j'ai signé pour vous dans le livre en ces termes: Въ отсутствіе великаго князя Николая Павловича (Михаила Павловича) росписуюсь Марія. J'attends votre réponse pour savoir ce que vous disiez, s'il vous faut envoyer l'argent, ou s'il faut vous le conserver ici. Comme il y a longtemps que je vous ai écrit à ce sujet, la réponse doit m'arriver en peu. Je n'ai rien à vous mander d'ici sinon le retour du comte Golovkin avec une bien meilleure mine et bien meilleure santé, cette course lui a fait le plus grand bien: il a rapporté à ce qu'il paraît une humeur bien sereine. Madame dit se bien porter aussi de sa course. J'ai été occupée la matinée à mes instituts, cette après-dînée j'écris et demain matin je pars pour mon cher Pawlovsk où je resterai jusqu'au 14, pour aller le 16 d'ici à Gatchina où, s'il plaît à Dieu, je vous reverrai, je m'en meurs d'envie. Adieu, mes chers enfants, je vous embrasse de tout mon coeur et vous donne mille bénédictions.

Marie.

Mes compliments au général, à vos messieurs, à nos braves; dites au bon Ruhl que je le prie de ne pas oublier l'achat de ces bonnes pastilles pour la toux. J'ai vu annoncé dans les feuilles publiques un ouvrage bien intéressant, les Mémoires de Madame de La Rochejacquelin; faites-moi le plaisir de me l'envoyer. Répondez-moi, je vous en prie, sur Pougens.

Въ Таврическомъ дворцѣ, 30-го августа 1815 г.

(Переводъ). Дорогія дѣти, я была сегодня такъ занята весь день, что мнѣ ужасно хочется спать, но я не могу отказать себѣ въ удовольствіи сказать вамъ, что праздникъ былъ великолѣпный, такъ какъ погода была восхитительная; была бездна народу; порядокъ былъ образцовый, въ церкви можно было слышать, какъ пролетала муха, всѣ улицы и даже крыши были полны народа; завтракъ былъ прекрасный, но бѣдный митрополитъ былъ очень слабъ, онъ не служилъ обѣдни, а только молебенъ. Онъ былъ въ церкви и пригласилъ насъ къ себѣ; но лѣстница очень утомила его; мы все время сидѣли, и я просила его не провожать насъ. Обѣдъ былъ великолѣпенъ; въ то время, какъ мы сидѣли за столомъ, шелъ дождь. Послѣ обѣда я поѣхала навѣстить сиротъ военныхъ и Маріинскій институтъ. Затѣмъ я работала. Къ г-жѣ Адлербергъ неожиданно пріѣхалъ сынъ, посланный сюда съ порученіемъ. Она очень счастлива. Я видала сегодня всѣхъ вашихъ; всѣ свидѣтельствуютъ вамъ свое почтеніе. Покойной ночи, друзья мои, глаза у меня слипаются. Обнимаю васъ отъ всего сердца.

31-го августа.

Все еще нѣтъ курьера, дѣти мои; прибылъ курьеръ, посланный 6-го числа къ графу Милорадовичу; онъ утверждаетъ, что императоръ и вы оба здоровы; я не имѣла отъ васъ ни слова съ 29-го іюля, слѣдовательно, вотъ уже мѣсяцъ, какъ я не имѣю о васъ никакихъ извѣстій, друзья мои; это меня приводитъ въ отчаяніе. Сегодня я была весь день очень занята, по утру я видѣла моихъ новенькихъ малютокъ и провела съ ними нѣсколько часовъ въ Смольномъ, затѣмъ у меня былъ съ обычнымъ визитомъ архіерей, а по его отъѣздѣ мы отправились въ Зимній дворецъ осмотрѣть комнаты Аннеты, которыя будутъ отдѣлываться. Къ обѣду у меня были гости. Затѣмъ погода нахмурилась, и пошелъ такой проливной дождь, что я не имѣла духу выйти, я работала, сводила счеты; вечеромъ мы читали. Вотъ вамъ отчетъ въ проведенномъ днѣ, дорогія дѣти, который я заканчиваю, обнимая васъ и посылая вамъ тысячу благословеній.

1-го сентября, въ Таврическомъ дворцѣ.

Возможно-ли писать, когда не получаешь отвѣта, когда вы не подаете признака жизни? Съ 29-го іюля я не имѣла отъ васъ ни слова, ни строчки, дорогія дѣти; видя, что императоръ не посылаетъ курьера, вамъ слѣдовало, друзья мои, написать мнѣ по почтѣ, чтобъ не оставлять меня безъ извѣстій о себѣ. Я приказала это вашимъ кавалерамъ, но ни одинъ изъ нихъ не написалъ мнѣ ни строчки, это нехорошо и

просто непостижимо. У меня былъ Гурьевъ и сказалъ мнѣ, что у него есть для васъ бонъ на двѣ тысячи рублей серебромъ и на двѣ тысячи золотомъ: сумма эта образовалась отъ выигрыша по курсу онъ спросилъ меня, слѣдуетъ-ли ему хранить его, или послать вамъ; я сказала, что по моему мнѣнію вамъ было бы пріятно получить вексель, и вы будете, вѣроятно, довольны имѣть эту маленькую лишнюю сумму. Сегодня принесли ваше третное жалованье, я росписалась за васъ въ книгѣ такъ: «Въ отсутствіе в. к. Николая Павловича (Михаила Павловича) росписуюсь Марія». Ожидаю отъ васъ отвѣта; напишите мнѣ, слѣдуетъ-ли выслать вамъ эти деньги, или же ихъ оставить тутъ. Такъ какъ я давно уже писала вамъ объ этомъ, то отвѣтъ не долженъ замедлить. Я не имѣю сообщить вамъ ничего новаго; графъ Головкинъ вернулся, онъ имѣетъ гораздо лучшій видъ и очень поздоровѣлъ, эта поѣздка повидимому послужила ему въ большую пользу; онъ возвратился въ прекрасномъ настроеніи духа. Его супруга говоритъ также, что путешествіе принесло ей пользу. Утромъ я была занята моими институтами, послѣ обѣда я пишу, а завтра утромъ ѣду въ мой милый Павловскъ, гдѣ я пробуду до 14-го числа; 16-го я поѣду отсюда въ Гатчину, гдѣ, Богъ дастъ, увижусь съ вами, чего мнѣ страстно хочется. Прощайте, дорогія дѣти, цѣлую васъ отъ всего сердца и тысячу разъ благословляю. Марія.

Мой привѣтъ генералу, вашимъ кавалерамъ и нашимъ молодцамъ военнымъ; передайте доброму Рюлю, что я прошу его не забыть пріобрѣсти тѣ хорошія пастилки отъ кашля. Я видѣла въ газетахъ публикацію объ очень интересномъ сочиненіи: «Записки г-жи de La Rochejacquelin»; будьте такъ любезны выслать мнѣ его. Отвѣтьте пожалуйста относительно Пуженса.

Сообщ. **В. В. Щегловъ.**

Продолженіе слѣдуетъ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Редакторъ-Издатель **С. Зыковъ.**